

ЕЛЕНА РАЙДОС

The illustration depicts a dark, muscular figure standing in a misty, mountainous landscape. The figure is silhouetted against a bright, hazy light source, possibly the sun or moon, which creates a strong backlight effect. The figure's right arm is raised, holding a glowing orb. The overall mood is mysterious and dramatic.

**УЧИТЕЛЬ
ДЛЯ АНГЕЛА**

Хотелось ли вам когда-нибудь поменяться местами с героем любимой книги, фильма или компьютерной игры? Оказаться в его сказочном или виртуальном мире, примерить на себя шкурку аватара и окунуться в с головой в игровую реальность? Увы, наши технологии пока не достигли такого уровня, а вот для обитателей одного из высших миров под названием Аэрия эта задача уже давно решена. Для них Земля как раз и является игровой площадкой, куда они регулярно отправляются поиграть в аватаров, а некоторые настолько увлекаются, что даже забывают свою истинную природу. Чем же их так привлекает наш мир? Может быть, мы чего-то не знаем?

Елена Райдос

Учитель для ангела

Итог его жизни был не просто легко предсказуем, он был закономерен. Мэтр Корнелиус тяжело вздохнул и в который уже раз бросил тоскливый взгляд на тюремную площадь. Ему было не впервой смотреть на мир сквозь железную решётку, занятия алхимией как бы автоматически предполагали частые визиты учёного мужа в казематы жадных до золота правителей тех земель, где он путешествовал или скрывался от преследования. Однако раньше дело ограничивалось выкупом, в худшем случае — изгнанием. У мэтра имелись могущественные покровители, которые вовремя успевали вмешаться в беспредел местной знати с их вороватыми прислужниками и чинушами. Дружбу своих покровителей Корнелиус щедро оплачивал золотом из запаса побочных результатов своих экспериментов с философским камнем и до последнего времени был уверен в собственной неуязвимости.

Каждый раз, расплачиваясь за свою свободу слитками золота, он втихаря снисходительно посмеивался над этими напыщенными тупицами, готовыми рисковать своей репутацией и благополучием ради мёртвого жёлтого металла. Только полным невеждам и профанам могло прийти в голову, что пресловутое золото и было целью экспериментов учёного мэтра. Нет, их настоящим заветным призом являлось нечто гораздо более ценное — бессмертие, но об этом было известно лишь узкому кругу посвящённых. Что ж, после приговора инквизиции о бессмертии, пожалуй, можно было забыть, и эшафот, который усердно сооружали под окном темницы Корнелиуса, был тому надёжной гарантией. Влияния покровителей, оплаченного запредельным количеством золота, на этот раз хватило лишь на то, чтобы избавить смертника от традиционных пыток, да и то в обмен на признание в колдовстве и покаяние.

Конечно, очистительный костёр, к которому естественным образом приговорили раскаявшегося колдуна, вряд ли можно было назвать безболезненной оздоровительной процедурой, однако это всё же было лучше, чем провести последние дни своей жизни на дыбе, проклиная Создателя, даровавшего несчастному мэтру отменное здоровье. Корнелиус горько усмехнулся и отвернулся от окна. Разумеется, как и любой другой человек, он боялся боли и смерти, и всё же сейчас его душу переполнял не страх, а обида. Он так близко подошёл к решению загадки бессмертия, что казалось, ещё чуть-чуть и покровы тайны спадут, открывая восторженному искателю путь к вечной жизни. И надо же было такому случиться, чтобы прямо на пороге открытия все его надежды рухнули из-за глупой похотливой хозяйки трактира, которая вздумала соблазнить состоятельного постояльца своими сомнительными прелестями и сунула свой любопытный нос куда не следовало.

Умом Корнелиус, конечно, понимал, что философу и учёному не к лицу тратить последние минуты своей жизни на злобу и обиду, гораздо правильнее было бы помолиться, что ли, чтобы облегчить свою душу. Увы, даже этого последнего утешения он был лишён, поскольку не верил ни в бога, ни в загробный мир. Церковные проповеди вызывали у Корнелиуса лишь раздражение и брезгливость, он считал их бездоказательными и годящимися лишь на то, чтобы морочить голову доверчивым глупцам. Впрочем, идея о том, что со смертью тела человек полностью лишается существования, тоже казалась ему сомнительной, но как истинный исследователь, Корнелиус не был готов полагаться на собственные фантазии, ему нужны были доказательства. Собственно, именно для этого исследования ему и понадобилось бессмертие, которое учёный намеревался потратить на

решение фундаментальных вопросов бытия.

Навязчивый стук топоров вырвал смертника из его невесёлых размышлений. Корнелиус снова подошёл к окну и тут же обругал себя за это бессмысленное любопытство. Ну что нового он мог разглядеть на тюремной площади, кроме столба с железными кандалами, да кучи хвороста у подножия эшафота? Как ни странно, на этот раз увиденная картинка таки смогла его удивить, поскольку именно в этот момент один из работников деловито прибывал к столбу вторую пару кандалов.

— Похоже, у меня будет компания, — Корнелиус иронично скривил губы. — Какому же бедолаге так не повезло?

Словно в ответ на его замечание, дверь каземата со скрежетом распахнулась, и двое дюжих охранников втоптали внутрь бесчувственное тело какого-то молодого мужчины в изодранной и окровавленной одежде.

— Твой ученик оказался не столь покладистым, как ты, но говорить пока может, — презрительно буркнул один из охранников. — Наслаждайся, колдун, вдвоём вам будет веселей ждать смерти.

В первый момент Корнелиус опешил, ведь у него отродясь не имелось никаких учеников. Он избегал доверять тайны своих исследований даже учёным коллегам, не говоря уж про каких-то безмозглых юнцов, готовых продать нанимателя за горсть серебра. Если в отношении его самого у инквизиторов ещё были основания для обвинений в колдовстве, то этого парня точно приговорили ни за что.

— Я его не знаю, — слова слетели с губ Корнелиуса сами собой, хотя ему вроде бы не было никакого дела до этого незнакомца, но выиграло врождённое чувство справедливости.

— Ага, как же, — охранник брезгливо сплюнул и повернулся спиной к арестантам, — должно быть, этот безумец бросился на судью из-за чужака, не иначе. Ты уж ври, да не завирайся, колдун, — бросил он из-за плеча, захлопывая за собой дверь.

Корнелиус склонился над телом своего нового соседа и легонько похлопал того по щекам, чтобы привести в чувство. Веки бедняги дрогнули, и на мэтра уставились голубые как небо глаза, в которых пока явно отсутствовало осознание происходящего. Похоже, пытали его уже довольно долго, и он терял сознание далеко не в первый раз. Мужчина с трудом сфокусировал взгляд на лице сокамерника, и тут произошло чудо, глаза незнакомца вспыхнули радостью, словно он действительно встретил своего любимого учителя.

— Ну наконец-то, — его разбитые губы раздвинулись, изображая самодовольную улыбку, — а я уж было решил, что опять придётся возвращаться ни с чем.

— Наверное, бедняга от пыток лишился рассудка, — мелькнула паническая мысль в голове Корнелиуса. — Мне придётся провести последние часы перед казнью в обществе сумасшедшего, — он невольно сделал попытку отстраниться от радостно улыбающегося психа, но в последний момент устыдился своей слабости. Демонстрировать несчастному своё раздражение или тем паче страх было недостойно истинного философа. — Как мне Вам помочь, молодой человек? — Корнелиус через силу изобразил на своём лице сочувственную гримасу.

— Это я Вам помогу, — голос безумца прозвучал довольно бодро, хотя было очевидно, что говорить ему больно. — Как Вас величают в этой локации, уважаемый?

— Позвольте представиться, мэтр Корнелиус, — учёного несколько удивила формулировка вопроса, но он постарался не придавать внимания лепету сумасшедшего, — а как мне к Вам обращаться?

— Меня зовут Вран, — отрекомендовался его собеседник, — и можно на ты, я пока не дорос до титулов и званий. Вообще-то, это моё второе самостоятельное задание, но Вы не беспокойтесь, я не подведу.

— Зачем Вы назвались моим учеником? — Корнелиус нахмурился, пытаясь обнаружить хотя бы каплю здравого смысла в сумбурных заявлениях свихнувшегося бедняги.

— По-другому к Вам было не подобраться, — резонно заявил тот. — Я пробовал, но охрана смертников у монахов организована грамотно, ни единой щёлки.

— Но зачем? — голос Корнелиуса дрогнул, выдавая его волнение. Вопреки логике и здравому смыслу в его душе вдруг вспыхнула безумная надежда на спасение. — Кто Вы такой на самом деле?

— Я Ваш ангел-хранитель, — Вран ехидно хихикнул, — или Вы не верите в ангелов?

— Не верю, — не слишком уверенно подтвердил Корнелиус, невольно ловя себя на мысли, что больше всего на свете ему сейчас хочется, чтобы слова этого странного незнакомца оказались правдой.

— И правильно, — Вран сразу сделался серьёзен, — к чёрту эти бредни церковников, давайте поговорим начистоту. Думаю, у Вас, мой дорогой мэтр, достанет здравомыслия, чтобы не придушить того, кто пришёл Вас спасти, только потому, что мои слова не вписываются в Вашу картину мира.

— У меня и в мыслях не было причинять Вам вред, — вспыхнул Корнелиус, — тем более, что с этим отлично справится пламя костра не далее, как через час, когда стемнеет.

— Рад слышать, — Вран расслабленно улыбнулся, — в прошлую нашу встречу Вы были не столь благодушно настроены. Впрочем, тогда Вы не были заперты в камере смертника, а потому не слишком расположены к сотрудничеству.

— Разве мы с Вами уже встречались? — в голосе Корнелиуса на этот раз послышалось откровенное недоверие. — Что-то я такого не припоминаю.

— Странно, Вы ведь в Игре всего шестой цикл, для амнезии как-то рановато, хотя всякое случается, — эту бредовую фразу Вран выдал на полном серьёзе, словно в ней действительно имелся смысл. — Вы действительно не помните, как столкнули меня с крепостной башни в прошлом цикле? Здорово же Вы меня тогда провели, я ведь действительно купился на Ваши фальшивые заверения, за что и отправился в полёт. Должен заметить, что, в отличие от настоящих ангелов, у меня крылышки пока не отросли, а высоты башни было недостаточно, чтобы я разбился насмерть, так что умирать было очень больно и долго, смею Вас заверить.

— Что?! — Корнелиус едва ни подавился от подобных беспочвенных обвинений. — Зачем Вы меня разыгрываете? Думаете, я поверю, что Вы вернулись с того света?

— Вот только не говорите, что Вы в добавок к амнезии успели поверить в загробную жизнь, — устало вздохнул Вран. — Я же за Вами наблюдал, Вы и в церковь-то ходите только по большим праздникам, чтобы не вызывать подозрений соседей.

— Вы правы, я не верю в рай и ад, — Корнелиус невольно напрягся, сразу заподозрив в незнакомце церковного соглядатая, но тут же попенял себе за отсутствие логики. Ну зачем подсылать шпиона к человеку, которого через несколько часов сожгут как колдуна? Может быть, судьям захотелось получить ещё больше золота? Но он и так отдал им всё, что у него было. — Чего Вы от меня хотите? — в лоб спросил мэтр.

— Просто хочу Вас подготовить, — Вран пожал плечами и тут же сморщился от боли. — Некоторые игроки при переходе через барьер испытывают шок, а это небезопасно,

да к тому же значительно удлиняет период реабилитации. Если Вы будете обо всём знать заранее, то Вам будет легче адаптироваться.

— О чём я должен знать? — хмуро процедил Корнелиус, предвкушая травмирующие откровения своего сокамерника. — Вы хотите сказать, что я не человек?

— Ух ты, — Вран восторженно цокнул языком, — да Вам, оказывается, и объяснять ничего не нужно. — Да, Вы не коренной обитатель этой локации.

— А кто же я? — растерянность в голосе Корнелиуса была столь явственной, что это даже вызвало у его собеседника сочувственную улыбку.

— Игрок, который настолько погрузился в игровую реальность, что забыл себя, — мягко произнёс тот. — Я помогу Вам выйти из Игры и вернуться домой. — В этот момент дверь скрипнула, и на пороге появился монах в сопровождении четвёрки охранников. — Ну нет, только не сейчас, — проворчал Вран, — у нас только начался завязываться конструктивный диалог. Послушайте, дружище, дайте нам ещё несколько минут, — обратился он к монаху, — мы не успели кое-что обсудить.

— Пришло время исповедаться, — торжественно провозгласил служитель церкви. — Кто из вас желает первым покаяться в грехах? — он перевёл взгляд с одного смертника на другого и остановил свой выбор на Вране. — Сын мой, скоро ты предстанешь перед нашим Спасителем, облегчи свою душу искренним раскаянием.

— Вот перед ним и облегчу, — с раздражением пробурчал грешник. — Если я снова облажаюсь, то каяться придётся очень долго, причём в письменном виде.

— Не богохульствуй, колдун, — вскинулся монах, — без покаяния твоя душа навеки отправится в адское пекло.

— А как же очищающее пламя? — Вран ехидно ухмыльнулся. — Или наврали про его благотворное действие на душу грешника? А я-то вам поверил, решил попробовать.

Слушая его глумливый монолог, Корнелиус невольно поёжился. Не то чтобы он внезапно прозрел и уверовал в бога, но всё же до этих слов Врана он собирался воспользоваться шансом обеспечить себе пропуск в лучший мир. Так, на всякий случай. Как истинный учёный он вполне допускал возможность, что ошибается в своих предположениях относительно картины мира, а потому не видел ничего зазорного в том, чтобы подстраховаться. Однако самоуверенный тон Врана и его заверения в реальности спасения настроили метра более решительно, и он по примеру своего товарища по несчастью тоже отказался от исповеди. Всю дорогу до эшафота Корнелиус с замиранием сердца терпеливо ждал, когда же ангел-хранитель сподобится выполнить своё обещание. Только когда приговорённых приковали к столбу, и инквизитор принялся зачитывать приговор, он не выдержал.

— Вран, похоже, Вы просто посмеялись над доверчивым учёным, — с упрёком произнёс он.

— Ну что Вы, я бы не посмел, — услышал он уверенный ответ. — Не беспокойтесь, мэтр, я справлюсь. Вы, главное, не паникуйте и следуйте моим указаниям.

— Вам не кажется, что сейчас самое время что-то предпринять? — истерично прошипел Корнелиус, с ужасом наблюдая, как монахи деловито поджигают хворост.

— Нет, ещё рано, — голос Врана был спокойным и сосредоточенным, словно он решал в уме какую-то заумную задачу, — в физическом теле через барьер не перейти, придётся оставить его здесь.

— Что?! — Корнелиус едва ни поперхнулся от пришедшего понимания. — Так нас

действительно сожгут?! Вы гнусный лжец! Зачем Вы заставили меня поверить в спасение?

— Ну чего Вы так разнервничались? — в голосе Врана послышалось неподдельное удивление. — Это же просто игровая оболочка, от неё в любом случае пришлось бы избавиться. Да, наверное, костёр — это не самый безболезненный способ, но Вы же сами не оставили мне другого выбора, отказавшись сотрудничать в прошлом цикле. Не беспокойтесь, сразу после смерти тела, я вытащу Ваше сознание из Игры, только постарайтесь не психовать и сосредоточиться на моём голосе.

Некоторое время Корнелиус молчал, пытаясь взять себя в руки и достойно встретить смерть. Страх отступил, и его место заняла чистая, ничем не замутнённая ярость. Он злился на этого безумца, заставившего его надеяться на спасение, он злился на себя за то, что купился на пустые обещания, и наконец он злился на весь мир, обрекший гениального учёного на позорную и мучительную смерть. Огонь, аппетитно хрустя хворостом, начал подбираться к ногам Корнелиуса, в небо потянулся удушливый чёрный дым, в котором чувствительный нос алхимика без труда уловил запах горелого мяса. Поскольку сам он пока не ощущал обжигающих прикосновений пламени, то можно было предположить, что это горело тело Врана. Наверное, было даже справедливо, что подлый лжец умрёт первым, но обречённому мэтру вдруг сделалось жутко от одной только мысли, что он останется один на один с убивающим его огнём.

— Вран, Вы ещё живы? — с надеждой спросил он.

— Жив, но похоже, умру раньше Вас, — голос горящего человека ничем не выдавал его боли или отчаяния, это была простая констатация факта. — Не беспокойтесь, разница в несколько секунд или даже минут не имеет решающего значения, я Вас подстрахую в любом случае.

— Мне страшно, — Корнелиус тихо всхлипнул, — это ведь будет ужасно больно.

— Пока терпимо, а как будет дальше, не знаю, — деловито прокомментировал Вран. — Если честно, меня ещё ни разу не сжигали живьём. Возможно, будет легче, если кричать. Говорят, аватарам крик помогает переносить боль, хотя лично я не вижу тут никакой связи. — Его философскую тираду прервал истошный вопль, видимо, огонь добрался наконец до тела Корнелиуса. — И как, действительно легче? — сочувственно поинтересовался Вран, но не получил ответа.

Глава 1

В полутёмной комнате пяточок рабочего стола, освещённый стоваттной лампой, сиял словно маленькое автономное солнышко. В самом центре круга на подставке под лупой переливалась всеми цветами радуги старинная золотая брошь, усыпанная разноцветными камушками. Как ни удивительно, но на лице женщины, которая любовалась через лупу этой неземной красотой, не было заметно никаких признаков восхищения, напротив, её губы кривились в брезгливой гримасе, а в глазах застыло выражение скуки. Сей необычный казус объяснялся очень просто: якобы старинная брошь, отданная на экспертизу недовольной дамочке, оказалась современной подделкой, хотя и весьма талантливой, но всё же копией.

С продукцией этого ювелирного мошенника Василиса сталкивалась уже трижды, и каждый раз её поражала точность, с которой тот воспроизводил технику восемнадцатого века. Единственное, что выдавало подделку — это камни, вернее, их огранка. Она была слишком идеальной, что однозначно свидетельствовало об использовании современного шлифовального оборудования. В остальном все эти драгоценные безделушки были примитивными и безвкусными, похоже, мошенник выбирал объекты для копирования попроще, главное, чтоб смотрелось богато. Его, конечно, можно было понять, ведь сбывалось это добро, как правило, на закрытых частных аукционах, клиентами которых были нувориши, сколотившие свои состояния всяческими противозаконными махинациями и не отличавшиеся наличием вкуса. Истинные ценители прекрасного от этих подпольных распродаж держались подальше, предпочитая проверенных поставщиков.

В последнее время Василису всё чаще посещали сомнения в целесообразности экспертизы этих бездарных поделок, в конце концов, золото и камни были настоящими, а об их происхождении можно было наплести любую историю. Однако хозяйка частного аукциона, которая периодически подбрасывала ей халтурку, придерживалась иного мнения, за репутацию своей конторы она готова была перегрызть глотку любому конкуренту. Это было тем более странно, что в остальном у сей бойкой бизнесменши не имелось ничего подлинного, начиная с лица и фигуры, не раз побывавших в руках пластических хирургов, и кончая именем Кларисса, которое исходно было Клавой. Впрочем, Василисе было плевать на этические закидоны своей нанимательницы, лишь бы исправно платила, ведь на зарплату реставратора старинных рукописей исторического музея прожить молодой женщине не представлялось никакой возможности.

Идея открыть частную лавочку по экспертизе старинной ювелирки родилась в голове её отца, который и сам был неплохим мастером всякого рода имитаций «под старину». Он-то и обучил дочурку секретам своей профессии, а заодно ввёл её в круг продавцов и держателей аукционов. Полученные от папочки навыки оказались на удивление востребованными, и очень скоро Василиса забыла про необходимость считать каждую копейку до зарплаты и экономить буквально на самом необходимом. Она даже начала прикидывать, не уволиться ли из музея, но решила пока повременить с планами по кардинальной переделке своей жизни. Работа реставратора вовсе не была обременительной, да и доступ к архивам уникальных рукописей сам по себе был для Василисы немалой ценностью.

Наверное, если бы в руки самопального эксперта хоть изредка попадали действительно изысканные вещицы, ей бы даже в голову не пришло роптать. Увы, её работодатели, похоже, имели дело с продукцией отнюдь не художников, а бездарных ремесленников.

Художественная ценность этих изделий, по мнению Василисы, была близка к нулю, и было бы справедливо продавать этот ширпотреб по стоимости материалов, из которых он был изготовлен. Убрав очередной «шедевр» ювелирного промысла в сейф, Василиса принялась за отчёт по экспертизе для Клариссы. Когда работа уже практически была сделана, дверь кабинета тихо скрипнула, и на пороге появился её отец.

— Васька, ты уже закончила с брошкой? — Афанасий Петрович, так звали родителя Василисы, бросил быстрый взгляд на экран монитора и удовлетворённо кивнул. — Опять наш спец по подделкам?

Василиса привычно поморщилась от застарелой обиды на фамильярное обращение папочки. Ну вот какой смысл называть свою дочь красивым старинным именем, чтобы потом превратить его в кошачью кличку? Самое обидное, что Васькой её называл не только отец, но и практически все знакомые, включая мужчин, которых Василиса впускала в свою жизнь. С некоторыми из них она даже порвала отношения из-за «Васьки». При этом внешне в Василисе не было ничего кошачьего, разве что зелёные глаза, но и те были скорее бирюзового оттенка, без желтизны. Копна кудряшек цвета горького шоколада, унаследованных ею от бабушки, ничем не напоминала гладкую кошачью шёрстку, а высокие скулы и нос с лёгкой горбинкой ассоциировались, скорее, с профилем птицы, нежели с мордочкой пресловутого домашнего питомца. Несмотря на это, кошачья кличка приросла к Василисе намертво, словно кто-то пришил её суровыми нитками.

— Это уже третий экспонат за месяц, — пожаловалась она на свою тяжкую долю. — У меня такое ощущение, что эту безвкусицу клепают не один человек, а целая мастерская.

— Может быть, и так, — отец задумчиво кивнул, — но нам ведь это даже на руку, правда? Чем лучше они работают, тем больше заказов на экспертизу.

— Надоело, — брезгливо поморщилась Василиса, — хочется заняться чем-то действительно интересным, — она выключила ноут и принялась одеваться.

— Куда это ты собралась? — возмутился Афанасий Петрович. — Кларисса ведь прислала две броши, а ты отработала только одну.

— Завтра закончу, — Василиса и не подумала остановиться, — у меня сегодня интенсив по цигуну.

— Ну когда ты уже наиграешься в эту свою эзотерику? — в голосе отца зазвучала обида. — Тебе не цигун нужен, а нормальный мужик, чтоб завести семью, родить детей. Чай, уже не девочка, пора бы остепениться.

— Прежде чем давать жизнь другим, неплохо бы разобраться в собственной, — отрезала Василиса. — Всё, пап, мне пора, мастер не любит, когда ученики опаздывают.

— Эх, чую, не дожждаться мне внуков, — Афанасий Петрович тяжело вздохнул и тоже поднялся. — Когда тебя ждать к ужину?

— Не жди, ужинай без меня, — Василиса подхватила спортивную сумку и быстро выскользнула за дверь, — медитация продлится до утра, сегодня же ночь зимнего солнцестояния.

— Совсем спятила, — покачал головой её расстроенный родитель, но в его голосе уже не слышалось возмущения, скорее, просто усталость.

Афанасий Петрович давно привык к закидонам дочери, он оставил бесполезные попытки вмешиваться в её жизнь, когда Василисе едва исполнилось шестнадцать. Максимум, на что его теперь хватало — это ворчание, которое сумасбродная барышня по большей части игнорировала. Упрямый, даже можно сказать, бунтарский характер

проявился у Василисы ещё в сопливом детстве, и взросление ничуть не смягчило эти качества, напротив, с годами она стала только жёстче отстаивать своё право самостоятельно принимать решения в отношении своей жизни. Надо сказать, что свою упёртость Василиса унаследовала вовсе не от родителей. Сам Афанасий Петрович был человеком мягким и покладистым, а Василисина мама вообще являла собой пример прямо-таки нечеловеческого смирения. Даже собственную нелепую и раннюю смерть в результате глупой врачебной ошибки она приняла покорно, без жалоб на халатность медицинских работников и несправедливость судьбы.

Впрочем, источник дурной наследственности любимой дочурки отнюдь не был для Афанасия Петровича тайной, он не сомневался, что свой характер она унаследовала от его тёщи Серафимы Яковлевны. В свои почти семьдесят лет эта ведьма до сих пор руководила довольно известным и крупным издательством, вела независимый образ жизни, разъезжала по заграницам и устраивала шикарные приёмы для писателей и критиков в своём загородном доме. Афанасий Петрович лишь раз удостоился чести быть гостем на таком приёме, больше его не приглашали, видимо, не сочли интересным собеседником. Зато Василиса навещала бабушку регулярно и относилась к ней не просто с любовью, а прямо-таки с обожанием. Наверное, бабка Серафима была единственным человеком, к чьему мнению прислушивалась эта упрямица, да и то не часто.

К слову сказать, сама Василиса вовсе не считала себя какой-то отъявленной бунтаркой и своё стремление к независимости рассматривала, скорее, как достоинство, нежели порок. Не удивительно, что, следуя подобным убеждениям, она успела совершить немало глупостей и сумасбродств с того момента, когда смогла отвоевать у родственников право на самостоятельность. Справедливости ради следует отметить, что Василиса умела признавать совершённые ошибки и всегда безропотно принимала ответственность за последствия своих косяков, не пытаясь винить окружающих или злую судьбу. Более того, она искренне верила в то, что каждый человек с рождения имеет право на ошибку, а потому упрямице даже в голову не приходило раскаиваться и посыпать голову пеплом, когда жизнь преподносила ей очередной урок. Сделав выводы из полученного опыта и зализав очередную рану, Василиса снова пускалась во все тяжкие, словно ей нравилось испытывать свою удачу на вшивость.

Увы, набитые в результате прохождения жизненных уроков шишки не делали её более осторожной ни на йоту. И дело тут было вовсе не в том, что Василиса считала себя неуязвимой или являлась адреналиновой наркоманкой, которой для хорошего самочувствия требуется рисковать и испытывать новые ощущения, дело в том, что она просто не умела бояться. Об этом не знал никто из её окружения. Ещё в детском садике малышка поняла, что отличается от других детей и, чтобы не сделаться изгоем, научилась скрывать свой недостаток. Анализировать причины отсутствия в своём организме такой эмоции, как страх, она стала гораздо позже, когда пристрастилась к древним философским трактатам в своём музее.

Долгое время Василиса считала, что её неспособность бояться обусловлена какой-то болезнью, типа гормонального сбоя, и только углубившись в рассуждение давно ушедших авторов о душе и сознании, осознала, что причина её порока лежит вне телесных рамок, она ментальная. Отчего-то Василиса не могла воспринимать окружавшую её реальность всерьёз, жизнь представлялась ей просто увлекательной игрой, и даже смерть в её картине мира не являлась фатальным событием и воспринималась, скорее, как рутинная процедура перезагрузки, вроде смены игроком своего аватара. Вот она и играла, получая удовольствие

от самого процесса и не задумываясь о том, чем эта Игра может закончиться.

Поначалу сделанное открытие ошеломило исследовательницу, но вовсе не осознанием того, что она, оказывается, строила свои представления о жизни на ложных предположениях, а как раз наоборот, Василиса вдруг поняла, что это всё остальное человечество ошибается. Поразмыслив немного над этим загадочным феноменом, она в конце концов решила не забивать себе голову проблемами, разрешить которые ей было не по силам. Всё человечество не переубедишь, как ни старайся, а менять собственную точку зрения она не видела никаких оснований. Всего-то и нужно было время от времени притворяться, что тебе страшно, чтобы не вызывать кривотолков и подозрений у окружающих.

Наверное, так бы всё и продолжалось, если бы в один вовсе не прекрасный момент, беззаботная прогула Василисы по жизни внезапно ни натолкнулась на странное и непреодолимое препятствие, превратившее эту самую прогулку в диверсионный рейд по тылам противника. А всё началось так невинно, что заподозрить в случившемся коварную руку судьбы мог бы только патологический параноик с манией преследования. Василиса и близко не была параноиком, а потому заказ на экспертизу старинной серебряной шкатулки восприняла без особого волнения, даже наоборот, обрадовалась, что ей в руки наконец-то попала такая прелестная вещица.

Шкатулка действительно была очень красивой и даже изысканной, в ней с первого взгляда угадывалось авторство настоящего художника. По тому, что её крышку и боковые поверхности украшали не батальные сцены, а изображения странных животных и растений, искусно инкрустированные полудрагоценными камнями и глазурью, можно было предположить, что эта вещица когда-то принадлежала женщине. Однако для хранения драгоценностей шкатулка была, пожалуй, великовата, скорей всего, её использовали как стационарную косметичку или хранильницу семейной реликвии. В шкатулке не было замка, она открывалась нажатием на голову какой-то змееподобной рептилии, выгравированной на передней панели. Об этом можно было легко догадаться по тому, что серебряная голова гада была отполирована до зеркального блеска от частого прикосновения пальцев.

Прежде чем взяться за экспертизу, Василиса довольно долго любовалась игрой света на старинном серебре, пытаясь угадать в изображениях на шкатулке известных ныне представителей флоры и фауны, но никаких аналогов не вспомнила. То ли это были сказочные персонажи, то ли природа с тех пор настолько сильно изменилась, что эти животные и растения исчезли с лица земли. Потом она представила себя на месте той дамы, которая пользовалась этим произведением искусства каждый день, и невольно позавидовала канувшим в небытие людям, обладавшим возможностью окружать себя такой красотой.

Наконец, насладившись своими историческими фантазиями, Василиса решилась заглянуть внутрь шкатулки. Едва дотронувшись до головы рептилии, она отчего-то ощутила непонятное волнение, словно внутри её мог поджидать неприятный сюрприз. Как оказалось, интуиция её не подвела, стоило Василисе нажать на скрытую пружину, как изображение перед её глазами словно бы мигнуло, переключаясь на иную реальность. Крышка шкатулки плавно откинулась, открывая незадачливой исследовательнице своё нутро. Там на алой сафьяновой подложке лежало человеческое сердце. Судя по тому, что из перерезанных сосудов всё ещё сочились кровь, сердце вырезали из груди не холодного трупа, а ещё живого человека.

От увиденного у Василисы волосы по всему телу буквально встали дыбом, а в глазах потемнело. Она попыталась закричать, но её горло сжала судорога, так что даже вдохнуть стало невозможно. Наверное, впервые бедняжка поняла, что такое страх, и это откровение едва ни отправило её в спасительный обморок. К счастью, шок продлился недолго, дурнота наконец отступила, и привычная реальность послушно вернулась на своё место. Открытая шкатулка как и прежде стояла на столе, но никакого сердца в ней, разумеется, не было, она вообще была пуста. Василиса облегчённо вздохнула и отправилась на кухню попить чаю и успокоиться. Вернувшись к рабочему столу, она было принялась за осмотр шкатулки, но поняла, что пережитое волнение не даст ей спокойно работать, и решила отложить экспертизу до завтра.

Увы, ночной отдых не принёс Василисе вожеленного облегчения, поскольку во сне она снова оказалась в иной реальности перед кровоточащим сердцем в серебряной шкатулке. Сон был таким ярким, как будто всё происходило наяву, а в добавок, прежде чем проснуться в холодном поту в своей постели, сновидица успела рассмотреть кое-какие не замеченные ранее детали. Её рука, открывшая шкатулку, выглядела во сне как-то странно, на ногтях не было любимого Василисой тёмно-синего лака, да и сами ногти явно нуждались в услугах маникюрщицы. Зато на среднем пальце матово светился огромный сапфир в форме кабошона, окружённый соцветием мелких огранённых бриллиантов. Такого богатого кольца ей до сих пор не приходилось видеть даже в музее, не то что на своём пальце.

Наутро Василиса так и не нашла в себе сил, чтобы приблизиться к шкатулке. Сославшись на занятость в музее, она ловко сбагрила экспертизу своему отцу, который, ничего не подозревая, и выполнил за дочку её работу. Шкатулка действительно оказалась подлинной, изготовленной на стыке семнадцатого и восемнадцатого веков. Афанасий Петрович даже умудрился вычислить мастера, сделавшего эту замечательную вещицу, а вот имена собственников так и остались неизвестными. Впрочем, Василиса постаралась по возможности отстраниться от рассказов своего папочки про загадочную шкатулку. После того случая она ещё целую неделю не могла без трепета вспоминать свои видения и даже на какое-то время перестала есть мясо, поскольку от одного его вида её начинало тошнить.

Наверное, на этом можно было бы поставить точку в истории со шкатулкой, однако с той поры жизнь Василисы пошла под откос. В её душе прочно обосновалось странное беспокойство, которое, если называть вещи своими именами, следовало бы именовать страхом. Да-да, примитивным и необъяснимым ужасом, о существовании которого Василиса раньше даже не подозревала. Теперь этот всплывший из глубин подсознания страх постоянно преследовал несчастную жертву галлюцинаций с упорством взбесившегося носорога. Самое обидное заключалось в том, что Василиса так и не поняла, чего же она боится. Уж точно не вида крови и не человеческого органа, отделённого от остального тела. Однажды ей случилось быть свидетелем жуткой аварии с жертвами и открытыми травмами, так она даже не поморщилась и минут двадцать зажимала собственными ладонями рану на боку одного пацана, которому не повезло напороться на металлический штырь.

Шкатулочный психоз был совершенно иррациональным, а потому бороться с ним было чрезвычайно сложно. Со временем Василиса всё же научилась загонять этого дикого кусачего зверька в клетку, где тот ненадолго засыпал или только притворялся соней, и тогда её жизнь снова начинала играть яркими красками. Какое-то время Василиса могла ощущать себя не беспомощной марионеткой в чьи-то не слишком заботливых руках, а игроком увлекательной Игры в Реальность, но очередной сон про шкатулку словно бы взламывал

замки, которые она повесила на клетку с вредоносной тварью, и страх вырывался на свободу. В результате, существование Василисы как бы разделилось на две части: в одной половинке она жила в своё удовольствие, а в другой — расплачивалась за свою беспечность.

Однако деятельная жизнелюбивая барышня никак не могла смириться с незаслуженным наказанием, непонятно за какие грехи свалившимся на её голову, и принялась рьяно искать причину своих страданий. Так что Василиса ни капельки не лукавила, когда сказала отцу, что ей нужно разобраться в себе. Следует признать, что отчаянная искательница взялась за дело со всей серьёзностью, не взирая на вечную занятость и сопутствующие расходы. За год Василиса побывала в трёх ретритах, включая поездку в Тибет к какому-то знаменитому гуру, успела всласть помедитировать, пожить в полном уединении, забурившись с палаткой в горы, и прослушать десятки лекций по психологии и работе с подсознанием.

Пока результаты были более, чем скромными. Приступы шкатулочного психоза, словно издеваясь над стараниями незадачливой исследовательницы глубин подсознания, продолжали накрывать свою жертву с регулярностью автобусного расписания. И всё же нельзя сказать, что Василисины труды не привели совсем уж ни к какому результату, правда, назвать его позитивным смог бы, наверное, только злостный оптимист. Покопавшись в своём внутреннем мире, она обнаружила, что связанный со шкатулкой экзистенциальный ужас не имел ничего общего с обычными человеческими страхами. Этот монстр существовал как бы сам по себе, причём с самого её рождения, но до поры, похоже, пребывал в летаргическом сне, пока кровавое видение его ни пробудило. Так что истоки страха следовало искать в сопливом детстве или вообще в дурной наследственности.

Нынешние Василисины занятия цигуном были ещё одной попыткой расковырять душевную рану, чтобы выдернуть эту занозу, не дававшую ей спокойно дышать. Отправляясь тем вечером на ночные бдения в пик зимнего солнцестояния, отчаянная искательница даже не подозревала, какие неожиданности может принести одна единственная бессонная ночь.

После жёстких и грубых форм мира Игры облик родного города всегда казался Врану хрупким и незащищённым. Здания, словно сделанные из облаков, парящие в небе сады и окутанные радужной дымкой водопады, а ещё непрекращающееся ни на секунду движение эфирных потоков, превращавших сам воздух в разноцветную карусель. Адаптация к этим вроде бы привычным элементам городского пейзажа с каждой следующей миссией требовала всё больше времени и ментальных усилий. Игровой психоз, так это называли медики, проводящие реабилитацию вернувшихся с задания сталкеров. Впрочем, адаптироваться к реальности Игры для аэров было ещё сложнее, поэтому доступ в игровой мир для жителей Аэрии был строго ограничен во избежание проблем с психикой. А в отряды спасателей отбор был вообще запредельно жёстким, ведь сталкерам приходилось постоянно перемещаться из одного мира в другой.

Здание Совета Пятёрки на изменчивом текучем фоне остальных городских строений радовало глаз своей монументальностью. Вран невольно усмехнулся, вспомнив, как его раньше раздражала эта неподвижная махина, какой неуместной безвкусицей казались эти гладкие стены и контрастные цвета. Сейчас он был благодарен архитекторам безобразной уродины за их предусмотрительность. После игровой миссии здание Совета было, пожалуй, единственным элементом городского ландшафта, который позволял взгляду сконцентрироваться и немного отдохнуть от непрекращающегося движения. Возможно, это здание специально сконструировали таким образом, чтобы оно служило как бы шлюзом между двумя мирами и соединяло в себе черты обоих.

До встречи с куратором оставалось ещё довольно много времени, и Вран направился в зону отдыха, чтобы плотнуть чего-нибудь бодрящего. Пребывание в мире Игры приводило к временному снижению когнитивных функций ума, и на их восстановление уходило гораздо больше времени, чем на этот раз ему отпустило начальство отряда спасателей. Поскольку Врану совершенно не улыбалось выглядеть перед куратором эдаким тупицей, неспособным управлять своей интуицией, то следовало заранее озаботиться вопросом стимулирования реабилитации. Впрочем, его усилия, скорей всего, были пустой тратой времени, поскольку срочный вызов в штаб отряда мог означать только одно — новую миссию.

Вид с открытой площадки, куда Вран вышел с бутылочкой крепкого зартана, был великолепен, особенно, после казематов инквизиции, в которых ему пришлось провести несколько дней перед встречей с клиентом. Да и завершение миссии на костре инквизиции тоже вряд ли можно было назвать забавным приключением. Своё знакомство с инквизиторскими приёмчиками Вран до сих пор не мог вспоминать без содрогания, хотя вроде бы уже успел пройти стандартную процедуру реабилитации. Впрочем, никто и не обещал ему весёлую прогулку по игровой реальности. Вран давно уже понял, что настоящая работа сталкера имеет мало общего с легендами из городского фольклора, в основном, это тяжкий труд, лишения, боль и грязь. С мечтами о героических подвигах он распрощался, когда ещё был кадетом. Мудрые и строгие учителя позаботились о том, чтобы выбить эту романтическую чушь из его головы на самых ранних этапах обучения.

И всё же сталкеров никак нельзя было назвать закоренелыми циниками, они подвергали себя тяжким испытаниям мира Игры отнюдь не только за солидное вознаграждение, положенное им за каждую успешную миссию, но и потому, что считали спасение

потерявших игроков своим призванием. Всем им нравилась эта непростая работа, и тем не менее мало кто из сталкеров задерживался в отряде дольше, чем на три-четыре цикла. Официально это называлось выгоранием и объяснялось истощением психики из-за частых переходов между мирами, но в сталкерской среде гораздо популярней была другая версия ухода коллег в отставку. Поговаривали, что со временем Игра начинала засасывать спасателей не хуже, чем тех игроков, которых они насильно вытаскивали в родной мир. Погружение в игровую реальность становилась для сталкеров своего рода наркотической зависимостью, от которой уже невозможно было избавиться.

Куда девались спасатели после выхода в отставку, оставалось тайной как для их коллег, так и для остальных аэров. Разумеется, об этом знали члены управляющих кланов Пятёрки и, возможно, верхушка оперативного управления Аэрии, но они не спешили делиться опасной информацией с рядовыми обывателями, видимо, из соображений безопасности. Вполне вероятно, что тут не было никакой зловещей тайны, просто бывших сталкеров обязывали сохранять инкогнито после выхода в отставку, дабы не вызывать ажиотаж среди неподготовленной к их откровениям публики. По крайней мере, Врану хотелось верить именно в эту версию. Впрочем, до его персональной предполагаемой отставки было ещё очень далеко, так что этот вопрос был для него чисто умозрительным.

— Ясного неба тебе, Вран, — раздался за спиной размечтавшегося сталкера незнакомый голос.

— Лёгкой дороги, — на автомате отозвался тот, оборачиваясь к неожиданному собеседнику. — Извини, не могу тебя вспомнить, адонэ, — прибавил он, встретившись взглядом с незнакомцем. В здании Совета можно было запросто наткнуться на какого-нибудь высокопоставленного чиновника, а то и на члена одного из кланов Пятёрки, поэтому Вран счёл вполне уместным вежливое обращение «адонэ», что в мире Игры было бы эквивалентом слова «господин».

— Какая же у тебя короткая память, — рассмеялся незнакомец, — а ведь совсем недавно мы с тобой болтали вполне по-дружески, правда, при не слишком весёлых обстоятельствах. Кстати, отвечаю на твой последний вопрос: ты прав, кричать от боли совершенно бесполезно. Не помогает.

— Мэтр Корнелиус, — Вран нацепил на своё лицо благодушную улыбку, хотя на самом деле не испытывал ничего, кроме досады. В принципе, встречаться с бывшими клиентами в родном мире сталкерам не запрещалось, но из рассказов своих коллег сталкер знал, что обычно такие встречи ничем хорошим не заканчивались. Методы спасателей были, как бы это помягче сказать, довольно радикальными, поэтому большинство спасённых впоследствии испытывали к ним острое чувство неприязни. — Могу я узнать твоё настоящее имя? — вежливо поинтересовался он.

— Фарас, — представился навязчивый собеседник. — Вижу, ты уже готов к новым подвигам, коли явился в ставку спасателей.

— Хотелось бы верить, что это будет новое задание, а не выволочка за старое, — Вран бросил испытывающий взгляд на бывшего клиента. — С тобой всё в порядке, Фарас? Твоя психика не пострадала во время перехода?

— Я здоров, — успокоил своего подозрительного собеседника спасённый, — насколько это вообще уместно утверждать в отношении переселенца из другого мира. Можешь не опасаться выволочки, в моём отчёте нет никаких претензий к вытаскивавшему меня сталкеру. Однако кое-чего я всё-таки не понимаю и не готов просто забыть. Почему ты морочил мне

голову баснями о спасении? Мог бы прямо предупредить, что костра мне не избежать ни при каких обстоятельствах.

— Прости, я не успел, — Вран не слишком умело сделал вид, что раскаивается, хотя на самом деле и не собирался выкладывать бывшему клиенту всю подноготную процесса его спасения, — монах явился по наши души раньше, чем я рассчитывал, и прервал нашу беседу как раз на самом важном месте.

— Не ври, — беззлобно отбрил его Фарас, — ты намеренно держал меня в неведении до самого конца. Боялся, что я запаникую?

— При переходе очень важно сохранять хладнокровие, — в голосе Врана без труда можно было уловить нотки нетерпения, больше всего на свете ему сейчас хотелось отделаться от прилипалы, поскольку оправдываться перед клиентом за успешную миссию он считал унижительным.

— Ты поэтому пошёл на костёр вместе со мной? — продолжил свой неуместный допрос прилипала. — Ты ведь мог покинуть своё тело в любой момент, тебе не было нужды проходить через этот ад.

— Это городские легенды, — пробурчал себе под нос Вран, незаметно смещаясь в сторону выхода с открытой площадки, — сталкеры не умеют просто выходить из своих тел. Для покидания игровой оболочки мы обычно используем такой примитивный метод, как пуля в голову. Быстро и эффективно. В случае с костром инквизиции я просто воспользовался подвернувшейся под руку возможностью, да и подстраховать клиента никогда не бывает лишним.

— Значит, просто хотел убедиться, что я приму свою смерть с философским смирением, — в голосе Фараса послышалось разочарование, — а я уж было подумал, что в сталкере вдруг проснулось сострадание к ближнему. Если честно, я не понимаю, зачем нужно было доводить дело до костра, ты мог бы просто меня убить. Ведь именно так и действуют сталкеры, насколько я знаю.

— Возможно, из-за страха перед предстоящей экзекуцией ты не заметил, что я был не в лучшей физической форме, — Вран насмешливо хмыкнул. — После трёх дней в пыточном подвале инквизиции мне требовалось немалых усилий для того, чтобы просто оставаться в сознании, а уж о том, чтобы придушить голыми руками здорового мужика, даже речи быть не могло. Кстати, ты напрасно считаешь сталкеров закоренелыми убийцами, мы всегда стараемся заручиться добровольным согласием клиентов и прибегаем к экстренным методам только в случае отказа.

— Выходит, ты с самого начала знал, что нас сожгут живьём? — в голосе Фараса послышалась неприкрытая обида.

— Нет, поначалу я надеялся на твоё сотрудничество, — нехотя признался Вран, — пока ни понял, что у тебя напрочь отшибло память, и ты реально считаешь себя мэтром Корнелиусом. Подобного расклада я не предполагал даже в самых своих мрачных прогнозах, ведь это был всего лишь твой шестой цикл в Игре. До сих пор считалось, что проблемы с памятью начинают проявляться у игроков не ранее десятого цикла.

— Если только я ни заблокировал свои воспоминания добровольно, — пробурчал Фарас, вроде бы обращаясь к самому себе.

— Что же могло тебя заставить так поступить? — признание клиента было настолько шокирующим, что Вран растерялся. — Видимо, ты пережил что-то поистине трагическое и болезненное, с чем не смог продолжать игру, — сделал он логичное предположение.

— Вряд ли воспоминания о перенесённых страданиях смогли бы заставить игрока сделаться обычным аватаром, — голос Фараса звучал спокойно, в нём даже чувствовалась какая-то отстранённость, однако натренированное ухо сталкера всё же уловило в интонации собеседника неуверенность и вроде бы даже страх. — Думаю, на такое способна только боль из-за безвозвратной потери истинного счастья.

— Мне показалось, или ты действительно чего-то боишься? — в лоб спросил Вран. — Тебя ведь не заставят вспомнить о той потере?

— Как же ты ошибаешься, — Фарас горько усмехнулся, — клану нужны мои воспоминания, а не стенания по поводу моей тяжкой доли. Невозможно грамотно управлять Игрой, если ты не понимаешь образа жизни и мыслей аватаров. Разве ты не знал, что все члены управляющих кланов проходят через погружение в Игру, прежде чем сесть за игровой стол?

— Прости, адонэ, я не хотел тебя оскорбить, — только тут до Врана дошло, что он беседует одним из членов клана Пятёрки, и ему сразу сделалось очень неудобно. Стоящий рядом с ним аэр запросто мог закончить его сталкерскую карьеру одним нелестным замечанием, а то и просто косым взглядом.

— Брось, я тебе не враг, — Фарас недовольно поморщился, — просто хотел посмотреть на проблему твоими глазами.

— В Игре не существует ничего безвозвратного, — пожал плечами Вран, — тем более для члена клана Пятёрки. То, что аватары воспринимают как прошлое и будущее, для игроков является просто набором игровых локаций. Ты всегда сможешь вернуться в полюбившуюся тебе локацию и пережить своё счастье заново.

— Да меня теперь и близко не подпустят к симулятору, — в глазах Фараса промелькнуло странное выражение, которое опытный психолог из мира Игры мог бы, наверное, назвать отчаянием.

Увы, Вран хоть и прошёл курс психологии во время обучения вовсе не был опытным психологом, а даже если бы и был, то не смог бы идентифицировать увиденное, поскольку в языках Аэрии даже такого термина, как отчаяние, не существовало.

— Может быть, это и к лучшему, — безапелляционно заявил он. — Если честно, я вообще не понимаю, как можно быть счастливым в этом примитивном и жестоком мире.

— Знаю, что не понимаешь, — Фарас устало вздохнул, — ты и не сможешь ничего понять, пока ни поживёшь в аватарском теле хотя бы с десятков лет. В мире Игры есть много такого, о чём аэры не имеют ни малейшего представления. Ты хотя бы знаешь, что аватары не одинаковы, что у них имеются мужчины и женщины?

— Не нужно недооценивать подготовку сталкеров, — фыркнул Вран, — во время тренировок мы примеряем на себя обе аватарские ипостаси и даже практикуем сексуальные упражнения с представителями противоположного пола, причём в мире Игры с коренными аватарами.

— Упражнения, — в голосе Фараса сталкер уловил презрительные нотки. — Разве дело в вульгарном сексе? Я говорю о чувствах, а не об удовлетворении физических потребностей. Впрочем, толковать о чувствах с аэром бессмысленно, в нашем мире палитра астральных вибраций настолько бедна, что мы и десятой доли переживаний аватаров понять не в состоянии.

— Да, наш мир построен на более тонких, ментальных вибрациях, — ничуть не растерялся Вран, — и я вовсе не считаю это нашим недостатком. Только благодаря своему

развитому мышлению мы можем осознанно формировать свою реальность.

— А заодно и реальность мира Игры, — Фарас мрачно сдвинул брови, — причём не иначе, как по собственному усмотрению.

— Да если бы мы пустили этот процесс на самотёк, их реальность была бы настолько хаотичной, что в ней было бы невозможно существовать, — парировал Вран. — Аватары не в состоянии удержать в уме одну мысль дольше пары секунд, я уж не говорю про то, что они не контролируют даже собственное перевоплощение. Из-за этого при переходе в новый цикл их личности полностью стираются. Там, на костре ты ведь тоже думал, что пришёл твой конец, и тебе было страшно умирать.

— Ты прав, мне было страшно, — Фарас кивнул и отвернулся, похоже, воспоминания о последних минутах в мире Игры привели его в смятение. — А тебе когда-нибудь приходило в голову, что для того, чтобы жить полноценной жизнью, зная о конечности своего существования, нужно немалое мужество? Я так и не сумел понять, что движет людьми, когда они жертвуют собой ради своих близких, а то и просто каких-то идеалов, ведь со смертью они теряют абсолютно всё, даже самих себя. Разве это не удивительно?

— Они просто дикари, поэтому их мир полон насилия, — Вран заметил, что его собеседник назвал аватаров людьми, но решил проигнорировать эту оговорку. — В Аэрии убийство себе подобных просто невысказано. Думаю, одно это ставит нас на высшую ступень по сравнению с аватарами.

— Ага, мы предпочитаем убивать их, — саркастично фыркнул Фарас. — Вран, а тебе не кажется, что мир Игры в этом отношении как-то честнее нашего? Да, он жесток, но не лицемерен, по крайней мере, люди не кичатся тем, что позволяют себе убивать только низшие формы жизни. Неужели тебе никогда не хотелось разобраться, понять, что они чувствуют? У сталкеров ведь имеются стационарные агенты во всех игровых локациях.

— Ты говоришь о стражах? — сталкер невольно передёрнул плечами. — Никто по доброй воле не пойдёт в стражи, для нас это своего рода наказание за провинность.

— Зря, — отрезал Фарас, — ты мог бы серьёзно обогатить свой жизненный опыт, если бы ни боялся погрузиться в Игру на долгий срок.

— Вот ты погрузился, и что из этого вышло? — ехидно поинтересовался Вран, однако то чувство превосходства, которое вполне обоснованно испытывал профессионал в споре с дилетантом, мгновенно растаяло, когда он взглянул в лицо своего оппонента. На губах Фараса блуждала мечтательная улыбка, взгляд, обращённый куда-то внутрь, как будто видел не расстилавшийся внизу город, а совсем иные картины.

— Ты когда-нибудь купался в лунной дорожке? — бросил мечтатель в пространство. — Знаешь, как пахнут ночью луговые травы? А какой вкус у тающих на губах снежинок? Хотя, о чём это я? — его улыбка вдруг сделалась похожей на гримасу боли. — Для тебя ведь тело аватара — это просто игровая оболочка, неудобство, с которым тебе приходится мириться для выполнения своей работы.

— Ушам своим не верю, — от удивления у Врана буквально глаза вылезли на лоб. — Это что сейчас было? Ностальгия по мазохистским приключениям?

— Благодарю за беседу, — лицо Фараса вдруг приобрело легко узнаваемое надменное выражение представителя правящего клана, теперь в его глазах читались лишь скука и раздражение из-за вынужденной траты времени. — Удачи с новым заданием, — бросил он через плечо и величественно покинул обзорную площадку, оставив своего собеседника в полном недоумении.

Разговор с бывшим клиентом произвёл на сталкера гнетущее впечатление. Мало того, что тот ни с того, ни с сего из вежливого собеседника вдруг превратился в напыщенного вельможу и свалил, так ещё и оставил после себя кучу недосказанностей и вопросов. Впрочем, ответ на один из вопросов Вран всё-таки получил, а именно, почему Совет принял решение вытащить Фараса из игровой реальности так рано. Теперь он отлично понимал резоны начальства. Нет сомнения, что только по-настоящему трагические события могли довести игрока до намеренной блокировки своей памяти, так что оснований для спасательной операции было хоть отбавляй. Но тогда соответствующая информация должна была содержаться в описании миссии, а её почему-то не было, словно о потере памяти клиента не было известно. Выходит, причины для срочной эвакуации были иными, не связанными с безопасностью игрока.

Кстати, и выбор новичка в качестве исполнителя столь нетривиального задания тоже был подозрительным, как будто кто-то задумал списать заведомо провальную операцию на некомпетентность исполнителя. Подобно всем своим коллегам, Вран, конечно, не страдал избыточной скромностью, но объективности ради всё же должен был признать, что сложность этой миссии явно выходила за рамки его квалификации. Вероятность того, что неопытному сталкеру не удалось бы провести через барьер ничего не понимающего, бьющегося в истерике от боли и страха игрока, была запредельно высока, и всё же кто-то намеренно остановил свой выбор на дилетанте. Только в этот момент Вран с запоздалым страхом осознал, что от полного распада сознание Фараса спасла исключительно самонадеянность того самого новичка, не подозревавшего о возможных последствиях как раз в силу отсутствия опыта.

Похоже, кто-то очень хотел, чтобы Фарас никогда не вернулся в свой родной мир, и этот кто-то, по всей видимости, был членом клана Арокани, которому служил Вран. А что если та информация, которую Фарас насильственно вырвал из своей памяти, представляла для коварного махинатора опасность? Это бы объяснило, почему от члена клана Арокани постарались отделаться столь необычным способом. Хотя, почему же необычным? Несчастный случай при переходе был, пожалуй, единственным ненаказуемым вариантом навсегда заткнуть рот опасному игроку. Убийство аэра в его родном мире было делом немыслимым, да к тому же бессмысленным, поскольку все они сохраняли свою личность при перевоплощении, а значит, и память тоже. Зато распад сознания гарантированно уничтожал угрозу вместе с самим сознанием.

— Интересно, понимает ли Фарас, во что он вляпался? — мысленно спросил себя Вран. — А какие последствия неожиданный успех безнадежной миссии может иметь для исполнителя? Мне уже пора делать ноги или достаточно просто прикинуться старательным идиотом, чтобы не вызвать подозрений?

Вот такие невесёлые мысли крутились в голове сталкера, пока он шёл в расположение штаба спасателей за новым заданием. Врану очень хотелось верить в то, что история со спасением неугодного кому-то игрока никак не отразится на его карьере, и всё же, открывая дверь в начальственный кабинет, он внутренне собрался, готовый к любым неожиданностям. Увы, даже богатой фантазии спасателя оказалось недостаточно, чтобы предвидеть содержание его следующей миссии в мире Игры.

Время тянулось как резина. Безумно хотелось спать или хотя бы вытянуть затёкшие ноги, но глупая гордость не позволяла Василисе показать свою слабость перед остальными участниками ночного ретрита. Давно уже стоило признаться самой себе в том, что ожидание чуда, толкнувшее её подписаться на многочасовую медитацию в ночь зимнего солнцестояния, ничем себя не оправдало. Зря она повелась на уверения Валеры, своего инструктора по цигуну, будто в период минимальной янской энергии можно запрограммировать своё будущее на целый год. Сейчас сей теоретический фундамент магического перекраивания собственной жизни казался Василисе весьма сомнительным. Нет, она, разумеется, проделала все рекомендованные аффирмации, раз уж сподобилась связаться в эту авантюру, но совершенно не почувствовала в себе никаких изменений, типа отклика высших сил или, на худой конец, удовлетворения от проделанной работы. Собственно, сейчас она вообще ничего не чувствовала, кроме физических страданий.

Обычно Василиса легко признавала свои ошибки, но на этот раз, вместо покаяния, она принялась винить в своей неудаче инструктора, руководившего медитацией. Дело в том, что место на красной подушке с вышитыми драконами сегодня занимал не Валера, а его приятель, согласившийся подменить своего захворавшего коллегу. Нужно сказать, что злость, которую Василиса молча изливала на голову ничего не подозревавшего мужика, явно шла от противного, ведь первое её впечатление от нового инструктора было сугубо позитивным. Впрочем, точно такое же впечатление новичок произвёл на весь женский состав ретритчиков. Герман, так звали Валериного приятеля, был не просто красавчиком, его внешность была настолько идеальной, что даже казалась ненастоящей.

Тёмно-карие глаза с лёгкой чертовщинкой смотрели доброжелательно и немного снисходительно, словно их обладатель знал что-то такое, запредельное и недоступное собравшимся в зале неопитам. Копна вьющихся каштановых волос обрамляла смуглое лицо идеальных пропорций, тщательно выверенная недельная небритость дополняла ноткой нарочитой небрежности образ отрешённого от мирской суеты отшельника. Однако главным достоинством Германа несомненно была его фигура. Занимаясь цигуном, вы вряд ли станете ожидать от инструктора спортивного телосложения или рельефной мускулатуры, в конце концов, это же не футбол и не атлетика, здесь физику кот наплакал, да и та несёт в себе лишь чисто подготовительную функцию.

Собственно, Валера как раз и являл собой типичный образ цигуниста, эдакого пухлого колобка с вечно улыбающейся физиономией. В противоположность ему, Герман обладал высоким ростом, был поджарым, гибким и в меру накаченным. Причём, это вовсе не была типичная юношеская стройность. Если красавчик и не разменял пока свой пятый десяток, то к сороковнику совершенно точно подошёл вплотную. Тем импозантней смотрелись его плавные выверенные движения, а когда Герман без видимых усилий сел в полный лотос, то по залу прокатился восхищённый вздох, сорвавшийся с губ десятка разновозрастных дамочек, единодушно признавших в новом инструкторе эталон мужской красоты.

Увы, тётки явно рано обрадовались, ведь физические недостатки Валеры делали его снисходительным к слабостям учеников, поскольку ему и самому непросто давалось долгое сидение на пятой точке. Колобок не скупился на перерывы, любил разбавлять практики прикольными рассказами из жизни учителей и щедро делился собственным опытом. Его

занятия были наполнены элементами развлекательного характера, а потому переносились легко, без напряжения. А вот Герман, как вскоре выяснилось, и не думал веселить собравшуюся публику, настроен он был предельно серьёзно, о чём однозначно свидетельствовало его заявление перед началом медитации.

— Если кто-то устанет или решит закончить раньше времени, — он обвёл испытывающим взглядом притихший зал, — не стесняйтесь, уходите, только тихо.

— Так ведь ночью метро не ходит, — резонно заметил парень у окна.

— В соседнем зале имеются коврики для йоги, — Герман кивнул в сторону двери, — можете взять подушки с одеялами и поспать до утра. Одно условие — не храпеть, — с этими словами он включил тихую медитативную музыку и закрыл глаза.

Поначалу столь жёсткий подход участникам ретрита даже понравился, как-то сразу настраивал на ответственное отношение к процессу, однако на исходе второго часа зал постепенно начал наполняться шуршанием и даже тихим шущуканьем. Публика явно не предполагала, что ей действительно придётся медитировать всю ночь, хотя именно так было заявлено в программе ретрита. Медитирующие то и дело бросали на инструктора недоумённые, а потом и откровенно осуждающие взгляды, как бы обозначая своё недовольство происходящим. Увы, Герман оказался непробиваемым, он словно превратился в каменную статую, даже дыхания не было заметно. Лицо его сделалось отрешённым, на губах лёгкой тенью играла беззаботная улыбка, словно хозяин этого тела пребывал сейчас где-то далеко, в заоблачных эмпиреях.

Отчаявшись получить обычную дозу шуток и забавных рассказов, ретритчики один за другим потянулись на выход в соседний зал, чтобы утопить своё разочарование в беспокойном сне на жёстком коврике. Вначале Василиса поглядывала на отступников снисходительно, даже с некоторым превосходством, но постепенно снисхождение к человеческим слабостям переросло в её душе в откровенную зависть к пофигизму сдавшихся соседей. За последний час она уже с десятков раз принимала решение отползти вслед за отступниками к заветной двери в соседний зал и держалась исключительно на самолюбии. Это было глупо, по-ребячески, никакого толку от её издевательств над своим телом всё равно не было и быть не могло, но Василиса из чистого упрямства продолжала сидеть на своей подушке, изображая глубокий транс.

В зале царил загадочный полумрак от тусклого светильника, расположенного у ног инструктора, и каждый раз, открывая глаза, медитирующие имели сомнительное удовольствие лицезреть его улыбающуюся физиономию. Василиса уже видеть не могла эту блаженную улыбочку и старалась вообще не смотреть в сторону Германа. Однако долго сидеть с закрытыми глазами было чревато, можно было в лёгкую заснуть и грохнуться на пол с подушки, так что волей неволей приходилось пялиться на красавчика, проклиная тот час, когда она решила провести ночь в ретритном центре. В очередной раз открыв глаза, чтобы немного взбодриться, Василиса к собственному удивлению обнаружила, что каменная статуя вдруг ожила. Глаза Германа были открыты, он смотрел на неё пристально, изучающе, и в этих глазах сейчас не было ни капли привычной снисходительной доброжелательности, это был взгляд хищника, отслеживающего добычу.

Василиса вздрогнула от неожиданности, разрушая магию момента, и её реакция сыграла роль будильника, выдёргивающего спящее сознание из сладкой дрёмы. Герман легко поднялся на ноги, словно и не сидел в лотосе несколько часов, и жестом подозвал к себе наиболее стойких цигунистов, которых на тот момент оставалось всего четверо. Вдох

облегчения пронёсся по залу словно бодрящий ветерок, но тут же сменился оханьем и кряхтением, когда медитирующие принялись разгибать затёкшие конечности. Герман спокойно ожидал окончания этой забавной сценки, ни единым жестом не показывая нетерпения или неудовольствия, напротив, он расслабленно улыбался, и в его глазах светилось искреннее сострадание к ученикам. Если бы всего несколько секунд назад Василиса ни видела его хищного оскала, то сочла бы этого человека прямо-таки образцом терпимости и доброты.

— Метро откроется через полчаса, — тихо объявил он, — вам как раз хватит времени, чтобы переодеться и прогуляться до входа неспешным шагом. Предлагаю не будить тех, кто не досидел до окончания практики. Оставшихся поздравляю с серьёзным шагом по пути развития, — с этими словами Герман развернулся и покинул зал, даже не попрощавшись.

Василиса устало вздохнула и отправилась в раздевалку. Из стойкой четвёрки она была единственной представительницей слабого пола, а потому у неё не оказалось компании для прогулки до метро, мужики оделись гораздо быстрее и свалили, не дожидаясь медлительной клуши. Вынырнув из уютного мирка ретритного центра в темноту, холод и безлюдье, Василиса невольно поёжилась от чувства незащищённости и тревоги. И тут же в её голове промелькнула мысль, что ей, наверное, не стоит идти одной по пустынным улицам, ведь можно спокойно вздремнуть вместе с остальными отступниками, по крайней мере, до рассвета.

Сия в общем-то здравая мысль мгновенно подняла в душе Василисы бурю протеста. Нет, она выдержала эту пытку до конца и в награду заслужила возможность провести остаток ночи в собственной постели, а не на коврике, как бродячая собака. Горделиво выпрямившись, победительница человеческих слабостей решительно двинулась в сторону метро. Увы, её решительности хватило ровным счётом до ближайшего поворота, за которым Василиса надеялась увидеть удаляющиеся спины троих стойких ретритчиков, но улица была пустынна, да вдобавок ещё и темна, поскольку два ближайших фонаря не горели. Женщина застыла в нерешительности и даже оглянулась на заманчиво светящуюся вывеску ретритного центра, но тут же попеняла себе за ничем не обоснованные страхи.

— Кому ты нужна? — громко произнесла паникёрша. — Все бандюки сейчас спят в своих тёплых постельках, для грабежей имеется и более подходящее время, чем полшестого утра, тем более зимой.

В этом умозаключении несомненно имелась своя логика, и Василиса немного взбодрилась, однако стоило ей сделать с десяток шагов в темноту, как реальность спустила её логичные рассуждения в унитаз. Из темноты ближайшей подворотни внезапно вынырнула тёмная фигура, явно принадлежавшая довольно крупному мужику. Несмотря на холод, всё тело Василисы мгновенно покрылось холодным потом, отчего-то ей сделалось не просто страшно, а прямо-таки жутко от одного только вида одинокого прохожего. Страх был иррациональным, таким же, как и тот inferнальный ужас, который мучал бедняжку после очередного сна про шкатулку, но Василиса не сразу распознала своего извечного врага, ведь ситуация была объективно опасной.

— Ну с чего я взяла, что этот мужчина обязательно хочет мне навредить? — мысленно подбодрила себя она. — Может быть, он просто работает в раннюю смену. — Словно издеваясь над её неумелым аутотренингом, таинственный мужик застыл рядом с подворотней, как бы поджидая намеченную жертву. — Это не на самом деле, — Василиса предприняла ещё одну попытку приструнить свои нервишки, — просто Игра сделала

неожиданный ход. Как можно всерьёз поверить в то, что какой-то мужик специально выполз на холод спозаранку, чтобы прикончить неизвестную ему тётку?

Только тут она осознала, что больше не идёт вперёд, напротив, её ноги сами по себе начали нерешительно пятиться в сторону освещённого пространства соседней улицы. Фигура мужика как бы нехотя отклеилась от стены и двинулась к ней. На фоне дальнего фонаря она казалась сплошным чёрным пятном, эдаким сгустком изначальной тьмы, можно было разглядеть лишь контуры, и эти контуры только добавили страхов и так уже перепуганной Василисе. Мужик был одет в длинный, почти до земли плащ или даже мантию, а его голову покрывал капюшон. Судя по той лёгкости, с какой взлетели при движении полы его странного одеяния, сделано оно было из совершенно неподходящего для зимнего времени материала. Громко хрустнул снег под ногой незнакомца, и до Василисы мгновенно дошло, что дольше разыгрывать невозмутимость и безразличие было бы верхом легкомыслия, этот мужик явно поджидал именно её.

Развернувшись на каблуках, она бросилась бежать обратно к ретритному центру. Возможно, именно этого и хотел от неё мужик в плаще, так как ничего, похожего на шум погони, Василиса не уловила, в полной тишине были слышны только её собственные шаги да хриплое дыхание. Но это не заставило беглянку притормозить, она добежала до поворота улицы и не останавливаясь свернула за угол. И тут случилось то, чего Василиса никак не могла предвидеть. Морозный воздух прямо перед ней вдруг затвердел, превращаясь в ещё одну мужскую фигуру, и она по инерции со всей дури врезалась в незадачливого прохожего. Впрочем, прохожий не стал возмущаться, напротив, он предупредительно подхватил торопыгу под локотки, как бы спасая её от падения.

— С Вами всё в порядке? — заботливо поинтересовался Герман, ставя на землю свой трофей. — Вас что-то напугало?

— П-простите, — зубы у Василисы всё ещё стучали от пережитого страха, — я лучше вернусь в центр и дождусь рассвета.

Герман решительно отодвинул женщину в сторону и заглянул за угол дома. Некоторое время он изучал ночную улицу, а Василиса стояла, прижавшись к стене в ожидании его вердикта. Её удивили и даже неприятно поразили его плавные выверенные до миллиметра движения, а ещё напряжение, которое она ощущала буквально кожей, словно Герман на полном серьёзе готовился отразить атаку.

— Что вы видели? — он повернулся и внимательно посмотрел в глаза Василисы. — Сейчас улица пуста.

— Наверное, мне просто померещилось, — попыталась слиться паникёрша.

— Не нужно бояться насмешек с моей стороны, — Герман осуждающе покачал головой, — я же вижу, что Вам не по себе. Давайте, я подброшу Вас до дома, — предложил он, — моя машина припаркована около центра. Где Вы живёте?

Василиса едва ни расплакалась от неимоверного облегчения и благодарности, накрывших её с головой, но для проформы всё же немного пококотничала, уверяя благородного кавалера, что пара часов сна на коврике её не убьёт. К счастью, кавалер оказался не приклонен в своём альтруистическом порыве, а потому уже через минуту они катили по пустынным гулким улицам просыпающегося города и мило беседовали. Василиса всё-таки сподобилась побороть своё смущение и рассказала спасителю про страшного мужика в плаще.

— Вы всё правильно сделали, — похвалил её спаситель, — район около центра

славится всяческими происшествиями, похоже, у него грязная аура. Встреченный Вами мужчина запросто мог оказаться наркоманом в поисках дозы. В таком состоянии эти люди становятся неадекватными, могут даже выбраться на мороз в домашнем халате.

Версия Германа, правдоподобно объяснившая странное одеяние незнакомца, показалась Василисе логичной, а потому она с готовностью в неё поверила, отбросив свои собственные предположения, от которых за версту веяло голимой мистикой. Герман оказался лёгким и интересным собеседником, уже на половине пути до дома Василисы они незаметно перешли на ты, а когда машина припарковалась у её подъезда, как-то само по себе вышло, что благодарная спасённая от ужасного наркомана женщина пригласила благородного рыцаря в гости на чашечку кофе, чтобы тот, не дай бог, не заснул за рулём, когда будет возвращаться домой. Впрочем, возвращаться этим утром Герману не пришлось, так как, несмотря на усталость, нервная барышня никак не могла успокоиться, и пришлось её утешать, а потом сделать ей расслабляющий массаж, плавно перешедший в более смелые ласки. В итоге, проснулись они голыми и в одной постели, когда день уже начал клониться к закату.

К счастью, Василисе достало сообразительности, чтобы не тащиться ни свет, ни заря в дом отца, а потому отсыпались нечаянные любовники в её рабочей мансарде, где им никто не помешал отдаваться порочным страстям по полной. Проснувшись неразборчивая в сексуальных партнёрах барышня от настойчиво лезшего прямо в ноздри кофейного аромата, чего никак не могло бы случиться, если бы пробуждающий напиток находился, как ему и положено, на кухне. Приоткрыв один глаз, Василиса с удовольствием констатировала, что её умозаключение было абсолютно верным, чашечка кофе располагалась в непосредственной близости к её носу, и держал её, разумеется, Герман.

— Очень мило, — проворковала размякшая от куртуазности своего кавалера Василиса. — Ты давно проснулся?

— Не очень, — голос Германа звучал расслабленно, но она всё равно уловила в нём непонятное напряжение. — Я тут побродил по твоему рабочему кабинету и обнаружил очень любопытные рисунки. Ты занимаешься изготовлением ювелирки?

— Нет, я всего лишь провожу экспертизу для частных аукционов, — нехотя призналась Василиса, — нужно же на что-то жить. На основной работе я занимаюсь реставрацией старинных рукописей.

— Ни за что бы не подумал, что у тебя такая скучная работа, — Герман пожал плечами и отвернулся, как бы выражая своим жестом разочарование, и Василисе тут же захотелось как-то оправдаться, хотя вроде бы было не в чем.

— Совсем не скучная, — вскинулась она, — у меня есть доступ к таким раритетам, до которых простым людям вовек не добраться, да и непрыстым тоже.

— Мне кажется, что молодой привлекательной женщине гораздо больше подходит работа с драгоценными вещами, нежели с полуистлевшими рукописями, — походя заметил Герман, попутно натягивая штаны.

— Большинство этих якобы старинных вещей являются современными подделками, — Василиса пренебрежительно фыркнула и тоже начала одеваться, — к тому же безвкусными подделками.

— Настоящее произведение искусства никто не станет продавать на подпольном аукционе, — резонно заметил Герман, — что вовсе не говорит о сомнительной подлинности всех этих аляповатых брошек, которые ты бракуешь как подделку. Именно так и принято было украшать себя триста лет назад.

— Согласно, имитация выполнена мастерски, — Василиса быстренько нацепила на своё лицо маску профи, утомлённого идиотскими замечаниями дилетантов, — похоже, мошенники имеют дело не с рисунками, а непосредственно с изделиями, которые и копируют очень тщательно.

— Тогда почему ты считаешь, что это подделки? — удивился Герман.

— Их выдаёт современная машинная обработка камней, — на этот раз в голосе эксперта прозвучало неприкрытой злорадство. — Лень им вручную шлифовать и огранять камушки.

— Вручную? — Герман с любопытством посмотрел на самоуверенную дамочку. — А с чего ты взяла, что триста лет назад не было машин?

— Так ведь электричество придумали только в девятнадцатом веке, — парировала та.

— Это тебе в школе рассказали? — на этот раз злорадство прозвучало уже в голосе Германа. — Напрасно ты доверяешь учебникам, они врут. Лучше покопайся в тех манускриптах, доступом к которым ты хвастаешься. Хочешь пари?

— О чём будем спорить? — Василиса откровенно растерялась.

— Если ты обнаружишь, что триста лет назад люди уже всю использовали электричество, то публично извинишься перед нанимателем за свои ошибки с экспертизой, — тут в глазах Германа загорелся азартный огонёк. — Идёт?

— А если выяснится, что учебники не врут? — ехидно поинтересовалась Василиса.

— Тогда я подарю тебе старинную брошь, наподобие тех, которые ты приговорила раньше, — отрезал спорщик, — и тебе больше не придётся заниматься этой халтуркой.

Думала ли Василиса, беспечно соглашаясь на глупое и надуманное пари, что оно откроет ей путь к таким тайнам, о которых она даже не мечтала? Наверное, в тот момент спор с Германом показался ей просто забавным приключением, которое подбросила ей судьба, чтобы в очередной раз испытать непоседу на вшивость. Ей даже не пришло в голову, что этот удивительный мужчина вошёл в её жизнь вовсе не случайно, да и обстоятельства, которые привели его в постель беспечной барышни, тоже не были просто игрой слепого случая.

— Я не понимаю, — на ошарашенной физиономии Врана застыло такое нелепое выражение детской обиды, что его куратор не смог удержаться от ехидной усмешки. — Мы же спасатели, наша задача — вытаскивать из Игры заблудившихся игроков, так почему я должен мешать одному из них пройти через барьер?

— Похоже, ты невнимательно изучил задание, — в голосе куратора послышались недовольные интонации, — я ведь чётко дал тебе понять, что этот конкретный игрок принадлежит к клану Транзари, с которым Арокани сейчас враждуют. Так что в данный момент нам не выгодно возвращение их игрока.

Обвинение сталкера в невнимательности было абсурдным и надуманным, ведь задание передавалось телепатически, и Вран чисто физически не смог бы упустить какую-то деталь или неверно истолковать полученные инструкции. Куратор явно пытался уйти от прямого ответа, прикрываясь политикой, и это было плохим знаком.

— Кланов постоянно враждуют между собой, — осторожно заметил Вран, — но раньше я не слышал, чтобы из-за этого они нападали на чужих игроков.

— Ты много чего не слышал, — огрызнулся куратор. — Отрасти сначала свою решалку, а уж потом берись обсуждать решения членов клана. Я не собираюсь тратить своё время на твои неуместные домыслы. Есть вопросы по заданию, помимо его целесообразности?

— Есть, — Вран решил не злить своё непосредственное начальство и перешёл к конкретике. — Какими средствами мне разрешено пользоваться?

— Любыми, — отрезал куратор, — можешь хоть пристрелить своего клиента.

— Длительность миссии? — задание нравилось Врану всё меньше, но он пока не был готов к открытому бунту.

— Не ограничена, — на губах куратора появилась злорадная улыбочка. — Когда наши кланы заключат сделку, я сам тебя отзову через стража той локации.

А вот это уже была настоящая подстава. По сути, сталкера тупо ссылали в мир Игры на неопределённый срок, оставляя ему единственную возможность вернуться, убив игрока конкурирующего клана. Но ведь не секрет, что рано или поздно кланы всё равно помирятся, они всегда так поступают. И не потребуют ли Транзари в качестве одного из условий сделки голову сталкера, отправившего их игрока на перевоплощение? Отчего-то Вран даже не сомневался, что со стороны Арокани особых возражений не последует, его просто сдадут в качестве компенсации за причинённый ущерб. И что тогда? В лучшем случае провинившегося сталкера ждёт изоляция на очень долгий срок, а в худшем... Что ж, со сталкерами тоже иногда случаются несчастные случаи при переходе через барьер.

Конечно, можно было бы гордо отказаться от выполнения задания, которое в явной форме противоречило кодексу спасателей, и если это задание не служит цели загнать Врана в ловушку, то его отказ будет принят куратором с пониманием. Возможно, его на время отстранят от работы или отправят на переаттестацию, но этим дело и ограничится. Однако чутьё подсказывало Врану, что это таки была именно ловушка, а значит, за отказом последует не переаттестация, а отставка, которая, по мнению некоторых особо мнительных сталкеров, была ничем иным, как развоплощением сознания. Врану совершенно не улыбалось проверять на собственной шкуре, верны ли конспирологические версии его коллег, а потому этот вариант он отмёл практически сходу.

— Видимо, придётся воспользоваться единственной лазеркой, которую мне пока оставили, — мысленно прокомментировал он свои умозаключения, — всего-то и нужно продержаться до замирения кланов.

— Тебе ясно твоё задание? — куратор не удержался от того, чтобы поторопить тугодума.

— Можно ещё один вопрос? — в голосе Врана больше не было слышно неуверенности. — Думаю, ты не сам принял решение отправить на это задание именно меня, кто-то из Арокани тебе посоветовал. Не скажешь, кто это был?

— Знаешь, что я тебе скажу, умник, — куратор устало вздохнул, — не стоит демонстрировать свою сообразительность всем подряд, это вредно для здоровья. Я не знаю, что ты натворил, но одно могу сказать с полной уверенностью: я не хотел бы оказаться на твоём месте. Иди уже и..., — он на секунду замялся, — удачи.

Покинув кабинет куратора, Вран и не подумал сразу отправиться в симулятор, вместо этого он вышел в город, нашёл тихое местечко в одной из многочисленных зон отдыха и подключился к информационной сети через местный терминал. Нет, никаких диверсий он не замышлял, ему просто был нужен адрес Фараса, чтобы предупредить бывшего клиента о нависшей над ним угрозе, а заодно попытаться выяснить причину, по которой кто-то из членов клана решил разделаться со своим коллегой и спасшим его задницу сталкером. Судя по всему, в последнюю их встречу, эта причина пока оставалась для Фараса тайной, но она могла скрываться в его заблокированных воспоминаниях, которые бедняге предстояло вернуть, причём против воли. После разговора с куратором Вран уже не сомневался, что именно поэтому Фарас решил заговорить со своим спасателем, видимо, тоже начал что-то подозревать.

Как и следовало ожидать, проживал член клана Арокани в одном из элитных районов, который больше напоминал парк, нежели городскую застройку. Дом был относительно небольшим, построенным в давно забытом стиле эльми, так что можно было с уверенностью утверждать, что Фарас жил в нём уже много своих воплощений. Чаще всего, умирая, знатные аэры отдавали свои дома в перестройку, чтобы к моменту их возвращения в мир живых обновлённое обиталище выглядело современно, но Фарас в этом отношении оказался ретроградом, сохранявшим своё жилище в нетронутым виде на протяжении веков. Это было нерационально, ведь технические новшества значительно упрощали жизнь и уход за домом, и всё же по-своему трогательно. По крайней мере, Вран сразу поднял хозяина старинного дома на несколько пунктов в своём персональном рейтинге знакомых аэров.

— Я тебя ждал, — раздался голос Фараса откуда-то из глубины помещения, как только сталкер переступил порог. — Заходи, налей себе чего-нибудь крепкого, нам предстоит непростой разговор. Ты тоже попал под раздачу? — поинтересовался он, когда Вран расположился в соседнем кресле.

— И ты должен знать, почему это случилось, — безапелляционно заявил гость, впрочем, без особой враждебности. — Уже выяснил, кто из твоих коллег устроил на нас охоту?

— Всё гораздо хуже, чем ты думаешь, — Фарас сделал большой глоток из своего стакана и тут же плеснул ещё из зеленоватой бутылки, пристроенной на полу у ножки кресла, видимо, чтобы далеко не ходить за выпивкой, — меня приговорил не какой-то конкретный член клана Арокани, а Совет Пятёрки. Кстати, ты к этому делу не имеешь никакого отношения. Не обижайся, но я подозреваю, что тебя выбрали козлом отпущения

просто потому, что ты самый молодой и неопытный в отряде спасателей.

— Это я уже понял, — нахмурился Вран, — никто не ожидал, что мне удастся провести тебя через барьер.

— Думаю, тебя бы даже не пожурили в случае неудачи, — Фарас удовлетворённо кивнул, — по всем расчётам ты просто обязан был облажаться.

— Ну и что ты натворил? — неприязненно поинтересовался Вран.

— Я, сам того не желая, наткнулся на страшную тайну, — лицо Фараса скорчилось в глумливой гримасе, словно он намеренно произнёс какую-то несусветную чушь, но сталкер без труда разглядел за его сарказмом страх. — Совет ни за что не позволит, чтобы это выплыло наружу, — едва слышно пролепетал кающийся грешник, — так что тебе лучше просто забыть о нашем разговоре и жить дальше.

— Долго и счастливо жить не получится, — отрезал Вран, — меня уже сослали в мир Игры на неопределённый срок, и мне не терпится узнать причину ссылки. Так что давай, рассказывай.

— Сослали, говоришь? — Фарас сразу оживился, в его голосе прорезались нотки не то гнева, не то обиды, а может быть, всего вместе. — Что ж, спешу тебя обрадовать, ты будешь не первым, с кем они так поступили, скорей всего, тебе уже не удастся вернуться в Аэрию. Мне довелось встретить игрока, которого сослали так давно, что она уже безвозвратно утратила самоидентификацию.

— Женщина? — заинтересовался сталкер. — Тебя с ней связывали интимные отношения?

— Я её любил, — сорвалось невольное признание с уст Фараса, — люблю, — поправил он сам себя уже тише. — Грейс была для меня всем, я жил только ради неё.

— Извини, не хотел тебя обидеть, — неискренне повинился Вран, поскольку совершенно не представлял себе природу подобных отношений, а потому принял признание Фараса за аллегория. — Судя по твоему расстроенному виду, ты потерял связь с этой женщиной, но с чего ты взял, что она была игроком?

— У Грейс были видения, — нехотя отозвался Фарас, — и в них она видела наш мир. Сначала я принял её рассказы за фантазии, но там имелись такие детали, что мои сомнения рассеялись. Грейс казалось, что её видения — это что-то вроде картинок светлого будущего её мира, но я-то знал, что это были просто воспоминания об утраченном прошлом.

— Ты ей рассказал, кто она такая на самом деле, — это было скорее утверждение, чем вопрос, Вран даже не сомневался, что этот слабак не сумел удержать свой болтливый язык за зубами. — Ну и что вы надумали? Сбежать в Аэрию?

— Держать её в мире Игры было несправедливо, — запальчиво заявил Фарас, — Грейс имела право жить в родном мире.

— Надеюсь, у тебя хватило ума не пытаться протащить её через барьер самому? — Вран вздохнул и устало откинулся на спинку кресла, образ действий этого дилетанта можно было предсказать без всякого труда. — Ты вызвал сталкера и приказал ему вытащить твою женщину из Игры. Удивляюсь, что он согласился.

— Я пригрозил, что иначе выгоню его из отряда, — сознался Фарас. — В конце концов, члены клана имеют право на..., — он не успел договорить, когда Вран вмешался в его оправдательную речь.

— Гнусность, — язвительно подсказал он. — А ты не подумал, какие последствия это будет иметь для объекта твоего шантажа? Думаю, тебе это даже в голову не пришло.

Правильно тебя приговорили, за дело.

— Зря стараешься, — глаза Фараса потухли, словно он вдруг из живого аэра превратился в каменную статую, — я уже понёс заслуженное наказание.

— Она не прошла барьер, — догадался Вран, — этого и следовало ожидать. Далеко не все коренные аэры способны выдержать переход, не даром же доступ к Игре ограничивают, а уж игрок, зависший в этом оупляющем мире на много циклов, вообще не имеет шансов. Ты мог бы и сам догадаться, чем всё закончится.

— Я ошибся, — голос Фараса сделался совсем безжизненным, — мне казалось, что между мной и Грейс нет никакой принципиальной разницы.

— Так, может быть, она жива, — предположил Вран.

— Тогда они бы не прислали дилетанта, чтобы меня угробить, — Фарас брезгливо поморщился, но тут же одумался. — Прости, я не пытаюсь тебя оскорбить, просто хочу быть объективным.

— Ты поэтому при нашей первой встрече столкнул меня с башни, — усмехнулся Вран, — не хотел разделить участь своей женщины?

— И ещё раз прости, — Фарас поднял жалобные глаза своего собеседника. — Пойми, если бы Грейс прошла барьер, то тебя бы не оставили в неведении о реальном положении дел, а ты ничего не знал.

— Но зачем было блокировать свою память? — удивился сталкер.

— Я был настолько наивен, что решил попытаться затеряться в Игре, — губы Фараса скривились в горькой усмешке. — Думал, что если потеряю память, то больше не буду представлять для них опасность, и обо мне просто забудут. По сути, я ведь перестал быть игроком, я сделался обычным аватаром. Зачем им понадобилось меня возвращать?

— У меня есть версия, но боюсь она тебе не понравится, — Вран сочувственно улыбнулся. — Дело в том, что о твоей потере памяти никто не знал, иначе меня бы предупредили заранее. Никому даже в голову не пришло, что ты можешь такое с собой сотворить. Если честно, лично я не пошёл бы на стирание памяти даже под угрозой развоплощения.

— Я вовсе не боюсь уйти в небытие, — признался Фарас, — но жить с осознанием, что собственными руками уничтожил любимую женщину, сделалось совсем невыносимо. Знаешь, я им даже завидую, этим аватарам, ведь они имеют возможность забывать.

— Сочувствую твоей утрате, — Вран произнёс эту дежурную фразу на автомате, но вдруг действительно ощутил острое чувство жалости к этому несчастному аэру, который разрушил свою жизнь, сделав всего одну ошибку, да и то из искреннего желания помочь. — Благодарю за откровенность, теперь я хотя бы знаю, из-за чего меня хотят изолировать от других аэров.

— Никто не должен знать, каким образом Совет избавляется от неудобных, — отрешённо произнёс Фарас. — Нужно отдать им должное, они придумали весьма рациональный способ, ведь заткнуть рот аэрам, тупо лишив их жизни в нашем родном мире, невозможно. Мы не теряем памяти при перевоплощении, да и время, которое мы проводим в фазе посмертия, слишком короткое, чтобы опасная информация успела потерять свою актуальность. Тут одно из двух: либо ссылка, либо развоплощение. Возможно, ссылка представляется им более гуманным способом.

— Думаешь, Грейс была не единственной изгнанницей? — вопрос был чисто риторическим, и Фарас не снизошёл до прямого ответа.

— А ты сам как думаешь? — съязвил он.

— Но со сталкерами так не получится, — Вран невольно сжал кулаки, — нас не удержишь в Игре насильно.

— Несчастных случаев при переходе через барьер ещё никто не отменял, — парировал его собеседник. — Про вас ходят разные слухи, например, что отставных сталкеров никто никогда не видел.

— Структура сознания сталкера гораздо более устойчивая, чем у остальных аэров, — Вран и не подумал сдаваться, — она не может так легко разрушиться при переходе.

— Не может, — легко согласился Фарас, — но только в том случае, если сталкер совершает переход в осознанном состоянии. Ты уверен, что твоё сознание сохранит свою структуру, если при переходе ты будешь в отключке или глубоком сне?

— Хватит нагнетать, — огрызнулся Вран, — мне и без того тошно. Ты лучше позаботься о собственной безопасности.

— Поздно, похоже, меня уже приговорили, — голос Фараса прозвучал безразлично, словно речь шла не о его жизни.

— Значит, встретимся в Игре, — весело отозвался Вран, — может быть, даже вместе искупаемся в лунной дорожке. Только смотри, больше не влюбляйся в бывших игроков.

— Лёгкой дороги, — Фарас отсалютовал своим бокалом изгнаннику и сделал солидный глоток, — вот только совместного купания обещать не могу, — пробормотал он вслед удаляющейся фигуре, — вряд ли Совет будет ко мне так же снисходителен, как к тебе, Вран, я ведь убийца аэра.

Бежать ему было некуда, в Аэрии просто не существовало такого места, куда бы не смогла дотянуться карающая длань Пятёрки, оставалось только тупо напиваться в ожидании конца. Собственно, развоплощение Фараса не страшило, в глубине души он даже считал такую кару справедливой, но покорно ждать своей участи казалось ему унижительным. Совсем недавно он уже имел это сомнительное удовольствие в застенках инквизиции, когда наблюдал за возведением эшафота сквозь решётку своего окна, и пережить подобное ещё раз после чудесного спасения ему не хотелось, хоть режь. Фарасу физически требовалось оказать хоть какое-то сопротивление судьбе, вот только он совершенно не представлял, что можно противопоставить катку правосудия, медленно, но неотвратимо приближавшемуся к намеченной жертве.

Впрочем, кое-что он всё-таки мог сделать. К счастью, Пятёрка пока не распространила свои щупальца на мир посмертия, а значит, там они не могли достать жертву своих махинаций. Не то чтобы уход на перевоплощение как-то кардинально решал для смертника вопрос с сохранением его существования, ведь, вернувшись в мир живых, он снова автоматически станет мишенью. Фарас рассматривал самоубийство, скорее, как акт протеста против тирании. Разумеется, он не мог не понимать, что его бунтарство было просто глупым ребячеством. Ну что такая незначительная отсрочка исполнения приговора могла принципиально изменить? И всё-таки это был хоть какой-то шанс уязвить этих высокомерных тварей, присвоивших себе право карать неудобных.

Фарас решительно поднялся из кресла и, покопавшись в комод, выудил из нижнего ящика маленький конвертик, в котором находилась крохотная круглая пилюлька. Налив себе из зелёной бутылки жидкости на один глоток, он бросил пилюльку в бокал. Послышалось лёгкое шипение, и над поверхностью жидкости поднялось полупрозрачное облачко сиреневого тумана. Когда туман рассеялся, напиток снова приобрёл свой первоначальный

вид. Быстродействующий яд был готов к использованию, оставалось только сделать один единственный глоток, и перед Фарасом откроется путь в мир, недоступный для живых.

Терять ему было нечего, и всё-таки самоубийца колебался, поскольку такой уход от наказания казался ему не вполне этичным. Впрочем, его колебания продлились недолго, желание подгадать всесильной Пятёрке быстро перевесило этические соображения. Фарас уселся в кресло и поднял бокал, как бы приветствуя свою смерть. Раздался тихий хлопок, и бокал разлетелся вдребезги, окатив несостоявшегося самоубийцу ядовитым зельем и осколками стекла. Из порезанной ладони по его запястью заструилась голубоватая кровь. Фарас тупо посмотрел на свою пораненную руку и истерично расхохотался.

— Прости, что испортил твой наряд, — послышался за его спиной вкрадчивый голос, — но то, что ты собирался сделать, недостойно истинного Арокани, да к тому же ещё и бессмысленно. Длительное существование в мире посмертия достигается только специальными техниками, которыми ты, увы, не владеешь.

— Да кто ты такой? — вспыхнул Фарас, которому снисходительный тон чужака показался даже более оскорбительным, чем его стрельба по чужим бокалам.

— Прости, что сразу не представился, — высокий худой аэр неопределённого возраста бесцеремонно уселся в соседнее кресло, — моё имя Брил.

— Ты служишь Совету? — в голосе Фараса явственно прозвучало отвращение. — В каком качестве, если не секрет?

— Смотря о каком Совете ты говоришь, — проворковал гость, игнорируя неуважительный тон хозяина дома, — а что касается моего статуса, то он, я думаю, тебе известен. В мире Игры меня бы назвали палачом.

— А я-то грешным делом надеялся, что меня для начала будут судить, — язвительно заметил Фарас, — но хозяевам Аэрии, видать, недосуг разводить церемонии, сразу перешли к делу. Что ж, столь рациональный подход можно только поприветствовать.

— Давай я заменю твой испорченный напиток, — Брил легко поднялся на ноги, плеснул в чистый бокал новую дозу жидкости из зелёной бутылки и демонстративно бросил в неё пилюлю, только уже жёлтого цвета.

— Снотворное? — Фарас горько усмехнулся. — Очень гуманно.

— Думаю, ты сейчас должен испытывать благодарность, — заметил палач, — у той женщины, которую ты угробил своим безрассудством, такого бонуса не было, её развоплощение было очень мучительным.

— Зато относительно быстрым, — несмотря на вызывающий тон, Фарасу не удалось скрыть, что слова Брила причинили ему душевную боль. — Ты правда веришь, что вечная пытка гуманней развоплощения? Представь, каково было Грейс жить в аватарском теле и любоваться в своих видениях родным миром, из которого её выкинули как мусор?

— Кажется, ты пытаешься оправдать свой поступок, — в голосе палача впервые с начала разговора проскользнули брезгливые нотки, до этого момента он обращался к своей жертве с подчёркнутым сочувствием.

— Нет, вина за её гибель лежит на мне, — Фарас перевёл взгляд на окно, за которым вдруг сделалось темно из-за приближающейся грозы. Ему в голову тут же пришла мысль, что это его последняя гроза, но депрессивное, в сущности, умозаключение отчего-то вызвало вовсе не тоску, а облегчение. — Не хочется тебя расстраивать, уважаемый Брил, — вздохнул приговорённый, — но твоя карательная миссия немного опоздала, я уже сам себя покарал. Что бы там ни придумал Совет, но хуже мне уже не будет, потому что не существует более

сурового наказания, чем жить, помня о том, что я натворил.

— Положим, с проблемой воспоминаний ты неплохо справился, — заметил палач.

— Да, я пытался убежать от возмездия в беспамятство, — Фарас не стал спорить с очевидным, — это было просто проявлением малодушия. Увы, я не стоик и не герой. Если честно, я даже благодарен Пятёрке за то, что они приговорили меня к развоплощению, это более гуманно, чем ссылка в мир Игры, — с этими словами он взял бокал со снотворным из рук Брила и опрокинул его содержимое в своё горло. — Передай Совету, что я по достоинству оценил их великодушие.

— Есть и третий путь, — голос палача донёлся до ушей Фараса словно из-под земли, потому что снотворное начало действовать почти мгновенно, — путь искупления.

— О чём ты говоришь? — еле слышно пролепетал смертник, из последних сил пытаясь удержаться за уплывающую реальность.

— Что ты знаешь о ратава-корги? — это было последнее, что услышал Фарас перед тем, как провалился в темноту.

Василисе очень нравился дом бабушки, хотя это вовсе не был роскошный особняк, если вы так подумали, напротив, со стороны дом смотрелся очень скромно. Небольшое двухэтажное строение с остроконечной крышей, построенное целиком из дерева, по своему стилю немного напоминало альпийское шале. Дополнительным штрихом, который придавал неповторимый шарм этому непритязательному жилищу и подчёркивал его аутентичность, были могучие сосны, окружавшие здание словно надёжные стражи. Входя внутрь, вы интуитивно ожидали увидеть обстановку деревенского дома с потемневшими от времени деревянными балками, громоздкой мебелью, матерчатыми половичками и разноцветной керамической утварью. Что ж, когнитивный диссонанс был вам точно обеспечен. Внутренняя отделка существовала как бы отдельно от внешнего фасада, она создавала атмосферу лёгкости и одновременно уюта, словно дом был наполнен летучим газом, как воздушный шарик.

Центровым местом дома была просторная гостиная, которая занимала весь второй этаж. Разумеется, тут имелся камин, окружённый мягкими диванами и креслами, а также парочка укромных уголков, куда можно было забуриться с книжкой. Кстати, книжку можно было выбрать тут же, из запасов располагавшейся у северной стены нехилой библиотеки. А ещё в гостиной стоял настоящий рояль цвета топлёного молока и ломберный столик для игры в карты и гадания. Однако главной достопримечательностью гостиной было огромное, во всю стену окно. Собственно, даже не окно, а портал в небеса, как представлялось Василисе. Сидя на диване у камина, она могла часами созерцать плавные движения мохнатых сосновых лап на фоне бегущих по небу облаков. Наблюдение за соснами было излюбленным занятием Василисы с детства, бабушка даже придумала для него смешное и немного обидное название «зависун».

В Василисиной комнате такого замечательного обзора не имелось, поскольку она располагалась в мансарде и освещалась довольно скудно, тремя небольшими окошками в крыше. Зато по городским меркам эта комната была просто огромной, она занимала половину пространства мансарды. Во второй половине располагалась ванная и две небольшие вечно пустовавшие гостевые комнатки. Так что можно было смело утверждать, что мансарда целиком была Василисиной вотчиной. Впрочем, это же касалось и гостиной, по крайней мере, в те дни, когда Серафима Яковлевна не устраивала там свои знаменитые приёмы. Пожилая дама вообще предпочитала не лазить по лестницам без особой нужды и находиться поближе к земле, а потому её жизнь в основном протекала на первом этаже, где располагались её спальня с кабинетом, а также кухня-столовая.

Не удивительно, что Василисе так нравилось ночевать у бабушки, только тут она могла позволить себе наслаждаться покоем и одиночеством. Собственно, Серафиме Яковлевне тоже нравилось общество внучки, и она не раз предлагала ей переехать в свой дом насовсем, даже купила машину, чтобы та могла добираться до работы без толчеи общественного транспорта. Увы, как бы ни хотелось Василисе поселиться среди сосен, пойти на столь кардинальный шаг она так и не решилась. Причиной столь несвойственной этой своенравной барышне нерешительности был её папа. Василиса слишком хорошо знала о его отношении к тёще, а потому не сомневалась, что переезд к бабушке будет им воспринят как предательство. Вот и приходилось ей метаться между двумя домами, как неприкаянной душе

грешницы, чтобы не обижать враждующих родственников.

Обычно Василиса проводила у бабушки выходные и те вечера, когда у неё не было заказов на экспертизу, а в остальные дни оставалась в городе. В итоге, оба претендента на её внимание были в меру довольны, но при этом не прекращали ворчать по поводу претензий противоположной стороны, что надёжно обеспечивало вечерние посиделки дежурной темой для обсуждения. Сегодня была пятница, поэтому Василиса поехала к бабушке. Как ни странно, на этот раз Серафима Яковлевна изменила своим привычкам, её громкий смех был слышен ещё в прихожей, причём со второго этажа. Судя по всему, хозяйка дома была занята гостями, причём какими-то странными, приехавшими в пригород без машины. Василиса поднялась в гостиную, но никаких гостей не обнаружила, она даже не сразу заметила свою бабушку, пока та сама ни подала голос.

— А вот и наша Василёк приехала, — Серафима Яковлевна отодвинула ширму, отгораживавшую ломберный столик, и поманила внучку. — Иди к нам, милая, я тебя познакомлю с моей старой знакомой.

В отличие от остальных, бабушка никогда не использовала вульгарную кошачью кличку при обращении к Василисе, вместо этого в ход шли милые и совсем не обидные прозвища, причём Серафима Яковлевна всё время придумывала новые. Например, все прошлые выходные Василиса была Лисонькой, а вот сегодня стала Васильком. Сама она не особо утруждала себя этими заморочками с разнообразием имён и звала бабушку Бафи. Нет, это имя не имело ничего общего с голливудской истребительницей вампиров, оно просто было сокращённой формой «бабы Фимы». Называть себя бабушкой Серафима Яковлевна запрещала категорически, но на Бафи согласилась с лёгкостью, видимо, ассоциации, которые вызывало это прозвище, были ей близки и приятны.

— Привет, Бафи, — Василиса заглянула за ширму, чмокнула бабушку в щёчку и вежливо улыбнулась её гостье. Это была совсем ещё не старая женщина, стройная, черноволосая, с очень бледной кожей и такими светлыми глазами, что они казались белыми. — А чего это вы отгородились?

— Варенька — очень известный таролог, — представила гостью Серафима Яковлевна, — у неё свои гадальные привычки, ей требуется закрытое пространство, чтобы ни на что не отвлекаться.

Только тут Василиса заметила на краю столика колоду карт таро и скептически хмыкнула. Бабушка постоянно увлекалась разными мистическими и эзотерическими штучками, так что в её доме можно было столкнуться не только с тарологом, но и с провидцами, магами и колдунами всех мастей. Однажды Серафима Яковлевна даже пригласила шамана, приехавшего аж из Эквадора, и устроила в своей гостиной ритуал аяуаски.

— Добрый вечер, — голос у Вареньки оказался на удивление низким и глубоким. Наверное, к обладателю такого голоса клиенты должны были сразу проникаться доверием и без сожаления расставаться со своими деньгами. — Хочешь задать картам какой-нибудь вопрос? — обратилась она к Василисе.

— Не отказывайся, — тут же встряла Серафима Яковлевна, — это редкая удача — встретить такого знающего и проницательного таролога.

— Да я в гадания не верю, — Василиса смущённо улыбнулась, пытаясь смягчить свой отказ, — мне и спросить-то не о чем.

— Это неправда, — в голосе Вареньки не было ни капли осуждения, только чистая

констатация факта, — тебя что-то мучает.

— Точно, — закудаhtала Серафима Яковлевна, окатывая свою внучку волной сочувствия и тревоги, — в последнее время она сама не своя, совсем издёргалась, даже кричала однажды ночью.

— Просто страшный сон, — Василиса беспечно махнула рукой, но при этом как бы невзначай присела к столику и с любопытством принялась рассматривать бабушкину гостью. Странный контраст, который создавало сочетание иссиня-чёрных волос с белёсыми глазами, завораживал уже сам по себе, но было в Вареньке что-то ещё, что буквально притягивало взгляд, не давая ему оторваться от её лица. Так и не разобравшись в природе этого феномена, Василиса сдалась непонятно откуда взявшемуся иррациональному желанию поделиться своими бедами с этой незнакомой женщиной. — У меня, пожалуй, действительно есть вопрос, — тихо произнесла она, — мне снится один и тот же кошмар, который вызывает тревогу и депрессию, но мне не хотелось бы рассказывать его содержание.

— Этого и не требуется, — легко согласилась Варенька, беря колоду.

— Я вас оставлю, девочки, — Серафима Яковлевна поднялась и скрылась за ширмой, — пойду займусь ужином.

Гадание на таро оказалось каким-то уж слишком простеньким, никаких тебе загадочных пассов или заклинаний, процесс выглядел до обидного будничным, особенно, после шамана, устроившего в бабушкиной гостиной настоящее шоу. Однако напряжение, которое вдруг повисло над ломберным столиком, когда красочные картинки расположились в ряд перед Василисой, моментально создало требуемую волнительную атмосферу прикосновения к сакральной тайне. Василиса подняла глаза на гадалку и едва ни свалилась со стула, белёсые глаза Вареньки вдруг потемнели, словно морская вода при погружении на глубину. Это было, пожалуй, даже похлеще выступления шамана.

— Что-то не так? — заволновалась ошарашенная увиденным клиентка. — Причина моих кошмаров в болезни? Я что, схожу с ума?

— Причина, как водится, в мужиках, но не только в них, — серьёзный и сочувственный тон Вареньки совершенно не вязался с её презрительной фразой. — Эти мужики — лишь катализатор того, что грядёт.

— Их много, что ли? — Василиса озадаченно покачала головой. — Но у меня никого нет, случайный секс не в счёт.

— Скоро тебе предстоит сделать выбор, — Варенька указала на карту, на которой были изображены два голеньких человечка, откровенная подпись «любовники» говорила сама за себя.

— Я должна буду выбрать одного из двоих мужиков, которых вы мне напророчили? — ехидно уточнила Василиса. — Хотите сказать, что секс с правильным мужиком поможет мне избавиться от депрессии?

— Секс тут совершенно ни при чём, — Варенька не приняла её шуточный тон, в её глазах застыло выражение тревоги, — выбор будет касаться чего-то гораздо более важного, и ошибка может оказаться фатальной. — Пальцы гадалки сместились к соседней карте, на которой была изображена разрушенная башня, с падающими вниз человечками. — Аркан «башня» означает рок, которому невозможно противостоять. Что-то разрушит привычный уклад твоей жизни. Всё, что ассоциируется в твоих представлениях со стабильностью, благополучием и даже счастьем, вскоре будет уничтожено.

— Вообще-то, я не фанат стабильности, — скептически заметила Василиса, — предпочитаю, чтобы жизнь меня удивляла.

— На сей раз это не будет забавным приключением, — сочувствие, звучавшее в голосе гадалки, отчего-то уже совсем не успокаивало, напротив, оно начинало порядком напрягать ввязавшуюся в сомнительную авантюру жертву бабушкиной любви к эзотерике. — Скорей всего, предстоящие события станут для тебя катастрофой, — продолжала нагнетать Варенька, — по крайней мере, именно так ты их воспримешь.

— То есть, на самом деле никакой катастрофы не случится, — сделала поспешный вывод Василиса. — Я правильно Вас поняла?

— Во всём, что с нами происходит, присутствует высшая целесообразность, — гадалка собрала карты и устало откинулась на спинку стула, её лицо разгладилось, а глаза вернули свой естественный цвет. — Как правило, в текущем моменте мы не в состоянии увидеть дальнейшие последствия происходящих событий, а потому они кажутся нам случайными. Мы считаем незаслуженными те страдания, через которые нам подчас приходится проходить, и только много позже к нам приходит понимание, что без этих страданий мы не обрели бы чего-то очень для нас важного.

— Это Вы сейчас так меня успокаиваете? — обиженно пробурчала Василиса.

— «Башня» сулит очень болезненные переживания, это правда, — Варенька ободряюще похлопала свою расстроенную клиентку по руке, — но ты должна помнить, что разрушение, которое она собой олицетворяет, коснётся лишь того, что является иллюзорным и отжившим. Разрушение иллюзий обнажит правду, которая станет твоей наградой за перенесённые страдания.

— Ну спасибо, — Василиса недовольно поджала губы, — а какое отношение всё это имеет к моим ночным кошмарам?

— Возможно, что и никакого, — небрежно бросила в пространство гадалка, — но скорей всего, твои сны — это просто предчувствие грядущих перемен.

— Так я способна видеть будущее? — в голосе Василисы прозвучало уже откровенное недоверие.

— Не исключено, что ты обладаешь высокой восприимчивостью к вибрациям информационного поля нашей реальности, — последовала загадочная фраза, — так иногда случается.

— То есть мой ночной кошмар станет реальностью? — от подобной перспективы у Василисы аж волосы на голове зашевелились.

— Нет, не думаю, — поспешила успокоить её гадалка, — скорей всего, ты воспринимаешь не само событие, а лишь те эмоции, которые оно вызовет.

— Понятно, — Василиса совсем сникла, поскольку ей вовсе не улыбалось погрузиться в депрессию на постоянной основе. — Я Вам благодарна за предупреждение, но, если честно, не представляю, что мне делать с таким предсказанием.

— Ничего, — отрешённо вздохнула Варенька, — сопротивляться року — это всё равно, что писать против ветра. Того, что должно случиться, тебе не избежать, но ты можешь правильно настроиться и встретить неизбежное спокойно, а не метаться как курица с отрубленной головой. И не забудь про выбор, постарайся понять, какой вариант откроет тебе новый путь, а какой заведёт в ловушку.

На этом сеанс гадания на картах таро закончился, и дамы отправились ужинать. За трапезой обе они хранили молчание относительно предсказанных фатальных событий,

несмотря на умоляющие взгляды изнывающей от любопытства Серафимы Яковлевны. Варенька, как профессиональный таролог, видимо считала, что раскрытие тайны предсказания является исключительной прерогативой клиентки, а Василиса, приняв на грудь порцию тушёного судака, вообще расслабилась и решила выкинуть из головы все предсказанные страшилки. В конце концов, трактовать эти забавные картинки, явно перегруженные непонятной символикой, можно было как угодно, всё зависит только от большой фантазии таролога.

Поужинав, Василиса немного помедитировала перед окном с соснами и отправилась спать в свою мансарду в полной уверенности, что легко справится с тем неприятным чувством, которое оставили в её душе слова гадалки. Увы, очень скоро выяснилось, что представления прирождённой бунтарки о собственной психической устойчивости были излишне оптимистичны. Она так и не смогла заснуть, хотя совершенно не понимала, что конкретно её гложет. Нет, предстоящие испытания её не пугали, Василису вообще непросто было запугать, тем более тупо посулив изменения в жизни, пусть даже катастрофические. Она уже давно смирилась с тем, что с ней постоянно происходят какие-то катаклизмы, и относилась к ним, как к очередным поворотам сюжета занимательной Игры в Жизнь. Но тогда отчего же она всю ночь ворочалась с боку на бок, не в силах выкинуть из головы предсказание?

Только под утро Василису наконец осенило. Дело было вовсе не в самом предсказании, а в последних словах Вареньки про бессмысленность сопротивления року. Столь яркий фатализм был противен Василисиной природе. При всём её пофигизме в отношении собственной безопасности она всегда оставалась бойцом и не опускала руки до самого конца, каким бы он ни был. Сидеть на попе ровно и ждать, когда господин рок найдёт время, чтобы долбануть тебя по темечку — это было за гранью представлений Василисы о добре и зле. Если уж ей и предстояло встретиться с этим господином лицом к лицу, то к встрече следовало основательно подготовиться. Вдохновлённая собственной прозорливостью, Василиса прекратила бесполезную борьбу за ночной отдых и спустилась в кухню, чтобы сварить себе кофе. Несмотря на ранний час, бабушка уже хлопотала у плиты, готовя для внучки её любимые вафли.

— Бафи, ты что так рано поднялась? — удивилась Василиса.

— Старикам не требуется много сна, — Серафима Яковлевна мило улыбнулась, но тут же нахмурилась, заметив тёмные круги под глазами внучки, — а вот ты, похоже, сегодняшней ночью вообще не спала. Это тебя Варенька так расстроила?

— Не расстроила, а предупредила, — поправила её Василиса. — Слушай, а тот шаман уже уехал в свой Эквадор?

— Неужели дело настолько серьёзное? — бабушка всплеснула руками. — Ты хочешь провести какой-то ритуал?

— Защитный, — выпалила внучка. — Думаю, мне не помешает магическая защита.

— Тогда лучше всего обратиться к Венечке, — Серафима Яковлевна даже не усомнилась в здравом рассудке внучки и сразу перешла к делу. — А от кого тебе нужно защищаться?

— Кабы знать, — тяжело вздохнула Василиса, — вроде бы от мужиков. А Венечка — это кто?

— Он руководит магической школой, — Серафима Яковлевна кокетливо поправила причёску и загадочно улыбнулась. — Венечка очень занятой человек, но мне не откажет,

моё издательство сейчас как раз работает над его второй книжкой.

— Шантаж — это я уважаю, — рассмеялась Василиса. — А он какой маг: чёрный или белый?

— Говорит, что белый, — Серафима Яковлевна озадаченно нахмурилась. — Для тебя это действительно имеет значение?

— Бафи, а вдруг он и есть один из тех мужиков, которые порушат мою жизнь? — всполошилась Василиса.

— Это вряд ли, — бабушка хитро прищурилась и бросила оценивающий взгляд на своё отражение в стекле кухонной полки, — он почти мой ровесник.

— То есть ему где-то около шестидесяти, — подколола молодящуюся старушку Василиса, хорошо знавшая, насколько та обычно занижает свой возраст. — Не беспокойся, Бафи, я не стану отбивать у тебя кавалера. Так когда ты планируешь пригласить Венечку в свой дом?

— Понимаешь, деточка, — Серафима Яковлевна откровенно смутилась, — так получилось, что Венечка приехал ко мне как раз после ритуала аяуаски, и ему очень не понравилась аура моего дома. В общем, больше он сюда ни ногой. Тебе придётся самой навестить его в магической школе. Я договорюсь.

— Никаких проблем, — легкомысленно заявила Василиса, пока ещё даже не догадываясь, что именно с визита к магу Венечке и начнётся её падение с «башни».

Алые искры костра улетали в ночное небо и там, в вышине смешивались с бледными искрами звёзд, так что через несколько секунд уже невозможно было отличить новичков от старожиллов небесного свода. Впрочем, из четверых мужчин, расположившихся на поляне вокруг уютно потрескивающего костерка, только одного интересовала эта удивительная метаморфоза, остальные с азартом что-то хором пели под аккомпанемент гитары и не заморачивались судьбой огненных летуний. Вран влился в этот сплочённый коллектив любителей скоротать ночь на природе практически без усилий, даже не пришлось использовать специальные техники, которым обучали сталкеров. Самым удивительным было даже не то, что трое суровых романтиков приняли его как родного, а то, что буквально с первой минуты общения он и сам проникся к ним искренней симпатией.

Для профессионального сталкера это, пожалуй, свидетельствовало о потере квалификации, ведь холодный расчёт и невовлечённость в игровую реальность всегда были нерушимыми заповедями отряда спасателей. Впрочем, симпатия к приятным собеседникам не являлась таким уж серьёзным косяком, гораздо хуже было то, что игрок, которого сталкеру поручили не выпускать из Игры, ему откровенно нравился. От одной мысли, что в какой-то момент ему, возможно, придётся применить к этому аэру жёсткие сталкерские приёмы, Врана буквально мутило. Разумеется, то амплу общительного и дружелюбного любителя романтики, в котором выступал его подопечный в игровой реальности, запросто могло быть просто маской, но отчего-то Врану не хотелось в это верить, уж больно естественно тот играл свою роль.

В первую же встречу с клиентом Вран обратил внимание на то, у Жеки, так игрока звали в мире Игры, совершенно отсутствовали претензии на особое к себе отношение, отличавшие других пришельцев из Аэрии. Редкое качество, если подумать. Обычно игроки чувствовали своё превосходство перед аватарами и, соответственно, вели себя в Игре как беспардонные ублюдки, пренебрегая чувствами окружающих. Хотя, нельзя было исключать и того, что они попросту были лишены способности эти чувства воспринимать. Что ни говори, но астральный спектр коренных аватаров для аэра был просто запредельным. А вот Жека явно не страдал от эмоциональной тупости, что невольно наводило на мысль о том, что он пробыл в Игре дольше, чем было безопасно для среднего игрока. Отчего-то данная информация в задании Врана отсутствовала, и это было вдвойне подозрительно.

Весёлая песенка закончилась, и гитарист, которого все звали смешным именем Чижик, принялся наигрывать какую-то медленную мелодию, одновременно грустную и зовущую. Мелодия так органично вплеталась в шумы летней ночи, что казалась частью природных звуков, шелестом листьев, журчанием воды, стрёкотом кузнечиков. Слушая перебор гитарных струн, Вран словно и сам растворялся в этой удивительной ночной феерии. На какой-то миг ему даже почудилось, что его аватарская оболочка слетает с него словно кокон, чтобы выпустить на свободу его истинную сущность аэра. Ошарашенный сим пугающим феноменом, сталкер едва сдержался, чтобы ни начать ощупывать своё тело на глазах у изумлённых приятелей, настолько иллюзия лёгкости была достоверной.

До сих пор ничего, кроме неудобства, игровая оболочка Врану не доставляла. Мало того, что она была громоздкой и отвратительно плотной, так в добавок обеспечивала своему хозяину такое количество непривычных ощущений, что это сбивало с толку и мешало

рациональному мышлению. Что же такого могла сотворить со сталкером простенькая гитарная мелодия, чтобы, вместо привычного отвращения к собственному телу, он вдруг ощутил благодарность за этот благословенный дар, который позволил ему стать частью чуда такой вроде бы обыкновенной летней ночи? Чувствовать на своём лице влажные прикосновения тумана, тянувшегося с реки, и одновременно впитывать всем телом тепло от костра было удивительно приятно. А терпкий запах смолы, кипевшей на еловых ветках от жаркого огня, кружил голову не хуже местного алкоголя. Игра пламени под аккомпанемент гитары и шума ветра в кронах деревьев завораживала и погружала сознание в лёгкий приятный транс.

Если бы Вран пребывал сейчас в своём родном теле, то ничего подобного даже представить было бы невозможно. Тела аэров были слишком разреженными, чтобы обеспечивать своим хозяевам такую богатую палитру чувственных переживаний, отвлекающих ум от ментальных построений. Наверное, в Аэрии навязанная внешними обстоятельствами потеря концентрации вызвала бы у Врана тревогу и подозрительность, но сейчас он беспечно и с удовольствием отдался бездумному созерцанию. И вот именно тогда из глубин его подсознания всплыло понимание того, что мир Игры стремительно становится для него родным, а неуклюжий скафандр, который он вынужденно напялил на себя для защиты от опасной игровой среды, незаметно превратился в настоящее живое тело.

— Так вот о чём мне талдычил Фарас, — Вран мысленно обругал себя за потерю бдительности, — это же настоящий наркотик. И ведь прошёл всего месяц, как же я мог так быстро втянуться? Наверное, это просто защитная реакция ума, — самонадеянно заключил он, — ведь невозможно постоянно жить под этим шквалом самых разнообразных ощущений и при этом сохранять здравый рассудок. Интересно, а как с этим справляются игроки, которые торчат в этом мире по несколько циклов перевоплощения?

Вран присмотрелся к беспечно улыбающемуся Жеке и с недоумением покачал головой. Судя по всему, игрок не испытывал ни малейших затруднений или даже сомнений, он самозабвенно отдавался магии огня и ни капли не беспокоился за свой рассудок. Жека почувствовал его взгляд и приветливо кивнул, как бы приглашая приятеля разделить свою радость. И в этот момент на Врана снизошло второе откровение, он явственно почувствовал эмоциональную волну, исходящую от игрока. Это было похоже на прикосновение, но не к коже, а к чему-то менее материальному, запрятанному глубоко в сердцевине его существа. Может быть, к той самой пресловутой душе, рассказами о которой наполнены все местные религиозные источники?

— Так вот в чём всё дело, — догадался ошарашенный аэр, — оказывается, восприятие аватаров не ограничивается системой органов чувств, оно гораздо шире.

Ещё во время обучения, когда наставники погружали будущих сталкеров в игровую среду, он обратил внимание на то, что у аватаров практически отсутствуют телепатические способности, и они не могут обмениваться мыслями напрямую, не используя речь. Ещё одним разочарованием стало понимание, что уровень использования интуиции у местных жителей чрезвычайно низок. Естественно, всё это сразу опустило в глазах аэра статус аватаров ниже плинтуса. Наверное, он бы и дальше продолжал считать их чем-то вроде усовершенствованных животных, если бы ни случайно выпавший шанс пожить в шкуре аватара дольше нескольких дней, которые требовались для выполнения стандартной миссии.

Да, аватары действительно не могли обмениваться мыслями, но они с избытком компенсировали этот недостаток тем, что обладали способностью обмениваться эмоциями и

даже чувствами. Кстати, с интуицией тоже всё оказалось не столь однозначно, похоже, интуиция у аватаров была развита не хуже, чем у аэров, только она использовала не ментальный, а астральный спектр вибраций. И ещё неизвестно, что было эффективней.

— Почему же сталкерам не сообщают об этих особенностях мира Игры? — мысленно задал себе вопрос Вран. — Может быть, эта информация опасна для аэра? Но чем?

Твёрдо решив разобраться в этом непростом вопросе, сталкер поднялся и, сославшись не желанием окунуться в речке перед сном, побрёл вдоль берега в сторону запруды. В том месте, где компания приятелей разбила свой лагерь, течение реки было бурное и стремительное, поскольку водный поток был зажат с двух сторон каменными утёсами, но ниже по течению река разливалась и благодаря естественной запруде образовывала небольшое, но довольно глубокое озеро с удобным галечным пляжем. Вот туда-то и направился Вран, чтобы в одиночестве подумать о странностях мира Игры. Как раз в тот момент, когда он подошёл к кромке воды, из-за леса на противоположном берегу на небо выкатилась огромная бледно-жёлтая луна, и к ногам одинокого путника тут же протянулась лунная дорожка, невольно напомнив ему о последней встрече с Фарасом.

— Купание в лунной дорожке, говоришь, — с усмешкой произнёс Вран, косясь на серебряное мерцание, словно это был вызов его интеллектуальным способностям, — ладно, проверим болтливого игрока на вшивость.

Он быстренько разделся и погрузился в воду. Сделав несколько быстрых гребков, чтобы согреться, Вран остановился и прислушался к своим ощущениям. Да, поверхность озера действительно переливалась бледным сиянием, но в остальном это была самая обыкновенная вода, причём довольно холодная. Наверное, он бы так и не понял, о чём говорил Фарас, если бы случайно ни коснулся ногой какой-то коряги. Это заставило беспечного пловца опустить взгляд вниз, и только тогда он это увидел. Оказывается, каждое его движение рождало целый рой светящихся пузырьков, словно звёздочки вдруг решили искупаться и нырнули на глубину со своего небесного насеста. Не отрывая глаз от танца шустрых светлячков, Вран медленно поплыл к центру озера. Зрелище было настолько завораживающим, что он очухался, только когда буквально уткнулся в противоположный берег.

— А ведь опасность действительно существует, — задумчиво произнёс полуночный купальщик, — опасность выбора.

Вывод, который он сделал из своих наблюдений, коренному жителю мира Игры мог бы показаться парадоксальным, но для аэра этот парадокс был просто констатацией факта. Средний уровень вибраций сознания жителей Аэрии был выше, чем у местных аватаров, пик чувствительности их умов приходился на ментальный диапазон, притом что чувствительность в астральном спектре была незначительной. Такая особенность обеспечивала аэров способностью к рациональному мышлению, однако делала их сухими и безэмоциональными. Собственно, именно бедность эмоционального восприятия была залогом того, что ум аэров был свободен от отвлекающих факторов, снижающих уровень концентрации. Зато богатство ментального спектра позволяло им контролировать формирование собственной реальности и управлять процессом перевоплощения в случае гибели тела.

Разумеется, ни о чём подобном аватары Игры даже мечтать не смели, для них осознанная материализация мыслей была настоящим чудом или даже опасным колдовством. Поэтому местные жители никак не могли бы претендовать на нечто большее, нежели роль

марионеток в руках игроков. Не удивительно, что Совет Пятёрки взял на себя миссию по формированию реальности Игры, на аватаров в этом плане надеяться не приходилось. И кто бы мог подумать, что в качестве компенсации за свою подчинённую роль аватары сподобятся получить от Создателя Игры такой волшебный подарок? Оказывается, их ум способен воспринимать настолько широкий диапазон астральных вибраций, что они буквально купаются в чувствах и эмоциях. Пусть аватары и лишены способности осознанно формировать свою реальность, зато они обладают возможностью этой реальностью наслаждаться.

Можно было сколько угодно спорить о преимуществах ментальной и астральной форм сознания, для аватаров этот спор оставался чисто умозрительным, поскольку у них попросту не было выбора, их ум не годился для управления реальностью, по крайней мере, у основной массы населения. Зато каждый игрок, побывавший в мире Игры, так или иначе оказывался перед этим непростым выбором. Что лучше: уметь контролировать свою реальность или незатейливо жить в своё удовольствие? Какой смысл в том, чтобы что-то создавать, если ты не можешь в полной мере насладиться плодами своего творчества? Эти и подобные им вопросы, наверняка, не раз мучали пришельцев из Аэрии, и стоит ли удивляться, что кое-кому из них Игра могла показаться более привлекательной, чем их родной мир?

— А вдруг те игроки, которых мы так самоотверженно спасаем от морока Игры, осознанно сделали свой выбор в пользу наслаждения? — эта мысль буквально взорвалась в мозгу Врана. — Что если мы совершаем по отношению к ним вульгарное насилие?

На самом деле, задавая себе эти крамольные вопросы, Вран вовсе не собирался на них отвечать, поскольку ответ мог грозить крахом всем его представлениям о жизни, и опасность он почуял буквально спинным мозгом. Нет, никаких иллюзий по поводу мудрого и справедливого мироустройства Аэрии он уже не питал. После того, как клан Арокани тупо подставил его под удар, чтобы скрыть свои тёмные делишки, это было бы верхом легкомыслия. Но главная опасность таилась вовсе не в признании недостатков мира аэров, а в том третьем вопросе, который логично вытекал из первых двух. А что бы выбрал он сам, если бы не был сталкером?

Возвращение в лагерь прошло в глубокой задумчивости. Так и не сумев разобраться в своих желаниях, Вран подошёл к костру и к собственному удивлению обнаружил, что огонь почти погас, и все участники вечерних посиделок расползлись по палаткам. Хотя нет, в неясном свете остывающих угольков можно было разглядеть чьё-то одинокое тело, уютно прикорнувшее у костра. Поскольку рядом со спящим виднелся гриф гитары, Вран сделал скоропалительный вывод о принадлежности дремлющей тушки гитаристу Чижикю. Увы, аналитические способности на сей раз подвели сталкера, во-первых, это оказался вовсе не гитарист, а во-вторых, он не спал, он был мёртв. Кто-то хладнокровно оглушил его гитарой, обломки которой валялись рядом, а потом перерезал ему глотку.

Собственно, гадать, кто это сделал, не приходилось. Игроку не было нужды убивать аватара, с которым он был в дружеских отношениях, это могло понадобиться разве что сталкеру, чтобы захватить клиента. И этим сталкером был никто иной, как Чижик. Вран невольно восхитился мастерством своего коллеги, тот отыграл свою роль улыбчивого и безобидного паренька просто блистательно. Самому ему было пока очень далеко до столь полного и достоверного перевоплощения. Наверняка, сталкер Транзари его раскусил и именно поэтому решил форсировать свою миссию по возвращению игрока.

Ситуация выглядела безнадежной, ночью искать следы беглецов было бессмысленно, а

до утра Жека, пожалуй, не доживёт, по крайней мере, сам Вран точно не стал бы тянуть с эвакуацией. Пока облажавшийся сталкер уныло таращился на темневший вдалеке лес, куда, по всей видимости, Чижик утащил своего клиента, уже совсем было погасший костёр, вдруг разгорелся с новой силой. Резко обернувшись, Вран упёрся взглядом в изящную женскую фигурку, маячившую чёрной тенью на фоне яркого пятна пламени. Не дожидаясь, пока ошарашенный её чудесным появлением мужик приблизится, женщина уселась на разложенный у костра плед и изящным движением руки скормила огню ещё парочку еловых веток.

— Не повезло бедняге, — донёлся до Врана её сочувственный голос, при этом женщина смотрела вовсе не на труп, лежавший буквально в метре от неё, а куда-то в сторону леса.

— О ком Вы говорите? — поинтересовался сталкер, в душу которого тут же закралось подозрение, уж не обнаружит ли он ещё парочку мёртвых тел на опушке.

— О Косте, разумеется, — бросив взгляд на мёртвое тело, женщина брезгливо поморщилась. — Нет ничего более идиотского, чем сожалеть о смерти аватаров. Что?! — вскинулась она, уловив недоумение в глазах подошедшего мужчины. — Ты не знал настоящего имени своего клиента?

— Сталкерам такой информации не сообщают, — Вран недовольно поджал губы, осведомлённость этой странной дамочки его совсем не порадовала. — А ты кто такая?

— Путешественница, — незнакомка загадочно улыбнулась и сделала приглашающий жест, как бы открывая переговоры. — Так Коста был твоим заданием? — она ехидно хихикнула. — Чем же он так важен, что за ним послали сразу двух сталкеров?

В первый момент Вран даже не понял, что стал свидетелем саморазоблачения, только через пару секунд до него дошло. Если бы этот аэр в теле миловидной барышни был его коллегой, то речь шла бы о трёх, а не двух сталкерах. Значит, перед ним был просто игрок, причём игрок, явно не заинтересованный в том, чтобы лишиться компании этого самого Косты. Это было странно уже само по себе, обычно игроки не погружались в мир Игры парочками, да и правила этого не приветствовали. Неужели какой-то из кланов решил их нарушить? А почему бы и нет, ведь послали же его самого удерживать игрока в Игре, что, между прочим, тоже не вписывалось ни в какие правила. По всему выходило, что эта барышня являлась ситуативным союзником облажавшегося сталкера, а это был пусть небольшой, но всё же шанс исправить ситуацию.

— Ты, видимо, тоже из Транзари, — Вран сделал неуклюжую попытку прощупать свою собеседницу и тут же напоролся на ответку.

— А ты? — барышня ехидно подмигнула, как бы давая понять, что с ней такие фокусы не пройдут.

— Не понимаю, какое может быть дело одному игроку до другого, — фыркнул Вран. — В первый раз слышу, чтобы вы играли командой.

— А я и не играю, — в голосе женщины зазвучал металл, — я тоже здесь работаю, как и ты, сталкер. Вот только, в отличие от тебя, я не собираюсь вытаскивать Косту из Игры, он должен остаться здесь.

— Я тоже не собираюсь, — неприязненно буркнул Вран, которому вовсе не улыбалось отчитываться перед какой-то мутной «путешественницей».

— Вот как? — барышня откровенно оживилась. — Это же всё меняет.

— Похоже, мы оба облажались, — констатировал сталкер.

— Пока нет, — на губах самоуверенной дамочки появилась хитрая улыбочка, а в глазах

заплясали азартные искорки, — я знаю, куда твой коллега потащил Косту. Сталкеры ведь никогда сразу не применяют крайние меры, не так ли? Думаю, до утра у тебя есть время, чтобы выручить своего клиента.

— А чего ж ты сама его ни выручишь? — поинтересовался Вран, уже откровенно недоумевая на предмет статуса своей собеседницы. Если она не сталкер и не игрок, то кто же? Может быть, у Совета Пятёрки имеются в Игре собственные агенты?

— Я нахожусь в Игре не совсем легально, — женщина уставилась в глаза сталкера, как бы проверяя его реакцию на свои откровения, — мне приходится вести себя очень тихо, чтобы такие, как ты, не открыли на меня охоту.

— Так, час от часу не легче, — пробурчал Вран. Поскольку версия с агентом отпала сама собой, а других у него не имелось, то бедолага завис в полной растерянности. — Извини, но я не готов сотрудничать с нелегалом, да и твои мотивы мне не ясны.

— Это подарок, глупыш, — дамочка весело расхохоталась. — У местных есть поговорка: дарёному коню в зубы не смотрят.

— А ещё: бойтесь данайцев, дары приносящих, — подхватил её игру Вран.

— Ладно, не будем соревноваться в остроумии, — нелегалка вдруг сделалась серьёзной, — у тебя не так уж много времени. Скажи мне, сталкер, ты действительно веришь в то, что какая-то группка аэров имеет право присвоить себе целый мир?

Вопрос был не просто шокирующим, он буквально погрузил Врана в ступор. Сказать, что раньше он никогда не задумывался о подобных вещах, было бы неверно, но подвергать сомнению компетентность и полномочия Совета ему в голову ни разу не приходило.

— Доступ к Игре не может быть бесконтрольным, — вяло возразил он, — не каждый аэр способен пребывать в этом мире безопасно для собственной психики.

— Я провожу здесь большую часть моей жизни, — женщина презрительно ухмыльнулась, — и не какой-то престарелой Пятёрке решать, что для меня вредно, а что полезно.

— Но это невозможно, — у Врана от такого признания буквально волосы на голове зашевелились, — после десяти циклов у игроков начинаются необратимые изменения когнитивных функций ума.

— А я и не игрок, — фыркнула женщина, — я ратава-корги. Так ты хочешь узнать, где сейчас находится Коста?

— Почему Вы не хотите мне помочь? — в голосе Василисы обида смешалась с возмущением в пропорции гремучей смеси, того и гляди рванёт. — Вы же сами говорили, что маги способны создавать свою реальность.

— Не создавать, а конфигурировать, — спокойно поправил посетительницу маг Вениамин.

— Какая разница? — процедила сквозь зубы возмущённая Василиса. — Если не можете, то так и скажите.

— Разница принципиальная, — Вениамин не повёлся на её истерику и продолжил вещать с самым невозмутимым видом. — У тебя в детстве были деревянные кубики с картинками?

— Их больше не делают, — фыркнула Василиса, — сейчас всё из пластика. Но причём тут детские игрушки? Вы пытаетесь таким образом съехать с темы?

— Вовсе нет, — маг добродушно улыбнулся, хотя и ежу было понятно, что беспардонное Василисино поведение его задевает. В силу своей необычной профессии он привык к более обходительному обращению, и если бы эта нахалка не была внучкой издателя его книги, то он попросту выставил бы её за дверь. — Я упомянул кубики, потому что хочу кое-что тебе объяснить, используя их в качестве наглядного пособия. Не возражаешь? — Василиса уныло кивнула, уже предвкушая занудную лекцию и в душе сетуя на потерянное время. — Дело в том, что мы сотворяем свою реальность примерно так же, как дети складывают из кубиков картинки, — Вениамин воспользовался временным затишьем, чтобы настроить клиентку на конструктивный диалог, вместо базарной разборки, — и так же, как дети, не имеем ни малейшего представления о том, откуда берутся изображения на кубиках.

— Хотите сказать, что на самом деле мы ничего не создаём, а просто используем чужие наработки? — Василиса бросила дуться, и её глаза засветились любопытством, затронутая магом тема оказалась довольно интересной. — Ну и откуда же берутся изображения на кубиках? Их создаёт какой-нибудь бог, типа, творец нашего мира?

— Частично да, — согласился Вениамин, — но не только. Видишь ли, в этой конфигурации из жителей мира и его создателя имеется ещё и третья сторона.

— Какие-нибудь паразиты! — Василиса тут же ощетибилась как ёжик. — Выходит, зря я стебалась над конспирологами, они оказались правы. Так земля действительно является фермой гавваха?

— Не стоит верить в страшилки только потому, что кто-то очень убедительно умеет пугать, — наставительно заявил маг, нацепив на своё лицо эдакое снисходительное выражение, которое, впрочем, ни капли не убедило его бойкую клиентку. — Ну ладно, не стану врать, что мы живём в раю среди ангелочков с крылышками, — скептическую ухмылку словно смыло с его лица, — в этом мире всё так устроено, что кто-то кого-то ест, и сам в свою очередь является пищей. Однако я сейчас говорю не о структуре пищевой цепочки, а о структуре взаимоотношений между различными обитателями проявленной реальности в более общем смысле.

— Тогда я не совсем Вас поняла, — озадаченное выражение на физиономии этой самонадеянной грубиянки выглядело так забавно, что Вениамин не удержался от улыбки.

— Представь, что ты пишешь книгу, — маг вопросительно посмотрел на свою клиентку, словно сомневался, что у неё достанет интеллектуальных способностей для подобного занятия. — Скажи, для кого твой труд мог бы предназначаться.

— Естественно, для читателей, — Василиса снисходительно хмыкнула, как бы давая понять своему собеседнику, что тот задал тривиальный вопрос, но в этот момент до неё дошло, что он имел в виду. — Вы хотите сказать, что у нашего мира тоже имеются читатели?

— Лучше сказать — игроки, — поправил её маг. — Так вот, игроки тоже рисуют картинки на кубиках, наравне с изготовителем самих кубиков.

— А мы всего лишь составляем из готовых кубиков свои конфигурации, — продолжила его мысль Василиса. — Почему же мы сами не рисуем то, что нам хочется?

— Не умеем, — Вениамин печально вздохнул, — хотя некоторым всё-таки удаётся развить свой ум настолько, чтобы сварганить парочку, другую кубиков, но это уже за пределами земной магии.

— Так, а теперь давайте без аллегорий, — отрезала Василиса, которой эти иносказания начали порядком надоедать. — Что такое эти кубики?

— Это ментальные построения ума, — маг вроде бы даже огорчился, что ему не дали пофилософствовать вволю. — Вся наша реальность — это набор таких построений. Если выбрать подходящие кубики и расположить их в определённом порядке, то можно сформировать таким образом нужную картинку реальности. Этим и занимается магия. А вот для того, чтобы создать и внедрить в общественное сознание собственный ментальный концепт, требуются совсем другие способности и техники.

— Ну да, ну да, мир иллюзорен, — глумливая гримаса исказила черты Василисиного лица. — Плавали, знаем. Мысль порождает материю и всё такое.

— А ты полагаешь, что мир материален? — улыбочка Вениамина по своей язвительности ничуть не уступила Василисиной гримасе. — Буду просто счастлив услышать твои аргументы в пользу этой гипотезы.

— Простите, Вениамин, — Василиса бросила надменный взгляд на заигравшегося философа, — но я пришла к Вам не для того, чтобы побеседовать о строении мироздания, у меня имеется конкретная проблема. Бабушка уверяла, что Вам не составит труда провести какой-нибудь магический ритуал, который защитит меня от злого рока, и я ей поверила. В конце концов, я же не прошу Вас создать специально для меня новый кубик, просто переставьте кубики так, чтобы вывести меня из-под удара.

— Увы, всё не так просто, — маг сочувственно улыбнулся, отчего у Василисы по рукам и ногам побежали мурашки. — Я постараюсь объяснить, если позволишь, но для этого мне снова придётся обратиться к наглядному примеру с книгой. Ты же не станешь спорить с тем, что у каждой книги имеется сюжет, правда? — Василиса покорно кивнула, пока не понимая, куда клонит Вениамин, но уже подозревая, что ничем хорошим его иносказания для неё не закончатся. — В полном соответствии с авторским сюжетом книжные герои переживают определённые события в своей жизни, страдают, радуются, влюбляются умирают и даже убивают. Как ты думаешь, деточка, могут ли персонажи выйти за рамки сюжетных линий? Уж прости меня за этот риторический вопрос, — повинулся маг, — не удержался от эффектного аккорда.

— Я угодила в такой сюжет? — голос Василисы дрогнул, выдавая её волнение.

— Аркан «башня» — это тот самый рок, от которого не спрятаться, — подтвердил её опасения маг. — Если какое-то событие прописано в сюжете твоей судьбы, то оно случится,

как бы ты ни старалась защититься.

— Вы на полном серьёзе утверждаете, что вся наша жизнь расписана заранее? — в глазах Василисы сразу же вспыхнул огонёк сомнения. Она никогда не верила в предопределённость и презирала фаталистов.

— Нет, не вся, — возразил Вениамин, невольно присоединяясь к её жизненной позиции. — Согласись, ни один автор не станет расписывать каждую секунду жизни своих героев, ведь такое занудство никто не стал бы читать. В сюжете книги прописаны только значимые события, а в остальное время персонажи живут по своему усмотрению.

— Значит, вне сюжета наша жизнь определяется нашей волей, — сделала поспешный вывод Василиса.

— Не совсем, — маг немного замаялся, словно раздумывал, стоит ли открывать любопытной клиентке все свои тайны, — есть ещё один фактор, который влияет на нашу жизнь и который мы обычно называем кармой.

— Но ведь это и есть та самая предопределённость, — обиделась Василиса.

— Нет, карму создаёт вовсе не автор книги, это делаем мы сами, — Вениамин опять сочувственно улыбнулся, вызывая очередной забег мурашек по конечностям своей клиентки, — а потому имеем возможность ею управлять, конечно, только в том случае, если понимаем алгоритмы её работы. Если бы твоя проблема лежала в области действия кармических законов, я смог бы предотвратить или как минимум ослабить удар, но, к сожалению, это не так.

— Ладно, я поняла, — Василиса устало вздохнула и поднялась на ноги. — Спасибо за то, что всё объяснили, и за сочувствие тоже.

— Не стоит сразу себя хоронить, деточка, — Вениамин взял её за руку и снова усадил в кресло, — аркан «башня» вовсе не означает гибель, хотя и не исключает такого исхода, он просто предрекает крушение жизненных устоев, которые мешают тебе прийти к истине. Да, это будет болезненно, но не обязательно фатально.

— Вы не понимаете, — Василиса вырвала свою руку, и в её глазах сверкнули гневные молнии, — я боюсь не смерти, а этой Вашей безысходности. И не нужно меня уговаривать принять свою судьбу, я всё равно буду искать выход, даже если кому-то это кажется ребячеством.

— Но почему? — в голосе мага прозвучало откровенное недоумение. — Разве не разумнее смириться и подготовиться к предстоящим испытаниям, а не пытаться бороться с неотвратимым?

— Смирение — это не про меня, — фыркнула Василиса, — я не фигура на шахматной доске, я игрок.

— И в какие же игры ты играешь, деточка? — Вениамин скептически прищурился, как бы давая понять своей посетительнице, что заценил пафос её заявления, но не может относиться серьёзно к его содержанию. Как ни странно, его откровенная насмешка Василису ничуть не задела и даже не заставила поумерить свой апломб.

— Мы все играем в эту Игру, — её голос прозвучал твёрдо, но без агрессии, словно она провозглашала всем известную аксиому, — она называется жизнь.

— Выходит, все люди являются игроками просто по праву рождения? — уточнил маг, правда, уже без снисходительной нотки в голосе.

— С чего Вы это взяли? — Василиса нахмурилась, пытаясь определить, был ли этот вопрос очередной провокацией, или на сей раз Вениамин снизошёл до серьёзного

обсуждения. Видимо, сочтя намерения своего собеседника искренними, она всё-таки решила поделиться с ним своими мыслями. — Я думаю, игроков меньшинство, люди в своей массе являются фигурами на игровой доске, и их это устраивает. Игроки ведут свою игру и зачастую манипулируют фигурами, но не обязательно, могут и просто играть соло.

— А какой смысл в этой Игре? — теперь маг сделался абсолютно серьёзен, словно ответ был для него чрезвычайно важен.

— Наверное, смысл содержится в самой Игре, — Василиса пожала плечами. — Не думаю, что наше существование вообще возможно вне Игры. Проходя определённый уровень сложности, мы просто переходим на следующий уровень.

— А что случится после прохождения последнего уровня? — в глазах Вениамина теперь легко читался искренний интерес, да и тон его вопроса уже не был снисходительным.

— Не исключено, что тогда откроется выход из Игры, — Василиса ответила почти не задумываясь, из чего маг заключил, что она размышляла над этим вопросом и раньше, — но это будет не выход из Игры вообще, а лишь из данной конкретной Игры, — прибавила Василиса ровно в тот момент, когда Вениамин уже раскрыл рот, чтобы ехидно полюбопытствовать, как же выглядит существование вне Игры. — Скорей всего, выход из одной Игры является входом в другую, посложней и поинтересней, разве что..., — в комнате повисла долгая напряжённая пауза, при этом в глазах Василисы вдруг вспыхнули эдакие шаловливые искорки, и маг не смог удержаться от реплики.

— Продолжай, — лёгкая дрожь в голосе выдала его волнение.

— Разве что создать собственную Игру, — закончила свою мысль Василиса. — А что? — она рьяно принялась доказывать свою правоту, словно с ней кто-то спорил. — Кто-то же создал нашу Игру, значит, никаких принципиальных запретов не существует.

Философствующая барышня приняла независимую позу, ожидая, что маг поднимет её теоретизирования на смех, но в глазах Вениамина не было даже намёка на насмешку. Поначалу в них промелькнуло удивление, которое быстро сменилось странным выражением, которое Василиса не сразу смогла идентифицировать. Только через минуту до неё дошло, что это было облегчение с лёгкой ноткой досады. Наверное, именно с таким выражением лица мы разглядываем вещь, которую разыскивали долгое время и которая, оказывается, лежала у нас под носом. Неадекватная реакция мага стала для Василисы неприятным сюрпризом, ей отчего-то стало неуютно в его обществе и захотелось тупо подхватиться и сбежать.

— Извините, если я что-то не то сказала, — она произнесла эту фразу, как бы подводя итог беседе, и снова начала подниматься из кресла, но Вениамин быстренько перехватил беглянку.

— Если ты ждёшь, что я стану с тобой спорить, то напрасно, — в голосе мага можно было без труда уловить радостное возбуждение, — я и сам примерно так же представляю наш мир. Ты позволишь мне кое-что проверить, Василиса? — впервые с начала разговора он назвал свою гостью по имени, как бы подчёркивая своё уважительное отношение, и та от неожиданности не нашлась, что возразить, и тупо кивнула. Вениамин взял её за руки и закрыл глаза, вызвав у Василисы очередной порыв слинять с этой странной аудиенции. — Постарайся выкинуть из головы все мысли, — попросил маг, чётко уловив её панический настрой.

— Это не так-то просто, — принялась канючить Василиса, — я этому уже несколько месяцев учусь на цигуне, но получается паршиво.

— Сейчас у тебя получится, — в голосе Вениамина была такая убеждённость, словно он просто констатировал прописную истину, вроде того, что вода мокрая.

Как ни странно, его слова оказались пророческими, после них Василиса словно погрузилась в сон без сновидений, хотя при этом вовсе не утратила осознанности. Все её волнения внезапно улетучились, и на душе сделалось так спокойно, как бывает в первый момент заслуженного отдыха после качественно выполненной работы, когда вы наконец сбрасываете с плеч груз ответственности и окунаетесь в нирвану удовлетворённости собой и всем остальным миром. Впрочем, блаженная расслабленность длилась недолго, буквально через минуту Вениамин открыл глаза и отпустил руки своей гостьи.

— Думаю, я смогу помочь в твоей ситуации, — задумчиво произнёс он, — но не совсем так, как ты, должно быть, ожидаешь. Я не в силах предотвратить надвигающуюся катастрофу, но помогу тебе с ней справиться.

— Каким это образом? — прежние сомнения враз вернулись, заставив Василису мысленно принять оборонительную стойку.

— Я обучу тебя кое-каким магическим практикам, — маг благожелательно улыбнулся. — Тебе никогда не хотелось заняться магией? Потенциал несомненно имеется и совсем неплохой.

Вот такого Василиса, пожалуй, не ожидала. Она пришла на встречу с Вениамином как клиент, без какого-либо намерения сделаться его ученицей, а потому предложение застало её врасплох. Действительно, вы же не станете ожидать от массажиста или парикмахера, что он вдруг начнёт обучать вас основам своего мастерства, это же не логично и, кстати, довольно подозрительно. Зачем кому-то создавать себе конкурента собственными руками? Правда, немного подумав, Василиса всё же припомнила, что бабуля как раз говорила, что у Венечки имеется школа магии, и это несколько рассеяло её подозрения. Да и предложение, если честно, было таким заманчивым, совсем как сыр в мышеловке. Стоит ли удивляться тому, что глупая доверчивая мышка, недолго думая, легкомысленно цапнула аппетитную приманку.

Когда Василиса, воодушевлённая открывающимися перспективами, покинула кабинет мага, тот ещё долго сидел в кресле, задумчиво улыбаясь своим мыслям. Из блаженных мечтаний его вывел тихий стук в дверь.

— Заходи, Ро, — бросил Вениамин через плечо, даже не удосужившись повернуть голову в сторону входа, — мы уже закончили.

— Привет, — новый посетитель проскользнул в кабинет и плюхнулся в кресло, которое недавно покинула Василиса. — Хорошие новости? — поинтересовался он, бросая изучающий взгляд на довольного мага.

— Прекрасные! — Вениамин не удержался от демонстрации своего триумфа. — Я нашёл напарницу Госеру.

— Женщина? — в голосе Ро послышалось сомнение. — А она точно из бывших?

— Даже не сомневайся, — маг небрежно махнул рукой, — я проверил спектр её вибраций, такого у аватаров не бывает.

— Вообще-то, я надеялся, что очередным подопытным кроликом станет мужик, — вздохнул посетитель. — Как-то не хочется ставить опасные эксперименты над хрупкими барышнями.

— Что за сентиментальный бред? — Вениамин недовольно нахмурился. — Какая разница, в каком теле воплощено данное сознание?

— Теоретически, никакой, — согласился Ро, — наверное, женщина даже лучше. Госер ведь сейчас играет в мужском теле, и если между напарниками установится интимная близость, то это значительно усилит связь между их сознаниями и ускорит процесс возгонки.

— Это ты из собственного опыта сделал столь глубокомысленное заключение? — в голосе Вениамина послышалась откровенная насмешка. — Признавайся, опять завёл интрижку с местной барышней.

— По необходимости, — Ро даже не подумал отнекиваться и тем более оправдываться. — Видишь ли, по милости этой барышни мы потеряли один из источников финансирования, а конкретно — сбыт старинной ювелирки. Я решил, что личный контакт в данном случае будет самым эффективным способом исправить ситуацию.

— И затащил бедняжку в постель, — закончил его рассказ Вениамин.

— Это спорное утверждение, — его гость саркастично хмыкнул. — Если честно, я так и не понял, кто кого затащил.

— Ты, главное, не увлекайся, — в голосе Вениамина послышалось недовольство, — вспомни, чем для тебя закончились прошлые амурные похождения.

— Вен, ну сколько можно? — тут же вскинулся посетитель. — Я же много раз просил тебя не напоминать мне о том сталкере. Я с ним рассчитался по полной и надеюсь, что больше наши пути не пересекутся.

— Игра большая, — Вениамин с сомнением покачал головой, — может, и не пересекутся. Так ты займёшься сводничеством? Интрижка с местной красоткой тебе не помешает? Мой опыт показывает, что аэры, напяливая на себя аватарскую шкурку определённого пола, начинают действительно себя чувствовать мужчинами или женщинами.

— Ты же знаешь, почему это происходит, — отмахнулся Ро. — Когда-то и в Аэрии было разделение на два пола, это просто рудиментарный синдром. К счастью, меня это не затронуло, мне одинаково комфортно в любом теле.

Некоторое время маг с любопытством разглядывал своего посетителя, а потом громко расхохотался. Ро не стал его прерывать, просто сидел и ждал, когда приступ непонятной смешливости закончится. Наконец, Вениамину надоело стебаться, и смех резко оборвался.

— Если бы ты только мог видеть свои масляные глазки, когда рассказывал про свою новую любовницу, то не бросался бы столь безапелляционными заявлениями, — сподобился объясниться маг. — Извини, Ро, но ты больше мужик, чем большинство местных аватаров.

— Мне действительно нравится эта игра, — не стал отпираться герой-любовник, — особенно, если женщина привлекательна, но могу тебя заверить, что работе это никак не повредит.

— Хотелось бы надеяться, — мрачно отозвался маг. — Если ты начнёшь видеть в аватарах живых существ, то больше не сможешь оставаться собой.

— Я знаю, кто я такой, — Ро резко поднялся и не прощаясь направился к двери, однако уже взявшись за ручку, притормозил. — Вен, а тебя никогда не мучают сомнения? — тихо спросил он. — Мы же своими экспериментами губим не аватаров, а игроков.

— Бывших игроков, — поправил его маг, — они уже давно утратили способность к правильной самоидентификации.

— Но их сознания — это сознания аэров, — Ро повернулся и вопросительно взглянул на хозяина кабинета. — Есть ли у нас право рисковать их жизнями?

— Это малая и, увы, неизбежная плата за освобождение всех, кто пострадал от

стирания, — тон Вениамина был резким и вдобавок назидательным, что вызвало у его собеседника невольное отторжение. — Надеюсь, ты не собираешься оспаривать решение, которое принял Совет ратава-корги?

— Не собираюсь, — мрачно процедил Ро, и дверь за ним захлопнулась, оставляя хозяина кабинета в глубоком раздумье.

Вен откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза, его триумфальный настрой куда-то испарился, и остались лишь усталость и досада на чересчур щепетильного напарника. Несмотря на собственные заверения, сомнения уже давно сделались постоянными спутниками Вена. После гибели пятерых вроде бы хорошо подготовленных испытуемых глушить чувство вины становилось всё труднее, а разработанный им проект перестал казаться таким уж идеальным. Да, непросто поддерживать уверенность в других, когда не испытываешь её сам.

Взгляд Чижики, устремлённый в дуло направленного ему в лоб пистолета, был безмятежен, словно сталкер любовался красивым пейзажем, а не смертоносной чернотой, из которой вот-вот должна была прилететь смерть. Ни малейших признаков волнения и тем более страха в его лице Вран не заметил, что было совсем не удивительно, ведь смерть в мире Игры для сталкеров не была фатальной и не отправляла их на перевоплощение, она просто открывала им путь к возвращению в родную реальность. Конечно, за провал миссии никто по головке не погладит, но работа спасателей по самой своей природе была связана с риском, а потому эти самые провалы вовсе не были редкостью.

— А ведь я сначала подумал, что это какое-то недоразумение, — в голосе Чижики всё-таки прорезалась досада на собственную недалёковидность, — посылать двух сталкеров за одним игроком было глупо, но накладки всё-таки случаются. О том, что ты работаешь на Арокани, я узнал только вчера и сразу понял, что действовать нужно быстро. Твои хозяева и раньше не гнушались грязных методов, например, отправить чужого игрока на ещё один цикл перевоплощения.

— Судя по твоему расстроенному виду, Коста пока не купился на твои уговоры, — Вран не удержался от злорадной ухмылки, — а сходу применять насильственную эвакуацию ты не решился. Я бы и сам дал клиенту время на подумать, если бы был уверен, что он надёжно изолирован. Вот только насчёт надёжности ты ошибся. Сочувствую.

— Коста? — недоумение, написанное на лице его коллеги, было очень красноречиво. — Ты знаешь настоящее имя своего клиента? Откуда? По правилам спас службы эта информация должна оставаться закрытой для сталкеров.

— У меня свои источники, — буркнул Вран, досадуя на свой длинный язык, но Чижик уже ухватил кончик путеводной ниточки и принялся за неё тянуть.

— Не верю, что Арокани решились на бессмысленное нарушение правил, — принялся рассуждать он, — ведь сталкеру имя клиента без надобности. Сами игроки тоже обычно сохраняют своё инкогнито. Ты, конечно, мог знать его ещё в Аэрии, но круг общения обычного сталкера просто по определению не может совпадать с кругом общения члена клана, тем более враждебного, так что это весьма мало вероятно. К тому же этот игрок уже очень давно зависает в мире Игры. Так откуда ты узнал его имя?

— Любопытство сгубило кошку, — Вран демонстративно скосил глаза на свой ствол. — Хочешь проверить справедливость местной поговорки?

Увы, угроза не произвела на Чижики ожидаемого впечатления, он в задумчивости склонил голову и прищурился, как бы стимулируя таким образом свои мыслительные способности. Внезапно в его глазах промелькнула искра понимания, и Вран невольно напрягся, ожидая какого-нибудь финта со стороны своего коллеги. Как вскоре выяснилось, тревожился он не напрасно.

— Так вот откуда ты узнал о моём убежище, — в его голосе теперь явственно зазвучала не просто досада, а откровенное отвращение, — на тебя вышли ратава-корги.

— А если и так, — Вран беспечно пожал плечами, — Ты имеешь что-то против моих методов?

— По вине этих ублюдков я потерял уже двоих игроков, — эту фразу Чижик буквально прорычал. — Как сталкера угораздило с ними связаться?

Обвинение было довольно недвусмысленным, для сталкера потеря игрока являлась не просто провалом миссии, а персональной трагедией. Вряд ли Чижик тупо угробил двоих игроков при проходе через барьер, ведь сталкеры обязаны были оценивать уровень вибраций сознаний своих клиентов перед эвакуацией и отказаться от неё в случае критического снижения амплитуды высокочастотного диапазона. Для игрока такой отказ означал медленное превращение в аватара мира Игры, но это всё же было предпочтительней полного развоплощения сознания, которое неминуемо случилось бы при контакте с барьером. Впрочем, отказы случались чрезвычайно редко, обычно игроков эвакуировали задолго до наступления необратимых последствий для их вибрационного спектра.

Десять циклов перевоплощений считались максимальным сроком пребывания в Игре, после чего безопасность эвакуации уже ставилась под сомнение, и решение оставалось за сталкером, причем, как и ответственность за то, чтобы игрок не превысил порог своего пребывания, то есть не отправился на ещё одно незапланированное перевоплощение. Проблема заключалась в том, что только находясь в непосредственной близости к игроку, сталкер был способен захватить его сознание после смерти тела и переправить через барьер и то лишь при условии, что ему удастся избавиться от собственной игровой оболочки в пределах нескольких минут от момента смерти клиента. Если клиент умудрялся откинуть коньки не в обществе своего спасателя, то алгоритм Игры уводил его на очередное перевоплощение, неминуемо отражавшееся на спектральных характеристиках его сознания, а заодно и способности к самоидентификации. Иначе говоря, долгое пребывание в Игре постепенно нивелировало разницу между игроком и аватаром.

Обвинение Чижика могло означать только одно — ратава-корги намеренно убивали игроков, достигших максимального срока пребывания в Игре, когда те были далеко от сталкера. Конечно, это не гарантировало безальтернативного превращения их в аватаров, но шанс всё же был ненулевой. По законам Аэрии даже случайное нанесение ущерба сознанию её жителя наказывалось изоляцией виновника на очень длительный срок, который мог превышать несколько жизней. В этом смысле сталкеры постоянно ходили по краю, ведь их проколы могли быть расценены как халатность и привести к заключению. Но причинение намеренного вреда аэру — это было уже за гранью добра и зла. За такое этих ратава-корги должны были преследовать как диких зверей и подвергать насильственному развоплощению. Кто ж на такое решится?

— Я тебе не верю, — процедил Вран сквозь зубы. — Если бы эти ратава-корги действительно превращали игроков в аватаров, об этом в Аэрии было бы известно каждой собаке, и их бы попросту затравили.

— Это если бы смогли доказать их причастность, — Чижик обречённо покачал головой. — Игрок ведь может погибнуть и в результате несчастного случая, правда? Поди, докажи, что этот несчастный случай кто-то подстроил. Да и много ли ты знаешь аэров, которых волнует Игра? Допускаются в этот мир единицы, в основном, члены Пятёрки, ну и мы, конечно. Всё, что здесь происходит, остаётся большинству жителей Аэрии неизвестным.

— Но для чего ратава-корги это делают? — Вран припомнил свой разговор с незнакомкой у костра и досадливо поморщился. А ведь она даже не скрывала, что хочет задержать Косту в Игре. Почему же это не вызвало у него подозрений?

— Они тупо пытаются пополнить свои ряды, — пояснил Чижик. — Сами-то ратава-корги могут находиться в мире Игры без ограничений, но не понимают почему. Приходится экспериментировать на игроках, чтобы вычислить параметры вибрационных спектров,

которые обеспечивают им устойчивость. Вот только всё это бессмысленно, обычный игрок никогда не станет ратава-корги.

— А кто станет? — Вран невольно подался вперёд, уже догадываясь, каков будет ответ.

— Всё верно, — усмехнулся Чижик, уловив его движение, — могут только сталкеры, вернее, бывшие сталкеры. Только мы способны жить сразу в двух мирах и при этом оставаться аэрами. Сталкерам не нужно опасаться гибели игровой оболочки, так как это не приводит нас к неконтролируемому перевоплощению в мире Игры, мы просто пройдём барьер и вернёмся в своё родное тело. А вот игроки самостоятельно преодолеть барьер не в состоянии, они умирают здесь по-настоящему и с каждым перевоплощением всё больше утрачивают свою сущность аэра.

— А я-то всё гадал, куда деваются сталкеры после выхода в отставку, — Вран понимающе кивнул, но тут же наткнулся на злобный взгляд своего пленника и смутился.

— Можешь подавиться своими гнусными обвинениями, — с ненавистью процедил Чижик, — среди сталкеров предательство — редкость. Только бездушная тварь станет помогать этим гадам губить игроков. Зато сами игроки нередко попадают в сети ратава-корги, покупаются на их лживые обещания повысить устойчивость вибраций сознания и даже прячутся от спасателей, которые пытаются им помочь. Глупцы, всё что они в итоге получают — это вечное вращение в круге перерождений мира Игры.

— Ты именно так потерял своих клиентов, — Вран сочувственно улыбнулся, вызвав тем самым ещё один злобный взгляд своего пленника. — А Коста? Он тоже решил остаться в Игре по собственной воле?

— Бедняга уже толком не понимает, кто он такой, — вздохнул Чижик, — это его двенадцатый цикл. Как нетрудно догадаться, я дважды его упустил и позволил этим гадам отправить моего клиента на очередное перевоплощение. Если они снова его прикончат без контроля сталкера, то боюсь, на этом аэре придётся поставить крест. Его вибрации опустятся ниже уровня, необходимого для безопасного прохождения через барьер, и он зависнет в этом мире навсегда.

— Я этого не допущу, — Вран невольно сжал рукоятку пистолета, как бы подтверждая своё устное обещание материальными аргументами.

— Я тоже так думал, — горькая усмешка исказила черты Чижика, и его личина безобидного весельчака слетела с него как пыль. — Не стоит недооценивать этих ребят, они профи. Лучше позволь мне вытащить моего клиента из Игры прямо сейчас или вытащи его сам.

— Не могу, — Вран обречённо вздохнул, — для меня это будет означать провал миссии.

— То есть судьба аэра тебя мало беспокоит, — констатировал Чижик. — Похоже, Арокани набирают сталкеров по принципу отсутствия у них совести.

— Не наезжай, — огрызнулся Вран, — я не спущу глаз с Косты, стану его тенью. Мне всего-то и нужно — продержаться несколько месяцев, а потом наши кланы пойдут на мировую, и тогда меня отзовут.

— Не обольщайся, я не позволю тебе рисковать жизнью моего клиента так долго, — Чижик презрительно усмехнулся, — это я стану тенью, только не его, а твоей. Рано или поздно ты проколешься, и тогда я выполню свою работу.

— Я так не думаю, — Вран демонстративно взвёл курок пистолета.

— Неужели пристрелишь своего коллегу? — в голосе Чижика было столько язвительности, что у стрелка не возникло ни малейшего сомнения в том, что в угрозу тот не

поверил. — Тебя за это самого казнят, если ты не в курсе, только не в Игре, а в Аэрии, и ты будешь носить клеймо публичной казни все свои последующие перевоплощения.

— В столь радикальных мерах нет нужды, — ствол пистолета опустился, теперь дуло смотрело в колено Чижики. Раздался выстрел, и бедняга со стоном свалился со стула на пол. — Не думаю, что ты станешь жаловаться на мои незаконные действия, — задумчиво произнёс Вран, опускаясь на колени рядом с раненым и принимаясь перетягивать его кровоточащее колено заранее припасённым платком. — Ты же не захочешь рассказать своему начальству, что тебя сделал новичок, правда?

— Зачёт, — беззлобно процедил Чижик сквозь сжатые зубы. — То, что ты совсем ещё зелёный, я понял практически с первой нашей встречи, но недооценил твоей наглости.

— А я тебя вообще не вычислил, пока ты ни захватил клиента, — Вран закончил перевязку и оттащил раненого на диван. — Надеюсь, пока ты будешь тут валяться, наши кланы успеют помириться.

— Я тебя найду, — прилетело в спину выходящего из комнаты сталкера.

Вран резко обернулся, но промолчал, устраивать разборки с поверженным противником показалось ему недостойным. Он только махнул рукой и вышел в коридор. Обыск небольшого домика не занял много времени, своего клиента он нашёл связанным и запертым в подвале. Коста сидел в углу, насупившись как индюк, и бормотал себе под нос что-то нечленораздельное. На его затылке Вран сразу заметил кровь, видимо, гитару всё же разбили именно об эту голову. Сталкер не стал разводить долгие разговоры, просто сгрёб в охапку ошалевшего от ночных приключений парня и вытащил его на свежий воздух. Коста и не подумал сопротивляться, всё-таки Вран явился в образе спасителя, а потому сразу приобрёл существенный кредит доверия. Однако стоило бывшему пленнику оказаться под открытым небом, как в его глазах заметалась тревога.

— Постой, мне нужно поговорить с Чижиком, — неуверенно заявил он, и его лицо в мутном свете наступающего утра приобрело нездоровый серый оттенок, — он кое-что мне сказал, но я многого не понял.

Вран тяжело вздохнул и быстрым незаметным движением вырубил нервного клиента, чтобы тот не смог помешать собственному спасению из плена. Объясняться сейчас с игроком, почти утратившим самоидентификацию, было бы непростительной ошибкой, поскольку ратава-корги было известно о доме, в котором его прятали, и убийцы могли здесь появиться в любой момент. Однако сталкер всё же отдавал себе отчёт, что совсем избежать объяснения не удастся, ведь Чижик наверняка не упустил возможности промыть мозги своему клиенту, вот только делать это следовало в безопасной обстановке и без спешки. Нужно сказать, что такая обстановка у Врана имелась, своё убежище в незаметной квартирке рядом с университетским городком, в котором трудился его подопечный, сталкер оборудовал в первые же дни своей миссии. Так что рассвет застал беглецов на маленькой кухоньке с бутылкой коньяка и лёгкой закуской.

— Ну ладно, спрашивай, — Вран устало кивнул и разлил коньяк по бокалам, — или лучше для начала скажи, что ты сам помнишь.

— Знаешь, я раньше думал, что это просто мои фантазии, — Коста смущённо улыбнулся, — летающие сады, поющие фонтаны, движущиеся здания. Это всё действительно существует?

— Да, это картинки твоего родного мира, — честно подтвердил Вран. — А про себя ты что-нибудь помнишь?

— Коста, — задумчиво произнёс игрок, — мне кажется, что меня когда-то так звали.

— Приятно познакомится, — съязвил сталкер, — а я Вран. Почему Чижик тебя запер? Ты отказался возвращаться?

— Возвращаться?! — в голосе Косты зазвучали истеричные нотки. — Он убил Стаса и меня собирался убить. Если бы ни ты, то я, наверное, не дожил бы до утра.

Вран участливо похлопал испуганного парня по плечу и мысленно вознёс благодарность культу страха смерти, которым в мире Игры было пропитано буквально всё, так что иногда казалось, будто сам воздух сочится этими ядовитыми миазмами. Впрочем, аватаров сложно было за это винить или презирать, ведь со смертью тела они действительно теряли практически всё, включая свою личность, и вынуждены были начинать новую жизнь с чистого листа. Это несомненно придавало Игре удивительную мобильность, ведь люди не тащили за собой из воплощения в воплощение все свои воспоминания и старые представления о жизни, они очень легко адаптировались к любой реальности, которую им навязывали кланы Пятёрки. Соотечественникам Врана такая гибкость ума даже не снилась, их жизнь была размеренной и практически неизменной.

Если бы ни эта особенность аватаров, Игра просто по определению не могла бы быть такой захватывающей и в то же время управляемой. Собственно, разнообразие игровых сценариев было ограничено лишь фантазией членов Пятёрки, которые наполняли нужными им смыслами информационное поле подконтрольного мира. Между кланами постоянно шло соревнование за господство тех или иных смыслов, и это делало Игру непредсказуемой и азартной. Мало кто из аэров понимал, зачем управляющей Пятёрке нужна Игра, но она давно уже сделалась частью жизни Аэрии, такой незаметной и привычной, что перестала вызывать любопытство, тем более, что для обычных жителей мир Игры был недоступен.

Раньше Вран никогда не задумывался, отчего смерть в Аэрии была так не похожа на смерть в Игре, почему она приводила к потере памяти у аватаров. Это было даже как-то несправедливо — отнимать у бедолаг возможность учиться на своих ошибках. В Аэрии наиболее распространённой версией, объясняющей сей феномен, была ущербность аватарского ума, не позволявшая им контролировать собственное мышление, и пока Врану не случилось провести в их обществе несколько недель, он в эту версию искренне верил. Однако теперь она стала казаться ему надуманной, более того сталкер начал подозревать, что эта версия была намеренно внедрена в аэрское общество именно теми, кому была выгодна мобильность мира Игры.

— Вран, а ты тоже из того волшебного мира? — прервал его размышления Коста. — Как мы тут оказались?

— Наши миры разделяет барьер, — начал вещать сталкер, стараясь не сказать ничего лишнего, — но его довольно легко преодолеть с той стороны. Это как скатиться с горки. Время от времени наши с тобой соотечественники устраивают себе подобное развлечение. А вот обратно в гору забраться не так просто, тут требуется помощь профессионального сталкера.

— Так я отправился сюда по своей воле, — Коста рассеянно улыбнулся, — наверное, хотел получить новый опыт и новые знания. А Чижик, он и есть такой сталкер? Он пришёл за мной, я прав?

— Всё верно, — пробурчал Вран, судорожно пытаясь найти убедительные аргументы против немедленной эвакуации своего клиента.

— Но почему он хотел меня убить? — Коста передёрнул плечами, как бы отбрасывая

страшные воспоминания о прошлой ночи.

— Невозможно пройти барьер в физическом теле, — мрачно пояснил сталкер, уже понимая, что его миссия трещит по швам.

— Но я не хочу умирать, — в глазах Косты заметался страх, — я ещё так молод. Почему нельзя подождать, пока я стану старым и больным?

— Конечно, можно, — облегчение, которое в эту минуту испытал Вран, можно было сравнить только с чувствами смертника, которому объявили о помиловании. — Живи в своё удовольствие, ведь ради этих приключений ты и отправился в мир Игры.

— А вдруг потом будет поздно? — внезапно всполошился Коста. — Где я стану искать этого сталкера через десятки лет?

— Не беспокойся, сталкеров искать не нужно, они сами тебя найдут, — Вран принялся успокаивать паникёра, но сразу понял, что тот распахнулся не на шутку. — Я тоже сталкер, — вынужденно признался он. — Обещаю, что не оставлю тебя в этом мире. Если тебе будет грозить опасность, я тебя отсюда вытащу, а пока обеспечу тебе защиту.

Успокоив таким нехитрым способом своего клиента и влив в его глотку солидную дозу алкоголя в качестве седативного средства, Вран оставил его отсыпаться, а сам отправился проверить окрестности на предмет всяческих подозрительных личностей. Нет, появления своего коллеги он не ждал, наступить на ногу тот не сможет ещё долго, но после рассказа о ратава-корги образ странной незнакомки постоянно маячил у сталкера перед глазами. От этой дамочки веяло опасностью за версту, и теперь Вран больше не сомневался, что она способна не только трепать языком, но и перерезать горло невинному человеку, если в том возникнет необходимость. Что ж, интуиция его не подвела, на третий день вынужденных игр в прятки дурные предчувствия сталкера материализовались на детской площадке прямо напротив подъезда его конспиративной квартиры. Вальяжно развалясь на скамейке под раскидистой липой, его поджидала давешняя незнакомка.

— Молодой человек, — она приветливо помахала рукой и призывно улыбнулась, — можно Вас на пару слов?

Первым инстинктивным порывом Врана было желание скрыться, но метаться было явно поздно, ратава-корги уже наверняка вычислили его убежище. Впрочем, опасность тоже не стоило переоценивать, не станут же они вламываться в чужую квартиру среди бела дня. Или станут? Нет, поднимать шум им явно ни к чему, можно и получить ответку от властей Аэрии, а Коста не позволит с собой расправиться без сопротивления. Тогда, может быть, имеет смысл выяснить, чего этой дамочке нужно? Вран неспешно приблизился и пристроился на лавочке в метре от незнакомки, чтобы держать её в поле зрения.

— Рада, что тебе удалось спасти Косту, — та буквально расплылась в благожелательной улыбке. — Сильно он натерпелся?

— Давай перестанем играть в светскую беседу, — отрезал Вран. — Чего ты хочешь, ратава-корги?

— Какой же ты подозрительный, — дамочка демонстративно надула губки, словно и впрямь обиделась. — Я просто пришла поблагодарить тебя за помощь.

— А заодно убить моего клиента, — продолжил её фразу Вран.

— Ты сам-то себя слышишь? — возмутилась ратава-корги. — Это вы, сталкеры, можете усеивать свой путь трупами аватаров, а если кто-то другой позволит себе хоть малейшее насилие, то сразу окажется вне закона.

— Так тебя останавливает только страх наказания? — Вран откровенно напрягся. — Ты

поэтому использовала меня в качестве грубой силы.

— Да, я не собираюсь подставлять свою голову ради жизни одного игрока, — покладисто согласилась странная дамочка, — к тому же я пока не научилась убивать взглядом на расстоянии. Хватит нести эту околесицу.

Вран почувствовал, как, несмотря на шутливый тон, мускулы её лица свело судорогой нервного напряжения. Это никак не могло быть следствием их беседы, которая была на редкость бессмысленной и пустой. Поверить в то, что ратава-корги заморочились поиском его убежища с единственной целью поблагодарить за помощь, было бы верхом идиотизма. Но тогда к чему весь этот спектакль? От него не было никакого проку, причём для обоих его участников, чистая потеря времени. И тут Врана словно молнией ударило. Точно, всё дело в потере времени, эта стерва просто отвлекает его светской беседой, пока там, в квартире, её сообщник расправляется с Костой. Не говоря больше ни слова, сталкер сорвался с места и буквально взлетел на пятый этаж, прыгая через ступеньки. В последний момент перед его рывком навязчивая собеседница, видимо, что-то заподозрила и попыталась ухватить его за руку, но не успела.

В квартире царила какая-то странная, прямо-таки кладбищенская тишина. Если тут и случилась потасовка, то она уже давно закончилась. Захлопнув за собой дверь, Вран бросился обшаривать помещение и нашёл Косту на пороге кухни в луже кровавой блевотины. На кухонном столе красовалась коробка с пиццей, от которой осталось меньше половины. Да уж, ратава-корги умели действовать скрытно. Ну действительно, кому придёт в голову обвинять какую-то постороннюю женщину в отравлении незнакомого мужчины пиццей? Вран перевернул бездыханное тело на спину и сразу понял, зачем эта коварная дамочка устроила спектакль перед его домом. Коста ещё дышал, хотя и был уже при смерти, а ей во что бы то ни стало нужно было задержать сталкера, чтобы он не успел применить свои профессиональные навыки.

В сущности, для Врана это был просто замечательный шанс выполнить свою миссию и в то же время не подставиться под месть клана Транзари, ведь его вины в смерти Косты не было. Всего-то и нужно было немного подождать, пока сердце бедняги остановится. Эта мысль промелькнула в голове Врана и растворилась без остатка. Для Косты сейчас решался вопрос, останется ли он аэром или превратится в аватара, а жизнь игрока всегда была для сталкеров высшим приоритетом, даже выше, чем их собственная судьба. Так уж их воспитывали.

— Не бойся, приятель, я с тобой, — тихо произнёс Вран, проверяя свой пистолет, — доставлю тебя домой в лучшем виде, я же обещал. — Словно в ответ на его реплику, умирающий захрипел и затих. Вран одной рукой обнял мёртвое тело, а другой приставил дуло пистолета к своему виску. — Не пытайся от меня сбежать, Коста, я всё равно тебя догоню, — он самоуверенно улыбнулся и спустил курок.

Улыбка у Егора была просто замечательная, одновременно доброжелательная и интригующая. Когда он улыбался, а улыбался Егор очень часто, в его глазах вспыхивали эдакие задорные искорки, словно намекая на какой-то секрет, известный только ему самому и тому, для кого его улыбка предназначалась. Василиса прониклась доверием к своему напарнику по изучению магических наук буквально с первого совместного занятия, на котором, кстати, выяснилось, что Егор является весьма продвинутым практиком. Однако в его манере общения не было ни намёка на какое-либо превосходство, напротив, он всё время подчёркивал их с Василисой равенство перед учителем. Столь галантное обращение не могло не польстить самолюбию самоуверенной неофитки, а потому на предложение Егора отметить начало их совместного обучения походом в ресторан она ответила согласием.

Спонтанное свидание понравилось обоим его участникам, и между ними сходу завязались дружеские отношения, которые с каждым занятием становились всё более тёплыми и открытыми. Это убедило Вениамина в том, что в услугах сводни парочка его учеников не нуждается, и он дал отбой Ро. Всё шло прекрасно приблизительно две недели, а потом Василиса заскучала. Соглашаясь на обучение, она рассчитывала получить доступ к по-настоящему сакральным знаниям или хотя бы научиться парочке магических трюков, но ничего подобного и близко не было, занятия в основном состояли из медитативных практик, которых Василисе и на цигуне хватало. Нет, она пока не роптала, но уже начала подумывать о том, чтобы потихоньку слиться, сославшись, например, на занятость или несуществующие обстоятельства, внезапно обрушившиеся на её бедную головушку.

На самом деле практики с Егором, который был коренным аэром, оказывали весьма ощутимое влияние на структуру Василисиного сознания, расширяя спектр его вибраций в область высоких частот, но ей об этом знать было не положено, и оттого эти практики казались прагматичной женщине бесполезными. Всё, что она смогла заметить самостоятельно — это небольшое улучшение концентрации и способности удерживать внимание на объекте медитации. Для аэра, способного считывать вибрационные спектры сознания, её успехи представлялись почти феноменальными, особенно, та скорость, с которой Василиса продвигалась, а потому Вениамин не на шутку встревожился, когда увидел, как его лабораторная мышка резко теряет интерес к занятиям.

Собственно, возникшая проблема вовсе не стала для него сюрпризом, рано или поздно разочарование настигало всех его подопытных. Трудность с Василисой состояла лишь в том, что эта нахальная дамочка слишком уж быстро распознала признаки манипуляции и, главное, вовсе не собиралась заниматься самообманом, уговаривая себя потерпеть в надежде, что всё изменится. Лекарство от разочарования у Вениамина, конечно, имелось, но он применял его очень дозированно, дабы не давать в руки испытуемым действительно опасного оружия, ведь в прошлом они тоже были аэрами, а потому потенциально могли оказаться даже более сильными магами, чем их учитель. Этим лекарством, как нетрудно догадаться, были настоящие знания о магии и строении мира, а также демонстрация магических фокусов, предназначенных для отвлечения внимания пациентов от действительно важной информации.

Приняв решение начать лечение своей новой ученицы, Вениамин не стал терять времени даром и запланировал развлекательную программу для Василисы уже на следующее

занятие, однако она и тут его обломала.

— Вениамин, Вы не могли бы показать мне возможности магии на наглядном примере? — попросила нетерпеливая ученица, предвосхитив планы своего учителя и тем самым испортив весь сюрприз.

Но делать было нечего, магу оставалось только притвориться, что он ничуть не расстроен просьбой, а даже наоборот, просто счастлив, что его ученица проявляет интерес. Он достал из-за пазухи заранее приготовленный колокольчик, поднял его над головой и легонько покачал. Раздался мелодичный звон, и на губах Василисы появилась сначала недоумённая, а потом и вполне искренняя улыбка. Вскоре с её губ сорвался первый смешок, а через несколько секунд женщина уже заливалась смехом. Вениамин снова позвонил в колокольчик, и смех оборвался, а вместо радостного настроения на Василису обрушилась прямо-таки вселенская скорбь, её глаза наполнились слезами, а в горле словно застрял шершавый комок, предвещавший рыдания. Ещё один мелодичный звон вернул бедняжку в её исходное состояние.

— Ну как, достаточно наглядно? — ехидно поинтересовался маг, предвосхищая восторженную реакцию своей ученицы. Увы, тут он явно недооценил её скепсис и строптивость.

— А что тут такого? — Василиса обиженно надула губки. — Любой клоун в цирке владеет такой магией. Вы же говорили, что настоящий маг способен менять реальность, а не тупо манипулировать настроением зрителей.

Вениамин был настолько шокирован её безапелляционным и неожиданным наездом, что даже не сразу нашёлся, что ответить нахалке. К счастью, Егор очень вовремя подоспел ему на помощь.

— А что ты называешь реальностью, Василиса? — на его губах расцвела фирменная улыбка, превращая прямой вопрос в приглашение к игре. — Наверное, это то, что можно увидеть, услышать или пощупать?

— Можно ещё полизать, — вставил свои пять копеек Вениамин, соорудив насквозь фальшивую глумливую гримасу. — В таком случае, милочка, я должен констатировать, что ты недалеко ушла от представлений грудного младенца. — Василиса уже открыла рот, чтобы отпустить какую-нибудь шпильку в сторону невежи, но решила не опускаться до базарной ругани и просто отвернулась, давая понять, что разговор закончен. Но не тут-то было, Вениамин словно только того и ждал, чтобы продолжить свой спектакль. — Ты обиделась, Василиса? — ласково спросил он с таким невинным видом, словно это вовсе не он только что опустил свою ученицу до уровня грудничка.

— Была нужда, — огрызнулась та.

— Конечно обиделась, — подтвердил Егор, — Вы же именно этого и добивались.

— Скажи мне, Василиса, — в голосе Вениамина явственно послышались торжествующие нотки, — а твоя обида существует в твоей реальности? — та не ответила, только бросила на мага ненавидящий взгляд. — А сейчас ты думаешь, что этот старпёр тебя уже достал со своими подколками, правильно?

— Вы что, залезли в мою голову?! — тут же вскинулась Василиса.

— Как ты сама выразилась, «была нужда», все твои мысли у тебя на лбу написаны, — Вениамин стёр со своей физиономии глумливую гримасу и сразу сделался невозмутимым, как сфинкс. — Я заговорил о них только с одной целью, чтобы ты задумалась, являются ли твои мысли частью твоей реальности.

Тактика манипулятора была стара как мир: вынуди своего оппонента ответить «да» хотя бы на три твоих вопроса, и тот из оппонента быстренько превратится в твоего союзника. Именно поэтому вопросы Вениамина носили характер откровенно риторический и не подразумевали пространства для спора или обсуждения. Увы, плохо же он просчитал свою ученицу. Вместо того, чтобы послушно поддакнуть мудрому учителю, Василиса моментально встала в бойцовскую стойку и попёрла буром на расслабившегося мага, поскольку сочла, что включение мыслей и эмоций в список проявленных объектов реальности означает, что Вениамин таким образом пытается увильнуть от выполнения своих обещаний.

— Вы что же, хотите сказать, что способны воздействовать только на чувственно-эмоциональную сферу? — Василиса с подозрением воззрилась на учителя, откровенно демонстрируя, что такой расклад её не устраивает.

Егор не удержался от ехидного смешка, Василисино нахальство ему, скорее, нравилось, хотя он и сочувствовал Вениамину в его непростом деле дрессировки этой строптивой лошади. В отличие от самой Василисы, Егор отлично понимал, что все её выходы останутся безнаказанными, поскольку других кандидатов на роль подопытного кролика у местного подразделения ратава-корги не было. Так что она могла себе позволить хоть пинать своего учителя ногами, отлучение ей всё равно не грозило. Егор видел, что Вениамин растерялся, но вмешаться не мог, поскольку это могло навредить репутации мага. К счастью, тот быстро взял себя в руки и снова включил режим невозмутимого сфинкса.

— Я хочу сказать, что между тонким и физическим миром разница не качественная, а количественная, — его улыбка была лишь слегка снисходительной, она как бы подчёркивала, что великий маг не прочь снизойти с пьедестала, чтобы успокоить свою недоверчивую ученицу. — Просто твой ум интерпретирует тонкие вибрации твоего сознания как более разреженные объекты, а грубые — как твёрдые, имеющие жёсткую форму.

— Разве это ответ? — Василиса и не подумала сбавить тон. — Почему бы не сказать прямо, что вся Ваша магия — это просто внушение, гипноз?

— Я бы сказал, самогипноз, — ничуть не смутился Вениамин, — ведь реально лишь то, что ты считаешь реальным.

— Не поняла, — теперь на лице строптивицы появилось выражение вполне искреннего недоумения. — То есть, если я решу, что черти на самом деле существуют, то у нас тут сразу завоняет серой?

— А ты попробуй, — предложил Егор, чтобы поддержать своего напарника.

— Да ну тебя, — Василиса небрежно махнула рукой, — я же не вчера родилась, чтобы купиться на эту разводку.

— И правильно, — одобрительно кивнул маг, — у тебя вряд ли получится вызвать сего представителя религиозного фольклора во плоти. Однако, подумав о чёрте, ты уже сделала его частью своей реальности. Только он существует в более разреженной форме, нежели, скажем, подушка под твоей попкой, а именно в форме мысли.

— И почему это у меня не получится его материализовать? — Василиса невольно скосила глаза в сторону двери, словно и впрямь ожидала, что сквозь неё в комнату может просочиться настоящий чёрт.

— Потому что на самом деле ты в это не веришь, — рассмеялся Егор.

— Всё верно, — Вениамин победоносно улыбнулся, — вся магия основана на вере. Чтобы перевести какой-либо проявленный объект из эфемерной формы в форму

физическую, твой ум должен поверить в то, что это возможно, причём поверить безусловно. Мастерство мага как раз и заключается в том, чтобы заморочить свой ум, вот поэтому я и упомянул самогипноз.

— Вас послушать, так получается, что это наш ум является источником реальности, — фыркнула Василиса.

— Нашей иллюзорной реальности — да, — Вениамин не удержался от снисходительной улыбочки. — Только не нужно забывать, что сам по себе ум не может ничего создать, он лишь переводчик.

— В каком это смысле? — возмутилась Василиса. — А кто же тогда является автором оригинального текста?

— Твоё сознание, — голос Вениамина окреп, он явно сел на любимого конька, — и говорит оно на том же языке, на котором изъясняется Абсолют, на языке вибраций. Ум переводит фразы этого языка в форму, которую ты воспринимаешь как зрительные образы, звуки, тактильные и вкусовые ощущения, чувства и мысли. Вот так и рождается твоя реальность.

— А как же магические ритуалы? — в голосе Василисы уже не было агрессивности, лишь любопытство. — Выходит, они не нужны, если всю работу делает ум.

— Очень даже нужны, — возразил Егор, — они как раз и помогают заморочить свой ум.

— На самом деле все мы постоянно совершаем магические ритуалы, — Вениамин с готовностью подхватил его пас, — ведь в нашей реальности полно материальных объектов. Сама подумай, смогла бы ты, например, похудеть, только выразив такое намерение?

— Я вроде и так ничего, — кокетливо улыбнулась Василиса.

— Ну тогда — потолстеть, — Вениамин покладисто кивнул. — Тут одного намерения будет недостаточно, потребуется провести определённые магические ритуалы, например, начать питаться тортиками и конфетами.

— Ах такие ритуалы, — фыркнула Василиса, — я-то говорю про колдовство, вызывание духов, наведение порчи и так далее.

— Поверь, никакой принципиальной разницы между этими действиями и, например, приготовлением еды или строительством дома не существует, — в голосе Вениамина послышались эдакие задушевные нотки. — Все ритуалы служат лишь одной цели — заморочить свой ум.

— Значит, мы можем создавать материальные объекты из мыслей, — Василиса задумчиво нахмурилась, — а наоборот тоже можно?

— Колокольчик, — подсказал Егор, — вспомни, как его звон вызвал у тебя смену настроения?

— Миром правят знаки и символы, — на губах Вениамина заиграла эдакая покровительственная улыбочка. — Слышала такое выражение? На самом деле миром правят смыслы, которые защиты в эти символы.

— Кубики, — задумчиво пробормотала Василиса. — Если мы формируем свою реальность из готовых концептов, то можно посеять такие семена смыслов, из которых вырастет нужное нам растение.

— Верно, — Вениамин невольно сжался, он никак не ожидал, что его ученица так резко ухватится за его легкомысленно брошенную фразу. Ведь ничто не помешает ей сделать следующий шаг в рассуждениях и задать вопрос о том, кто конкретно засеивает информационное поле её мира сорняками. К счастью, этого не случилось, Василиса была

настолько захвачена открывающимися перспективами, что до разборок дело не дошло.

— Но Вы ведь говорили, что не умеете рисовать картинки на кубиках, — в её голосе прозвучало откровенное недоверие. — Как же быть?

— Этого и не нужно, — маг облегчённо выдохнул, поскольку разговор свернул в безопасную колею, — готовых картинок и так полно, нужно только научиться складывать их в нужную тебе конфигурацию.

— И тогда можно научиться выращивать из полученных семян нужные растения? — глаза Василисы загорелись азартом. — Вы меня научите?

— Ты и так это умеешь, — Егор весело рассмеялся.

— Не тупи, — Василиса подняла руку в протестующем жесте, — не надо меня опять запутывать. Вы же поняли, что я имею ввиду осознанную материализацию.

— Вроде этого? — маг состроил загадочную мину и вытащил из складок своего халата букетик незабудок. Василиса восторженно пискнула и цапнула подарок. — Обязательно научу, если будешь стараться.

— Буду, — с чувством пообещала ученица, даже не подозревая, что стала жертвой примитивной разводки.

Дальнейшие занятия прошли на ура, Василиса даже не обратила внимание на то, что ей пришлось выполнять всё те же давно надоевшие упражнения. Теперь практика наполнилась для неё смыслом, чего и добивался коварный манипулятор. Когда окрылённая похвалами учителя будущая великая волшебница покинула магическую школу, Вениамин в изнеможении откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, он был выжат как лимон.

— Незабудки? — донёсся до него неодобрительный комментарий Василисиного напарника, — а если бы они завяли или помялись, пока ты разогревал зрителей?

— Не учи меня моей работе, Госер, — огрызнулся Вен, — всё схвачено, у меня во внутреннем кармане имеется специальный футляр. Поверь, для женщины живые цветы являются лучшим доказательством искренности. Даже если бы я вытащил из-за пазухи живого зайца, эффект был бы не таким убедительным.

— С ней будет непросто, — Госер устало покачал головой, — слишком любопытная и настырная, но потенциал замечательный. А как ты её отыскал?

— Она сама ко мне пришла, — самодовольно усмехнулся фальшивый маг. — Ей гадалка предсказала жизненную катастрофу, вот наша малышка и прибежала искать у меня защиты.

— Какова ирония, не находишь? — Госер задумчиво покачал головой. — Если бы Василиса не стала пытаться спастись от напасти, то не угодила бы прямиком в лапы к тому, кто эту напасть ей в конечном счёте и обеспечит. Мы ведь оба знаем, какой именно будет предсказанная катастрофа.

— Не каркай, — огрызнулся Вен, — у неё есть неплохой шанс пройти барьер. В любом случае Ро не станет рисковать, если её вибрации будут ниже требуемого уровня.

— Почему же с прошлыми игроками он прокололся? — Госер не удержался от упрёка. — Может быть, Ро уже утратил свою сталкерскую квалификацию? Всё-таки с того времени, когда он ушёл в отставку и стал ратава-корги, прошло очень много времени.

— Когда-то среди аэров сталкерская устойчивость вибрационного спектра была не такой уж редкостью, — задумчиво пробормотал Вен, — но с той поры мы сильно деградировали, лишь единицы сохранили свои способности, и Ро — один из таких уникалов.

— Деградация случилась из-за стирания? — вопрос был, скорее, риторическим, ведь именно такой была официальная версия, популярная в среде ратава-корги.

— Стирание породило барьер между нашими мирами, — а вот ответ Вена был несколько уклончивым, что не ускользнуло от внимания Госера.

— Ты что-то не договариваешь, — обиженно пробурчал он. — Какая связь между барьером и деградацией?

— К сожалению, этого никто так и не понял, — Вен сокрушённо вздохнул, — но эта связь точно существует.

— Получается, мы сами спровоцировали собственную деградацию, запустив программу стирания в мире Игры? — вопрос Госера прозвучал провокационно, он словно старался вызвать ответную агрессивную реакцию своего собеседника. — А на фига мы это сделали?

— Безответственные и опасные игры аэров поставили оба наших два мира на грань катастрофы, — Вен не купился на провокацию, его голос звучал ровно, даже с некоторой ноткой назидательности. — Только стирание позволило остановить это падение в пропасть.

— Не слишком ли высокой ценой? — Госер осуждающе покачал головой.

— Да, цена высока, — покладисто согласился Вен, — но по-другому нам было не выбраться из этой ямы. Ничего, мы всё исправим, я уверен. Нужно только вытащить тех игроков, которых стирание памяти сделало пленниками этого мира.

Мышцы ног начали привычно ныть уже к концу первого дня пути, и Вран так же привычно послал мысленное проклятие в адрес своего куратора и начальства спасателей в целом, сославших его в эту отстойную локацию Игры. Чисто технически он был неплохим наездником, собственно, все стационарные агенты перед заброской проходили курс обучения навыкам, необходимым для быстрой и беспроблемной адаптации к условиям подшефной локации. Проблема Врана лежала, скорее, в области психологии, нежели физической подготовки. Дело в том, что за три года, которые он провёл на своём посту, ему так и не удалось привыкнуть к абсурдной привычке аватаров использовать в качестве транспорта существ, обладающих сознанием и чувствами. Как Вран ни старался, но так и не смог заставить себя принять подобное варварство, а потому во время служебных рейдов постоянно норовил облегчить участь лошади, вынужденной тащить его увесистую тушку по местному бездорожью, безбожно нагружая свои ноги, вместо того, чтобы с комфортом расположиться в седле.

Впрочем, на лице стража испытываемые им страдания никак не отражались, так что члены его отряда даже не подозревали, что их командир мается от боли. И дело тут было вовсе не в том, что Вран умел эту боль как-то игнорировать, просто он ещё слишком мало провёл времени в Игре, и лицевая мимика его игровой оболочки пока не сделалась рефлекторной. Для того, чтобы изобразить на своей физиономии какую-либо эмоцию, ему до сих пор требовалось сознательное ментальное усилие, причём выражение его лица запросто могло быть прямо противоположным его настоящим чувствам. Вот и сейчас взорам полудюжины конников, сопровождавших своего сюзерена в деловой поездке, была доступна лишь маска полной бесстрастности.

На самом деле настроение Врана было поганей некуда. Игрок, которого ему поручили отыскать, покинул город буквально за пару дней до его прибытия и затерялся на диких лесных просторах подшефной локации, пока не сильно затронутой цивилизацией. Посланный за игроком сталкер, естественно, свалил вину за потерю своего клиента на стационарного агента, что запросто могло иметь последствием продление срока ссылки Врана, а этот срок и без того был не слишком коротким. По приговору, отправившему провалившего свою миссию сталкера на эту каторжную отработку, ему предстояло торчать в Игре целое воплощение вне зависимости от того, сколько лет он протянет, и Врану вовсе не улыбалось удвоить этот срок только из-за того, что какой-то игрок оказался излишне строптивым и в добавок сообразительным.

Когда после долгих и выматывающих допросов ему объявили приговор, Вран воспринял его не просто как должное, а даже с искренним облегчением, ведь он вполне обоснованно ожидал, что дело кончится отставкой. В конце концов, то, что он сделал, было прямым и осознанным нарушением выданного задания, а вовсе не случайным провалом. Если бы ни неожиданное заступничество клана Транзари, объявившего на Совете Пятёрки официальную благодарность Врану за спасение своего игрока, то с отрядом спасателей ему точно пришлось бы попрощаться. Правда, в последнее время ссыльный сталкер начал склоняться к мысли, что отставка, возможно, была бы не таким уж катастрофическим исходом и точно не хуже его нынешнего прозябания в полной дикости и антисанитарии.

Хорошо ещё, что по легенде внедрения Вран являлся относительно богатым лордом и

мог заставить слуг соблюдать хоть какую-то гигиену как минимум в принадлежащем ему замке, а иначе его существование вообще превратилось бы в пытку. Разумеется, в свою бытность сталкером он и не такого насмотрелся, но одно дело короткий рейд и совсем другое — целая жизнь. К счастью, по той же легенде игровая оболочка Врана представляла из себя тело не юноши, а зрелого мужчины приблизительно сорока лет, так что срок ссылки просто по определению не мог быть слишком долгим, чтобы не возбудить подозрений у коренных аватаров, которые в подавляющем большинстве не доживали и до пятидесяти.

Отряд свернул с мощёного булыжником тракта на лесную дорогу, и звонкий цокот копыт сменился мягким шуршанием в перемешку с противным чавканьем, когда дорогу перегораживала очередная лужа. Впереди усталых путников ждал заслуженный отдых во вполне приличном трактире, расположенном на окраине небольшого зажиточного городка под названием Свенбург. В городке практически отсутствовали обычные для подобных поселений толпы нищих и воров. Причиной сего феномена был густой, почти непроходимый лес, окружавший Свенбург словно крепостной стеной. Вран наткнулся на этот городок по чистой случайности, когда в очередном рейде потерял проводника и заблудился. После двух суток плутания по лесным дебрям его отряд наконец вышел к прелестному в своей первозданной невинности городку, и придирчивый к бытовым удобствам лорд был приятно поражён чистотой и опрятностью местных домиков, самым большим и удобным из которых был трактир «Святой Сирина».

Кем был этот загадочный Сирин, оставалось только гадать. Врану так и не удалось найти такого святого в местных исторических анналах, да и в городской церквушке никаких упоминаний о нём не имелось. Зато рядом с церквушкой обнаружился совсем нехилый для такой глуши монастырь, вокруг которого, видимо, и вырос город Свенбург. Не исключено, что благочестие его жителей тоже объяснялось наличием сего источника святости и богоугодного образа жизни. Так или иначе, этот городишко был единственным приличным местом на сотни миль вокруг, а потому именно сюда Вран направил свой отряд. Увы, на этот раз Свенбург обманул его ожидания, уже на выезде из леса до ушей всадников донёлся странный, совершенно не свойственный для этого мирного поселения возбуждённый гул толпы.

Вран поднял руку, понуждая отряд остановиться, а сам медленно выехал на опушку, чтобы осмотреться. Соваться в местные разборки ему совершенно не хотелось, да и правила предписывали стационарным агентам всячески избегать вмешательства в дела аватаров, если для этого не было насущной необходимости. С пригорка Врану открылся замечательный вид на живописную долину, с расположившимся в низине монастырём и прилегающей к его воротам центральной площадью. Городские постройки поднимались по пологим зелёным склонам и окружали монастырские стены наподобие лепестков экзотического цветка. Обычно пустая площадь сейчас превратилась в настоящее людское море, причём это море ничем не напоминало штиль, люди кричали и размахивали руками, пытаясь протиснуться поближе к центру. И немудрено, ведь там, в центре их ждало захватывающее представление — сожжение живого человека.

— Что, опять? — Вран не удержался от раздражённого комментария, враз припомнив свои приключения в застенках инквизиции, закончившиеся костром. — И откуда только у аватаров взялась эта мерзкая привычка — поджаривать своих ближних?

Он пригляделся к несчастной жертве церковного произвола и помрачнел ещё больше. К столбу в центре помоста, обложенного со всех сторон вязанками хвороста, была привязана

женщина, причём, судя по пышным чёрным волосам, нетронутым сединой, женщина молодая. Прежде чем Вран успел обдумать свои дальнейшие действия, он уже мчался к месту казни, а за ним, словно стая воронов, с гиканьем летел его отряд. Разгорячённые лошади врзались в толпу горожан и прошли сквозь неё как раскалённый до бела нож сквозь масло. Всадники вылетели к эшафоту и, повинувшись приказу своего командира, быстро оттеснили монахов и охрану от уже начавшего заниматься костра.

Только тут Вран обратил свой взгляд на обречённую женщину и буквально застыл в ступоре. Это была совсем ещё молоденькая девушка, от силы лет семнадцати, однако поразил его отнюдь не её нежный возраст, а выражение лица. В глазах девушки совсем не было заметно страха или ненависти к палачам, обрекшим её на мучительную смерть, однако и смирения в них не наблюдалось, она смотрела на окружающую её беснующуюся толпу с жалостью и даже сочувствием. Вран очень живо припомнил свой собственный недавний опыт в качестве топлива для костра и не смог ни отметить, что в его отношении к инквизиторам сочувствием даже не пахло. Да, ему тоже не было страшно, но он ведь точно знал, что уход на перевоплощение с полной потерей своей личности ему не грозит, а у этой малышки такого бонуса не имелось от слова совсем.

Девушка перевела свой взгляд на непонятно откуда взявшегося всадника и вдруг улыбнулась. Нет, всё-таки ей было страшно, вот теперь Вран это увидел совершенно чётко, только она запрятала свой ужас перед предстоящим кошмаром в самый дальний уголок своего сознания, где его не смогли бы разглядеть собравшиеся на представление горожане. Налетевший порыв ветра мазнул по тлеющему хворосту, и тот вспыхнул, враз скрыв тоненькую фигурку за стеной чёрного дыма. Вран подстегнул своего коня, вскочил с ногами на его круп и оттолкнувшись запрыгнул на высокий помост. Острое лезвие рассекло толстую верёвку словно шёлковую нить, и через секунду он уже снова стоял на земле, держа на руках свою слегка подкопчённую добычу.

Только тут Вран осознал, что впервые в жизни совершил спонтанный поступок, напрочь отключив рациональное мышление и отдавшись эмоциональному порыву. Для аэра это было сравни помешательству, чем-то совершенно немислимым, но в тот момент сей аспект почему-то не вызвал у бывшего сталкера даже лёгкой растерянности. В противоположность Врану, монахи поначалу откровенно растерялись, но не надолго. Незапланированное освобождение малолетней преступницы каким-то неизвестным наглцем буквально воспламенило их сердца священной яростью. Не удивительно, что последствия спонтанности аэра не остались безнаказанными. Эти последствия не замедлили явиться в облике величественного мужчины в сутане, который бесстрашно рванул к нарушителю, размахивая посохом и изрыгая проклятия. Вран, недолго думая, пнул ретивого служителя культа сапогом в живот, поскольку руки у него были заняты, отчего тот кувырком полетел на землю, вздымая облака пыли. Пока монах выбирался из опутавшей его ноги сутаны, всадники с обнажёнными палашами окружили своего командира плотным кольцом.

— Это ведьма, — завопил, отплёвываясь от пыли инквизитор, — спасая её, ты и сам станешь преступником пред законом божьим и человеческим.

— Я вне этой вашей юрисдикции, — честно признался аэр, чем привёл монаха уже в полное неистовство.

— Кара всё равно тебя настигнет, богохульник, — яростно завопил тот, однако при этом благоразумно остался сидеть в пыли, видимо, по причине того, что отблеск пламени на обнажённых клинках весьма воинственно настроенных всадников слепил ему глаза.

Вран передал спасённую девушку одному из гвардейцев и свистом подозвал своего коня, перепуганного не столько жаром костра, сколько акробатическим этюдом своего хозяина, от которого бедное животное никак не могло ожидать столь неадекватного поведения. Снова оказавшись в седле, Вран подъехал вплотную к поверженному палачу.

— Не советую нас преследовать, — с нажимом произнёс он. — Поверь, это будет совсем не полезно для твоего здоровья, — с этими словами он махнул рукой в сторону леса, и через секунду конный отряд уже мчался по мягкой луговой травке к величественным соснам, выстроившимся на опушке, словно оборонительный частокол.

Толпа, собравшаяся поглазеть на казнь, благоразумно последовала совету страшного всадника и хлынула в стороны, освобождая дорогу похитителям ведьмы. А чего ещё можно было ожидать от простых обывателей, если даже их религиозный пастырь предпочёл отлежаться в пыли, вместо того, чтобы ринуться в священный, но увы, безнадёжный бой с профессиональными вояками, которым, судя по всему, ничего не стоило превратить их мирный городок в кладбище. Откуда этим бедолагам было знать, что отрядом командовал не безжалостный рубака, а ярый поборник идеалов гуманизма? На самом деле Вран ни за что бы не позволил своим людям причинить вред жителям Свенбурга, даже безмозглым монахам, охочим до варварских развлечений.

Не останавливаясь ни на секунду, отряд влетел под густой лесной полог и растворился среди деревьев. Однако, проскакав примерно с милю, Вран остановился и свернул в чащу. До замка оставался ещё целый день пути, и преодолеть это расстояние, не давая отдыха коням, было нереально. Так что буйной ватаге предстояло провести ночь на холодной земле у костра, а не на мягких перинах «Святого Сирина». Впрочем, подобная перспектива никого из них особо не расстроила. Все эти парни были закалёнными в походах воинами, да и их преданность командиру была прямо-таки мистической, что они и продемонстрировали, напав на служителей церкви по его приказу.

Нужно сказать, что свою гвардию Вран унаследовал от предшественника на посту стационарного агента, но первым же делом проредил состав старых бойцов и набрал новых. При этом он руководствовался исключительно соображениями их личной преданности, а ещё отсутствием религиозного фанатизма. Его труды окупились с лихвой, гвардейцы готовы были идти за своим командиром хоть в смертельный бой, хоть напрямик в адское пекло. Так что какие-то жалкие неудобства вынужденной ночёвки под открытым небом не вызвали ни намёка на недовольство. Через час блужданий в лесной чащобе отряд наконец вышел к ручью, где Вран и решил разбить лагерь. Раздав указания и умывшись с дороги, он пошёл проведать свой нечаянный трофей. Увы, проявить куртуазность ему не удалось, потому что ведьмочка крепко спала, свернувшись калачиком прямо на земле.

Шанс познакомиться со спасённой девицей представился Врану только утром, да и то при весьма пикантных обстоятельствах. Он проснулся рано, когда только-только начало светать, и лес наполнился зыбким мерцающим сиянием, сочившимся сквозь кроны деревьев. Решив искупаться перед долгой дорогой до замка, Вран направился к ручью, но не дойдя десятка шагов до воды, буквально застыл словно парализованный, потому что обнаружил на берегу лесную нимфу. Мокрое обнажённое тело нимфы матово поблёскивало, словно было сделано из серебра, с длинных слипшихся от воды прядей то и дело срывались капли и с тихим звоном плюхались в лужицу у её ног. Трепетавшие на ветру ветви ивы, под которыми укрылась нимфа, создавали удивительный эффект змеиной кожи, причём свето-тени как бы плавно струились по её телу.

Зрелище было настолько завораживающим, что некоторое время Вран просто тупо наслаждался прелестной картинкой, будучи не в силах отказать себе в этом удовольствии, несмотря на всю неоднозначность ситуации. Наконец девушка почувствовала, что за ней наблюдают, и тут же юркнула за дерево, прихватив свою одежду. Впрочем, через пару минут она уже появилась перед своим спасителем аккуратно одетой и даже условно причёсанной.

— Прости, малышка, я вовсе не хотел мешать твоим водным процедурам, — галантно извинился Вран, — просто тоже думал искупаться перед завтраком.

— Ну что Вы, — нимфа хитро улыбнулась, демонстрируя нарушителю своего спокойствия смешные ямочки на розовых щёчках, — мне даже в голову не могло прийти, что благородный лорд опустится до того, чтобы подглядывать за голой девицей. Да я бы и не посмела выражать претензии человеку, который спас мою жизнь, теперь я Ваша должница.

— Может быть, моя должница соизволит представиться? — Вран ехидно ухмыльнулся, принимая игривый пас малолетней кокетки. Как ни странно, столь естественная просьба не на шутку смутила самоуверенную девицу, её щёчки сразу покрыла неестественная бледность, а в глазах заметался страх.

— Пожалуйста, не просите меня назвать моё имя, — промямлила она, чем немало озадачила своего спасителя, который никак не ожидал с первой минуты знакомства наткнуться на какую-то страшную тайну.

— Так ты действительно ведьма? — навскидку предположил он.

— Конечно, нет, — девушка сразу вспыхнула как порох, — меня оклеветали, но я предпочла признать свою вину, чтобы не подвергаться пыткам.

— Ладно, не стану допытываться, — Вран решил отложить выяснение отношений до лучших времён, когда сможет завоевать доверие перепуганной девчонки, — но как-то я ведь должен к тебе обращаться.

— Меня зовут Эвиана, — представилась барышня, заученным движением делая книксен.

— Рад познакомиться, Эва, — Врана уже давно насторожила её уверенная и в то же время вежливая манера выражаться, совсем не похожая на говор простой горожанки, но до этого изящного поклона он всё ещё лелеял надежду, что спасённая девица была не из благородного сословия. Однако теперь у него уже не осталось никаких сомнений, что судьба подкинула ему подянку в виде дочки какого-то вельможи. — Меня зовут... Рэйнальд, — он запнулся, поскольку поймал себя на том, что едва ни назвал своё настоящее имя.

— Неужели провидение даровало мне счастье познакомиться со знаменитым лордом-отшельником Рэйнальдом Гилмором? — Эвиана тут же наострила ушки, ожидая подтверждения своей догадки.

— Меня действительно называют отшельником? — наигранно посетовал лорд, мысленно поздравляя команду внедрения за удачную легенду. — Чем же я обязан такой сомнительной известности?

— Простите мою бесцеремонность, — Эвиана деланно потупилась, однако её взгляд, брошенный на Врана из-под опущенных ресниц, отнюдь не отличался смирением, он так и лучился любопытством. — Говорят, Вы так сильно любили свою жену, что после её кончины удалились от мира и уединились в своём замке. Странно, но Вы же совсем не старик, — в голосе девушки прозвучала растерянность, — я вовсе не так себе Вас представляла. Ой, я не хотела Вас обидеть, — вот теперь она натурально смутилась, — это не моё дело.

— Я не в обиде, — вопреки собственным уверениям, Вран действительно почувствовал себя обиженным, но не словами наивной девушки, а тем, что по легенде лорд-отшельник был как-то слишком уж не молод. Явная неадекватность сего странного эмоционального отклика привела его в полное замешательство, и на пару секунд благородный лорд завис.

— Не думала, что мне выпадет удача познакомиться с человеком, способным на такие чувства, — пролепетала Эвиана, как бы намекая на то, что в присутствии отшельника одинокой беззащитной девушке не нужно опасаться за свою честь, даже если он лорд.

— Под охраной моего отряда ты можешь чувствовать себя в полной безопасности, — рассеянно отозвался Вран, всё ещё пребывая в шоке собственного неадекватата. — Я доставлю тебя домой в целости и сохранности.

— Нет, только не домой, — Эвиана отпрянула, словно Вран собирался её схватить, — мне нельзя туда возвращаться, я сбежала от отца.

— Отец плохо с тобой обращался? — от подобных откровений Вран слегка опешил. В этой локации женщины занимали сугубо зависимое положение, и представить, чтобы юная девица благородного происхождения убежала из дому, было очень сложно.

— Он собирался выдать меня замуж за старика, — в голосе Эвианы прозвучало такое искреннее возмущение, словно она обвинила отца в гнусном преступлении. А ведь такое случалось здесь сплошь и рядом, женщин из знатных родов сватали чуть ли не в младенчестве. — Вы просто не видели моего жениха, — она всё же сочла нужным пояснить причину своего возмущения, — он отвратительный, грубый и жирный, как боров, а вдобавок ещё и старый, даже старше Вас. Гораздо старше, — добавила нахалка, заметив, что упоминание о возрасте явно покорило её спасителя.

— Успокойся, Эва, я вовсе не собираюсь возвращать тебя домой против воли, — Вран сделал вид, что не обратил внимание на бестактность девицы. — Если тебе больше некуда идти, то я почти за честь предоставить тебе кров в моём замке. Кстати, ты умеешь ездить верхом? — небрежно поинтересовался он, чтобы перевести разговор в безопасное русло.

— Конечно, умею, меня учили верховой езде с пяти лет, — заносчиво сообщила Эвиана. Однако, когда после завтрака к девушке подвели лошадь, её заносчивость враз сменилась растерянностью.

— Что не так? — проворчал Вран, которому капризы девицы уже начали надоедать.

— Седло, — Эвиана смущённо потупилась, — я ездила только в дамском седле. Но Вы не беспокойтесь, я справлюсь, — тут же бросилась она уверять своего спасителя, — только, наверное, придётся разрезать подол юбки. Могу я одолжить Ваш кинжал?

Вран совсем пал духом. Дамское седло было явным признаком того, что эту девицу готовили к чему-то большему, чем ведение хозяйства в захолустном поместье или произведение на свет выводка благородных деток. Скорей всего, Эвиана с самого рождения была предназначена для того, чтобы блистать при дворе какого-нибудь герцога, а то и принца.

— Вот только беглой принцесски мне и не хватало для полного счастья, — досадливо подумал попавший в переделку страж, — мало мне, что ли, ссоры с инквизицией? Ладно, делать нечего, не бросать же этот подарочек судьбы в лесной чаще, — он со вздохом залез на своего коня и подал руку Эвиане. — Не стоит портить одежду, — галантно объявил благородный лорд, одним ловким движением усаживая девушку перед собой, — она тебе ещё пригодится, пока портной будет трудиться над твоими новыми нарядами.

Отряд всадников медленно двинулся сквозь лес к тракту. Странно, но на сей раз их

командира отчего-то совсем не заботила тяжкая доля его лошади, гораздо больше его сейчас волновали вовсе уж неуместные в походе вопросы. Каждое прикосновение к прохладной бархатной коже пассажирки отчего-то рождало в животе Врана приятную тёплую волну, запах её волос будоражил кровь не хуже выдержанного вина, а её голос вызывал ассоциацию с журчанием ручья. Увлёкшись анализом новых для себя ощущений, неискушённый в обращении с дамами аэр даже не заметил, что на его губах блуждает мечтательная улыбка. А ведь это был первый случай в его игровой практике, когда мимика лица рефлекторно отразила его душевное состояние.

Потемневшая от пыли и времени люминесцентная лампа вдруг коварно замигала и погасла, погружая архивные стеллажи в темноту. От неожиданности Василиса вздрогнула и инстинктивно отпрянула назад от чёрных пыльных недр верхней полки. Её неловкое движение сместило и так уже шаткое равновесие приставной лесенки, которая тут же начала опасно крениться влево, норовя соскользнуть с края полки. Падать вниз на облупленный грязный кафель Василисе вовсе не улыбалось, а потому она судорожно вцепилась в первое, что подвернулось под руку. Спонтанное решение оказалось правильным, лестница благополучно выровнялась, а вот Василисиной спасительной соломинке повезло меньше. Громоздкий, но, как оказалось, лёгкий металлический ящик не удержался на полке и со всей дури грохнулся на пол.

Подлая лампа противно зажужжала и снова включилась, заливая картину разрушения ярким белым светом. Василиса слезла с лестницы и охнула от ужаса, по всему полу были разбросаны какие-то странно поблескивавшие листки, сплошь покрытые ни на что не похожими закорючками. Крохотный висячий замочек, запиравший ящик, не выдержал варварского обращения и открылся, вывалив содержимое хранилища в архивную пыль. Это была настоящая катастрофа. Перед глазами Василисы тут же возникла кошмарная картинка, как незащищённые от света и воздуха листки старинной рукописи темнеют и рассыпаются в прах. Она даже зажмурилась на секунду, не в силах перенести вида неизбежного разрушения.

Наверное, случившееся можно было считать закономерной расплатой за Василисину самонадеянность, именно так и должно было закончиться незаконное проникновение в неоцифрованные архивы музея. И ведь она отлично понимала, что нарушает правила доступа, но всё-таки стырила ключ у Трофимыча, понадеявшись на своё везение. А во всём был виноват тот дурацкий спор с Германом, на который Василиса тщетно попыталась забить, сочтя его шуткой. Увы, её новый любовник оказался человеком последовательным и дотошным, сначала он донимал её просьбами, а потом и вовсе изобразил обиженного. Герман Василисе откровенно нравился, а потому она решила не портить отношения и отработать свою часть сделки. Как она и подозревала, никаких упоминаний об использовании электричества в восемнадцатом веке в электронном архиве музея не нашлось, и спорщица с чистой совестью отчиталась в своей неудаче, предполагая, что заработала приз в виде безвкусной, зато дорогой броши.

— Поиск по цифровым источникам? — в голосе Германа было столько сарказма, что Василиса даже обиделась. — Ну ты даёшь! Неужели ты действительно считаешь тех ребят, которые сочинили для вас историю, безмозглыми дилетантами? Какой бы надёжной ни была защита, рано или поздно кто-нибудь обязательно сольёт в сеть цифровую копию, а это грозит жуликам полным разоблачением их махинаций. Ты же не считаешь, что ради истины так называемые учёные готовы добровольно отказаться от своих званий и регалий? Нет, опасным документам место не в сети, а на пыльных полках закрытых архивов.

— Ну извини, у меня нет доступа к неоцифрованным архивам, — пробурчала Василиса.

— Это признание проигрыша? — Герман ехидно подмигнул спорщице. — Я не против. Когда сообщишь своим нанимателям об ошибке?

— Вот ещё, — возмутилась Василиса, — у нас ничья. У тебя ведь тоже нет доказательств.

— Вообще-то, кое-что у меня имеется, — Герман загадочно улыбнулся, — правда, назвать бесспорным доказательством эту вещицу было бы некорректно, но это всё же лучше, чем твой полный ноль. — В подтверждение своих слов на следующий день он принёс Василисе небольшую металлическую шкатулку с выгравированной на крышке картинкой, изображавшей какой-то праздник. — Видишь фонари и иллюминацию? — Герман провёл пальцем по гравировке, обозначая соответствующие детали картинки. — А между прочим, это коронация так называемого Петра Великого, чистый восемнадцатый век.

— Шкатулка ничего не доказывает, — тут же начала канючить Василиса, — это могли быть, например, газовые фонари или свечи.

— Ага, башня, покрытая свечками, — съязвил Герман. — Признайся уж, что проиграла.

— Ни за что, — заявила отчаянная спорщица, заводясь уже не на шутку. — Я смогу проникнуть в архив, серьёзной охраны там нет. Так что готовь свою брошку.

Вот так Василиса и угодила в эту переделку. Мысленно взмолившись всем богам, чтобы грохот от падение ящика не достиг ушей Трофимыча, она открыла глаза и снова охнула, но теперь уже от облегчения. Странные листки рукописи и не подумали скукожиться, они преспокойненько лежали живописной кучей на грязном полу без малейшего намёка на желание рассыпаться в прах. Василиса радостно пискнула и бросилась их собирать. Вот тут-то её и посетило откровение. Оказывается, листки не были бумагой или пергаментом, они были металлическими, но при этом такими же лёгкими и гибкими, как шёлк.

— Это же не человеческая технология, — Василиса застыла над кучей странных артефактов в полном недоумении, — выходит, историки действительно врут. Наверное, и с электричеством дело обстоит не лучше, — она скрипнула зубами с досады и принялась складывать листки обратно в ящик. — Плакала моя брошка, а заодно и репутация непогрешимого эксперта.

Даже будучи заполненным металлическими листками, ящик оказался не настолько тяжёлым, чтобы женщина с базовой физической подготовкой ни смогла бы затащить его по лестнице на верхнюю полку. Отдышавшись после трудов праведных, Василиса продолжила свои поиски и вскоре, как и ожидала, наткнулась на вполне достоверное подтверждение слов Германа. Дольше торчать в этой пыльной душегубке было бессмысленно, пора было возвращаться домой и честно признать поражение. Василиса быстренько уничтожила все следы своего пребывания в запретном архиве и направилась к выходу. Проходя мимо злополучного стеллажа с ящиком, она не удержалась от того, чтобы прошипеть что-то непечатное в адрес подлых врунов от истории. Именно этот момент старая лампа выбрала для того, чтобы снова погаснуть.

Пару секунд Василиса стояла в крошечной темноте, проклиная всё, до чего могла дотянуться её мысль, а именно лампу, ящик, листки с закорючками и, главное, продажных историков, из-за которых она и оказалась в таком незавидном положении. Наверное, ей стоило немного подождать, и свет снова осветил бы её путь домой, но в душе Василисы бушевал такой пожар, что ожидание для неё было хуже смерти. Женщина решительно выпрямилась и шагнула в темноту. Увы, как оказалось, это был весьма опрометчивый поступок, и наказание за нетерпеливость последовало незамедлительно. Василисина нога наткнулась на что-то гладкое и очень скользкое, и это что-то не преминуло выскользнуть из-под её ступни. В результате, она грохнулась на пятую точку, угодив копчиком аккурат на выщербленный кафель.

Шипя от боли и потирая ушибленное место, Василиса принялась ощупывать пол в

поисках неожиданного препятствия, уже понимая, что это было такое. Вскоре её ладонь, как и ожидалось, наткнулась на металлический листок, который каким-то образом умудрился спрятаться от её зорких глаз. Как только иноземный артефакт оказался в руке Василисы, лампа снова зажужжала, как бы объявляя о скором пришествии света. Однако, вместе с жужжанием, раздался и ещё один звук, который сейчас был совсем некстати. Мягкие шаги зазвучали в конце коридора, медленно приближаясь к стеллажу, рядом с которым диверсантка от истории устроила себе вынужденный перекур. Засунув листок в сумку, она бесшумно отползла в дальний угол и укрылась за каким-то шкафом.

К счастью для Василисы, посетитель архива оказался не охранником, а просто работником с доступом. Не останавливаясь, он прошёл мимо её убежища и углубился в лабиринты стеллажей. Василиса не стала дожидаться, когда работник пойдёт назад и потихоньку пробралась к выходу. Об украденном листке она вспомнила только вечером, когда полезла в сумку за телефоном. Матово поблескивая, её трофей распластался на столе, словно приглашение к приключению, и Василиса, разумеется, приняла пас Игры. Первым делом она безжалостно вкрутила стоваттную лампочку в сорокаваттный патрон настольной лампы и принялась исследовать свою добычу.

В какой-то момент азартной исследовательнице показалось, что такие закорючки уже встречались в её реставраторской практике, и она полезла в личный архив, чтобы проверить своё предположение. Увы, предположение оказалось ложным, ничего похожего там и к помине не было, но чувство узнавания отчего-то никак не хотело покидать Василисину голову. Внезапно в этой голове всплыла совершенно нелогичная мысль о том, что закорючки являются не целыми рунами, а лишь их проекцией на плоскости. Откуда она это взяла, Василиса не смогла бы рассказать даже под пытками, но проникнув без спросу в её голову, эта мысль застряла там как рыба в сети. Недолго думая, Василиса принялась с жаром экспериментировать с артефактом, покрутила листок и так и эдак, согнула, скрутила в трубочку, попробовала смотреть на него расфокусированным взглядом, даже прошлась по поверхности горячим утюгом, но всё было тщетно, огрызки рун оттуда так и не показались.

Пока Василиса таким образом развлекалась, на город коварно спустилась ночь. Пообещав себе продолжить издевательства над краденым листком утром, она отправилась на боковую, однако среди ночи вдруг проснулась с чётким ощущением, что знает, как взломать закорючечный шифр. Василиса подскочила в постели, словно её ужалили, и прямо голышом бросилась рыться в ящике стола, куда она обычно сваливала ненужное барахло. Вскоре поиски увенчались успехом, и довольная экспериментаторша выудила из пыльной кучи стеклянную призму, полученную ещё в школе в качестве награды за победу в соревнованиях по плаванию. От долгого хранения в неподходящем месте стекло так сильно перепачкалось, что призма совершенно утратила прозрачность, так что Василисе пришлось потратить едва ли ни полчаса, чтобы довести свой прибор для чтения закорючек до требуемой кондиции.

Впрочем, сетовать на потюю времени было бы верхом неблагодарности, так как приложенные усилия полностью окупились. Как только рассеянный призмой свет коснулся заветного листка, тот словно растворился, превратившись в полупрозрачную сферу, сплошь покрытую объёмными рунами, напоминавшими не то вьющиеся растения, не то рисунок на шкуре невиданных зверей. Василиса так и застыла с открытым ртом. Да, она не ошиблась, эти знаки были ей знакомы, но только не по её реставраторской работе, очень похожие руны покрывали всю поверхность загадочной шкатулки, которая продолжала терзать её в ночных

кошмарах. Сделанное открытие погрузило Василису в ступор, ведь тогда получалось, что и эта шкатулка тоже явилась из иного мира.

Один артефакт мог запросто быть случайной находкой, но два уже наводили на мысль, что мы очень мало знаем о своём прошлом. Если у пришельцев хватило времени на то, чтобы баловаться ювелирными поделками, то что же ещё они умудрились тут натворить? Какие невообразимые технологии были ими спрятаны от глупых людишек и до сих пор хранились только в пыльных архивах, да у частных коллекционеров? Снова лезть в охраняемый архив Василисе было откровенно стрёмно, а вот отыскать шкатулку можно было бы без большого труда. Отчего-то она даже не сомневалась, что под лучами, разложенными призмой в радугу, шкатулка сразу же откроет ей все свои секреты. Возможно даже, что и её кошмарное содержимое тоже найдёт своё объяснение.

Пока Василиса прикидывала, как бы ей разузнать, кому продали шкатулку, рунический рисунок вдруг пришёл в движение. Знаки принялись менять свои очертания, они плавно перетекали с места на место, образуя всё новые рисунки, похожие не то на облака, не то на морскую пену. Василиса с восторгом наблюдала за этим завораживающим движением, и её мысли, поначалу скачущие как саранча, начали успокаиваться, пока совсем ни растворились в нирваническом танце рун. И вот тогда случилось уже настоящее чудо: то, что раньше казалось лишь непонятными значками, внезапно обрело смысл, превратившись в образы и понятия. Нет, образы не были чёткими, и они не складывались в последовательное послание, скорее, это были какие-то несвязные, зато очень яркие осколки разбитой мозаики.

Главным, как бы несущим образом была вода, если этот поток бирюзового цвета вообще можно было назвать водой. Впрочем, необычный цвет был не единственной и даже не главной странностью потока. Отчего-то он не поддавался закону гравитации и тёк сразу во все стороны, изгибаясь и заворачиваясь в петли, поднимаясь к розоватым небесам и устраивая хоровод вокруг каких-то полупрозрачных строений. Не успела Василиса как следует изучить бирюзового проказника, как картинка сменилась. Теперь её окружали плети растений, свисавшие откуда-то сверху. Внезапно на одном из растений раскрылся большой голубой бутон, выбросив из сердцевины целый фонтан серебристых звёздочек. У Василисы буквально перехватило дыхание, ведь точно такой цветок был изображён на шкатулке из её кошмаров.

Образы продолжали сменять друг друга, и в них не было ничего знакомого, все они были нездешними, пришельцами из иного мира. Погрузившись в этот удивительный калейдоскоп, Василиса не сразу осознала, что чья-то неутомимая мысль настойчиво долбится в её мозг, пытаясь просочиться сквозь защитный барьер рациональности. Попробуйте сходу принять идею о том, что вы, оказывается, способны воспринимать телепатические послания, и поймёте, как это будет непросто. Вот и Василиса не сразу смогла осознать, что автор, зашифровавший своё послание в живых рунических письменах, пытается донести до неё свои мысли. Однако, стоило ей принять подобную гипотезу, как её сознание словно открылось навстречу новому знанию.

Это вовсе не был какой-то текст, зазвучавший в её голове, просто Василиса внезапно уловила всё послание целиком, и было оно очень грустным, почти трагическим. Она чётко поняла, что автор послания медленно, но верно терял память. Эти картинки, которые в начале мелькали перед её взором, были единственными, которые ещё сохранялись в его оскудевшем хранилище. Василиса почти физически ощутила боль бедняги из-за невозможности вернуться домой, она даже уловила его желание вовсе ничего не помнить,

вместо того, чтобы изнывать от ностальгии из-за всплывавших в памяти обрывков. Однако окончательно утонуть в беспомощности ему не позволяли визитёры из его родного мира, которых он называл ратава-корги. Эти существа специально разыскивали таких, как он, потеряшек и пытались реанимировать их воспоминания.

Собственно, на этом послание обрывалось, видимо, продолжение всё же имелось, но для одного небольшого листочка этого и так было выше крыши. Василиса была искренне восхищена технологией, позволившей вместить столько информации в небольшого формата листок. Впрочем, гораздо больше технической стороны её заинтересовал один весьма насущный вопрос: а много ли таких заблудившихся пришельцев разгуливают сейчас по Земле. Если эти ребята могли спокойно жить среди людей, значит, внешне они неотличимы от коренных обитателей нашего мира. По большому счёту, практически любой из людей мог оказаться таким вот потеряшкой, даже кто-то из знакомых или родственников, например, любительница эзотерики Бафи. Василиса представила себе, как любимая бабуленька вдруг превращается в иномирного монстра, и ехидно захихикала.

Заснула она только на рассвете, послание заблудившегося пришельца взволновало её не на шутку. Увы, новые впечатления не смогли вытеснить старый, давно уже опостылевший ночной кошмар. Шкатулка с кровоточащим сердцем снова явилась Василисе во сне, погрузив бедняжку в привычную депрессию. Проснулась сновидица с чётким ощущением, что этот сон напрямую связан с жизненной катастрофой, которую ей предрекла тарологиня Варенька. Откуда взялась эта уверенность, Василиса не смогла бы объяснить, но отчего-то даже не сомневалась, что ночной кошмар просто показывает её ужасное будущее. Разумеется, предположить, что какой-то злодей натурально вырежет сердце из её груди, показалось Василисе уж слишком драматичным и фантастичным сценарием, поэтому она решила, что сон — это что-то вроде аллегории, то бишь, какой-то мужик разобьёт ей сердце.

Претендентов на эту неприглядную роль в нынешней жизни Василисы было не так уж много, собственно, очередь потенциальных злодеев на данный момент состояла из одного единственного мужчины — Германа. Их бурный роман вспыхнул столь неожиданно и развивался так стремительно, что гораздо больше напоминал театральную постановку, нежели реальную жизнь. Романтический флёр, которым их отношения были пропитаны как пирог сладкой патокой, не оставлял места сомнениям и благоразумию. Он, словно мощный водоворот, затягивал в себя всё, до чего мог дотянуться. Стоит ли удивляться тому, что Василиса с головой нырнула в этот завораживающий своей соблазнительной глубиной омут?

До сего момента ей даже в голову не приходила мысль о возможных последствиях её романа с Германом, задумываться о будущем вообще было не в тех жизненных правилах, которым следовала Василиса. Ведь глупо же оглядываться назад и пытаться подстраховаться, когда тебе раскрывает свои объёты азартная и увлекательная Игра под названием Жизнь. Но этим утром всё было иначе, отчего-то исповедь заблудившегося в нашем мире пришельца заставила Василису посмотреть на отношения с Германом с другой стороны. Она вдруг чётко осознала, что ничегошеньки не знает о своём любовнике, никогда не была в его доме, не встречалась с его родными или друзьями. Даже тот факт, что Герман подменил на ночном ретрите её инструктора по цигуну, ничего не говорил о роде его занятий. Да и его настойчивое стремление отправить Василису в запретные архивы больше не выглядело капризом, оно как-то уж слишком сильно напоминало коварный замысел.

— Что же тебе от меня нужно? — вслух пробормотала Василиса. — Может быть, это? — она подняла со стола листок с иноземным посланием. — Нет, Герман никак не мог

знать, что я опрокину тот ящик, а потом утащу один из листков. Тогда зачем он хитростью отправил меня в архив?

Некоторое время Василиса ходила из угла в угол, пытаясь сложить воедино разрозненные кусочки паззла, которые подбросила ей Игра, и тут в её голову пришла совсем другая мысль. Что бы ни задумал Герман, он никак не мог быть тем мужчиной, которому предстояло разбить сердце влюблённой женщины просто потому, что это сердце на самом деле ему не принадлежало. Да, Василиса была увлечена этим сильным и загадочным мужчиной, но не настолько, чтобы расставание с ним разрушило её жизнь. Выходит, сон указывал на кого-то другого, может быть, на Егора? Василиса попыталась представить себе вечно улыбающуюся физиономию своего напарника по магическим практикам, но отчего-то, вместо Егора, перед её внутренним взором вдруг возник совсем другой образ. Тёмная фигура мужчины в развивающемся плаще на пустынной зимней улице.

— Ты-то тут при чём? — возмутилась Василиса, но буквально через секунду пришла догадка, и была она настолько ошеломляющей, что повергла несчастную женщину в ступор.

Дело в том, что странный мужик, вынырнувший из подворотни, словно чёрт из табакерки, вызвал у неё такую же необъяснимую паническую реакцию, как и видение окровавленного сердца в шкатулке. Никогда раньше Василиса не пасовала перед опасностью, напротив, она всегда предпочитала идти ей навстречу. Даже если предположить, что незнакомец действительно мог оказаться маньяком, это не должно было заставить её бежать без оглядки, скорее уж, наоборот, приготовиться к отпору. Чем же мужик в плаще так напугал бесстрашную и убеждённую авантюристку? Что за опасность почуяло сердце Василисы, в котором никогда не было даже страха смерти?

— А ведь я была не единственной, кого он напугал, — перед её внутренним взором тут же всплыла ещё одна картинка, которая вроде бы совсем затёрлась дальнейшими событиями, но всё же умудрилась остаться в памяти. Василиса чётко вспомнила, как враз побледнело и осунулось лицо Германа, когда тот увидел мужчину в плаще.

— Рэй, ты слышишь? — Эвиана остановилась и задрала голову к кроне вековой липы, мимо которой они как раз проходили, прогуливаясь по аллеям замкового парка.

— Ты про птицу? — рассеянно поинтересовался Вран, которого жизнедеятельность пернатых волновала в наименьшей степени, сейчас его гораздо больше интересовал вопрос, каким образом ладошка его спутницы умудряется оставаться прохладной даже в полуденную жару.

— Это же соловей, — девушка возмущённо нахмурила бровки. — Как можно быть таким тугоухим? Послушай, как заливается.

— Да, красиво, — покладисто согласился Вран, чтобы не провоцировать очередной наезд излишне прямолинейной гостьи замка Гилмор.

В последнее время он частенько сталкивался с ситуациями, в которых совершенно терялся. Вроде бы тщательная подготовка стража на поверку оказалась чистой халтурой, поскольку никак не предусматривала близкого общения с такой опасной в своей непосредственности собеседницей. Эвиана постоянно ставила в тупик неопытного в земных делах аэра, заставляя его вертеться как уж на сковороде, чтобы не выдать своей инородности этому миру. Ну кому бы пришло на ум, что для достоверности ему потребуется изучить голоса местных птиц или запахи растений? А оказывается, для аватаров чириканье какой-то невзрачной пичуги является чем-то вроде ангельского пения. Что уж говорить про ландыши, едва ни стоившие агенту полного разоблачения. Разве могло Врану прийти в голову, что Эвиана сочтёт кощунством раздавленный его подошвой беленький цветочек?

— Это песня любви, — девушка укоризненно покачала головой. — Только соловьи умеют так петь.

Вран тайком вздохнул, укладывая в архив своей памяти ещё один бесполезный факт. Этих фактов там скопилось уже такое невероятное количество, что в пору было заводить каталог. И как только аватары умудрялись хранить столько иррациональной информации, да ещё и выуживать её буквально на автомате? Но хуже всего было то, что Вран пока так и не научился предсказывать реакцию Эвианы на те или иные аспекты жизни, поскольку, с его точки зрения, поведение девушки было не просто необъяснимо, оно зачастую граничило с абсурдным. Например, Эвиана отчего-то радовалась как ребёнок тому факту, что с наступлением лета дни становятся длиннее, а ночи светлее, хотя это было просто следствием работы алгоритмов этого мира. Ну чему тут можно радоваться?

Она могла с визгом запустить туфлём в высунувшуюся из своей норки мышку, а потом потратить кучу времени на то, чтобы помочь случайно залетевшему в окно мотыльку благополучно выбраться на волю. Каким образом эта взбалмошная девица разделяла животный мир на хороших и плохих представителей, так и осталось для Врана загадкой. В её отношении напрочь отсутствовала логика, ведь мышь явно была более высокоорганизованным существом, нежели насекомое. Реакция Эвианы на перемену погоды вообще повергала рациональный ум аэра в ступор. Когда тучи закрывали небо, и начинал накрапывать мелкий дождик, глаза девушки отчего-то сразу наполнялись печалью, она становилась вялой и тихой, могла часами молча сидеть у камина, глядя в огонь. А вот первая летняя гроза неожиданно привела Эвиану в буйный восторг. Она выскочила на балкон в одной ночной сорочке и принялась кружиться под потоками воды, разбрызгивая лужи

босыми пятками. Ну кто бы объяснил несчастному стражу, в чём тут смысл?

Нужно сказать, что Вран оказался свидетелем танца под дождём вовсе не случайно, дело в том, что с некоторых пор ночевали они с Эвианой в одной постели. Самым странным было то, что у агента спасательной службы совершенно отсутствовало намерение совращать свою малолетнюю гостью, на самом деле Вран вообще не понимал этого аватарского развлечения под названием секс. Разумеется, он прошёл соответствующее обучение перед отправкой на место службы и отлично умел изображать сопутствующие процессу совокупления эмоции, но никакого удовольствия сей процесс ему не доставлял. Легенда о почившей любимой супруге, которой снабдили агента перед отправкой разработчики, надёжно защищала Врана от досужих сплетен, но на всякий случай он всё же время от времени приглашал в свою спальню одну из горничных. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы его не сочли извращенцем или того хуже импотентом.

Едва спасённая Враном ведьмочка впервые переступила порог его замка, так сразу заявила, что испытываемая ею благодарность к спасителю никак не распространяется на предоставление интимных услуг. Эвиана даже не подозревала, какое облегчение испытал в тот момент сам благородный рыцарь, который, начитавшись местных романов, предполагал, что в качестве награды ему по определению причитается девичья невинность, и с ужасом ждал того момента, когда придётся эту награду принимать. Заявление Эвианы враз сняло напряжение между хозяином замка и его гостьей и сделалось надёжным залогом вполне комфортных дружеских отношений, чем-то напоминавших отношения между отцом и дочерью, что было вполне уместно, учитывая разницу в возрасте.

Увы, продлилась эта идиллия недолго, вскоре Вран стал замечать, что девушка начала его сторониться. Она всё больше времени проводила в своей комнате, выходила только к столу, а на приглашение прогуляться отвечала отказом, ссылаясь на недомогание. Наверное, бедняжка так бы и зачахла в четырёх стенах, если бы в замке Гилмор ни объявился ещё один неожиданный гость. Поначалу Вран счёл этого молодого вельможу, назвавшегося его племянником, наглым самозванцем, ведь по легенде наличие у него живых родственников не предполагалось. Однако слуги в один голос признали в госте сына бывшего владельца замка, якобы погибшего в недавней войнушке, затеянной местным герцогом. По легенде Вран был родным братом отца внезапно воскресшего юноши, то есть формально являлся его дядей.

Ситуация сложилась весьма неоднозначная, ведь этот самый юноша вполне мог претендовать на наследство своего батюшки, что делало положение агента довольно шатким. Не то чтобы Вран сильно расстроился из-за появления нового персонажа, в конце концов, прокол с легендой был вовсе не его проблемой, однако выяснения отношений с претендентом на наследство было не избежать. Локация, в которую сослали провинившегося сталкера, была довольно дикой, здесь правила сила, и закон служил всего лишь ширмой для прикрытия неприглядных поступков знати, но тупо устранить законного наследника знатного рода было всё же чревато неприятностями. Кто знает, какие отношения были у этого хлыща с герцогом, и не вступится ли местный правитель за своего верного слугу? К тому же убивать аватара не в рамках самообороны, Вран считал неприемлемым.

Красавчик, вальяжно прошествовавший в приёмную, сразу ему не понравился, и страж заранее настроился на неприятности с непредсказуемыми последствиями. Что ж, опасения Врана оказались не напрасными, вот только, как оказалось, визит псевдо-родственника принёс ему совсем не те проблемы, которые он ожидал. Поначалу сцена явления блудного

племянника вполне соответствовала предполагаемому сценарию, тот вежливо раскланялся с дядюшкой, поинтересовался его здоровьем и завёл светскую беседу про погоду и урожай винограда. Однако, стоило слугам удалиться, как поведение гостя в миг переменялось. Он нагло развалился в кресле и одним глотком осушил бокал выдержанного вина.

— А ты оказался весьма шустрым и догадливым, сталкер, — усмехнулся «племянничек», — вот уж не думал, что ты успеешь вытащить Косту.

От подобного перехода у Врана буквально отвисла челюсть. Судя по вступлению, к нему заявился не кто иной, как давешний ратава-корги, пытавшийся отравить его клиента. В первый момент наглость этого типа, посмевшегося явиться к аэру, сосланному по его милости в дикую локацию, буквально ошеломила Врана, но уже через секунду он взял себя в руки и даже изобразил на своей физиономии снисходительную улыбочку.

— Вообще-то, фигуристой дамочкой ты мне нравился больше, — нахально заявил страж, — но не смею вмешиваться в твои предпочтения. Как мило, что ты заглянул на огонёк, ратава-корги, — в его голосе вдруг отчётливо зазвучала угроза, — а теперь бери ноги в руки и сваливай отсюда куда подальше, пока я ни приказал скинуть тебя с крепостной стены.

— Прости, дружок, но ничего не выйдет, — незванный гость злорадно осклабился, — эта игровая оболочка является точной копией того бедняги, который когда-то был сыночком владельца этого замка. Так что это ты находишься на моей территории.

— Думаешь, мне не пофиг? — улыбка Врана сделалась откровенно глумливой. — Как ты понимаешь, я тут не по своей воле. Если у разработчиков по твоей милости случился прокол, то пусть они его сами и устраняют. Можешь не сомневаться, спас служба сработает оперативно и чисто. Я бы тебе не советовал дожидаться десанта группы зачистки, но не настаиваю, некоторым нравится испытывать свою удачу на вшивость.

— Брось, Вран, нам эти пустые разборки ни к чему, — в голосе наглого гостя впервые зазвучали просительные нотки. — Зачем привлекать внимание начальства? Ему ведь может прийти в голову дурная идея продлить время твоей ссылки, ввиду непредвиденных обстоятельств.

— Чего ты хочешь? — в лоб спросил Вран.

— Мне нужна крыша над головой, — ничуть не смущаясь, заявил наглец, — ратава-корги ведь тоже нужно где-то жить. Мы с тобой отлично поладим, дорогой дядюшка, я не доставлю хлопот.

Некоторое время псевдо-дядюшка молча переваривал предложение своего псевдо-племянника, а потом его губы скривились в презрительной усмешке, отчего его оппоненту сразу сделалось не по себе.

— Полагаю, тот парень, чью личину ты бесцеремонно присвоил, в реальности умер, — Вран задумчиво посмотрел в потолок, — и тому обстоятельству имеются заслуживающие доверия свидетели, не так ли? — Ратава-корги скрипнул зубами, но ничего не ответил. — Может быть, мне стоит объявить тебя колдуном, как считаешь? — в глазах стажа вспыхнули азартные искорки, словно он действительно обдумывал какой-то забавный розыгрыш. — Нет, пожалуй, ты будешь у нас оживлённым покойником, — наконец решил он. — Знаешь, у местных имеется замечательный обычай насаживать зомбаков на острый кол и сжигать. Думаю, такая перспектива должна прийтись по вкусу тому, кто без малейшего угрызения совести пытался превратить игрока в аватара.

— Не верю, что ты натравишь аватаров на аэра, — заискивающе пробормотал ратава-

корги.

— Нет, не натравлю, — Вран покладисто кивнул, — если ты не дашь мне повода. Думаю, будет правильно, если племянник лорда Гилмора решит вернуться на службу к герцогу, оставив замок своего отца на попечении дядюшки. Как тебе мой план?

— Ладно, я уйду, — ратава-корги угрюмо кивнул, — но ты об этом ещё пожалеешь.

— Сомневаюсь, — отрезал Вран. — А теперь мы устроим небольшую пирушку в честь визита моего племяша, после которой мирно распрощаемся, надеюсь, навсегда. Кстати, как мне тебя называть?

— Разве ты не знаешь, как звали твоего племянника? — ратава-корги ехидно подмигнул не слишком расторопному агенту. — Можешь называть меня просто милордом, ведь формально ты — мой вассал.

— Обойдётся, — фыркнул Вран, — для дядюшки вполне уместно называть племянника по имени, мой дорогой Линнет. Однако, меня не интересуют клички, я спросил твоё настоящее имя.

— Роселинго, — ратава-корги откровенно смутился, поскольку для аэра имя было довольно необычным. — Слишком длинное, да? — он неловко пожал плечами, как бы извиняясь за неудобство. — Если хочешь, можешь звать меня просто Ро. Так меня зовут все мои друзья.

— Мне трудно назвать другом того, кто пытался погубить моего клиента, — презрительно бросил Вран, — но ломать язык тоже не хочется, пусть будет Ро. Слуги проводят тебя в твои покои и обеспечат всем необходимым, включая горячую воду, — с этими словами хозяин демонстративно сморщил нос, как бы давая гостю понять, что от того несёт конским потом. — К обеду тебя пригласят. И не вздумай выкинуть какой-нибудь фортель, я поставлю надёжных людей охранять моего дорогого племянника.

Эх, знал бы самодовольный страж, какую роковую роль в его судьбе сыграет предстоящее пиршество, наверное, просто выкинул бы своего гостя в окно. Увы, нам не дано предугадать сценарий пьесы под названием Жизнь, вышедшей из под пера Создателя. Персонажам пьесы отведена незавидная роль исполнителей чужой воли, какими бы великими стратегами они себя ни мнили. Вот и Вран опрометчиво решил, что благополучно справился с возникшей проблемой ровно в тот момент, когда невольно свернул на дорожку, ведущую к пропасти. А ведь всё началось так невинно, просто дружеские посиделки родственников после долгой разлуки. Возможно, если бы Эвиана по обыкновению последних дней осталась ужинать в своей комнате, ничего бы и не случилось, но ей, как назло, именно сегодня вздумалось осчастливить своим присутствием приютившего её лорда.

На самом деле это вовсе не было случайным капризом взбалмошной девицы. Слухи о молодом красавчике лорде Линнете распространились по замку как степной пожар и, разумеется, не минули ушек Эвианы. Стоит ли винить бедняжку, ведущую жизнь добровольной затворницы, что она не смогла справиться со своим любопытством и явилась поглазеть на гостя или, лучше сказать, истинного хозяина замка. Что ж, красавчик полностью оправдал потраченное девушкой время на одевание, причёску и макияж, он оказался не просто привлекательным молодым человеком, но вдобавок ещё и галантным кавалером. Весь вечер лорд Линнет увивался за прелестной барышней, и та буквально расцвела как бутон розы под солнечными лучами.

Вран не мог нарадоваться волшебным переменам, произошедшим с его подопечной, ведь он уже почти смирился с тем, что девушка тяжело больна и скоро покинет этот

бренный мир. Но смертельная болезнь на поверку оказалась просто хандрой, которая мгновенно улетучилась, когда у Эвианы появилось достойное общество ровесника. Только теперь до Врана дошло, каково было девушке благородного происхождения прозябать в замке немолодого замкнутого лорда без каких-либо перспектив на счастливую личную жизнь. А ведь Эвиана была такой юной, ей, разумеется, хотелось любви, красивой свадьбы, детей, в конце концов. Но что мог ей предложить сосланный в дикую локацию страж, изображавший из себя лорда-отшельника? Зато молодой лорд Линнет вполне годился на роль её спутника жизни.

— Придётся наглому ратава-корги отработать крышу над головой, — злорадно прикинул Вран, наблюдая за откровенным флиртом между двумя молодыми людьми, — пусть несчастная девушка порадуетя.

Вот так и получилось, что после ужина два аэра заключили взаимовыгодную сделку. Вран взял на себя обязательство не раскрывать обман своего псевдо-племянника, а тот в свою очередь обязался поддерживать позитивный настрой одной юной девицы. Поначалу всё шло как по маслу, молодые люди демонстративно наслаждались обществом друг друга, долгие прогулки и беседы у камина надёжно вписались в их распорядок дня. Вран всё чаще стал замечать, что его ожившая гостья улыбается, а её задорный смех то и дело отвлекал его от текущих обязанностей. Правда, вместе с заслуженным удовлетворением от удачно проведённой операции, агент отчего-то начал ловить себя на том, что испытывает досаду, глядя на счастливую парочку. Привычка к самоанализу отчего-то не помогла Врану определить причину своего дурного настроения, и он списал его на то, что поддался на хитрость ратава-корги и позволил Ро остаться.

Однако вскоре благостная атмосфера в замке начала портиться, Эвиана снова загрустила и всё чаще стала избегать приглашений на увеселительные мероприятия. Спустя месяц после вселения в замок Ро, обстановка вернулась к привычному унылому прозябанию, и Вран решил внести ясность в условия их договора с ратава-корги.

— Ты что, совсем слепой, — накинулся на него Ро, — она же флиртвала со мной назло тебе. Девчонка в тебя влюблена.

— Шутишь? — от удивления у Врана буквально отпала челюсть. — Зачем молоденькой девице старый вдовец, когда рядом крутится юный красавчик знатного происхождения?

— Ты в Игре, дружище, — расхохотался Ро, — не забывай об этом. Аватаров невозможно понять, если подходить к ним с меркой аэрской рациональности, они живут чувствами. Дай нашей малышке надежду на взаимность, и сам увидишь, как всё изменится.

— Какую надежду?! — Вран вполне искренне возмутился, хотя в глубине души почувствовал странное удовлетворение от слов Ро. — Если ты прав, то мне придётся избавиться от Эвианы. Я не могу ставить под удар свою миссию из-за одного аватара.

— Ну-ну, — в голосе Ро послышалась откровенная насмешка, — посмотрим, позволит ли эта ведьмочка от себя избавиться.

Время показало, что у ратава-корги было явно побольше опыта в общении с аватарами, чем у бывшего сталкера, заброшенного в мир Игры волей злой судьбы и интриг его коллег. Вран проявил недюжинное рвение и таки нашёл подходящее убежище для своей подопечной у одной престарелой дамы, лишившейся мужа и дочери. Эвиана молча выслушала его предложение и, не сказав ни слова, удалилась в свою комнату собираться. Хитрый манипулятор вроде бы вздохнул с облегчением, он ожидал гораздо более эмоциональной реакции от обломавшейся в своих матримониальных планах девицы, и только Ро продолжал

хитро посмеиваться над потугами соотечественника избавиться от Эвианы. Как вскоре выяснилось, потуги действительно оказались тщетными.

В ту ночь Вран проснулся от тихого шороха, идущего от двери спальни. Открыв глаза, он едва ни свалился с постели, потому что увидел в проёме тоненькую фигурку девушки, завёрнутую в одеяло. Эвиана решительно шагнула через порог и закрыла за собой дверь. Ещё пара шагов, и одеяло упало на пол, демонстрируя шокированному наблюдателю полное отсутствие под одеялом какой бы то ни было одежды. Вран открыл было рот, чтобы отчитать неразумную девицу, но та ловко запрыгнула на кровать и перекрыла потенциальный источник упрёков своими губами. Дальнейшее невольный соблазнитель невинных дев запомнил смутно, его тело вдруг взяло верх над разумом и принялось действовать самостоятельно. Рациональный ум аэра выключился, и Врана захлестнул такой мощный поток чувств, что он с непривычки мгновенно в нём утонул.

Пробуждение от блаженной эйфории оказалось одновременно отрезвляющим и болезненным. Эвиана лежала рядом, свернувшись комочком под одеялом, и горько плакала. Врану никогда раньше не приходилось сталкиваться с силой женских слёз, а потому он натурально растерялся. В тот момент в его душе творился полный раздраз, поскольку разум аэра и тело аватара вступили в смертельный конфликт. Аэр был в ужасе от утери самоконтроля, а аватар просто и незатейливо счастлив, и при этом оба они разрывались от жалости к рыдающей женщине.

— Успокойся, малышка, — Вран наконец нашёл в себе силы вклиниться в горестные всхлипывания, — я не стою твоих слёз. Не бойся, я никому не расскажу о том, что случилось.

— Да мне плевать! — Эвиана, как дикая кошка, подскочила на кровати и вцепилась ногтями в его плечи. — Я сама всем расскажу, что ты стал моим мужчиной.

— Зачем? — от растерянности Вран буквально потерял дар речи. — Ты же станешь изгоем.

— Ну и пусть, — в голосе девушки прозвучало торжество, — зато я подарила свою невинность любимому человеку. Теперь мне ничего не страшно, потому что я знаю, что и ты меня любишь.

Вран не стал оспаривать сей неоднозначный вывод, поскольку не был уверен ни в его справедливости, ни в ложности. То, что с ним произошло, настолько далеко вышло за рамки его аэрской природы, что утверждать что бы то ни было он счёл неразумным, предоставив разрешить эту дилемму времени и судьбе. Время показало, что его пофигистский подход полностью себя оправдал, жизнь в погрязшем в унынии замке снова забила ключом. Вместо дома бездетной старушки, Эвиана переехала в спальню Врана и наконец скинула с себя угрюмую маску равнодушия, превратившись в жизнерадостного и шаловливого ребёнка. Замковая челядь, как ни странно, восприняла перемены не просто спокойно, а с открытым воодушевлением, даже хитрый ратава-корги на время притих, удовлетворённый разрешением своих жилищных проблем.

А вот с судьбой всё обстояло совсем не так мармеладно. Слухи о том, что лорд-отшельник нашёл замену своей горячо любимой почившей супруге, быстро распространилась по окрестностям, и в замок Врана потянулись незваные гости, как бы случайно проезжавшие мимо. Пока это были ближайшие соседи, лорду удавалось отбиться от их навязчивого любопытства, но вслед за соседями вскоре должна была появиться городская знать, проигнорировать визиты которой было уже не так просто. Эвиана

самоотверженно делала вид, что ей плевать на свою репутацию, но Вран отлично видел, что это была лишь маска. В данной локации девичья честь была товаром, и утрата сего товара автоматом ставило женщину вне закона.

Вен никак не ожидал, что его не в меру шустрая ученица устроит ещё один вечер вопросов и ответов уже на следующем занятии. Обычно подопытным хватало позитивного запала его развлекательной программы как минимум на неделю, а то и на месяц. Увы, в Василисе отродясь не было ничего обычного, она с самого первого дня их знакомства постоянно ставила раком великого мага своими вопросами и закидонами. Хорошо ещё, что Госер благородно брал на себя роль громоотвода и сглаживал косяки своего напарника, иначе пришлось бы принимать экстренные меры в отношении бывшего игрока, оказавшегося слишком пронизательным, чтобы служить безвольной марионеткой в руках беспринципных экспериментаторов. Однако то, что произошло этим вечером, даже улыбчивого Госера погрузило в ступор, лишив дара речи специалиста по коммуникациям с лабораторными мышками.

— Вы знаете, кто такие ратава-корги? — вот такой вопрос задала Василиса, едва угнездившись на подушке для медитации. Можно себе представить немую сцену в среде тех самых ратава-корги, которая последовала за этим вопросом. Хуже всего было то, что молчание оказалось даже более красноречивым, чем откровенный ответ, и Василиса немедленно сделала из увиденного логичный вывод. — Да, вы точно это знаете, — сама себе ответила любопытная дамочка, переводя взгляд с одного ошарашенного лица на другое.

— Какое странное название, — наконец нашёлся Егор, с трудом заставляя себя улыбнуться. — Это на каком языке?

Увы, старался он напрасно, на этот раз Василиса не купилась на насквозь фальшивое выражение святой невинности на физиономии Егора. Она презрительно хмыкнула, как бы давая понять, что оценила натужную игру своего напарника по магическим практикам, но всё же снизошла до ответа.

— Ничего странного, нужно просто прочитать это название задом наперёд, и смысл сразу проявится, — пояснила она онемевшим слушателям. — Игрок-аватар, вот что это значит. Понимаете, эти ратава-корги по своей природе вроде как игроки, — разоблачительница победоносно окинула взглядом совсем растерявшуюся аудиторию, — но при этом действуют в нашем мире как аватары.

Будучи специалистом по древним рукописям, Василиса собаку съела на расшифровке гораздо более сложных текстов в своём музее, так что эту простенькую задачку она расщёлкала как гнилой орех. Сделанный вывод представлялся ей столь тривиальным, что эффект, который произвели её слова на мага и его ассистента, оказался для Василисы полной неожиданностью. Оба вылупились на неё с таким видом, словно на них снизошло божественное откровение. Гробовое молчание длилось никак не меньше минуты, а потом Вениамин нервно сглотнул и закашлялся. Егор, напрочь забывший, что нужно улыбаться, тоже очнулся от столбняка и попытался изобразить на своей физиономии воодушевление, которое больше смахивало на нервный тик.

— Это очень интересно, — промямлил Вениамин, пытаясь потянуть время, поскольку совершенно не представлял, как ему следует отнестись к тому шокирующему факту, что его ученица оказалась не только настырной, но в добавок и странно осведомлённой. — Впрочем, предположить присутствие в нашем мире игроков из других миров было бы логично. Помнишь, мы раньше уже обсуждали такую возможность?

— Так это они рисуют картинки на кубиках? — любопытствовала Василиса с самым невинным видом.

Наверное, если бы она продолжила добивать заговорщиков своей осведомлённостью, то у парочки ратава-корги попросту не выдержали бы нервы, и тогда предсказать ход дальнейших событий не взялся бы даже дельфийский оракул. С полной уверенностью можно было утверждать только одно: ничем хорошим для Василисы её разоблачительная деятельность не закончилась бы. Скорей всего, ратава-корги сочли бы продолжение эксперимента слишком опасным и попросту списали бы излишне прозорливую подопытную мышь, как неудачный результат. К счастью для себя самой, своим последним вопросом Василиса невольно подкинула Вениамину замечательную возможность выкрутиться из критической ситуации, переведя обсуждение в более нейтральное, философское русло.

— Для того, чтобы управлять информационным полем какого-то мира, нет нужды в него погружаться, — великий маг сразу взбодрился и быстренько вступил в игру. — Более того, изнутри можно внедрять какие-то смыслы лишь в узком круге аватаров, да и сил одного игрока будет явно недостаточно, чтобы существенно изменить их образ мыслей. Тут требуется коллективная работа и значительные энергетические ресурсы.

— Значит, эти уроды просто развлекаются, — сделала поспешный вывод поборница справедливости. — Что ж, их можно понять, у нас ведь тоже имеются похожие технологии. Надел шлем виртуальной реальности и получай эффект полного присутствия. А у этих ратава-корги технологии должны быть даже круче наших, я так думаю, возможно даже, они стали настолько продвинутыми, что перешли за грань здравого смысла.

— Почему ты так решила? — пробормотал совершенно сбитый с толку Вениамин.

— Иначе как объяснить, что игроки так глубоко погрузились в игру, что забыли себя? — Василиса задумчиво покачала головой и состроила сочувственную мину.

В первый момент Вениамин даже не понял, что она имела ввиду бывших игроков, зависших в Игре после стирания, ведь до сего момента речь шла лишь о ратава-корги, которым потеря памяти не грозила. Егор оказался более сообразительным и сразу догадался, что Василиса, следуя своей внутренней логике, просто объединила бывших игроков и ратава-корги в единое сообщество, даже не подозревая, какая между ними лежит глубокая пропасть. Неприятность заключалась в том, что тема зависших в Игре игроков была ещё более опасной, чем обсуждение ратава-корги. Не дай бог эта въедливая девица догадается, что и сама является одним из этих потерявших память игроков, тогда эксперименту конец.

— Здешние игроманы тоже склонны путать реальность с игрой, — небрежно бросил спец по коммуникациям, уводя разговор от опасной темы. — Разве тебе не приходилось сталкиваться с придурками, на полном серьёзе считающими себя эльфами или орками?

— Не морочь мне голову, — Василиса раздражённо махнула рукой в сторону хитреца, — я говорю о настоящей амнезии. Не понимаю, как можно было не предусмотреть опасность напрочь заблудиться в Игре?

— Ты говоришь с такой уверенностью, словно тебе пришлось столкнуться с подобным случаем, — вкрадчиво произнёс Вениамин. — Откуда тебе известно про амнезию?

— Да так, нашла кое-что, — Василиса тут же замкнулась, словно это не она подняла сию конспирологическую тему. Впрочем, не стоит её винить в непоследовательности. Если бы её собеседники честно рассказали хоть что-то про интересующий настырную искательницу предмет, то она, скорей всего, тоже была бы более откровенной, но скрытная парочка пустилась в отказ, а это было подозрительно. — Давайте заниматься, что ли, —

Василиса изобразила на своей ехидной физиономии самую обворожительную улыбку, на какую была способна, — у меня сегодня ещё встреча с работодателем. Неприятная встреча, — добавила она, заранее представляя, как накинется на неё Кларисса, когда узнает про ошибки с брошками.

Конспираторам ничего не оставалось, как принять её предложение, тем более, что продолжение беседы на столь щекотливую тему запросто могло привести к их разоблачению. Вечер прошёл штатно, Василиса честно отработала программу практик и ушла домой, больше ни словом не обмолвившись про ратава-корги, а сами ратава-корги после её ухода погрузились в мрачные раздумья. Гнетущее молчание наконец нарушил Госер.

— Тебе не кажется, что нам следует избавиться от Василисы? — в лоб спросил он. — Этот игрок слишком непредсказуем.

— И проницателен, — в тон ему добавил Вен. — Ну откуда, скажи на милость, она могла узнать про ратава-корги и амнезию?

— Я постараюсь это выяснить, — сейчас выражение лица Госера было настолько далеко от его привычной маски дружелюбия, словно это был совсем другой человек.

— Не горячись, — одёрнул напарника Вен, — других кандидатов на роль подопытного у нас нет. Но дело не только в их отсутствии, мне кажется, у Василисы есть шанс пройти барьер.

— Чем же она отличается от тех, кто не сумел? — Госер скептически хмыкнул. — Самоуверенностью и нахальством?

— Ты хотя бы отдалённо представляешь, чем спектр вибраций сознания бывшего игрока отличается от спектра аэра или аватара? — в голосе Вена прозвучало откровенное презрение к дилетанту. — У коренных жителей обоих миров он плавный и различается лишь частотными характеристиками, а у чужаков, коими являются зависшие в Игре игроки, этот спектр рваный. В области астральных частот у них имеются пики, а в области ментальных — провалы.

— Так, может быть, именно этим и объясняются наши неудачи, — предположил Госер. — Дело вовсе не в частоте вибраций, просто сознаниям бывших игроков не хватает устойчивости, чтобы пройти барьер.

— Одно другому не мешает, — Вен криво усмехнулся, горячность напарника уже давно начала его раздражать. — Барьер не пропустит даже самую устойчивую низкочастотную структуру, так что твоя работа по возгонке вибраций Василисы очень важна.

— Но что толку, если её сознание не обладает требуемым уровнем устойчивости, — проворчал Госер. — Мне кажется, что этот проект заранее обречён на провал.

— Возможно, ты и прав, — Вен покладисто склонил голову, — но только не в отношении Василисы. Спектр вибраций её сознания гораздо более сбалансирован, чем у её предшественников, он практически такой же плавный, как у аватаров. Незначительные разрывы в ментальной области не должны так уж сильно повлиять на устойчивость её сознания.

— Хочешь сказать, что она способна чувствовать как коренные аватары? — заинтересовался Госер. — Но как она этого добилась?

— Видишь ли, после стирания произошла искусственная ассимиляция зависших в Игре аэров, — Вен самодовольно улыбнулся, словно это была его заслуга. — Со временем некоторые из них приобрели способности аватаров к восприятию широкого спектра

астральных вибраций. Наша Василиса как раз из числа таких счастливиц.

— Тоже мне счастливицы, — фыркнул Госер, — опустились на уровень примитивных полу животных.

— Аэры почему-то склонны забывать, что ассимиляция по определению не могла идти только в одну сторону, — Вен скорчил снисходительную гримасу, как бы давая понять собеседнику, что он думает о его когнитивных способностях. — Зависших игроков, конечно, было гораздо меньше, чем коренного населения, зато ментально они были на порядок выше, так что установившийся баланс явился следствием слияния, а не поглощения. Поверь, мой друг, сейчас это уже совсем не тот мир, которым его знали первые игроки. Аватары очень сильно изменились и из примитивных, почти игрушечных созданий превратились в некое подобие аэров, только в плотных телах.

— Откуда ты знаешь? — удивился Госер. — Ты был среди первых игроков?

— Да, был, — Вен мечтательно вздохнул, — и до сих пор с ностальгией вспоминаю то время, когда мы безнаказанно игрались в богов. Прежним аватарам просто нечего было нам противопоставить, они безропотно подчинялись и даже почитали за великую честь, если кто-то из аэров снисходил до общения с ними, убогими.

— Так выходит, ты тоже сталкер, как Ро? — в голосе Госера проскочила нотка невольного уважения. — Иначе ты бы не смог выбраться из Игры после стирания.

— Мне просто повезло, что в момент стирания я оказался в Аэрии, — вынужден был признаться Вен. — Нет, я не сталкер и не рискну пройти барьер самостоятельно, разве что у меня не будет иного выхода.

— Наверное, ты потерял много близких из-за стирания, — Госер сочувственно улыбнулся. — Ты ведь поэтому стал ратава-корги?

Сей невинный вопрос отчего-то вызвал весьма неоднозначную реакцию его собеседника. Лицо Вена внезапно осунулось и посерело, словно его заволокло дымом, а кисти рук сжались в кулаки с такой силой, что вены проступили из-под кожи как синие перекрученные канаты. Что сейчас выражал его взгляд, рассмотреть было невозможно, поскольку Вен опустил глаза. Впрочем, Госеру вдруг резко захотелось проявлять любопытство, вряд ли тайна, которую хранил его коллега, имела позитивный или хотя бы нейтральный характер, скорее всего, она была связана с трагедией.

— Мы должны их вытащить, — голос Вена прозвучал глухо, словно из подземелья, — рано или поздно они вернутся домой, вот увидишь.

— Должен признаться, что мои мотивы для вступления в ряды ратава-корги не были столь бескорыстны, — Госер быстренько перевёл разговор с болезненной темы на себя. — Меня всегда возмущал запрет Совета на посещение Игры для простых аэров. В конце концов, это ничем не обоснованный произвол, а уж стирание памяти было просто варварством, а может, и диверсией.

— Ты просто не понимаешь, — в глазах Вена вмиг разгорелось пламя истинно верующего, — стирание спасло Аэрию от деградации и хаоса. Раньше два мира не были разделены барьером, и аэры могли свободно перемещаться между ними. Игра стала настоящей приманкой для наших амбиций, и группы игроков, разбившись на кланы, принялись насаждать аватарам свои представления о картинке реальности. Причём кланы постоянно враждовали между собой, так что мир Игры разбился на совершенно непохожие друг на друга локации.

— Так ведь на то и Игра, чтобы развлекаться, — возразил Госер. — Зачем нужно было

возводить этот барьер и жёстко ограничивать доступ в Игру кругом избранных членов Пятёрки? Что плохого в том, чтобы дать аэрам возможность управлять игровой реальностью по своему усмотрению?

— Ты правда не понимаешь? — губы Вена искривились в презрительной усмешке. — А чем, по-твоему, мир Аэрии принципиально отличается от мира Игры? Да ничем, — ответил он на свой риторический вопрос, — в мироздании все миры строятся по единому алгоритму. Реальность сотворяется в умах жителей мира, и происходит это в полном соответствии с теми смыслами, которые доминируют в их общем информационном поле.

— Ну правильно, — Госер ничуть не смутился, — это и даёт возможность аэрам управлять Игрой. У здешних аватаров ум не настолько развит, чтобы создавать свои смыслы, а уж делать их доминирующими им вообще не под силу.

— Зато это под силу аэрам, — отрезал Вен, — и никто не смог им запретить переключиться с мира Иры на Аэрию. Потренировавшись на примитивных аватарах, отдельные кланы решили, что могут делать то же самое в собственном мире.

— Что-то я ничего не слышал о множественных локациях в Аэрии, — Госер вопросительно склонил голову.

— Потому что Совет Пятёрки прекратил эти опасные эксперименты, — пояснил Вен.

— Так и знал, что это они запустила стирание, — в голосе Госера послышались угрожающие нотки. — Кто дал им право решать за всех аэров?

— Ты хотя бы приблизительно представляешь, что такое стирание? — вопрос тоже был чисто риторическим, поскольку об этом катаклизме знали абсолютно все аэры. — Чтобы изолировать зарвавшихся игроков, потребовалось изменить алгоритм перевоплощения в целом мире. Ты правда веришь в то, что эти жирные коты из Совета смогли бы хакнуть программу Создателя? — Вен горько усмехнулся. — Поверь, это сделал настоящий программист, но за своё гениальное творение он получил лишь всеобщую ненависть, а главным бенефициаром стирания стал Совет. Теперь только Пятёрка имеет возможность программировать реальность как мира Игры, так и Аэрии.

— Если честно, я не понимаю, зачем им в таком случае вообще нужна Игра, — Госер недоверчиво покачал головой. — Они что, тренируются на аватарах?

— Чтобы сделать доминирующим тот или иной ментальный концепт, загружаемый в общее инфополе аэров, требуется накачать его энергией, — пояснил Вен с таким видом, словно сказал сущую банальность.

— Ну и что? — Госер нахмурился, пытаясь связать два факта, которые на первый взгляд выглядели совершенно независимыми. — Они качают энергию из мира Игры? Но зачем для этого устраивать соревнования между кланами Пятёрки?

— А откуда, по-твоему, берётся эта энергия? — в глазах Вена загорелись хитрые искорки.

— Ископаемые? — на вскидку предположил Госер, чем вызвал истеричный смех своего собеседника. — Ну ладно, сдаюсь, — проворчал он. — Объясни, причём тут Игра.

— Ты же знаешь, что Абсолют, который является источником всего проявленного, постоянно проявляется в виде различных форм? — снисходительно поинтересовался Вен.

— Не тyani, — буркнул оскорблённый его тоном собеседник, — объясняй по существу.

— Так это и есть самая суть, — Вен и не подумал сменить амплуа мудрого профессора на что-то более подходящее для дружеской беседы. — Это непрекращающееся движение лежит в основе жизни. Именно поэтому Игре не требуется внешний источник энергии, она

сама по себе является таким вечным двигателем, ведь сознания аватаров имеют ту же природу, что и Абсолют, а значит, тоже постоянно создают всё новые и новые вибрации. Всего-то и нужно направить энергию, заложенную в саму структуру мироздания, в нужное русло. Угадай, что является таким каналом.

— Доминирующий ментальный концепт, — ошарашенно прошептал Госер.

— Умница, — похвалил его зарвавшийся профессор. — А приз в виде дармовой энергии, как ты понимаешь, получает автор концепта. Выкачанная таким образом энергия идёт на запуск нужных кланам смыслов уже в инфополе нашего мира. По-моему, схема просто гениальная. Она строится исключительно на уже доказавших свою жизненность идеях и в то же время не позволяет одному из кланов захватить власть.

— Так ты вовсе не являешься оппозиционером? — Госер с удивлением уставился на своего напарника.

— Разумеется, нет, — скривился Вен. — Откуда такая дикая мысль?

— Но ты же нарушаешь законы Аэрии, — возмутился его напарник, — мы ведь находимся в этом мире нелегально.

— Задача ратава-корги состоит вовсе не в том, чтобы разрушить существующий порядок, — Вен снисходительно потрепал своего напарника по плечу, — она очень узкая и прагматичная: мы должны вернуть домой пострадавших от стирания аэров. Если у тебя были иные цели, то ты явно выбрал не ту сторону.

— А как же справедливость? — вспыхнул Госер. — Неужели тебя совсем не задевает, что какие-то мерзавцы возомнили себя богами и навязывают картинку реальности целому миру? Даже двум мирам, — поправился он.

— В мироздании вообще не существует ничего идеального, — самопальный философ снова влез на своего любимого конька, — нет такой системы управления, которая нравилась бы всем объектам этого управления. Это нереально. Единственным критерием тут можно считать работоспособность системы. Наша система работоспособна, с этим не поспоришь. Она работает уже сотни лет без существенных сбоев, да и тот факт, что она позволила аэрам выпутаться из грозившего нам хаоса, говорит сам за себя.

— Вот только почему-то мы уже не можем обходиться без сталкеров, — Госер угрюмо покачал головой. — С чего бы взяться деградации при всеобщем благоденствии?

Что тут скажешь? Обломал дилетант философа в самый момент его кажущегося триумфа. О снижении когнитивных способностей жителей Аэрии говорить было не принято, да и знали об этом только те, кто был непосредственно связан с Игрой. Аэров, способных преодолевать барьер между мирами, становилось всё меньше. Это означало, что очень скоро проход между мирами попросту закроется, и тогда источник дармовой энергии иссякнет. Собственно, миру Аэрии это ничем не грозило, поскольку сознания аэров были способны поддерживать его существование, но энергия была нужна Пятёрке для управления инфополем этого мира. Отработанной веками системе управления наступал естественный и бесславный конец. Кто бы мог предположить, что эта надёжная во всех отношениях конструкция, оказывается, содержала в себе зародыш собственной гибели. Вот уж точно, в мироздании нет ничего идеального.

Вран проснулся среди ночи от того, что лунный свет, коварно проникший сквозь щель в неплотно задёрнутых шторах, вальяжно растёкся млечным пятном прямо по его подушке. Наверное, раньше бесчувственный к подобным сантиментам аэр просто повернулся бы на другой бок и продолжил спать, но отчего-то именно в эту ночь ему вдруг пришла в голову гениальная идея прогуляться по ночному парку. Эвиана сладко посапывала, улыбаясь во сне, её лунный свет не потревожил, и Вран, чтобы не разбудить спящую, на цыпочках прокрался на балкон, прихватив с собой одежду. Спальня лорда находилась на втором этаже, но полночник не стал заморачиваться с походом по ночному замку, а попросту перепрыгнул через балюстраду и оказался на земле.

Вран отлично отдавал себе отчёт в том, что подобный финт совершенно не вписывался в рамки местных представлений о подобающем поведении знати. Владетельным лордам не пристало прыгать с балконов и пускаться в одинокие ночные прогулки, поэтому и стационарному агенту спасательной службы тоже следовало всячески избегать экстравагантных выходов, которые могли бы привести к его разоблачению. Увы, соображения безопасности враз отошли на второй план, как только ноги Врана погрузились в мягкую податливую траву, и прохладный ветерок мазнул мягкой лапкой по его разгорячённому лбу. Вместо того, чтобы прятаться от людских глаз, беспечный страж задрал голову и с удовольствием подставил лицо под льющийся с небес поток лунного света. А ведь если бы кто-то в этот момент мог увидеть его счастливую физиономию, то невольно предположил бы, что рассудок благородного лорда нуждается в срочном лечении.

Да, то, что в последнее время происходило с Враном, можно было бы без преувеличения назвать помешательством, если бы ни один любопытный штрих. Дело в том, что он сходил с ума вполне добровольно, полностью отдавая себе отчёт в происходящем. Поначалу привыкшему к самоконтролю аэру было, конечно, довольно неудобно. Представьте, что вы всю жизнь смотрели на мир сквозь узкое пыльное окошко, да вдобавок ещё и защищённое решёткой, а потом вас вдруг вытолкнули под открытое небо. Что бы вы почувствовали, когда рамки вашего маленького и безопасного мирка внезапно откатились куда-то в бесконечность, оставляя вас один на один с огромным и совершенно непостижимым мирозданием? Наверное, страх в данном случае был бы просто рациональной защитной реакцией здоровой психики, но отчего-то на этот раз рациональный подход не сработал, а может быть, Вран сознательно не стал слушать доводов разума и предпочёл положиться на чувства.

Какой бы ни была причина его отказа от привычных паттернов поведения, но сосланный в дикую локацию Игры сталкер отлично отдавал себе отчёт в том, что этот удивительный и опасный мир Игры затягивает его подобно речному водовороту, настойчиво и стремительно, и при этом даже не помышлял о сопротивлении. Недоступные ранее чувства буквально затопили сознание Врана, и было уже непонятно, то ли он тонет, то ли, наоборот, летит куда-то ввысь. Впрочем, в какой-то момент все эти заумные соображения сделались ему безразличны, потому что Вран впервые в жизни сподобился испытать состояние души, практически недостижимое для аэров, но привычное для аватаров. Он был счастлив.

Причина произошедших с ним перемен вовсе не была для Врана неразрешимой загадкой, он точно знал, что таковой является одна жизнерадостная и шаловливая девчонка,

ворвавшаяся в жизнь аэра подобно смерчу. Эвиана обладала удивительной способностью видеть волшебство в самых обычных вещах и щедро делилась своими способностями с любимым человеком. Капли летнего дождя на её губах самым чудесным образом превращались в божественный эликсир, способный пьянить не хуже выдержанного вина. Облака в жаркий день услужливо раскрывали солнечный зонтик над её головой, а лунный свет служил этой неуёмной фантазёрке призрачным покрывалом. Самые обычные полевые цветы в руках Эвианы становились изысканным украшением, достойным лишь сказочной феи, а солнечный свет, едва коснувшись копны её кучерявых волос, словно бы превращался в нимб святости. Впрочем, Эвиана вовсе не была святошей или недотрогой, поэтому ночи лорда и его юной любовницы протекали весьма бурно и частенько не заканчивались даже с рассветом.

Поначалу Врану казалось, что это Эвиана является тем каналом восприятия, который позволял ему ощущать мир Игры во всей его полноте, только рядом с ней он переставал быть помешанным на самоконтроле аэром и мог наслаждаться спонтанностью. Однако вскоре выяснилось, что эта удивительная женщина была лишь волшебным ключиком, отворившим дверь его добровольной темницы. Оказавшись на воле, Вран очень быстро научился взаимодействовать с миром Игры как это умели делать его коренные жители, то есть воспринимать его не только интеллектуально, но и во всём диапазоне чувственных сигналов. Оказалось, что он вовсе не был бесчувственным, чувства просто дремали в его душе, задавленные чистым и холодным как лёд менталом, но как только Эвиана разбила этот лёд, они вырвались наружу и заняли подобающее им место в жизни Врана.

Благородный лорд, словно вор, проскользнул мимо стражи, и вскоре вековые деревья сомкнулись за его спиной, отделяя любителя одиноких прогулок от суеты замковых будней. Вран побрёл вперёд без всякой цели, интуитивно избегая обустроенных дорожек и даже случайно протоптанных тропинок, чтобы исключить даже малейший шанс напороться на охрану. И дело было даже не в том, что стражники могли от излишнего рвения пальнуть в одинокого путника, просто ему сейчас не хотелось общаться ни с кем, кроме лесных обитателей, да ветра, шумевшего где-то высоко над головой. Через несколько минут неспешной прогулки, деревья расступились, и перед глазами Врана материализовалась небольшая полянка, залитая лунным светом.

Мягкие шаги по влажной от росы траве были почти бесшумными и никак не могли потревожить сонный покой ночного парка, однако чуткие ушки косули, лакомившейся молодой листвой на полянке, напряглись, пытаясь уловить, откуда идёт опасность. Вран замер, стараясь даже дышать через раз, чтобы не спугнуть отважную животинку, не побоявшуюся нанести визит парковым насаждениям лорда Гилмора, и косуля успокоилась, приняв вторжение наблюдателя за шум ветра или полёт ночной птицы. Движения лесной красоти были так грациозны, словно косуля специально работала на зрителя, и Вран невольно улыбнулся, представив эту тонконогую балерину где-нибудь на сцене. Лунный свет, словно луч прожектора, коснулся её гладкой шёрстки и чудесным образом превратил ничего не подозревающую косулю в живую серебряную статую.

Благодарный зритель, наблюдавший эту удивительную метаморфозу, с трудом удержался от восторженного восклицания, которое могло бы спугнуть чуткое животное. Увы, его предосторожность оказалась тщетной, косуля вдруг резко вскинула голову и нырнула в кустарник. Вран разочарованно вздохнул, сожалея о прерванном представлении, и уже собрался идти дальше в глубь парка, когда его ухо тоже уловило тот шум, который чуть

раньше слышала косулю. Это были шаги, причём того, кто приближался к поляне, совсем не заботил покой спящего парка, он ломился сквозь ветки кустарника что твой лось. Вран спрятался за стволом дерева и стал ждать. Вскоре на поляну выкатился настырный ратава-корги и принялся оглядываться.

— И почему я ничуть не удивлён? — задумчиво произнёс Вран, выходя из укрытия. — Чего тебе неймётся, Ро? Зачем ты за мной шпионишь?

— Вижу, ты мне не рад, — на лице ратава-корги расцвела ехидная улыбочка. — Я помешал твоему общению с природой?

— Ты спугнул косулю, — проворчал Вран.

— Да-а-а, — протянул незадачливый шпион, — я и не думал, что всё настолько запущено. Ты сам-то себя слышишь, сталкер?

— Отстань, — слова соотечественника всё же задели Врана, поскольку объективно отражали произошедшие с ним метаморфозы, которые он предпочитал не анализировать. — И вообще, какое тебе до меня дело?

— Самое непосредственное, если не возражаешь, — осклабился наглый ратава-корги.

— Понятно, — Вран недовольно поморщился, — собираешься меня вербовать в вашу поганую конторку. Не выйдет, я ни за что не стану сотрудничать с теми, кто хладнокровно гробит игроков ради своих корыстных целей.

— С этим уже давно покончено, — ничуть не смутился Ро, — это направление работы было признано бесперспективным. Гораздо проще завербовать обычных аэров, посулив им доступ к Игре.

— Знаешь, а ведь я сначала грешил на Совет Пятёрки, — Вран сокрушённо покачал головой, — думал, что это они ссылают неудобных в мир Игры, а оказывается, это просто ратава-корги таким образом пытаются вербовать своих последователей.

— Смеёшься? — в глазах Ро промелькнуло откровенное недоверие. — Тех игроков, что зависли в Игре по нашей вине, были единицы. Даже не сравнить с тем, что сделало стирание.

— Думаю, стирание вряд ли было более фатальным для аэров, чем деятельность вашей конторы, — небрежно заметил Вран. — Ну скольких оно затронуло? Десяток? Два?

— А сотни тысяч не хочешь? — эти слова Ро буквально выплюнул как ругательство.

— Если это такая шутка, то мне совсем не смешно, — заметил Вран. — Будь это правдой, о катастрофе такого масштаба до сих пор слагали бы легенды, а я что-то, кроме скупых упоминаний, ничего больше не слышал.

— А много ли обывателям вообще известно об Игре? — губы Ро скривились в презрительно усмешке. — Да им плевать на всё, что не касается мира Аэрии. Ты бы лучше спросил себя, почему в подготовке сталкеров отсутствует такой предмет как техника общения с местным населением. Вас учат всему от умения улыбаться и естественно двигаться до навыков пользования всеми видами технологий, соответствующих локаций, в которые вас засылают, но навыки общения в этот список не входят. Раскрою тебе страшную тайну, сталкер, — ратава-корги построил зверскую гримасу, — разработчики этого не делают просто потому, что в этом нет нужды. Никто из игроков или сталкеров никогда не испытывал сложностей при общении с местными, нам даже не нужно напрягаться, чтобы плавно вписаться в их общество, всё происходит автоматически.

— Хочешь сказать, что они — это мы, только живущие в другой среде? — уточнил Вран.

— Ну это было бы преувеличением, — Ро снисходительно улыбнулся, — всё-таки после стирания игроки смешались с коренными аватарами, и последних было значительно больше. Но факт на лицо, психика жителей мира Игры для аэров как родная, и этого никак не могло бы случиться, если бы пострадавших игроков были единицы.

— Но это же настоящая катастрофа, — от ужаса у Врана перехватило дыхание, — этих бедолаг нужно спасать.

— Именно этим ратава-корги и занимаются, — победоносно завершил свою вербовочную речь Ро.

Возможно, если бы вербовщик проявил чуть больше такта и не был бы столь прямолинеен, то Вран купился бы на его пламенную речь, забыв о методах ратава-корги, но самодовольное выражение на физиономии Ро вызвало у него естественное отторжение.

— Стирание ведь случилось очень давно, — задумчиво произнёс Вран, — наверное, лет семьсот назад. Как много зависших игроков вам удалось вытащить? — Ро не ответил, только скрипнул зубами и отвернулся. — Что, совсем никого? — в голосе Врана без труда можно было уловить глумливые нотки. — И чем же вы всё это время занимались, кроме увеличения числа пострадавших?

— Ты думаешь, это так просто?! — Ро всё-таки не выдержал и принялся оправдываться. — Из-за стирания между мирами образовался барьер, непроходимый для низкочастотных структур. А потеря памяти обрушила частотные характеристики всех игроков, которые в момент стирания находились в Игре, их теперь невозможно вытащить даже сталкерам.

— Семьсот лет, ау, — продолжил стебаться Вран. — Барьер, небось, не мгновенно сформировался, можно было что-то предпринять, чтобы эвакуировать пострадавших. Чего вы ждали столько времени?

— Ты что, так ничего и не понял? — физиономия Ро исказилась от злобы. — Никто и не собирался их эвакуировать, ведь стирание не было чьей-то фатальной ошибкой. Тот, кто его запустил, как раз и планировал таким образом избавиться от игроков, подчинивших себе мир Игры. А отряд ратава-корги появился гораздо позже, когда барьер уже сделался непреодолимым для обычных игроков.

— Не понимаю, кому могли помешать игроки? — Вран с сомнением покачал головой.

— Совету, кому же ещё, — презрительно бросил Ро.

— Это чем же? — продолжил давить Вран.

— Не строй из себя идиота, — Ро злобно сверкнул глазами на своего оппонента, — все аэры от природы способны управлять своей реальностью, и тут уж неважно, в каком мире это происходит. Игроки получили великолепный опыт такого управления в Игре и принялись применять полученные навыки в Аэрии. В результате, бардак начался знатный. Разве ты этого не помнишь?

— Не помню, — смущённо пробормотал Вран.

— Странно, — Ро удивлённо уставился на растерявшегося стража, — семьсот лет — не такой уж большой срок. А сколько своих воплощений ты вообще помнишь?

— Нисколько, — Вран недоумённо пожал плечами, — это моё первое полноценное воплощение.

— Чушь собачья, — выругался ратава-корги, привычно вставляя в свою речь местное выражение, — ты же сталкер. Наши сознания обретают свою силу постепенно и достигают устойчивости сталкера только после десятков, а то и сотен перевоплощений. А ты ведь даже

не просто сталкер, а прямо-таки асс, коли смог протащить через барьер игрока, практически утратившего способность к самоидентификации. Так что можешь не притворяться, я не куплюсь на твой аттракцион невиданной скромности.

— Я не притворяюсь, — Вран совсем растерялся от такого наезда, — это действительно моё первое воплощение.

Некоторое время ратава-корги с сомнением поглядывал на невинно хлопающего глазками сталкера, как бы раздумывая, стоит ли принимать его заверения за чистую монету. Наконец он, видимо, пришёл к какому-то решению, и его взгляд смягчился. При большом желании в глазах Ро можно было даже разглядеть что-то вроде сочувствия.

— Я верю, что ты говоришь искренне, — задумчиво пробормотал он с таким видом, словно отвечал на собственный вопрос, — но это вовсе не значит, что ты говоришь правду. То, что ты не помнишь всех своих воплощений, ещё не означает, что их не было. Похоже, кто-то хорошо поработал с твоей памятью, дружище.

— Я тоже попал под стирание? — предположил Вран.

— Нет, тут чувствуется индивидуальный подход, — Ро ободряюще похлопал его по плечу. — Кому же ты так насолил, сталкер?

— А ты не слишком сильно погрузился в теорию заговора? — растерянность в голосе Врана сменилась откровенной насмешкой. — Если я кому-то настолько мешал, то гораздо проще было просто развоплотить моё сознание, чем заморачиваться с манипуляциями над моей памятью, не находишь?

— Враг так бы и поступил, не сомневаюсь, — согласился Ро. — Думаю, тот, кто лишил тебя памяти, считал себя твоим другом. Тебя вывели из игры, но оставили жить. Выходит, ты не так прост, мой забывчивый друг, — ехидно подмигнул ратава-корги, — недаром тебя зовут Враном. Твоё имя сразу показалось мне подозрительным.

— А что такого в моём имени? — Вран с недоумением уставился на насмешника.

— Откуда оно взялось, помнишь? — вопросом на вопрос ответил тот.

— Наверное, я сам его придумал, — предположил Вран, — все же так делают.

— Никто так не делает, — Ро сочувственно покачал головой, — имя аэру даёт его клан. Так вот, слог ВРА присутствовал только в именах членов клана Ставрати.

— Что-то я никогда не слыхал о таком клане, — пожал плечами Вран.

— Не удивительно, — Ро снисходительно улыбнулся, — Совет изничтожил этот клан под корень, вплоть до самых юных его представителей. Теперь никто уже и не помнит, что когда-то Пятёрка была Шестёркой, и Ставрати играли в Совете далеко не последнюю роль. Их без объяснений отстранили от управления после стирания, и многие тогда подозревали, что именно Ставрати были виновны в произошедшем.

— Их за это уничтожили? — голос Врана сделался совсем тихим, но его собеседник всё же расслышал вопрос.

— Вряд ли, — Ро задумчиво покачал головой, как бы взвешивая тяжесть вины авторов стирания. — Каким бы варварским ни был применённый метод, но именно он спас Аэрию от погружения в хаос. Возможно, клан Ставрати решился на это действие без согласия остальных членов Совета, но по большому счёту управляющим кланам стирание было выгодно. Только избавившись от сотен тысяч самостоятельных игроков, Совет смог вернуть себе всю полноту власти в Аэрии.

— Тогда зачем с ними расправились? — удивился Вран. — Разве недостаточно было отлучения от власти?

— Видишь ли, у Совета имелась очень веская причина для расправы, — Ро горько усмехнулся и с интересом уставился на своего собеседника, предвкушая его реакцию на свои следующие слова. — Дело в том, что это именно клан Ставрати создал организацию ратава-корги и начал нелегально работать в Игре. Все первые ратава-корги были исключительно членами клана, и ты, судя по имени, являешься единственным оставшимся в живых Ставрати. Откуда же ты взялся, Вран?

Герман тупо пялился на отливавший металлическим блеском листок, вальяжно расположившийся на столе Василисы, и отказывался верить собственным глазам. Этого листка просто не могло тут быть. За семьсот лет, прошедших после стирания, все артефакты аэров уже сто раз должны были растащить по архивам и частным коллекциям и похоронить там за ненадобностью. Действительно, какой смысл хранить эти закорючки, если не можешь прочитать зашифрованное в них послание? А вскрыть цфар, именно так назывался этот изящный элемент памяти, не смог бы ни один из аватаров. Доступ к информации мог получить только аэр, ну и возможно, ещё случайно сохранивший прежние способности бывший игрок.

— Она просто стащила его в архиве, — пришло на ум Герману вполне логичное объяснение факта появления цфара в доме Василисы. — И зачем я только спровоцировал её на незаконное проникновение? Из-за этих дурацких брошек нас теперь могут вычислить. А что если кто-то специально подсунул любопытной женщине иномирный артефакт? — неожиданная мысль заставила Германа вздрогнуть. — Нет, не бывает таких совпадений, — попытался успокоить себя нелегал, — я ведь и сам не знал, что в том архиве хранятся вещи аэров.

— Прикольный, правда? — раздался задорный голосок хозяйки мансарды за его спиной. — Вот смотри, — с этими словами Василиса включила лампу, и в свете, прошедшем через укрепленную под лампой стеклянную призму, листок растворился, являя взору восхищенной наблюдательницы полупрозрачную сферу, заполненную объёмными рунами. — Как красиво, — мечтательно прошептала Василиса, наблюдая, как руны начинают свой завораживающий танец.

— Ты это правда видишь? — от испытанного шока Герман едва ни лишился дара речи.

— А ты разве нет? — небрежно поинтересовалась Василиса, не отводя взгляда от чудесной сферы. — погоди, сейчас пойдут картинки.

В сущности, ей очень повезло, что всё её внимание в тот момент было сосредоточено на иномирном артефакте, так что Василисе не пришлось наблюдать, как привычно бесстрастное лицо Германа вдруг исказилось от злости, а взгляд сделался тяжёлым, как пудовая гиря. Впрочем, сеанс утери самоконтроля длился недолго, уже через несколько секунд морщины на лбу Германа разгладились, и выражение бесстрастности благополучно заняло свое привычное место.

— Знаешь, мне его так жалко, — печально вздохнула Василиса, когда послание закончилось, — каким же одиноким он себя, наверное, чувствовал.

— Ты даже это поняла, — на сей раз в голосе Германа уже не было прежнего надрыва. Он уселся в кресло у стола и устало прикрыл глаза. — Тебя действительно расстраивает, что какие-то пришельцы заблудились в твоём мире?

— Если честно, у меня волосы встают дыбом от одной только мысли, что где-то среди людей бродят монстры, забывшие, кто они такие? — призналась Василиса, чем вызвала у Германа истеричный хохот. — Неужели тебе ни капельки не страшно? А вдруг однажды они всё вспомнят и начнут захватывать наш мир? — её искреннее возмущение только добавило веселья Герману, так что на его глазах от смеха даже выступили слёзы. — Ну чего ты гогочешь, как гусь? — Василиса надулась и отвернулась от невежи.

— Прости, Васенька, — смех наконец прекратился, и голос Германа сделался серьёзным, — я сейчас всё тебе объясню, только ты присядь, пожалуйста, а то ещё грохнешься в обморок, а мне потом лечить твои синяки и шишки.

— С чего это я вдруг грохнусь в обморок? — проворчала Василиса, но всё же заняла место Германа в кресле. Тот опустился рядом с ней на колени и взял её за руки.

— Видишь ли в чём дело, — вздохнул он, — никто из людей не в состоянии прочесть послание, заключённое в цфаре. Вот это называется цфар, — пояснил он, взяв листок за уголок и покачав им перед носом ошарашенной Василисы. — Только соотечественник автора этого послания смог бы его понять.

— Так я же специалист по древним рукописям, — тут же нашлась Василиса, — ты забыл?

— Дело не в сложности шифра, — Герман сочувственно покачал головой, — просто послание передаётся телепатически, а люди, увы, не обладают способностью к телепатии.

— Ты просто не в курсе, — принялась оправдываться Василиса, словно кто-то её обвинял, — я сама по телеку видела, как экстрасенсы читали мысли.

— Тут одно из двух, — в голосе Германа появились раздражённые нотки, упрямство и нежелание принять объективную реальность были именно теми чертами жителей мира Игры, которые он никак не мог понять, — либо это просто постановочный трюк, либо твои экстрасенсы тоже не люди. Вас ведь не так уж мало в этом мире, могли и пролезть в телепрограмму.

После этих слов комната будто погрузилась в вакуум, стало так тихо, словно время остановило свой бег, и все звуки застыли в неподвижности. Единственным, что в этот момент менялось, было выражение лица Василисы. Недоверие, испуг, растерянность сменяли друг друга как маски мима, пока наконец этот калейдоскоп ни завершился каким-то отрешённым выражением, в котором невозможно было прочесть никакой определённой эмоции.

— Ты тоже не человек, — наконец выдавила из себя Василиса.

— Да, мы с тобой оба из того мира, который ты видела в послании, — Герман и не подумал отпираться, — и мы вовсе не монстры, просто немного более развитые существа, по крайней мере, в ментальном плане.

Та лёгкость, с которой её потенциальный соотечественник сбросил маску человека, Василису ни чуточки не порадовала, напротив, она сразу напряглась. Каждый дурак знает, что сохранение легенды по определению должно быть для пришельца главным приоритетом, а судя по всему, угроза разоблачения была для Германа не столь уж принципиальным вопросом. Это наводило на мысль о наличии у него иных, более важных причин для откровенности. К примеру, это мог быть просто хитрый ход в процессе вербовки агента влияния, или того хуже, пришелец уже приговорил случайно докопавшуюся до правды соотечественницу, а потому может себе позволить удовлетворить её любопытство, прежде чем прикончить.

— Почему же ты помнишь, а я всё забыла? — с подозрением пробурчала потенциальная жертва произвола иномирного монстра.

— Потому что я ратава-корги, — Герман лучезарно улыбнулся, как бы демонстрируя чистоту своих намерений в отношении соотечественницы.

— Игрок-аватар, — прошептала ошарашенная Василиса, — ты принадлежишь обоим мирам.

— Надо же, как мне повезло встретить такую умную женщину, — Герман весело рассмеялся, но буквально через пару секунд его смех вдруг оборвался, и лицо пришельца сделалось мрачнее тучи. — Василиса, ты должна меня выслушать очень внимательно, — произнёс он, чеканя каждое слово, словно забивал ими гвозди. — От того, как ты отнесёшься к моему предупреждению, будет зависеть твоя жизнь. Ты не должна говорить о том, что про себя узнала, ни одной живой душе. Понимаешь?

— Боишься разоблачения? — ехидно поинтересовалась Василиса, поздравляя себя с тем, что правильно вычислила мотивы Германа. — А что, ратава-корги лицензию на убийство не выдают? Требуется добровольное согласие свидетеля на сохранение тайны?

— По-моему, ты пересмотрела шпионских сериалов, — Герман снисходительно улыбнулся. — Какое разоблачение, глупышка? Можешь про меня рассказывать кому угодно, тебе всё равно не поверят. Даже самый продвинутый специалист по всем наукам не отличит меня от человека. Речь идёт о ТВОЕЙ безопасности.

— Хватит наводить страху, — возмутилась Василиса, — надоело. Почему в последнее время все взялись меня запугивать? Сначала Варенька со своими предсказаниями, потом этот старый шарлатан, а теперь ещё и ты.

— Я не собираюсь тебя запугивать, просто предупреждаю, — лицо Германа вдруг осунулось, словно покрылось слоем пепла, и именно это убедило Василису в искренности его слов. — Дело в том, что ратава-корги ставят очень опасные эксперименты над такими, как ты, бывшими игроками. Если они тебя найдут, то все твои кошмарные предсказания сбудутся наяву.

— Так ты ведь тоже ратава-корги, — пролепетала Василиса, — выходит, я уже обречена.

— Я тебя не сдам, — Герман крепко сжал её руки, — пусть ищут других подопытных для своих экспериментов.

— Почему? — в глазах Василисы словно вспыхнули звёздочки. Неизвестно, какого признания она ждала, но услышала нечто совсем неожиданное.

— Сам не понимаю, — покаялся Герман. — Мне кажется, что нас с тобой что-то связывает.

— И это вовсе не любовь, — мысленно продолжила его реплику Василиса. — Интересно, а что случится, когда ты выяснишь природу этой связи, мой таинственный любовник? Со спокойной совестью отдашь меня в лапы этим живодёрам или пощадишь несчастную, потерявшую себя соотечественницу? Кто я для тебя: живой человек или просто забавный ребус? Точно не человек, больше нет.

Невесёлые мысли мутным потоком пронеслись в голове Василисы, не задерживаясь ни на секунду и не давая ей сосредоточиться хотя бы на одной из них. Наверное, это просто была защитная реакция психики, эдакий отвлекающий манёвр, чтобы не думать и не заикливаться на том шокирующем факте, что она была не человеком, а тем самым иномирным монстром, о которых совсем недавно так легкомысленно рассуждала. Чисто логически Василиса уже приняла этот факт, ведь аргументы Германа были убедительны, и ей нечего было им противопоставить, а вот в её душе, вопреки всякой логике, всё ещё теплилась надежда, что он ошибся или просто разыгрывает свою доверчивую любовницу.

Долго находиться в состоянии такого когнитивного диссонанса было очень некомфортно, всё равно, как метаться между берегами речки, не решаясь пристать ни к одному из них. Самые противоречивые и бредовые соображения толкали неприкаянную

подочку Василисиного ума из одной крайности в другую, и этому не было конца. Пора было взять навигацию в свои руки и покончить с неопределённостью, и самым простым способом это сделать была фактология. Специалисту по древним рукописям было отлично известно, что даже самые достоверные с виду истории могут оказаться фальшивкой, если внимательно приглядеться к деталям. Только правда способна выстроить все факты в логическую цепочку, а выдумка рано или поздно проколется именно на какой-нибудь неучтённой подробности.

— А как жители нашего родного мира себя называют? — Василиса с жаром взялась за привычное дело раскапывания деталей. В конце концов, нельзя же вечно прятаться от правды. Чем болтаться между «за» и «против» как дерьмо в проруби, лучше уж пристать к одному из берегов, по крайней мере, можно будет ощутить твёрдую почву под ногами.

— Аэрами, а наш мир называется Аэрией, — в голосе Германа Василиса уловила что-то вроде гордости, и это говорило в пользу его искренности.

— Он действительно такой, как я видела в послании? — продолжила она свой допрос. — В Аэрии не действует закон притяжения? Почему там река течёт не сверху вниз, а как ей вздумается?

— Такого закона вообще не существует в реальности, — Герман снисходительно улыбнулся, — это местная выдумка. Движение объектов определяется совсем другими алгоритмами, например, разницей в плотности. Тебя же не удивляет, что масло плавает на поверхности воды, а пух летает по воздуху, правда? Кстати, то, что ты приняла за речку, было управляемым эфирным потоком, в который для эстетического эффекта вводят контрастные вещества.

— А летающие сады тоже держатся в воздухе из-за разницы в плотности, что ли? — Василисе показалось, что она нащупала противоречие в картинке, нарисованной Германом. — Да таким плотным воздухом было бы невозможно дышать.

— Если ты умеешь управлять эфирными потоками, то играть с плотностями нет нужды, — пояснил Герман. — Прости, Васенька, я не смогу объяснить все детали этой технологии, я ведь не специалист.

— А почему наши учёные до таких технологий не додумались? — в голосе Василисы можно было без труда прочесть подозрительные нотки. — Не думаю, что люди дурней этих твоих аэров. Если бы действительно можно было играть с эфиром, существование которого ещё нужно доказать, то у нас бы тоже сады летали над крышами.

— Мне кажется, всё дело в плотности вибраций, — принялся отстранённо рассуждать Герман, полностью игнорирую наезд. — Аэрия — это гораздо менее плотный мир, чем этот. Возможно, проявление природы эфира в плотных мирах не столь очевидно.

— Как это? — возмущилась Василиса. — Хочешь сказать, что тела аэров могут легко существовать в разреженной атмосфере?

— У аэров и тела менее плотные, — Герман снова снисходительно улыбнулся, давая понять дознавательнице, что понимает её цель поймать рассказчика на противоречиях. — Ты даже не представляешь, как сложно аэру привыкать к этой кондовой игровой оболочке, — он похлопал себя по коленке. — И дело тут даже не в её неповоротливости, а в том, что плотное тело активнее взаимодействует с окружающей средой. С непривычки поток новых ощущений буквально сносит крышу. Васенька, я могу часами рассказывать тебе об Аэрии, но какой в этом смысл? Почему тебе так трудно примириться с тем, что этот удивительный и прекрасный мир является твоим домом?

— Знаешь, это как-то неправильно, — Василиса горестно вздохнула, — все эти чудеса, которые вроде бы принадлежат мне по праву рождения, но так и останутся недоступными. И зачем только я прочитала дурацкое послание?

— Возможно, ратава-корги смогут решить эту проблему, — Герман ободряюще погладил Василису по спине, — мы ведь для того и существуем, чтобы спасти всех застрявших в Игре аэров.

— Благородно, — пробурчала та, как бы смиряясь с фактом своего иномирного происхождения. — А эти сады и сейчас летают?

— Да, наш мир почти совсем не меняется со временем, — подтвердил Герман, — потому что, в отличие от жителей этого мира, мы и сами не меняемся. Смерть не приносит аэрам забвения, мы всё помним и воспроизводим реальность Аэрии точно такой, какой она была в прежнем воплощении.

— Это, наверное, так скучно, — Василиса состроила кислую гримасу. — Вы поэтому лезете в наш мир, что вам не хватает новизны?

— Что?! — Герман явно был шокирован её словами. Он ожидал чего угодно: зависти, восхищения, даже злости, но уж точно не сочувствия к бедненьким скучающим аэрам. — Ты поняла, что я только что сказал? Я помню сотни своих воплощений, и все жители Аэрии тоже. Раньше и в мире Игры перевоплощение не стирало личность игроков, все всё помнили. То, что случилось с вами в этом мире, было настоящей катастрофой.

— А может быть, просто кто-то сделал нам одолжение? — вопрос Василисы прозвучал настолько абсурдно, что в первый момент Герман его даже не понял. — Я бы, к примеру, не хотела помнить все свои косяки из прошлых жизней, — пояснила она свою мысль. — А чего только стоят воспоминания о болезнях, старости и смерти? Неужели память о сотнях жизней совсем не давит тебе на мозги, не заставляет сомневаться в себе и окружающих? Думаю, в моём мире всё устроено как-то гуманней, что ли.

— Хочешь сказать, что если бы у тебя появился шанс вернуться домой, ты бы им не воспользовалась? — от удивления Герман едва шевелил языком, уж такого он точно от Василисы не ожидал.

— Ну почему же? — как ни в чём не бывало заявила та. — Разумеется, съездила бы на экскурсию, интересно ведь поглазеть на летающую речку и громадных розовых котов с синими глазами, — она намеренно замолкла, давая слушателю переварить свои сентенции, и вдруг весело расхохоталась. — Прости, Герман, но у тебя такой ошарашенный вид, словно ты сейчас, вместо меня, вдруг увидел того самого котика. Да шучу я, конечно, мне было бы интересно пожить в другом мире.

— Только пожить? — уточнил ратава-корги.

— Не понимаю, почему тебя это так удивляет, — Василиса капризно поджала губки. — Эта ваша катастрофа, наверное, случилась очень давно.

— Семьсот лет назад, — Герман кивнул, пока не понимая, куда она клонит.

— Ну вот, — ухватилась за его слова Василиса. — Может, поначалу нам, потеряшкам, и было тут тошно, но со временем этот мир сделался для нас родным, тем более, что свой старый мир мы все благополучно забыли. И знаешь, что я тебе скажу, — она хитро улыбнулась, — лично мне этот мир очень нравится. Думаю, и тебе тоже, коли ты тут торчишь по доброй воле.

Беспечно разбрасываясь шутками, Василиса даже не подозревала, что её слова сейчас рушат самую основу жизненных принципов Германа, вернее, ратава-корги по имени Ро,

который осознанно посвятил уже даже не одну свою жизнь благородному делу спасения пострадавших от стирания аэров. Тот факт, что далеко не все жертвы катастрофы желают, чтобы их спасали, раньше никогда не приходил ему в голову. До сего момента Ро свято верил в то, что бедняги тяжко страдают от разлуки с родным домом и только и ждут, когда же у их соотечественников дойдут руки до своих затерянных в Игре собратьев. Увы, коварная реальность отчего-то отказывалась соответствовать его теоретическим измышлениям. Возможно, спасение пострадавших от стирания и имело смысл в первую сотню лет после катастрофы, пока те ещё сохраняли остатки воспоминаний, но теперь спасательная миссия сделалась бессмысленной.

Те бедолаги, которые по воле управленцев Аэрии застряли в грубом и примитивном мире и, по идее, должны были зачахнуть, растворившись в среде аватаров, почему-то предпочли не чахнуть, а жить дальше. Каким-то удивительным образом они умудрились не просто выжить, но и переделать этот мир под себя, причём они трансформировали не только внешнюю среду, но и своих вынужденных соседей-аватаров, и главное, они изменились сами. Вместо того, чтобы изолироваться от навязчивого потока астральных энергии, которым мир Игры был заполнен под завязку, они приняли решение впустить этот поток в себя, а впоследствии даже оседлали его и заставили себе служить.

Для аэра, помешанного на самоконтроле, это казалось самоубийственным шагом. Ро привык полагаться исключительно на свой интеллект, поскольку много жизней его учили игнорировать эмоциональный фон и презирать проявления чувств. Он искренне считал аэров высшей расой именно за их способность управлять своими мыслями. И в этом, наверное, не было никакой ошибки, по уровню интеллекта ни один из аватаров не мог тягаться с игроками. Но только сейчас до самоотверженного ратава-корги дошло, что аватарская цивилизация вовсе не была отсталой, она попросту строилась на иных принципах. При принятии решений жители мира Игры всю использовали своё чувственное восприятие, но не в противовес логике, а в дополнение к ней. Местная поговорка «первое решение самое верное», которую рациональный ум аэра раньше воспринимал исключительно как полнейшую чушь, вдруг наполнилась смыслом. Жители мира Игры доверяли своей интуиции ничуть не меньше, чем тщательным расчётам, причём их интуитивный подход базировался не на подсознательном анализе фактов, как у аэров, а на чувствах.

— А ведь Василиса права, — пришло на ум Ро, — в Аэрии бывшие игроки станут изгоями, их будут считать убогими и даже увечными, эдакими полу животными. Так зачем им покидать мир, который они создали для себя и по собственному усмотрению?

Но ведь есть ещё такой бонус, как практически вечная жизнь. Только ради этого стоило сменить место жительства и терпеть связанные с переездом неудобства. Или это тоже не аргумент? Может быть, неизменность среды обитания и сохранение собственной личности вовсе не являются таким уж благом? Похоже, в преимуществе помнить свои прошлые жизни скрыт какой-то подвох. Из-за этих воспоминаний аэры автоматически цепляются за опыт прошлого, и это сужает диапазон их возможностей в настоящем. Не исключено, что если бы этот опыт отсутствовал, то количество ошибок, которые аэры могли бы совершить, было бы гораздо больше, но возможно также, что тогда они сумели бы найти какие-то новые решения, которых сейчас просто не видят за завесой прежних жизненных паттернов. В любом явлении имеются свои плюсы и минусы.

Почему же в таком случае ратава-корги так зациклились на спасательной операции и

даже мысли не допускают о том, чтобы поставить под сомнение целесообразность своей героической деятельности? Они жертвуют собой, проживая целые жизни в Игре и ежедневно рискуя не просто жизнью, а самим своим существованием, ведь наказанием за нелегальное посещение Игры является развоплощение. А кому нужны все эти жертвы? Уже точно не пострадавшим от стирания игрокам. И ладно бы ратава-корги приносили в жертву своим идеалам только собственные жизни, но они не щадят и тех, кого вроде бы намеревались спасти, да вдобавок ещё ни в чём не повинных игроков. Да, Ро было о чём подумать, и эти раздумья круто изменили его жизнь.

Тёмно-синий сапфир на изящной ручке Эвианы глубиной цвета невольно наводил на мысль о бездонных морских просторах, а окружавшие кабошон брильянты сияли как маленькие звёздочки, разбрасывая пляшущие отблески по стенам столовой. Кольцо выглядело неприлично богатым и вызывало у собравшихся за ужином обитателей замка Гилмор вполне обоснованные подозрения, что такой подарок никак не мог быть просто прихотью влюблённого лорда. Впрочем, гадать о причине непомерной щедрости хозяина замка не было нужды, достаточно было взглянуть на владелицу кольца, и всё сразу делалось понятно. Глаза Эвианы сияли так ярко, что своим сиянием с лёгкостью затмевали алмазный блеск, а румянец на её щёчках мог бы посоперничать с лепестками роз, украшавших обеденный стол. От улыбки, которая не сходила с алых губок прелестницы, даже когда её рот был набит едой, у участников праздничного ужина становилось легко и весело на душе. У всех, кроме подозрительного ратава-корги.

Ро с трудом дождался окончания трапезы и как буря ворвался в кабинет Врана. Он не стал разводить церемонии и задавать ненужные вопросы, а сразу набросился на хозяина кабинета с обвинениями.

— Ты совсем спятил, сталкер? — прошипел ратава-корги, едва его пятая точка ощутила опору в кресле для визитёров. — Похоже, от избытка чувств у тебя мозги совсем отключились. Ты правда решил жениться на своей ведьмочке?

— Что-то не припомню, чтобы я просил твоего совета, — Вран расслабленно улыбнулся, как бы ставя точку в бессмысленном обсуждении, но не тут-то было, Ро и не подумал отступить.

— А меня не нужно просить, — гордо заявил он, — среди друзей принято друг о друге заботиться, знаешь ли.

— Так ты мне друг, Ро? — в глазах Врана заплясали насмешливые искорки. — Тогда порадуйся за своего друга, ведь я женюсь на любимой женщине. Чего ты так завёлся?

— Серьёзно? — губы Ро скривились в глумливой усмешке. — Ты действительно не видишь опасности? Ну давай я тебе кое-что объясню. Уже то, что ты похитил ведьму с инквизиторского костра, поставило тебя под удар. Не сомневайся, эта история ещё может иметь для тебя самые неприятные последствия, — зловеще посулил он, — но она хотя бы вписывается в местные нравы. К счастью для тебя, сумасбродство знати является привычным и неотъемлемым элементом общественного сознания в этой локации Игры. Если бы ты и дальше тупо пользовал свою ведьмочку, как делал это до сих пор, никто бы и не вякнул, в конце концов, у тебя есть законное право получать удовольствие от трофея твоего рискованного предприятия, но жениться на ней — это уже за гранью. Зачем тебе это вообще понадобилось?

— Мне это не нужно, ты прав, — Вран смущённо улыбнулся, как бы демонстрируя стремление к миру, — но это нужно Эве. Она ведь часть того самого общественного сознания, а потому статус любовницы причиняет ей дискомфорт.

— И всё? — от удивления у Ро буквально глаза вылезли на лоб. — Дискомфорт? А то, что вас обоих просто распнут, если узнают о венчании, тебя не смущает?

— С чего бы? — Вран отмахнулся от навязчивого доброхота как от назойливой мухи.

— А с того, что перед алтарём твоей девчонке придётся назвать своё настоящее имя, —

на одном дыхании выпалил Ро. Непонятно, на какую реакцию своего упрямого оппонента он рассчитывал, но в своих ожиданиях обманулся практически на сто процентов.

— Ничего страшного, — Вран равнодушно пожал плечами, — пусть назовёт. Не думай, что я такой уж тупица, я сразу понял, что Эва происходит из какого-то знатного рода. Манеры, вбитые в подкорку с младенчества, не спрячешь. Так ведь по легенде я тоже не из самых захудалых лордов, не думаю, что наш союз может кого-то оскорбить. Но даже если представить, что её родня решит мне отомстить, то у меня найдётся, что противопоставить агрессии, стены замка выдержат осаду.

— Хочешь сказать, что даже не поинтересовался родословной своей невесты? — Ро вылутился на беспечного собеседника как на чудо заморское. — Да ты совсем потерял страх, сталкер. Поверь, у её батюшки достанет сил, чтобы сравнять с землёй не один, а целый десяток замков, вроде твоего. Эта хитрая бестия является единственной дочуркой герцога.

— Это неприятно, — впервые с начала разговора в глазах Врана появилось беспокойство, — но некритично, — самоуверенно заключил он. — Никто же не заставляет нас устраивать пышную свадьбу с кучей гостей, для Эвы важен сам факт изменения статуса. Кроме священника и надёжных свидетелей, никто не услышит её настоящего имени.

— Кто-нибудь обязательно проболтается, — заявление собеседника ничуть не успокоило Ро, лишь подлило масла в огонь его беспокойства, — и тогда на тебя устроят охоту по всем канонам местных варварских обычаев. Рано или поздно ты попадёшься, и тебя казнят. Но даже если тебе повезёт, всё равно весь остаток этого воплощения тебе придётся скрываться. В любом случае, твоей миссии придёт конец.

— Не понимаю, почему тебя так беспокоит моя карьера, — Вран подозрительно нахмурился. — Ах да, мой провал станет провалом и твоей миссии, не так ли? — ехидно поинтересовался он. — Признайся Ро, я ведь и есть твоя миссия. Только при таком допущении твоя забота обо мне обретает смысл. Похоже, ты уже доложил начальству, что вышел на последнего из Ставрати, и получил задание меня завербовать. А ты не поторопился с победными репликациями, парень? — ехидно поинтересовался объект вербовки. — Я ведь пока не согласился на вас работать и думаю, что не соглашусь, уж больно мне ваши методы не нравятся. Так что оставь меня в покое, я сам разберусь со своими делами.

— Разве в дружеской заботе есть что-то постыдное? — Ро изобразил на своей физиономии эдакую вселенскую скорбь, что возникает в чистой ангельской душе при виде людских пороков. — И не притворяйся, что не испытываешь ко мне дружеских чувств, иначе выгнал бы меня из замка, когда потребность в моих услугах отпала.

В словах ратава-корги несомненно имелся резон, в последнее время «дядюшка» и «племянник» действительно очень сблизились. Может быть, назвать возникшую между ними связь дружбой было бы и преувеличением, но добрыми приятелями они несомненно стали. Так что упрёк Ро достиг своей цели, Врану сделалось стыдно за свою грубость и холодность.

— Прости, я не хотел тебя обидеть, — повинился он, — давай забудем об этом разговоре.

— Я просто не хочу, чтобы ты пострадал из-за дурацких чувств к аватару, — Ро сочувственно улыбнулся. — Они этого не стоят, поверь. Аватаров даже живыми нельзя назвать в том смысле, в котором мы применяем этот термин по отношению к аэрам. Они просто марионетки, которых игроки вольны передвигать по игровому полю, как им

вздумается.

— Извини, но это уже полная чушь, — возразил Вран. — Порой мне даже кажется, что они гораздо более живые, чем мы. Вот скажи, был ли в твоей жизни хоть один момент, про который ты с уверенностью можешь сказать, что он был счастливым? Даже не пытайся, всё равно не вспомнишь, — безапелляционно заявил он, — аэры даже не знают, что это такое, счастье. Мы ловим кайф, только когда решаем очередную задачку, да и то ненадолго, а аватары умеют наслаждаться самой жизнью, всеми её проявлениями. Если это не мудрость, то тогда что?

— Ладно, не стану промывать тебе мозги, — губы Ро раздвинулись в снисходительной улыбке, — с твоей ведьмочкой мне всё равно бесполезно тягаться, она уже давно тебя захомотала со всеми потрохами. Просто не забывай, что кроме неё, у тебя ещё есть соотечественник, который готов о тебе позаботиться.

— Вот и славно, мне как раз скоро понадобится твоя забота, — тут же заявил Вран, — вернее, не мне, а Эвиане. Меня посылают в столицу отыскать одного игрока, упорно не желающего считаться с временными рамками Игры. У него это десятое воплощение, но придурок, похоже, решил, что сделался неуязвимым. Сталкер упустил его уже в третий раз, так что придётся подсобить коллеге в поимке его клиента. Меня не будет около недели, а Эва из-за этой помолвки очень нервничает, без меня ей будет совсем тошно и одиноко. Можешь её немного развлечь как в прежние времена?

— Без проблем, я позабочусь о твоей ведьмочке, не дам ей заскучать, — на губах Ро появилась злорадная усмешка, однако голос его прозвучал весело и беспечно, так что Врану даже в голову не пришло искать в его словах двойной смысл, а ведь он там действительно имелся.

Увы, доверчивый страж понял это слишком поздно, когда ратава-корги уже осуществил задуманную операцию по спасению своего клиента от фатального, по его мнению, шага. Нужно отдать должное проницательности Врана, он совершенно верно определил, что является для Ро объектом его миссии, но отчего-то не учёл, что тот тоже когда-то был сталкером, а значит, интересы клиента стояли в списке его приоритетов на первом месте, даже выше его собственной безопасности. Что уж говорить о благополучии какого-то аватара? В представлении Ро этот фактор был настолько незначимым, что даже не стоил упоминания. В сущности, Эвиане просто повезло, что ратава-корги увидел опасность не в ней самой, а лишь в предстоящем венчании своего клиента, иначе жизнь ни в чём не повинной женщины повисла бы на очень тонком волоске.

Командировка Врана продлилась восемь дней, и вернувшись, он, вопреки ожиданиям, застал свою невесту в глубокой депрессии. Видок у Эвианы был такой, что краше в гроб кладут: посеревшее и осунувшееся лицо, опухшие от слёз веки, покрасневшие от бессонницы глаза и дрожащие губы. Наверное, так паршиво она не выглядела даже на костре инквизиции. Вран самонадеянно решил, что бедняжка просто соскучилась, и принялся её утешать, однако очень быстро понял, что дело вовсе не в этом.

— Погоди, нам нужно поговорить, — решительно заявила Эвиана, отстраняясь от своего жениха. Было очень похоже на то, что к этому разговору она тщательно готовилась и боялась, что в последний момент не выдержит и сорвётся в истерику. — Рэй, я не могу выйти за тебя замуж, — с трудом проговорила она и зажмурилась, словно ожидала пощёчины.

Сказать, что Вран был ошарашен — это всё равно, что вообще промолчать. Никакого

повода для разрыва он не видел, а потому сделал из слов Эвианы единственный вывод, который показался ему логичным.

— Ты меня больше не любишь? — едва слышно прошептал он.

— Не говори таких ужасных вещей! — Эвиана буквально подпрыгнула в кресле. — Я буду любить тебя всегда, пока жива и на том свете тоже, если он вообще существует. Но я больше не гожусь в жёны лорду, потому что мной овладел другой мужчина.

Вран расслабленно перевёл дух. Перспектива потерять эту женщину, ставшую буквально частью его самого, оказалась для него настолько ужасающей, что представлялась настоящим концом света. По большому счёту, её интимные похождения Врана вообще не волновали, потому что ему нужна была её душа, а не тело. Нет, тело, конечно тоже было важно, но не более чем футляр важен для скрипки. Он уже собрался объяснить бедняжке свою прогрессивную позицию в сфере свободной любви, когда Эвиана продолжила свой монолог.

— Ты только не думай, что я тебе изменила по собственной воле, он взял меня силой, — в её глазах заблестели слёзы, а ещё в них была такая мольба, что Вран чуть сам ни расплакался. — Наверное, я не должна была соглашаться на эту прогулку вдвоём, без сопровождения, но ведь раньше мы с Линнетом много раз так гуляли, и он вёл себя достойно.

— Тебя изнасиловал мой племянник? — слова с трудом протискивались сквозь сжатые зубы Врана. — Но в этом же нет никакого смысла, — прошептал он, как бы отвечая своим мыслям, — разве что он сделал это с целью помешать нашему венчанию. Это так?

— Да, Линнет на самом деле не испытывает ко мне никаких чувств, — подтвердила его догадку Эвиана, — он просто не хочет, чтобы мы поженились.

— Значит, он собирается обнародовать свой «подвиг», — Вран уже едва сдерживал свой гнев.

— Только если мы не уступим, — женщина кивнула, и повисшие на её ресницах слезинки покатались по бледным щекам. — Рэй, милый, не нужна мне эта свадьба, просто позволь мне остаться с тобой, не гони. Я без тебя не смогу.

— Всё будет хорошо, — Вран прижал к груди щуплое дрожащее тельце и принялся гладить женщину по волосам, успокаивая как маленького ребёнка, — я сумею заткнуть рот этому мерзавцу. И не вздумай себя винить, вся вина лежит только на нём.

— Ты же не убьёшь своего племянника? — Эвиана резко отодвинулась и уставилась в глаза своему решительному утешителю.

— Как ты могла подумать, что я омрачу убийством нашу свадьбу? — тут же отозвался Вран. — Пусть тебя это больше не беспокоит, у меня есть план, и он точно сработает.

На самом деле никакого плана пока не существовало, Врану было понятно лишь направление удара, который он предполагал нанести по зарвавшемуся «племянничку», но он счёл это достаточным, чтобы успокоить свою невесту. Уже ночью, убаюкав бедняжку, Вран приступил к детальной проработке своих дальнейших шагов. Это дело оказалось совсем не простым. Чего уж там, ратава-корги сумел застать врасплох своего клиента, и нанёс точечный удар по его матримониальным планам, которые считал опасными. При этом Ро, разумеется, даже не подумал учесть желания самого клиента, ведь сталкеры никогда этого не делали, они свято верили в собственную непогрешимость и право распоряжаться чужими судьбами.

Наверное, впервые Вран ощутил на собственной шкуре, каково приходилось его клиентам, и даже сподобился ощутить что-то вроде раскаяния, Впрочем, ненадолго,

поскольку ему было не до сантиментов, его ждала работа. Через неделю подготовка к нейтрализации последствий нападения ратава-корги была закончена, и Вран решительно толкнул дверь в покои своего «племянника». Неспешным шагом он величественно прошествовал к отдыхающему в кресле у камина Ро, чем привёл того в откровенное замешательство. Ратава-корги уже давно поджидал визита разъярённого клиента и готовился к откровенной агрессии, поэтому спокойствие Врана его озадачило. На всякий случай Ро вскочил на ноги и развернулся лицом к приближающемуся воплощению возмездия.

— Нет нужды приветствовать меня стоя, — насмешливо бросил Вран, усаживаясь в соседнее кресло. — Присаживайся, «племянничек», нам с тобой нужно кое-что обсудить.

— Что, даже не съездишь мне по физиономии? — Ро ехидно подмигнул своему клиенту, как бы приглашая того превратить разборку в игру. — Давай, будет легче смириться с неизбежным, я даже сопротивляться не стану.

— Ты всерьёз считаешь, что всё закончится мордобоем? — в тон ему поинтересовался Вран. — Вообще-то, у меня другие планы. Я не собираюсь тебе мстить, если ты так подумал, — пояснил он, — я просто лишу тебя возможности делать пакости нам с Эвианой.

— Значит, полученный урок тебя ничему не научил, ты так и не отменил венчание, — Ро резко помрачнел, было видно, что он собирается предъявить ультиматум. — Ну тогда не обессудь, дорогой «дядюшка», о том, что твоя невеста порченная, узнает куча народу, и от ваших репутаций останутся только ошмётки. Можешь не сомневаться, я сумею сделать так, что мне поверят.

— Нет, не поверят, — в голосе Врана сквозила прямо-таки железобетонная уверенность. — Дело в том, что кастрат физически не может никого изнасиловать.

— Но я вовсе не кастрат, — возмутился Ро, однако буквально через секунду до него дошло, что хотел сказать его собеседник, и лицо бедняги покрылось мертвенной бледностью. — Ты же это не всерьёз? — пролепетал он.

— Прости, Ро, но своими непродуманными и жестокими действиями ты не оставил мне иного выхода, — взгляд Врана не выражал никаких чувств, словно это говорил автомат, и именно эта бесстрастность заставила ратава-корги поверить в серьёзность его намерений. — Кстати, заранее хочу предупредить, если ты всё же решишься распускать слухи, то я потребую освидетельствования твоей состоятельности как мужчины, и остаток этого воплощения ты проведёшь в тюрьме за клевету на дочку герцога.

— Ты не посмеешь меня кастрировать! — выпалил Ро, пытаясь убедить скорее себя, нежели своего оппонента.

— Не беспокойся, я нашёл для тебя самого лучшего доктора из тех, что имелись поблизости, — спокойно парировал Вран.

Его ответ сыграл роль спускового механизма в сознании Ро, вызвав приступ неконтролируемой паники, он вскочил на ноги и бросился к выходу. Вран, видимо, ожидавший подобной реакции, даже не пошевелился, он тихо свистнул, и дверь сама отворилась навстречу отчаянному беглецу. Через узкий проём в комнату тут же просочился небольшой отряд, состоявший из полудюжины личных гвардейцев лорда, и окружил его племянника плотным кольцом. Только после этого Вран вылез из кресла и подошёл к Ро. Дальнейшая беседа между аэрами шла телепатически, чтобы не провоцировать состояние когнитивного диссонанса у местных аватаров.

— Ты совершил большую ошибку, — бесстрастно констатировал Вран, — не стоило использовать Эвиану в своих подлых махинациях. Но эта ошибка была не единственной,

вдобавок ты недооценил мои возможности и при этом переоценил мои якобы дружеские чувства по отношению к своей особе. Поверь, в настоящий момент я не испытываю к тебе ничего, кроме презрения.

— До чего же ты докатился, если ради аватара готов изувечить своего соотечественника, — Ро уже немного пришёл в себя и пошёл в атаку в надежде, что наглость и самоуверенность избавят его от уготованной участи.

— Очень советую со смирением принять приговор, — прокомментировал его выступление Вран, — иначе добьёшься того, что моё презрение сменится ненавистью.

— И что тогда? — с вызовом бросил Ро. — Убьёшь меня?

— Нет, изолирую, — Вран даже не повысил голоса. — Пока я действую исключительно в рамках самозащиты, но если ты меня спровоцируешь, то могу и склониться к более радикальному решению возникшей проблемы. В подвалах моего замка имеется полно помещений с прочными дверьми и засовами.

— Ушам своим не верю, — пролепетал ошарашенный ратава-корги. — Очнись, Вран, это же просто Игра. Лучше уж действительно убей меня, так будет гуманней.

— Не сомневаюсь, — в интонациях стража послышались глумливые нотки, — но заслуживаешь ли ты гуманного отношения, вот в чём вопрос. К тому же ничто не мешает тебе вернуться в эту локацию и отомстить. Не обессудь, но кастрация представляется мне самым надёжным способом нейтрализовать одного изобретательного и беспринципного ратава-корги.

Обмен любезностями закончился, и Вран повернулся к командиру отряда, чтобы проинструктировать его касательно дальнейших действий. От этих насквозь прагматичных указаний Ро буквально затрясло, поскольку он наконец поверил в то, что всё это не розыгрыш и не попытка его запугать. Аэр, которого он искренне считал своим другом и ради которого устроил сцену изнасилования, действительно приговорил своего благодетеля к унижительной и болезненной процедуре кастрации. Это было настолько дико, что поначалу казалось просто жестокой шуткой. Увы, пришло время посмотреть правде в глаза, ради душевного покоя какого-то поганого аватара Вран действительно пожертвовал их дружбой. Принять подобное было непросто, и нервы Ро не выдержали напряжения.

— Прошу тебя, Вран, не делай этого, — до сих пор стойко державшийся ратава-корги внезапно сломался и принялся умолять своего мучителя. — Мне жаль, что я причинил страдания тебе и твоей невесте, правда. Прими моё искреннее раскаяние и позволь покинуть замок. Обещаю, что буду молчать как рыба.

— Наверное, до твоего «подвига» я бы поверил этим лживым заверениям, — Вран даже не подумал повернуться к пленнику лицом, так и говорил, бросая фразы через плечо. — Довольно наивно не находишь? Но теперь-то я знаю, что нет ничего глупее, чем довериться ратава-корги.

— Нет ничего глупее, чем влюбиться в аватара, — зло прошипел Ро.

— Вот и поговорили, — отрезал Вран, опуская занавес на сцене сего драматического действия.

Через пару дней он зашёл навестить пациента своей самопальной больнички, а заодно выяснить, когда тот сможет сесть в седло, чтобы покинуть замок. Ро уже немного пришёл в себя после экзекуции, но с постели пока подняться не мог. Явление своего мучителя он встретил в гордом молчании, как бы демонстрируя полный разрыв дипломатических отношений. Чего-то подобного Вран и ожидал, а потому не слишком расстроился из-за его

кислой мины.

— Как самочувствие? — дружелюбно поинтересовался он. — Вижу, ходить ты пока не можешь, но выглядишь бодро. Хочу тебя порадовать, доктор сказал, что операция прошла успешно, так что заражения вряд ли стоит опасаться.

— Не нужно столько слов, — проворчал ратава-корги, — я не задержусь в твоём замке ни на один лишний день, можешь спокойно планировать свою свадьбу.

— Прекрасно, именно такого ответа я и ждал, — Вран обворожительно улыбнулся. — Выздоровливай, мои люди о тебе позаботятся, — он уже развернулся к двери, когда ему в спину прилетел вопрос, который гораздо больше напоминал обвинение.

— Скажи, когда ты всё это планировал, ты уже тогда знал, что в этой локации не используют анестезию? — зло поинтересовался Ро.

Вран резко затормозил и обернулся к обвинителю, теперь в его взгляде больше не было презрения, скорее уж, он был исполнен раскаяния и даже сочувствия.

— Прости, я старался не особо вникать в детали операции, — покаялся он. — Мне правда жаль, что тебе пришлось терпеть боль, но я вовсе не планировал заставить тебя страдать физически.

— Ну да, ты хотел всего лишь раздавить меня морально, — съязвил Ро.

— Я должен был защитить Эвиану, — в голосе Врана зазвучал металл.

— Аватара, — поправил его Ро. — Кому рассказать, не поверят. Ты меня предал, сталкер, а ведь я просто тебя защищал.

— Мне не нужна твоя защита, сколько раз можно это повторять, — Вран в раздражении махнул рукой и покинул жертву своих безжалостных медицинских экспериментов.

— Это ты просто пока не догадываешься, — язвительно бросил Ро в сторону закрытой двери. — Поверь, когда мы встретимся с тобой в следующий раз, я смогу развеять твоё заблуждение. Обещаю.

Неясно, как он собирался сдержать свою клятву относительно вразумления зарвавшегося сталкера, но обещание не задерживаться в замке ни на один лишний день Ро исполнил в точности. На пятую ночь после операции он просто исчез, прихватив с собой только оружие и коня. А ещё через две недели в замковой часовне состоялась тихая и скромная церемония венчания, на которой, помимо священника, присутствовали только самые доверенные лорду люди. Как вскоре выяснилось, ратава-корги напрасно тревожился за судьбу своего клиента, никого эта свадьба не заинтересовала, даже ближайшие соседи лорда ограничились всего лишь письменными поздравлениями, да недорогими подарками.

— Когда же ты смиришься с тем, что избежать своей судьбы невозможно? — Вениамин в который уже раз пожалел, что связался с этой настырной дамочкой. Василиса день за днём превращала занятия в натуральный допрос, и конца этому кошмару не предвиделось. — Если убрать какой-то элемент системы, то вся система не сможет функционировать. Ты и есть такой элемент, пойми это наконец. Тебя нельзя просто удалить из сценария Игры без разрушения самого сценария, а потому противостоять запрограммированному потоку событий — дело совершенно безнадёжное.

— А что если написать новый сценарий, — предложила Василиса. — Разве игрокам не позволено создавать свою собственную уникальную реальность?

— А наша малышка — не промах, — прокомментировал амбициозные замашки своей напарницы Егор. — Нафиг Создателя с его сценариями, «мы наш, мы новый мир построим».

— Ага, из дерьма и палок, — Вен с укором зыркнул на Егора, реплика которого никак не помогала направить занятие в намеченное русло. — Васенька, не слушай этого балабола, это всё просто трёп, а тебе нужно заниматься.

— Почему трёп? — Василисе явно пришёлся по вкусу боевой настрой Егора, — зачем мне пользоваться чужими кубиками, которые так или иначе заведут меня в пропасть? Можно ведь просто разрисовать свои.

— Для этого недостаточно владеть магией иллюзий, — обломал её Вениамин, — тут придётся иметь дело не с построениями ума, а с вибрациями Абсолюта, которые существуют реально. Понимаешь, это уже совсем другой уровень.

— Прикинь, какая засада, — Егор скорчил такую сочувственную гримасу, что Василиса невольно прыснула. — Оказывается, для создания собственного мира нужно не просто рисовать картинки на кубиках, а делать сами кубики.

— Не забывай, что иллюзорный мир существует исключительно в умах его жителей, — Вениамин снова взял инициативу в свои руки, — поэтому для создания мира недостаточно написать алгоритмы его функционирования, придётся сначала сотворить аватаров, то есть мыслящих существ, обладающих умом. Но это будет уже будет не твой, а их мир. Ну и какой толк от мира, в котором ты не живёшь?

— Минуточку, — возмутилась Василиса, — а как же те игроки, которые тусуются в нашем мире? Они ведь тоже не являются его аватарами.

— Уела, так уела, — Егор от души расхохотался. — То есть ты хочешь создать карманный мирок и смыться туда от напороченного тебе катаклизма? Зачётно, я «за».

— Ну всё, повеселились и хватит, — Вениамин понял, что пора вмешаться, — возвращаемся к занятиям.

— Не понимаю я смысла этих занятий, — пожаловалась Василиса. — Какой толк дрессировать свой ум, если все картинки на кубиках уже давно нарисованы?

— В одном ты несомненно права, — Вениамин немного смягчился, поскольку его ученица начала задавать правильные вопросы. — Параметры работы наших умов жёстко зафиксированы программой Создателя, и мы не в силах от этой программы отклониться ни на шаг. И всё же с помощью определённых техник можно существенно расширить спектр своих возможностей. Ты когда-нибудь собирала фигурки из лего?

— В детстве, — подтвердила Василиса. — Опять наглядное пособие?

— Так понятней, — Вениамин понимающе улыбнулся. — Скажи, от чего зависит твой потенциал по созданию сложного лего-объекта.

— Элементов должно быть много и разных, — не задумываясь отрапортовала Василиса.

— Иными словами, диапазон восприятия твоего ума должен быть широким и высокоамплитудным, — маг хитро подмигнул ученице. — А ты знаешь, от чего зависит этот диапазон? Ладно, не гадай, я поделюсь с тобой этой сакральной тайной. Диапазон восприятия определяется ничем иным, как пропускной способностью фильтра.

— Какого ещё фильтра? — Василиса смешно наморщила лоб, чем вызвала новый приступ веселья у Егора.

— Да твоего тела, глупышка, — всё-таки снизошёл он до объяснения.

— Совершенно верно, — Вениамин ловко вклинился, перехватывая инициативу, — чем больше различных вибраций способно пропускать твоё тело, тем богаче иллюзия реальности, создаваемая умом.

— Ну вот, а ты собираешься бросить цигун, — подколот свою напарницу Егор.

— Хочешь сказать, что физуха способна изменить мою реальность? — Василиса с подозрением глянула на насмешника.

— Работа с физическим телом действительно может повлиять на пропускную способность фильтра, — Вениамин зыркнул на неужённого помощника, который так и норовил перетянуть на себя одеяло, — однако маги чаще всего используют для своих манипуляций более тонкие тела, в основном астральное.

— Странно, — в голосе Василисы послышалось недоумение, — мы ведь живём в материальном мире, тут физическое тело является самым сильным.

— Это тебя кто-то обманул, — снова встрял Егор, — на самом деле мы обитаем в мире желаний.

— Как ни удивительно, но так и есть, — Вениамин смирился, что его вечно перебивают, и решил не обращать внимания на невежливого ученика, — наибольшая амплитуда спектра человеческого сознания лежит в астральной области, и пик приходится на эмоцию страсти, то есть на желание.

— Разве ты не замечала, что наши самые сильные желания очень часто сбываются? — ехидно поинтересовался Егор.

— А по-моему как раз наоборот, — Василиса скорчила упрямую физиономию, — если чего-то очень не хочешь, то оно обязательно случится. Закон бутерброда.

— Очень грамотное замечание, — Вениамин бросил на выскочку Егора насмешливый взгляд. — Эмоциональная окраска наших желаний не так уж важна, мироздание всё равно не воспринимает отрицаний, для него главное, чтобы была сформирована устойчивая астральная форма, а уж несёт ли она позитивную или негативную окраску — это дело десятое. Так что если не хочешь, чтобы что-то случилось, лучше просто забыть об этом. А вот если, наоборот, требуется материализовать какую-то мыслеформу, то нет ничего надёжнее, чем накачать её астральными вибрациями. Именно так поступают маги, искусственно вызывая у себя сильные эмоции. И тут уж в ход идут любые средства от молитвенного экстаза до человеческих жертвоприношений. Не удивительно, что люди относятся к магии с некоторой опаской, не так ли?

— Выходит, магические способности зависят от состояния тонких тел, — сделала поспешный вывод Василиса.

— Не только, — Вениамин хитро улыбнулся торопыге. — Для того, чтобы создать

шедевр из кучки элементов лего, одного разнообразия недостаточно.

— Нужно ещё понимать, что ты делаешь, — догадалась Василиса.

— И неплохо бы ещё иметь некоторый навык обращения с лего, — Егор никак не мог позволить, чтобы обсуждение шло без него.

— Представь себе полугодовалого малыша, сидящего около кучи разноцветных деталек, — подсказал Вениамин. — Ну и много он там наконструирует? Может быть, и соединит между собой парочку элементов, да и то случайно. И дело не только в том, что малыш не знает, как обращаться с лего, у него вдобавок отсутствует намерение создать конкретную фигуру. Намерение, подкреплённое волей мага — это та самая волшебная палочка, с помощью которой в мире желания можно творить чудеса.

— И это самое намерение недостаточно просто один раз сформулировать, — Егор самодовольно усмехнулся, — нужно ещё научиться поддерживать устойчивость своей мыслеформы. Теперь понимаешь, зачем нужно учиться концентрации?

На этом триумфальном аккорде два ратава-корги благополучно свернули дискуссию и переключились на практику. В сущности, беспринципным экспериментаторам магические способности Василисы были до лампочки, им просто требовалось, чтобы она пребывала в состоянии осознанного транса, чтобы Егор мог незаметно подкачивать спектр вибраций её сознания в ментальной области. Всё остальное служило лишь ширмой, не позволявшей их лабораторной мышке понять, что на самом деле происходит. Сеанс насильственной возгонки тонких вибраций прошёл вполне штатно, Василиса больше не задавала вопросов о целесообразности медитативных практик, так что все остались довольны собой. И только в самом конце занятия Егор вдруг вспомнил, с чего началось обсуждение технических деталей работы магов, и осознал, что Василиса завела разговор с совершенно другой целью.

Несмотря на заверения Вена в полной бессмысленности сопротивления сценарию судьбы, она упорно продолжала искать спасения от напророченной ей жизненной катастрофы. Откуда могла взяться подобная упёртость, Егор понять был не в состоянии, тем более, что Василиса ведь даже не понимала природы грозящей ей опасности. Ну откуда ей было знать, что источником угрозы были те самые махинаторы, к которым она обратилась за помощью? Егор прикинул эту ситуацию на себя и сразу осознал её абсурдность. Какой смысл бегать от молнии, если не знаешь, куда она ударит? Но Василиса отчего-то не оставляла своих попыток изменить будущее. Не было ли это свидетельством того, что она уже знала, что ей грозит? Сие умозаключение показалось Егору пугающим, и он решил прояснить ситуацию.

— Василиса, меня не оставляет чувство, что ты у нас провидица, — обратить серьёзный вопрос в шутку показалось ему верным подходом, чтобы разговорит скрытную женщину, — такое ощущение, что ты уже знаешь, какое конкретно событие принесёт тебе «башня». Но ведь ты не можешь этого знать, правда? Расслабься, может быть, тебе даже понравится.

— Не понравится, — пробурчала под нос Василиса, — я это самое события чуть ли не каждую ночь теперь вижу во сне.

— Вот это да, — Егор даже не ожидал, что его тактика принесёт такие плоды. — А что ты видишь, если не секрет?

Василиса тяжело вздохнула и принялась рассказывать свой сон. Оба ратава-корги, затаив дыхание, слушали её рассказ, поскольку ожидали совсем другую картинку персонального апокалипсиса Василисы. По сравнению с тем, какую судьбу они уготовили для своей подопытной мышке, история с сердцем в шкатулке выглядела безобидной лубочной

сказочкой. Но Василисе этот детский ужастик почему-то казался настоящей трагедией, и причина сего феномена вскоре прояснилась.

— Понимаете, это же моё сердце, — заключила рассказчица, — Кто-то вырежет сердце из моей груди.

— Да с чего ты это взяла? — удивился Егор. — Ты же смотришь на эту сцену как бы глазами той женщины с перстнем. Вряд ли она смогла бы открыть шкатулку, если бы в её груди уже не было сердца.

— Трудно судить наверняка, — Вениамин задумчиво покачал головой, — фрагмент уж больно короткий. Я бы посоветовал его удлинить.

— Это как? — у Василисы от такого предложения натурально отвисла челюсть. — Разве можно сделать сон более длинным?

— Управлять сновидением совсем не сложно, — заверил её великий маг, — я покажу тебе парочку техник, и ты без труда решишь эту проблему.

Обещанные техники действительно оказались довольно простыми, так что уже через десять дней Василиса смогла воплотить в реальность свой план по удлинению сна со шкатулкой. Вот только лучше бы она этого не делала, сон не принёс ей ожидаемой определённости, напротив, он запутал её ещё больше. А если уж совсем честно, то новые детали оказались настолько зловещими, что лучше было в эту мистическую область даже не соваться. Для начала, удлинение фрагмента сна произошло в основном за счёт смещения его начала на более ранний момент, а окончание лишь чуть-чуть продвинулось по временной шкале, так что выяснить, чем всё закончилось, Василисе так и не удалось. На этот раз сон начался с мужского голоса, идущего из-за спины той женщины, которая открывала шкатулку.

— Надеюсь, мой подарок придётся Вам по вкусу, тётушка, — проворковал невидимый мужчина. — Поверьте, я потратил много сил, чтобы его изготовить.

Было очевидно, что этот мужик просто издевается над бедняжкой, ведь он точно знал, что она обнаружит в шкатулке. Не подозревающая подвоха женщина открыла шкатулку и едва сумела удержаться на ногах. Картинка перед глазами Василисы качнулась и даже на какой-то миг расплылась, видимо, несчастная была на грани обморока.

— Так вот почему я не вижу окончания этой сцены, — догадалась сновидица, — тётушка, чьими глазами я смотрю, просто потеряла сознание.

Как обычно, скоропалительный вывод Василисы оказался ошибочным. Картинка снова сфокусировалась, и тётушка к ужасу наблюдательницы положила свою ладонь на кровоточащее сердце. А потом Василиса услышала её голос.

— Вы напрасно утруждали себя, милорд, — произнесла та, с трудом сдерживая рыдания, — его сердце и так всегда принадлежало мне.

Вынырнув из кошмара, Василиса долго не могла прийти в себя. Её натурально трясло, а конечности сделались совсем ледяными. Так уж случилось, что в ту ночь Германа в её постели не было, а потому некому было утешить и согреть испуганную женщину. Впрочем, это было даже к лучшему, потому что Василиса узнала голос мужчины из сна, и этот голос принадлежал как раз её таинственному любовнику. Разумеется, стопроцентной гарантии она дать не могла, всё-таки это был всего лишь сон, но оказаться сейчас рядом с Германом Василиса не хотела бы. Она и раньше испытывала по отношению к нему некоторое недоверие, чувствовала, что не случайно этот странный тип появился в её жизни, а сон превратил это недоверие в уверенность, что от Германа исходит угроза.

Впрочем, не всё было так плохо, в ночном кошмаре содержалась и позитивная новость.

Судя по всему, лишиться своего сердца предстояло вовсе не Василисе, а кому-то другому, кто был ей дорог. Что ж, Варенька и не утверждала, что аркан «башня» безальтернативно сулит физическую гибель, она сказала лишь, что разрушению подвергнутся иллюзии, лежащие в основании Василисиных представлений о жизни. В сущности, расставание с иллюзиями вовсе не представлялось Василисе такой уж трагедией. Ну вот узнала она, что не является человеком, и что? Разве это сломало ей жизнь? Наоборот, даже прикольно, что у тебя появился ещё один дом. А вот потеря любимого человека — это действительно трагедия. Отчего-то при одной только мысли о такой потере у Василисы внутри всё сжалось, и сердце, пропустив пару тактов, понеслось вскачь.

— Да что это со мной? — возмутилась она, едва переводя дыхание от внезапной и ничем не спровоцированной тахикардии. — Я ведь даже не знаю, о каком человеке идёт речь. Откуда такая паника?

И тут ей на ум снова пришла сцена на безлюдной зимней улице, когда перед ней вдруг появился мужик в развевающемся плаще. Между этой сценой и сном напрочь отсутствовала связь, но картинка продолжала упорно маячить перед глазами Василисы, вызывая то самое необъяснимое состояние паники.

— А ведь я запаниковала вовсе не оттого, что ожидала агрессии с его стороны, — наконец догадалась она, — я вообще испугалась не его, а самой себя.

Да, тут интуиция Василису не подвела. Случается, что мы подсознательно проецируем прошлый опыт на пока не случившиеся события и заранее предчувствуем, чем всё закончится. Мы как бы программируем самих себя на определённые действия, хотя и осознаём, что они принесут нам только боль и страдания. Попавшись в ловушку прошлого опыта, не так-то просто заставить себя пойти иным, пока незнакомым путём, и мы буквально физически ощущаем, как нас затягивает в этот губительный водоворот, вот отсюда и возникает страх.

Самой большой загадкой паники Василисы было даже не то, что она предчувствовала трагичный конец той случайной встречи на пустынной улице, а то, что для этих предчувствий напрочь отсутствовало хоть какое-то основание. Ну не было в её жизни никаких катастроф, связанных с противоположным полом, не довелось ей влюбиться по уши, так, чтобы полностью раствориться в любимом человеке. Она даже представить не могла, как такое возможно, чтобы расставание с мужчиной стало трагедией. Тем не менее тот незнакомец отчего-то намертво связался в её сознании с душевными муками, с болью и страданием, и Василисе совершенно не хотелось, чтобы эти предчувствия обрели плоть в реальности. Она больше не сомневалась, что он каким-то образом связан с её сном, но понять эту причинно-следственную связь так и смогла.

Ворот противно заскрипел, наматывая ржавую цепь подъёмного механизма решётки замковых ворот. Ничего благозвучного в этом звуке не было от слова совсем, но на лице Врана появилась блаженная улыбка, как будто он услышал райскую музыку. Собственно, ничего удивительного в этом не было, весь последний день он только и думал о том, как вернётся из очередного рейда и наконец обнимет любимую жену. Со дня их венчания прошло уже несколько месяцев, но Вран по-прежнему воспринимал каждый час, проведённый рядом с Эвианой, как награду. К своим обязанностям стража, требовавшим регулярных отлучек по делам спасательной службы, он теперь относился не иначе как к неизбежному злу, с которым приходилось мириться только потому, что иначе могут отозвать из подшефной локации.

Последняя поездка, к счастью, оказалась совсем непродолжительной, всего пять дней, но Вран всё равно соскучился по своей любимой Эве так, что все внутренности сводило от нетерпения. Прямо перед воротами он всё-таки не сдержался и дал шпоры коню, обогнав свой отряд на десяток шагов. Наверное, будь Вран в нормальном уравновешенном состоянии, то сразу обратил бы внимание на то, что никто из слуг не бросился к своему господину, чтобы взять его коня под уздцы, но в тот момент ему было плевать на нерадивость замковой челяди, его сердце буквально выпрыгивало из груди, летя навстречу блаженству, которое сулила встреча с любимой женщиной.

Когда немного отставший эскорт лорда миновал замковые ворота, Вран уже успел вылететь на середину двора и даже высвободить ноги из стремян, но покинуть опостылевшее седло ему так и не дали. Запорная решётка со смачным чавканьем рухнула вниз, отрезая отряду конников путь к отступлению, и тут же по всему периметру двора на замковых стенах выросли фигуры стрелков со взведёнными арбалетами. Как не трудно догадаться, направлено их оружие было на хозяина замка и его гвардейцев. Шок от внезапного нападения был недолгим. Стоило Врану рассмотреть герб на груди ближайшего стрелка, как всё сразу стало ясно — это отец Эвианы явился выручать свою дочурку из лап коварного похитителя. Неясно было другое — как он вообще узнал, где её искать. Женщина уже целый год жила в замке лорда Гилмора, но до сих пор никого, кроме Ро, даже не интересовало, кто она такая.

В первый момент Вран даже обрадовался, что замок захватили не разбойники, а герцогское войско, однако радость его очень быстро скукожилась, когда он увидел командира этого войска. Ро, тоже разодетый в цвета герцога, вышел на середину двора и помахал пойманному в ловушку лорду, как бы приглашая его на переговоры. Ситуация стала стремительно проясняться. Разумеется, кастрированный ратава-корги просто по определению не мог смириться с унижением и затаил обиду. Впрочем, самоуверенного стража это несколько не беспокоило, поскольку у Ро не имелось средств, чтобы отомстить обидчику. Что ж, посыл был верный, вот только выводы из него Вран сделал ошибочные, решив, что ему ничего не грозит. Да, недооценил он изобретательности своего соотечественника, который, не имея собственных средств для нападения, тупо воспользовался чужими.

Неясно, чего уж он там наплёл томящемуся в печали отцу сбежавшей принцессы, чтобы заполучить под своё командование такой нехилый отряд профессиональных бойцов,

но вряд ли правду. Скорей всего, рассказал ему душещипательную историю про то, как старый развратник, прикидывающийся отшельником, изнасиловал случайно забредшую на его территорию невинную девицу, а когда узнал, кто она такая, затащил под венец в надежде пощипать мощну её богатенького папочки. Вран невольно восхитился наглости и бесстрашию ратава-корги, ведь раскрыть его враньё было легче лёгкого. Один разговор папочки с дочкой, и этого безбашенного авантюриста тупо подвешат за яйца. Нет, за яйца уже не подвешат, поскольку их нет в наличие, но в теле человека имеется много других частей, лишиться которых будет весьма неприятно.

Кем бы ни был ратава-корги, но идиотом его точно назвать было нельзя. Если он всё-таки пустился в эту авантюру, значит, не собирался допустить, чтобы Эвиана встретила со своим отцом. Вывод был настолько очевидным, что у Врана зануло сердце, предчувствуя беду. Вот только как этот махинатор собирался избавиться от герцогской дочки на глазах у сотни отчаянных вояк? Даже если он подстроит несчастный случай, его всё равно распнут за разгильдяйство. Ну не может же Ро быть настолько наивным, чтобы понадеяться сбежать после того, как расквитается со своим бывшим приятелем? Сделка есть сделка, и даже если за возвращение Эвианы Ро получил согласие герцога на расправу с одним из его лордов, всё равно он сделается преступником, когда его враньё будет разоблачено. Так на что же он рассчитывал?

Вран внимательно пригляделся к бравому командиру герцогского войска и невольно покачал головой. Вид у Ро был довольный и, пожалуй, даже слегка расслабленный, что свидетельствовало о его уверенности в том, что он держит ситуацию под полным контролем. Собственно, эта самая ситуация была откровенней некуда, семеро всадников, запертых во дворе замка, представляли из себя отличную мишень для сотни обученных стрелков. Сопrotивляться в таких условиях было совершенно бессмысленно. Даже с учётом великолепной выучки гвардейцев, Вран дал бы своему отряду не больше минуты до полного истребления. Что случилось с остальными обитателями замка, вообще было загадкой. Возможно, у них хватило благоразумия просто открыть ворота и сдать замок герцогскому войску, в конце концов, тот был в своём праве. Тогда их должны были оставить в живых, по крайней мере, трупов и следов крови Вран не заметил. Значит, первым делом нужно было позаботиться о тех, кто доверил ему свою жизнь.

— Классный денёк, — вместо приветствия заявил Ро, без опаски приближаясь к вооружённому до зубов хозяину замка, — не лучшее время для того, чтобы умереть, не находишь? — видимо, он был настолько уверен в том, что Вран не решится подставить под арбалетные болты своих гвардейцев, что совершенно не опасался с его стороны никакого подвоха. А вот это уже была тактическая ошибка, потому что в решимости командира пожертвовать своими бойцами как раз и заключался шанс на их спасение, — Давай, спешивайся, дядюшка, нам ведь есть о чём поговорить, — Ро нетерпеливо махнул рукой.

— Чёрта с два, — прорычал Вран, изображая непреклонную решимость стоять до конца, — я сдамся, только если ты отпустишь моих людей.

— По-моему, ты не в том положении, чтобы ставить условия, — Ро злорадно ухмыльнулся и поднял руку, как бы готовясь дать отмашку стрелкам.

— Ну тогда мы будем драться, — надменно заявил пойманный в ловушку лорд, — и меня тупо расстреляют из арбалетов, а ведь ты не за этим сюда явился, правда?

— Уел, — Ро добродушно рассмеялся, — ты прав, мне плевать на твоих гвардейцев, пусть проваливаются.

— Нет, ты не понял, — в глазах Врана вспыхнул зловещий огонёк, — ты отпустишь всех обитателей замка, а не только этот отряд.

— Думаю, в список обитателей ты огульно включил и свою жену, — Ро насмешливо хмыкнул, легко разгадав эту маленькую хитрость. — Нет, мой дорогой дядюшка, Эвиана вернётся к своему батюшке, таков полученный мной приказ. Но остальных никто держать не станет, всё равно замок мятежника подлежит уничтожению, так что жить этим бедолагам будет негде.

Это заявление про возвращение Эвианы под родительский кров, произнесённое столь небрежно, как будто было чем-то само собой разумеющимся, одновременно удивило и порадовало Врана. Было похоже на то, что он неверно истолковал ситуацию. Может быть, Ро и не сочинял никаких историй, и герцог знает, что союз, заключённый между его дочерью и лордом Гилмором, не был насильственным. Герцогам ведь не нужны основания для расправы над подданными, даже если эти подданные ничего плохого не сделали. А лорд Гилмор действительно был мятежником, только бунтовал он не против герцога, а против инквизиции, но кому интересны эти подробности? В общем, Вран не стал спорить и согласился на условия сдачи, в конце концов, поместье герцога было сейчас самым безопасным местом для Эвианы.

Сделка была заключена, и вереница пленников потянулась к воротам замка. Эвакуация не заняла много времени, поскольку обитателям замка, напуганным вторжением герцогского войска, не терпелось покинуть опасное место. Не прошло и получаса, как всё было кончено, и мятежного лорда под охраной препроводили в тот самый подвал, которым он совсем недавно страшил своего бывшего приятеля. Для пущей убедительности его руки и ноги заковали в кандалы, а за дверью поставили аж четверых стражников. Да, ратава-корги явно не собирался играть со своим пленником в поддавки.

Ро явился навестить бывшего приятеля только к вечеру, видимо, хотел его как следует помурьжить, прежде чем объявить о своих намерениях. Что ж, тактика психологической обработки была выбрана со знанием дела, к его приходу Вран уже весь извёлся от ожидания, так что был даже рад предстоящей развязке. Двое охранников втащили в подвал кресло, в котором Вран легко узнал мебель из своего кабинета, и Ро со всеми удобствами расположился на мягких подушках, оставив пленника стоять.

— Ты отобрал у меня кое-что, очень для меня ценное, — пафосно начал свою обвинительную речь ратава-корги, вызвав у Врана приступ истеричного хохота.

— Не передёргивай, — наконец сподобился объяснить своё нахальное поведение пленник, — твои стенания по поводу кусочка удалённой плоти просто смехотворны. Для аэра секс — это обуза, а не удовольствие.

— Согласен, — Ро даже не подумал оспаривать сей очевидный тезис, — аэры не способны понять смысл совокупления, мы можем лишь имитировать связанные с этим процессом эмоции, и это требует ментального напряжения. Какое уж там удовольствие. Но к тебе это не относится, правда? Эта ведьмочка за год умудрилась превратить аэра в аватара. Ты ведь всё чувствуешь как они, даже смотришь на их мир глазами аватара. Так что для тебя секс — это вовсе не обуза.

— Собираешься меня кастрировать? — безразлично поинтересовался Вран. Чего-то подобного он и ожидал от мстительного соотечественника, однако перспектива лишиться своего мужского достоинства его не особо страшила, поскольку Вран был уверен, что секс в их отношениях с Эвианой играет вторичную роль.

— Полагаешь, я способен только на плагиат? — Ро очень достоверно изобразил на своей физиономии возмущение. — Знаешь, сталкер, на твоём месте я бы поостерегся унижать своего палача подозрением в отсутствии фантазии.

— Палача? — Вран с недоумением уставился на лицедействующего ратава-корги. — Ты это всерьёз? Хочешь пытать меня только за то, что я лишил тебя органа, который тебе нафиг не сдался?

— Ты прав, мне действительно плевать на этот кусочек моей игровой оболочки, — покладисто кивнул Ро, — и я говорил вовсе не о нём. То, что ты у меня отнял, было мне по-настоящему дорого, ты разрушил мою веру в дружбу, — его лицо вдруг осунулось, брови сошлись на переносице, а в глазах появился какой-то болезненный блеск. — Я готов был для тебя на всё, Вран, а ты пожертвовал мной с такой лёгкостью, словно я был просто вещью. И ладно бы для какой-то важной цели, это я смог бы ещё понять. Но нет, ты принёс своего друга в жертву ради того, чтобы аватарочка, которую ты трахаешь, пребывала в душевном комфорте.

— Если ты ждёшь от меня извинений, то напрасно, — Вран горько усмехнулся. — Мне не под силу убедить самовлюблённого аэра в том, что аватары — это такие же разумные существа, как мы, а может, даже лучше нас. Ты угрожал безопасности моей жены и за это поплатился, это было справедливо.

— Думаю, мне придётся поучить тебя справедливости, — процедил Ро сквозь зубы. — Ты отнял у меня то, что мне было дорого, и за это я отниму у тебя то, что дорого тебе. Вот ЭТО настоящая справедливость.

— Эвиану? — голос Врана невольно дрогнул, выдавая его волнение, скрытое за маской бесстрастности.

— Это было бы самым правильным ходом, — Ро злорадно ухмыльнулся, заметив, что ему таки удалось вывести своего пленника из равновесия, — но нет, не получится. Я ещё не сошёл с ума, чтобы записываться в смертельные враги самого могущественного аватара этой локации. Я заберу ТВОЮ жизнь.

— Убьёшь зятя герцога? — ехидно поинтересовался Вран.

— А с чего ты решил, что герцогу нужен какой-то чужак в его семействе? — в голосе ратава-корги сквозила откровенная насмешка. — Ему нужна дочь, это правда, но не в качестве замужней женщины, а в качестве вдовы. Тогда её можно будет снова выдать замуж. Не обольщайся, сталкер, герцог с лёгкостью отдал мне твою жизнь.

— Что ж, наверное, мне стоит поблагодарить тебя за сокращение срока моей ссылки, — на губах Врана появилась насмешливая улыбочка, как бы давая понять мстителю, чего стоит его план мести.

— Неплохая попытка, — ратава-корги пару раз хлопнул в ладоши, изображая аплодисменты, — но не засчитывается. Возможно, если бы я целый год ни наблюдал за твоими амурными похождениями, то даже купился бы на твою иргу. Охотно верю, что до встречи с ведьмочкой ты действительно был бы рад, если бы кто-то тебя прикончил, но сейчас ты умирать не хочешь категорически. Даже не сомневаюсь, что ты будешь цепляться всеми своими конечностями и даже зубами за каждый лишний час в этой локации. Скажешь, я ошибаюсь?

— Нет, не ошибаешься, — признался Вран, — было бы глупо желать покинуть мир, в котором я счастлив. Так что буду тебе весьма признателен, если ты придумаешь другой способ со мной расквитаться.

— Ну положим, сразу ты его и не покинешь, — несмотря на позитивное содержание данной реплики, злорадная улыбочка, которая её сопровождала, сразу заставила пленника напрячься, — умирать ты будешь долго, — пояснил свою мысль Ро, — так что у тебя будет куча времени, чтобы мысленно проститься со своей аватарочкой.

Вся эта сцена своей пафосностью так сильно напоминала бездарную пьесу, что Вран инстинктивно засомневался в искренности сценариста. Ну не мог насквозь прагматичный ратава-корги настолько слететь с катушек от неразделённых чувств, чтобы замучить до смерти своего соотечественника, которого совсем недавно называл другом. Скорей всего, это был просто очередной заход на вербовку строптивного клиента. Как далеко мог зайти Ро в своём стремлении к достоверности, Вран решил не проверять. Не каждая творческая личность способна держаться в рамках приличий, когда на кону стоят уязвлённая гордость и амбиции.

— Ладно, убедил, — он тяжело вздохнул, изображая, что сдача была для него сложным решением, — я готов работать на твою контору. Всё, мир?

— Я знал, что ты попытаешься выкупить свою жизнь, — Ро участливо покивал, как бы раздумывая над поступившим предложением, отчего у его пленника по спине побежали мурашки, так как он ожидал совершенно другой реакции. — Признаюсь, соблазн очень велик, не каждый день выпадает возможность вернуть в наши ряды последнего из Ставрати. Я долго колебался между славой и удовольствием, но в конце концов выбрал удовольствие, так что не обессудь.

— Поверить не могу, — пробормотал Вран. — Тебе правда это доставит удовольствие?

— Дай подумать, — Ро нахмурился, изображая глубокую задумчивость, — пожалуй..., да, — решительно заключил он. — Кстати, можешь сделать мне личное одолжение, сталкер? — обратился он к ошарашенному пленнику. — Пожалуйста, ори погромче, когда я буду тебя убивать, тогда кайф будет вообще запредельный.

До Врана наконец дошло, что, несмотря на шутливый тон, ратава-корги был абсолютно серьёзен. Он слишком долго планировал свою месть, чтобы сейчас передумать, так что вынесенный этим самопальным прокурором приговор не отменить. Намеченной им жертве придётся умереть в любом случае, и смерть эта не будет ни быстрой, ни лёгкой. Впрочем, сейчас Врана заботило вовсе не то, каким образом ему придётся покинуть мир Игры, а то, как бы смягчить удар для Эвы. И тут имелся единственный вариант — рассказать ей всю правду о себе и пообещать вернуться.

— Я не стану молить о пощаде, — решительно заявил приговорённый. — Если ты именно этого дожидаясь, то зря теряешь время. Однако одна последняя просьба у меня всё же есть. Позволь мне проститься с Эвой.

— О, не волнуйся, — Ро радостно заулыбался, словно только этого и ждал, — вы никогда с ней не расстанетесь, я об этом позабочусь.

— Что ты задумал? — в глазах Врана впервые с начала этой садисткой беседы заметалась паника.

— Ты навсегда останешься со своей любимой ведьмочкой, — пафосно заявил Ро, — ну может быть, не целиком. Поверь, мой подарок ей понравится, а тебе уже будет всё равно, так что все останутся довольны.

— Чёртов маньяк, — Вран скрипнул зубами. — Ну и какую часть меня ты собираешься преподнести ей в подарок? Дай угадаю, наверно, сердце.

— А ты догадлив, — прокомментировал его слова ратава-корги, — даже странно, что

трансформация в аватара не превратила твои мозги в кашу. Да, я собственными руками вырежу сердце предателя из его груди, — зло прошипел он, вдруг сбрасывая маску снисходительного добродушия, — вот только есть опасение, что нож сломается об этот обломок камня.

— Прошу тебя, не делай этого, — взмолился Вран, в один миг растеряв всё своё самообладание, — эту боль Эва не вынесет. Это же я заставил тебя страдать, Ро, вот и отыгрывайся на мне, а её не за что карать.

— Просишь? — взгляд ратава-корги так и сочился ядом. — Я тоже тебя просил, помнишь? Вспоминай об этом почаще, пока будешь корчиться от боли, — он поднялся из кресла, как бы завершая аудиенцию, но перед дверью снова обернулся к пленнику. — Извини, что приходится ждать, мне нужно подготовить декорации к последнему акту нашей драмы. Но ты ведь не против того, чтобы пожить в этой локации ещё пару часов?

Дверь захлопнулась за спиной мстительного ратава-корги, оставляя Врана в полном душевном раздрае. Нет, предстоящая экзекуция его не особо волновала, сталкеру и не через такое приходилось проходить в своих спасательных миссиях, его душа болела за судьбу Эвы. Мысль о том, что она получит в подарок сердце любимого мужчины, вырезанное из его груди безжалостным палачом, была настолько неприемлемой, что ум аэра просто отказывался поверить в подобную перспективу. Какие бы негативные чувства ни испытывал ратава-корги к бывшему другу, но он должен был понять, что осуществление его живодёрского плана станет для Эвы настоящим концом света. Этот кошмар неизбежно сломает её жизнь, и образ кровоточащего сердца будет преследовать несчастную женщину до самой смерти, а в худшем случае ещё и в следующих воплощениях.

Наверное, Врану даже повезло, что палач предоставил своей жертве два часа форы. Этого времени ему как раз хватило, чтобы убедить себя в том, что угроза Ро была просто элементом психической обработки, и тот не станет доводить свой план до конца. Увы, жизнь показала, что надежда Врана на великодушие палача была несостоятельной, и всё же она позволила смертнику взять свои нервы под контроль и успокоиться, так что во время казни его лицо оставалось бесстрастным как у мраморной статуи, а с губ не сорвался даже тихий стон. Наверное, не будь сознание Ро всецело поглощено жадной мести, он бы сумел сообразить, что физическая боль была для его жертвы спасением от боли душевной. В каком-то смысле Врану даже повезло, что палач выбрал столь варварский способ убийства, иначе тревога за любимую женщину просто свела бы его с ума. А так все его силы уходили на сохранение самоконтроля и ни на что другое их уже не оставалось.

Скрываться от Германа было глупо, и Василиса даже не пыталась притворяться, что её поведение несёт в себе хотя бы намёк на рациональность. Да, она отлично осознавала всю абсурдность обвинений в его адрес, подкреплённых лишь голосом, который она слышала во сне, и тем не менее побороть своё инстинктивное отвращение к ничего не подозревавшему любовнику она оказалась не в силах. При этом никакого страха перед этим таинственным пришельцем Василиса вовсе не испытывала, напротив, после его саморазоблачения все странности последних дней как бы сами собой разложились по полочкам в её голове и обрели заслуживающее доверия объяснение. Теперь она больше не сомневалась, что Герман влез в её жизнь не случайно. Было очень похоже на то, что поначалу ратава-корги собирался сделать из своей любовницы подопытную мышь для своих экспериментов, но отчего-то позже передумал.

Причиной его решения могло быть всё, что угодно, и Василиса даже не собиралась ломать голову над этой загадкой. Гораздо больше её занимал вопрос о том, как бы нейтрализовать бесцеремонного пришельца и не позволить ночному кошмару с его участием вылезти из мира снов и воплотиться в реальности. Для обдумывания своего плана не то защиты, не то нападения Василиса взяла отпуск и забурилась в дом любимой бабуленьки, отключив телефон и распустив среди знакомых слух, что уезжает загорать на югá. В целом, подготовка к стратегическому планированию была проведена довольно грамотно, но дальше дело застопорилось. Вместо того, чтобы рьяно приступить к делу, Василиса целыми днями просиживала у камина, наблюдая, как мелкий осенний дождик поливает сосны за окном, в общем, у неё случился полный «зависун».

Причина сего бегства от реальности лежала вовсе не в интеллектуальной области. Василиса никогда не страдала из-за отсутствия творческой жилки, напротив, её изобретательность, по мнению друзей и коллег, порой носила даже извращённый характер. Так что сочинить работоспособную схему для отпугивания пришельцев для неё не составило бы большого труда. Проблема заключалась непосредственно в объекте её предполагаемой атаки. За то время, пока они были вместе, Василиса успела проникнуться к Герману тёплыми чувствами, между ними сформировались очень доверительные отношения, которые быстро перерастали в нечто большее, чем просто привязанность. И когда по её доверчивости был нанесён неожиданный и оттого особенно болезненный удар, у Василисы тупо не оказалось средств, чтобы от него защититься.

Голос садиста, сподобившегося преподнести в подарок женщине сердце, вырезанное из груди её любимого мужчины, словно острый нож проделал дыру в душе Василисы, и через эту дыру всё тепло улетучилось, а его место занял змеиный клубок из разочарования, подозрительности и горечи. Мерзкие скользкие змейки постоянно шевелились, доставляя Василисе почти физические страдания. Стоило ей только немного сосредоточиться на своём плане, как перед глазами сразу возникала картинка с окровавленным сердцем в шкатулке, и в ушах звучал язвительный голос Германа. Медленно, но верно этот кошмар затягивал несчастную женщину в трясины депрессии, но она этого даже не осознавала. Василиса словно бы очутилась в бесконечном муторном сне, из которого не могла выбраться.

Серафима Яковлевна поначалу обрадовалась, что внучка на этот раз выбрала для отпуска не Тибеты с Непалами, а её скромную обитель, но через три дня сидячей забастовки

«отдыхающей» уже начала всерьёз беспокоиться. Немного подумав над сложившейся ситуацией, любительница эзотерики пришла к неутешительному выводу, что на бедную девочку таки свалились предсказанные Варенькой неприятности, и нужно срочно её спасать. В качестве первого шага спасательной операции требовалось выяснить, откуда эти неприятности принесло, для чего лучше всего подходил метод поиска поворотного момента. Этот метод, почерпнутый Серафимой Яковлевной в очередном изотерическом учении, состоял в том, чтобы распутывать клубок последних событий, начиная с самых свежих, пока ни обнаружишь что-то необычное. Не удивительно, что, стоило гению дедукции только потянуть за ниточку, как она тут же вышла на школу магии своего приятеля Венечки.

Великий маг тут же заявил, что ему доподлинно известна причина душевного расстройства его ученицы, и вызвался нанести визит в дом благодетельницы, чтобы поддержать её внучку. В результате, персональный апокалипсис, от которого Василиса тщетно пыталась удрать, сам явился к ней прямо на дом. Интуиция подсказала Вениамину, что дело серьёзное, и подопытную мышь нужно срочно стабилизировать, иначе эти её метания могут запросто свести на нет все старания экспериментаторов по формированию правильного спектра вибраций её сознания. Поэтому он включил в спасательную миссию своего улыбчивого ассистента Егора для, так сказать, подкачки объекта позитивными эмоциями. Едва взобравшись по лестнице на второй этаж, специалист по коммуникациям с подопытными мышками приступил к своим непосредственным обязанностям.

— Васюта, ты чего такая смурная? — Егор весело рассмеялся и беспардонно плюхнулся на диван рядом с Василисой. — А мы с Вениамином решили тебя проведать и заодно успокоить твою бабушку. Ты ведь не заболела?

— Вас Бафи зазвала в гости? — Василиса недовольно поморщилась, словно укусила лимон. — Вы напрасно тащились в такую даль, со мной всё в порядке.

— Мне так не кажется, — проницательно заявил Вениамин, — видимо, мои техники осознанного сновидения сработали, и ты узнала что-то неприятное или даже пугающее. Василиса, ты можешь мне довериться, — его голос зазвучал проникновенно, словно гипнотическое внушение, — учитель всегда придёт на помощь своему ученику.

— А толку? — Василиса ничуть не купилась на его психотехники. — Всё равно поделаться ничего нельзя. Вы же сами меня уверяли, что с помощью магии не выпрыгнуть из сценария Создателя, а создать свой сценарий у меня кишка тонка. Не доросла я до таких техник.

— Но возможно, Вениамин дорос, — встрял Егор, как всегда призывно улыбаясь. — Дай ему шанс разобраться в твоей проблеме.

— Может быть, и проблемы-то никакой нет, — поддержал своего ассистента великий маг, — просто ты неверно истолковала свой сон. Такое часто случается, ведь мы судим с позиции заинтересованного наблюдателя. Поверь, толика объективности тебе не повредит.

Слушая как эта сладкая парочка наперебой приводит всё новые аргументы в пользу подключения к расследованию тяжёлой магической артиллерии, Василиса пришла к выводу, что настырные доброхоты просто не слезут с неё живой, если она не удовлетворит их любопытство. Зря что ли они прискакали на помощь как Чип и Дейл? Впрочем, причин таиться у Василисы не было, а польза от стороннего взгляда действительно могла иметь место. В худшем случае, небольшая потеря времени погоды не сделает, Василиса этого времени уже и так потеряла столько, что можно было спланировать Вторую мировую. В общем, она перестала ломалась и выложила содержание сна вместе со своими

соображениями. Как ни странно, сторонний взгляд действительно оказался очень действенным средством.

— А почему ты решила, что это твоё будущее? — задал логичный вопрос Егор, когда Василиса закончила свой рассказ. — По-моему, все эти милорды и сапфировые цацки на неухоженных пальчиках гораздо больше напоминают дикое средневековье.

— Согласен, — Вениамин легко перехватил инициативу, — твой сон — это просто воспоминание.

— Но со мной ничего подобного не случилось, — возразила Василиса.

— В этом воплощении, — продолжил её реплику маг. — Судя по антуражу, событие имело место в жизни какой-то твоей предыдущей инкарнации. Так что можешь со спокойной совестью выкинуть всю эту чушь из головы, тебе ничего не грозит.

— Если бы всё было так просто, этот кошмар не мучил бы меня почти каждую ночь, — Василиса вздохнула так горестно, что могла бы разжалобить и кусок камня. — Неужели вы не видите, что сон — это послание, а вернее, предупреждение?

— Ты хочешь сказать, что догадалась о содержании этого предупреждения? — сразу возбудился Егор. — Ну и откуда же тебе грозит опасность?

— От мужчины из моего сна, разве это не понятно? — Василиса бросила презрительный взгляд на откровенно тупившего напарника. — Дело в том, что я узнала его голос.

— Круто! — Егор и не подумал обидеться. — Да у тебя, Васенька, везде свои информаторы, даже в загробном мире. И кем же оказался наш кровавый варвар?

— Мужчиной, с которым я живу, — голос Василисы упал практически до шёпота. — Похоже, я сподобилась предупредить саму себя, что нужно держалась подальше от этого типа.

Некоторое время доброхоты, так рьяно рвавшиеся на помощь, растерянно молчали. Похоже, новость действительно оказалась для них шокирующей. Не так уж часто нам выпадает возможность понаблюдать вживую работу кармических алгоритмов, а потому мы склонны забывать об их существовании. Да и какой смысл в том, чтобы столкнуть в новом воплощении жертву и палача, тем более в качестве любовников? Да уж, пути кармы неисповедимы.

— Ну ты не суди так уж огульно, — заискивающе улыбнулся Егор, — может быть, этим садистом двигала страсть или бешенная ревность. Знаешь, в прошлые века мужики не особо сдерживали свои порывы.

— Тогда всё ещё хуже, — кисти Василисы невольно сжались в кулаки. — Если он мог сотворить такое с любимой женщиной, то на что он способен по отношению ко мне?

— Васенька, по-моему, ты так эмоционально среагировала на полученную информацию, что упустила самое главное, — ласково проворковал Вениамин, — речь ведь идёт о прошлой жизни. Всё это случилось давным-давно, теперь и ты, и этот мужчина уже совсем другие личности.

— Я, может быть, и другая, — Василиса упрямо поджала губы, — а он точно нет. Это только здесь, на Земле все теряют память при перевоплощении, а в его родном мире перевоплощение не стирает личность.

— Так твой сожитель инопланетянин? — ехидно поинтересовался Егор, уже предвкушая новую забаву по обсуждению конспирологических теорий о пришельцах. Вопреки беспечному настрою своего ассистента, Вениамина реплика Василисы откровенно

напрягла и, как вскоре выяснилось, не зря.

— Да, он игрок, как и я сама, — в голосе Василисы прозвучала спокойная уверенность, явно свидетельствующая о том, что она ничуть не сомневается в своих словах. — Только я уже давно живу на Земле и потому не помню свои прошлые воплощения, а Герман путешествует между мирами, он ведь ратава-корги.

Сказать, что слова Василисы вызвали у гостей панику — это всё равно, что вообще промолчать. У обоих сделался такой вид, как будто они проглотили по большому жирному таракану. Впрочем, замешательство продолжалось недолго, заговорщики просто не могли себе позволить сбросить маски, а потому нужно было как-то реагировать.

— Васенька, а с чего ты взяла, что являешься игроком? — Егор нацепил на свою физиономию выражение снисходительного любопытства, которое было таким фальшивым, что вызвало у его подельника панику. К счастью, Василиса была настолько поглощена своими мыслями, что не обратила внимания на фальшь.

— Герман мне сам рассказал, когда я случайно прочитала послание в цфаре, — в глазах женщины появилась непонятная наблюдателям печаль. — Цфар — это такой элемент памяти в виде металлического листка, — пояснила она. — Знаете, автор этого послания уже почти ничего и не помнил из своего прошлого, только обрывки воспоминаний всё ещё всплывали. Эти воспоминания заставляли его страдать, и он хотел от них избавиться, но ратава-корги его желания были до лампочки, они мучили беднягу, заставляли вспоминать.

Вен невольно вздрогнул, припомнив, как несколько веков назад самолично участвовал в таких садистских сеансах обработки заблудившихся игроков. Тогда он искренне верил в то, что делает благое дело, помогая бедолагам сохранять самоидентификацию, а оказалось, что, с точки зрения самих бедолаг, его спасательная миссия была просто изошрённой пыткой. Увы, жизнь ничему его так и не научила, сейчас он точно так же был уверен в своей непогрешимости и свято верил в то, что его проект по возгонке вибраций бывшего игрока принесёт пострадавшим от стирания аэрам долгожданное освобождение от оков Игры. Вен был уже так близко к завершению финального эксперимента, что внезапно возникшая угроза буквально привела его в бешенство. Не удивительно, что предложение Госера, прилетевшее по телепатической связи, он воспринял в штыки.

— Нам нужно свернуть эксперимент, — заявил спец по коммуникациям, — состояние Василисы слишком нестабильно.

— Не говори глупостей, — тон руководителя программы не оставил места для дискуссий, — мы не можем сейчас всё бросить. Амплитуда вибраций её сознания уже почти сравнялась с твоей собственной, она готова к переходу. Если мы в последний момент провалим эксперимент, другого шанса нам не дадут, проект просто закроют.

— А что если Ро откажется провести её через барьер? — задал самый критичный вопрос Госер. — Раньше за ним такого не водилось, чтобы он откровенничал со своими женщинами, да ещё и скрывал это от нас. До сего времени его интрижки с аватарами были короткими и не несли угрозы нашим планам, они были для Ро просто игрой, а то и вообще своего рода экспериментом. С Василисой, похоже, всё иначе, чем с остальными его дамами, она его чем-то зацепила.

— Думаю, дело в том, что Ро впервые увидел в своей любовнице равное себе существо, — Вен недовольно поморщился, — не аватара, а игрока. И надо же было такому случиться, чтобы ему попалась именно наша подопытная, да вдобавок связанная с ним общим и не слишком приятным прошлым. Совпадение прямо-таки фатальное.

— Возможно, это именно та давняя история оказала на Ро такое воздействие, — предположил Госер, — если, конечно, она случилась на самом деле.

— Случилась, — мрачно процедил Вен, — до меня доходили слухи о том, что он каким-то варварским способом расправился со стражем, которого ему поручили завербовать. Вот только я не знал, что в той истории была замешана женщина. Как же всё запуталось.

— Что делать-то будем? — в тон ему поинтересовался Госер. — Ро рискованно привлекать к эксперименту, он запросто может нам всё испортить. Нужно запросить у центра другого сталкера.

— Можно подумать, что среди ратава-корги сталкеров хоть пруд пруди, — Вен невольно подпустил в свой голос трагизма, — не идут они к нам по доброй воле, что тут поделаешь. Вместе с Ро их всего трое, и наверняка, все заняты. Пока наш запрос будет удовлетворён, пройдёт целая вечность. Нужно найти другого сталкера в данной локации.

— В смысле из спасательной службы? — в голосе Госера прозвучало такое удивление, что его коллега невольно поморщился. — Да как мы его найдём? Сталкеры долго в Игре не задерживаются: прилетел, нашёл игрока и домой. Его не отследишь.

— Зато стационарные агенты живут в подшефных локациях по многу лет, — задумчиво произнёс Вен. — Так уж получилось, что я знаю местного стража, и он является очень опытным сталкером.

— Предлагаешь его подкупить? — ехидная улыбочка на губах Госера выглядела довольно неуместно, особенно, учитывая тот факт, что вслух он не произнёс ни единого слова. — Думаю, я уже сейчас могу процитировать его ответ, вот только количество ненормативной лексики будет зашкаливать.

— Сталкеры ведь вовсе не бессмертны, — заметил Вен, — и их игровые оболочки реагируют на действие медицинских препаратов так же, как человеческие тела. Думаю, у Ро не найдётся причин шадить стража, если он получит приказ протащить бесчувственного клиента через барьер.

— Жёстко, — Госер невольно покачал головой. — И ты действительно готов пойти на шантаж?

— От нас зависят судьбы сотен тысяч наших соотечественников, — тон Вена сделался откровенно обвиняющим, — у нас просто нет права сомневаться.

Пока двое заговорщиков вели свою телепатическую беседу, Василиса рассеянно смотрела в окно, и в её голове бродили мысли, очень далёкие от всей этой мирской суеты. Новость о том, что ей, оказывается, не грозит столкнуться со своим сном наяву, привела уже поставившую на себе крест женщину в состояние эйфории. Мир, который всего несколько минут назад казался Василисе плоской блёклой картинкой, вдруг преобразился, заиграл яркими красками, а вдобавок у него, откуда ни возмись, появилась перспектива. Впервые за время занятий с Вениамином ученица магической школы вдруг прямо-таки физически ощутила, как её переполняют силы, а ещё острое желание пустить сие дармовое могущество на что-нибудь полезное. Ей вдруг подумалось, что обладай она силой Создателя, все нынешние проблемы, которые казались такими сложными и запутанными, вмиг разлетелись бы на осколки, а может, и вообще в пыль. Мерцающую звёздную пыль. Василиса представила, как налетевший ветер уносит эту пыль куда-то в далёкую даль, и на её губах появилась победоносная улыбка.

— Чему радуешься, Васюта? — подколот свою напарницу Егор.

— Я вот думаю, а почему это так сложно работать с вибрациями Абсолюта, — Василиса

скорчила смешную гримаску, как бы призывая собеседников не относиться к её словам всерьёз. — Они же всё-таки реально существуют, в отличие от иллюзий нашего мира. Поэтому, реально существующими объектами управлять должно быть легче.

Вениамин невольно проникся уважением к своей ученице. Женщина явно попала в переплёт, её любовник оказался пришельцем, да вдобавок ещё и садистом, ей снятся кровавые сценки из жизни её прошлой инкарнации, гадалки всех мастей пророчат крушение привычных жизненных устоев, а она думает о божественном. Магу даже сделалось стыдно за свои насквозь прагматичные мысли и захотелось сделать для Василисы что-то приятное.

— Васенька, ты приводи свои мысли и чувства в порядок, — он приветливо улыбнулся, — а когда будешь готова к долгому заумному разговору, приходи ко мне. Обещаю, я не стану требовать, чтобы ты практиковала, мы просто поговорим. Постараюсь ответить на все твои вопросы, даже самые странные.

— Зачем ты это делаешь? — телепатически поинтересовался Госер. — Вся эта теория уже не имеет для Василисы никакого значения.

— Пусть это будет моим прощальным подарком, — ответил Вен. — Чем бы ни закончился наш эксперимент, в этот мир она больше не вернётся.

Вран долго не решался навестить стража местной локации, и причин для колебания у него имелось предостаточно. Во-первых, сталкер находился здесь нелегально, так как его нынешняя миссия должна была протекать совсем в другом месте, а во-вторых, он был знаком с данным агентом спасательной службы, и обстоятельства их знакомства отнюдь не располагали к дружелюбию. Собственно, единственное, на что мог рассчитывать залётный сталкер — это пуля в колено, а то и в какое-нибудь более чувствительное место, потому что стражем был никто иной, как Чижик, которого в Аэрии величали Танэром. Если бы ни странности, которые в последнее время постоянно происходили вокруг его подопечной, Вран ни за что не стал бы соваться к коллеге, разжалованному по его милости в стационарные агенты.

— А я всё ждал, когда же ты появишься, — улыбка на губах Танэра выглядела довольно приветливой, что, впрочем, ещё ничего не значило. Вран отлично помнил, каким великолепным актёром был его коллега, а потому не стал обольщаться, встретив тёплый приём. — Это ведь уже твой восьмой визит в мою локацию, не так ли? — с самым невинным видом поинтересовался страж. — Или я что-то пропустил?

— Так ты за мной следишь? — Вран недовольно поморщился, поскольку внимание стража к нелегальным перемещениям сталкера могло закончиться для последнего серьёзными неприятностями. — Уже донёс?

— Зачем мне это? — удивился Танэр. — Обидно, конечно, что ты меня избегаешь, но я же не поп-звезда, чтобы впадать в истерику от недостатка внимания.

— Извини, как-то не хотелось получить пулю, вместо приветствия, — Вран смущённо улыбнулся, — работа спасателя плохо сочетается с лишними дырками в игровой оболочке.

— Согласен, за тобой должок, — Танэр покосился на ящик стола, где у него, по всей видимости, лежало оружие.

— Да я и не спорю, — обречённо вздохнул Вран, — только прошу об отсрочке. Обещаю, как только я разберусь с одной проблемкой, то сам к тебе приду. Сможешь хоть вообще меня пристрелить, я не стану докладывать в штаб.

— Зря ты меня соблазняешь, — в голосе Танэра явственно обозначилась угроза. — Если б ты только знал, какие планы я строил в отношении тебя, пока валялся в том домике с пулей в колене, то не стал бы делать столь опрометчивых предложений.

— Сталкерам не привыкать к подобным эксцессам, — мрачно отозвался Вран, — в нашей работе всякое может случиться. К сожалению, в данном деле мне не обойтись без твоей помощи, Тан, а потому моё предложение остаётся в силе.

Напряжение, которое открыто обозначилось в переговорном процессе, вдруг разбилось на осколки из-за задорного и неудержимого хохота, от которого Танэра буквально перекосило. Ничего не понимающий сталкер на автомате принял защитную стойку, ожидая чего угодно от своего коллеги-лицедея. Однако, как вскоре выяснилось, веселье стража было вполне искренним.

— Вран, ты правда так ничего и не понял? — прохрипел Танэр, давясь от смеха. — Я думал, что со временем до тебя дойдёт. Похищение Косты было просто мистификацией, я намеренно переложил на тебя ответственность за своего клиента. Поверь, простреленное колено в тех непростых обстоятельствах было вполне приемлемой платой за его спасение, я

ожидал чего похуже.

— Если честно, я даже после твоего объяснения теряюсь в догадках, — в голосе Врана обида смешалась с недоумением. — Зачем тебе понадобилось привлекать сталкера из враждебного клана? Почему ты сам не переправил своего клиента?

— Двенадцатый цикл воплощения в Игре, помнишь? — ехидно поинтересовался Танэр. — Моих сил могло оказаться недостаточно для обеспечения Косте безопасного перехода.

— А моих, значит, было достаточно, — Вран презрительно фыркнул. — Ты же отлично знал, что я был тогда зелёным новичком. Или ты просто хотел, чтобы вина за гибель игрока пала на кого-то другого?

— Зачем ты меня оскорбляешь? — в голосе Танэра послышалось искреннее возмущение. — Я просто выполнял свой долг, снижал риски для клиента. И не надо со мной кокетничать, Вран, тебе отлично известно, что как сталкер ты на порядок сильнее меня.

— Шутишь? — Вран от неожиданности слегка завис. — С чего ты это взял?

— После твоей миссии с потерявшим память клиентом, ты сделался настоящей легендой, — пояснил Танэр, — так что меня совсем не удивило, когда именно ты объявился рядом с Костой.

— А ты уверен, что верно просчитал расклад? — Вран презрительно хмыкнул, как бы давая понять коллеге, что он думает о его аналитических способностях. — Вообще-то, меня послали не для эвакуации клиента, а как раз наоборот, чтобы этой эвакуации помешать.

— Ага, и именно поэтому забыли проинформировать о том, сколько воплощений Коста сподобился провести в Игре, — теперь голос Танэра так и сочился желчью. — Брось, Вран, кланами управляют отнюдь не идиоты, они-то отлично всё просчитали. Для Арокани и Транзари Коста был просто разменной монетой в переговорах. Твои наниматели тупо шантажировали моих, но никто из них не стал бы жертвовать игроком ради каких-то игровых бонусов. Именно поэтому присматривать за Костой послали тебя, чтобы ты вытащил его, когда Арокани заключат свою выгодную сделку. А я там торчал исключительно для подстраховки, на тот случай, если бы ты по какой-то причине вышел из Игры.

— Но почему же тогда меня наказали? — возмутился Вран. — Если я выполнил свою задачу, то какого лешего меня сослали в стражи? — пару секунд на его лице ещё отражалось искреннее недоумение, а потом в глазах появилось какое-то отрешённое выражение. — Чёртовы политики, — пробурчал он, — для них важна только Игра, а судьба игрока — это всего лишь ставка.

— Да, из-за срочной эвакуации ставка Косты сыграла раньше времени, — Танэр сочувственно улыбнулся, — и Арокани не получили того, что хотели. Не всё можно просчитать, сидя за игровым столом, у жизни всегда имеется больше сюрпризов, чем планов у стратегов.

— Похоже, никто из этих умников даже не предполагал, что в дело вмешаются ратавакорги, — продолжил его рассказ Вран.

— Верно, этих ребят вообще мало кто принимает в расчёт, — в голосе Танэра послышалось что-то вроде осуждения, — а между тем они шастают по игровой реальности как у себя дома. Я обнаружил слежку за Костой аккуратно перед нашим пикником, — пояснил страж, — и сразу понял, что придётся принимать срочные меры, даже хотел отменить нашу поездку, но вы задавили мой порыв своей массой. Так что пришлось импровизировать.

— Неплохая получилась импровизация, — Вран оценивающе цокнул языком, хотя его взгляд при этом сделался тяжёлым, как пушечное ядро. — Должен признать, у тебя настоящий талант к лицедейству, Тан, да и на декорации ты не поскупился. Убийство аватара — это был очень сильный ход. Купился не только я, но даже ратава-корги. Скажи, тебе совсем не было жалко того парнишку?

— Это не я, она сама его прикончила, — Танэр сокрушённо вздохнул. — Я отошёл на минутку в кустики, а Стас взял гитару и принялся брэнчать, вот эта стерва в темноте и приняла его за меня. До этого момента мне ещё казалось, что я держу ситуацию под контролем, но дальше рисковать Костой было нельзя, пришлось срочно выводить его из-под удара. На самом деле я не ждал, что ты нас так быстро отыщешь, так что настоящая импровизация началась как раз с твоим приходом.

— Знаешь, а ведь я тогда был уверен, что меня с этим заданием тупо подставляют, — заметил Вран, — да и с тем игроком, потерявшим память, тоже. Согласись, посылать дилетанта на такое задание было неразумно, вот я и решил, что Фараса просто хотели угробить моими руками, ведь, как оказалось, он был виновен в гибели пострадавшего от стирания игрока.

— Что за бредовая идея? — Танэра версия его коллеги настолько озадачила, что он даже не сразу нашёлся с ответом. — Совет не стал бы по-тихому избавляться от аэра, даже члена управляющего клана. Наоборот, они воспользовались бы прецедентом, чтобы его публично судить и покарать. Это же просто великолепный воспитательный момент для всех аэров, которым вздумается изображать из себя бога в Игре.

— Довольно жёстко, не находишь? — Вран инстинктивно поёжился, словно это его должны были покарать эти справедливые, но безжалостные судьи.

— Ничуть, — уверенно возразил Танэр, — ведь один раз беспредел игроков уже имел место. До стирания они творили в Игре всё, что им заблагорассудится, и даже в Аэрии стало небезопасно. Собственно, именно для вразумления зарвавшихся игроков и потребовалось стирание. Согласись, показательная казнь одного придурка — это очень щадящая, но зато действенная профилактика возможных рецидивов.

— Но тогда тем более не понятно, почему выбрали именно меня, — Вран глянул исподлобья на своего собеседника, словно тот был виновником всех его злоключений. — Они же не могли предвидеть, что дилетант справится с эвакуацией потерявшего память игрока. Если им требовалась акция устрашения, то послали бы кого поопытней.

— Для некоторых вещей опыт не имеет никакого значения, — Танэр ободряюще улыбнулся, видя, что его гость совсем растерялся, — например, чтобы дышать или переваривать пищу, мы это просто умеем. Устойчивость вибрационного спектра того же порядка. Она либо есть, либо её нет. Твои сталкерские способности, если честно, вообще не поддаются логическому объяснению. Возможно, ты самый сильный сталкер в Аэрии, и для кого-то в Совете это не является секретом.

— Ещё одна ужасная тайна, порытая мраком, — Вран презрительно фыркнул. — Ага, я же чёртов аэрский супермен, вот только почему-то все так и норовят сыграть меня в тёмную, даже коллега.

— Что тут скажешь, каждый выкручивается, как может, — рассмеялся Танэр, — а мне тогда пришлось именно выкручиваться. Поверь, не так-то просто было решиться отдать тебе Косту. Зато благодаря той операции меня теперь считают гением стратегического планирования.

— И почему же тогда тебя разжаловали в стражи? — на губах Врана заиграла ехидная улыбочка.

— Никто меня не разжаловал, — Танэр вроде бы даже обиделся, — я сам напросился на работу в эту локацию.

— Это такая изошрённая форма мазохизма? — жертва мастерской разводки уже не стесняясь стебался над хитрым манипулятором, видимо, Врану всё же хотелось отыграться, хотя бы на словах.

— Ничуть, я тут исключительно для того, чтобы развлекаться, — отбрил его страж. — Наблюдаю, знаешь ли, за одним сверхъестественным явлением — влюблённым сталкером. Ой, извини, никто же не должен был знать о твоих похождениях, — Танэр изобразил на своей хитрой физиономии искреннее сожаление, от которого за версту несло фальшью. — Только не изображай святую невинность, Вран, — насмешливо бросил он, комментируя ошарашенный вид своего коллеги. — Я понял, что ты задумал, ещё когда ты просиживал штаны в информатории, пытаюсь вычислить локацию, в которой должна была воплотиться твоя погибшая возлюбленная.

— Так ты за ней тоже следишь? — Вран, не ожидавший, что его конспирация, оказывается, дала сбой, помрачнел, как грозовая туча. — И кто ещё об этом знает?

— Никто, — Танэр расслабленно улыбнулся, — я же не идиот, чтобы портить себе такое развлечение. Если бы о твоих похождениях узнали в штабе, то опять сослали бы в какую-нибудь дыру, а мне интересно узнать конец твоей любовной саги.

— Нет никакой саги, — проворчал Вран, — я просто за ней присматриваю и вмешиваюсь, только если её жизни угрожает непосредственная опасность.

— Ну прям ангел-хранитель, — Танэр уже заржал как лошадь. — И когда ты планируешь открыться своей возлюбленной?

— Не мели чепухи, — огрызнулся ангел. — Какая, к чёрту, возлюбленная, я ведь даже с ней не знаком, зато успел прочувствовать на собственной шкуре, что на Эву эта дамочка не похожа ни капли. Вздорная, своенравная и упрямая, как осёл. Иногда мне даже кажется, что она специально влезает в неприятности, чтобы меня позлить. Хотя, это я просто с досады на неё наговариваю, Василиса ведь меня даже ни разу не видела, — он горько усмехнулся, как бы подводя черту своей жалобной исповеди.

— Так-таки ни разу? — удивился разочарованный наблюдатель.

— Вру, однажды мы всё-таки с ней столкнулись, — при этом воспоминании глаза Врана словно затуманились. — Представляешь, этой пигалице вздумалось прогуляться зимней ночью в самом наркоманском районе города. Хорошо, что я за ней присматривал и вовремя заметил в подворотне двоих торчков, у которых как раз началась ломка. Им было так хреново, что уже безразлично, каким способом достать дозу, могли и прирезать одинокую тётку.

— И что же ты сделал? — заинтересовался Танэр.

— Вылетел на мороз в одном банном халате, — Вран расхохотался, вспоминая тот забавный случай. — Видок у меня, наверное, был ещё тот, ну чистая шиза. Зато Василиса тикала от меня с такой скоростью, словно за ней черти гнались. Торчки, кстати, тоже, видимо, приняли меня за глюк. Тан, что не так? — забеспокоился он, видя, как помрачнело лицо слушателя, которому по идее следовало хохотать во всё горло и отпускать скабрзные шуточки по поводу позорного выступления своего коллеги. — Почему мне кажется, что ты меня осуждаешь? Я нарушил какое-то неписаное правило твоей локации?

— Я тебя не осуждаю, — возразил Танэр, — но теперь совершенно перестал понимать, что тобой движет. Раньше я был уверен, что ты просто переносишь свои былые чувства на новый объект, а потому твои выходки выглядели оправданными, — у любителя романтики от разочарования физиономия сделалась похожей на морду сенбернара, которого так и хочется почесать за ушком, чтобы унять его вселенскую скорбь. — Но нет, оказывается ты рискуешь своим будущим ради незнакомой женщины, к которой не просто безразличен, а даже испытываешь откровенную неприязнь. В чём тут смысл? Или ты надеешься, что Совет снисходительно отнесётся к твоему вмешательству в жизнь аватара? Да тебя распнут, когда об этом станет известно. Ты ведь даже не член клана, чтобы можно было рассчитывать на его заступничество.

— Не понимаешь, что мною движет? — Вран задумчиво улыбнулся. — Не удивительно, ведь я и сам не всегда это понимаю. Наверное, всё же благодарность. Эва очень много для меня сделала, а я не смог её даже защитить. Может быть, хоть так смогу её отблагодарить, всё-таки в Василесе живёт её сознание.

— Да кем она для тебя была, эта Эва?! — голос Танэра сорвался от возмущения.

— Всем, — просто ответил Вран. — Нет, наверное, так будет неверно, — поправил он сам себя. — Даже не знаю, как это объяснить, но мы с ней вообще не существовали по отдельности. Мне даже сложно представить, как она жила потом без меня.

— А почему ты её оставил? — теперь в голосе Танэра больше не было возмущения или насмешки, скорее, чуток зависти. — Тебя отозвали?

— Нет, убили, — Вран тяжело вздохнул. — Самое обидное, что я сам спровоцировал убийцу, но легкомысленно решил, что у него кишка тонка со мной справиться, вот и поплатился.

— Но ты же мог вернуться в Игру, — в голосе Танэра явственно проскользнуло недоумение. — Почему ты этого не сделал?

— Ты же знаешь порядки в нашей конторе, — горькая усмешка словно разделила лицо Врана на две половинки. — Отчёты, допросы, а потом ещё реабилитация. В общем, пока я снова получил допуск к Игре, прошло около трёх месяцев. За это время в той локации всё поменялось. От замка, где мы с Эвой жили, остались лишь обгоревшие стены, а прямо посередине замкового двора я нашёл нашу общую могилу.

— Если вас похоронили вместе, значит, твоя Эва ненадолго тебя пережила, — рассудительно заключил Танэр, но сразу прикусил свой болтливый язык, поскольку заметил, как сразу потемнели глаза его коллеги. — Прости, не хотел причинить тебе боль.

— Ты ничего мне не причинил, — процедил сквозь зубы Вран, — эта боль и так всё время со мной. Только не считай меня эдаким мизантропом, — добавил он, — Эва много чему меня научила, так что я не стану отравлять своё существование ненавистью к убийце или посыпать голову пеплом, потому что благодаря ей понял, что это значит — жить. За то время, что мы были вместе, я научился смотреть на мир Игры глазами влюблённого и чувствовать его так, как умеют только аватары. Знаешь, а это оказалось совсем несложно, просто нужно было перестать бояться жизни и позволить себе быть счастливым. Так что в каком-то смысле Эва была ещё и моим учителем.

— Учитель для ангела, — растроганно пробормотал Танэр. — Кто бы мог подумать, что в обыкновенной женщине может храниться такая древняя мудрость? Неужели, даже несмотря на боль утраты, ты чувствуешь себя счастливым?

— Для аэров счастье давно уже превратилось в абстрактное понятие, — Вран

сочувственно улыбнулся, как бы выражая соболезнования. — Мы так привыкли держать свои чувства в узде, что нарастили вокруг своей сущности плотную защитную скорлупу, сквозь которую уже невозможно стало разглядеть, как прекрасен мир. Наверное, мне просто повезло, что любовь Эвы оказалась прочнее моей скорлупы.

— Всё равно я не понимаю, как тебе удалось сбросить установки аэров, накопленные за века перевоплощений, — угрюмо пробурчал Танэр.

— Возможно, у меня их и не было, — Вран беспечно пожал плечами, — я ведь помню только последнее воплощение. Похоже, кто-то старательно затёр все мои более ранние воспоминания, иначе придётся предположить, что я прямо воплотился сталкером.

— Ну это вряд ли, — согласился Танэр, — скорей всего, ты прожил уже многие сотни воплощений. Кому же ты так мешал?

— Понятия не имею, — сознался Вран. — Даже жаль, что тот, кто это сделал, сохраняет своё инкогнито, я бы с радостью прислал в подарок моему благодетелю букет местных роз или отблагодарил бы его каким-то другим способом.

— Ага, например, перерезал ему глотку, — Танэр презрительно фыркнул. — Окстись, Вран, этот тип просто преступник. Что может быть хуже утраты воспоминаний?

— Может быть, заикливание на них? — Вран хитро улыбнулся, но вдруг лицо его помрачнело. — Довольно лирики, Тан, я ведь рискнул к тебе обратиться не для того, чтобы поболтать о розах, мне нужна твоя помощь. Что ты знаешь о школе магии некоего Вениамина?

— Это база ратава-корги, — без запинки отрапортовал Танэр. — Всего их трое: Вен, Госер и Ро.

— Чем они там занимаются? — Вран невольно поморщился, услышав последнее имя.

— Как обычно, мутят очередной провальный проект, — невозмутимо отозвался страж. — Ратава-корги вообще злостные неудачники, ну хоть бы что-то у них получилось из задуманного. Даже жалко этих убогих. Впрочем, ребята они упорные, тужатся из последних сил, но не бросают свою бредовую идею спасти всех заблудших. А почему они тебя заинтересовали? Получил заказ на кого-то из этой троицы?

— Нет, но мне их возня что-то не нравится, — Вран невольно поморщился. — Почему ты до сих пор не разогнал этот гадюшник?

— Страж — существо подневольное, — пожаловался Танэр, — без приказа я даже пальцем не могу пошевелить. Расслабься, сталкер, ратава-корги, в сущности, твари безобидные. Хотя их эксперименты иногда и приводят к жертвам, но этих жертв единицы. Поверь, мы с тобой не единственные, кто в курсе их махинаций, Совету об этом тоже всё известно. Если уж Пятёрка закрывает глаза на нелегалов, значит, для этого имеются свои резоны.

— А мне на их резоны плевать, — Вран процедил сквозь зубы грубое ругательство, — я сам решаю, кто является угрозой, а на кого можно не обращать внимания. С этой магической школой надо кончать и срочно.

— Так вот в чём всё дело, — наконец догадался Танэр. — Значит, твоя подопечная увлеклась магией и не нашла ничего лучшего, как связаться с ратава-корги, я прав? — он не стал дожидаться ответа, поскольку резоны самого Врана и так были очевидными. — Но почему ты решил, что ей что-то угрожает? Ратава-корги до сих пор не трогали аватаров.

— Причин две, и обе мне очень не нравятся, — Вран невольно сжал кулаки. — Во-первых, этот фальшивый маг взял Василису в личные ученики, а её напарником сделал

своего подручного, Госера. Это уже совсем не похоже на аватарские игры, не так ли?

— Думаешь, твоя подопечная может оказаться бывшим игроком? — пронизательно подметил Танэр. — Что ж, вполне допускаю такую возможность. А что во-вторых?

— А во-вторых, Ро в настоящее время является её любовником, — в голосе Врана проскользнула угрожающая нотка.

— Ты прав, это очень похоже на разработку объекта, — согласился страж.

— Но есть ещё и в-третьих, — лицо сталкера превратилось в неподвижную маску, только зловещий блеск в глазах выдавал в нём живое существо. — Это именно Ро меня убил, когда я отрабатывал стражем свой косяк с Костой. И поверь, это не был несчастный случай, он собственными руками вырезал сердце из моей груди.

— Но почему? — Танэр явно был в шоке от услышанного. — Это была месть за Косту?

— Да, месть, — подтвердил его догадку Вран, — но не за то, что я не позволил ратава-корги угробить своего клиента. Ро отомстил мне за то, что я предпочёл нашей дружбе любовь Эвы.

— Ты дружил с ратава-корги, — от удивления у Танэра глаза буквально вылезли из орбит, — я не ослышался?

— Каждый может совершить ошибку, — покаялся Вран. — Да, я сам сдуру запустил этого хорька в свой дом, так что ответственность за последствия сего недалёковидного шага полностью лежат на мне. Думаю, на совести Ро не только моя смерть, — он невольно скрипнул зубами, — я почти уверен, что смерть Эвы — это тоже его рук дело. И хотя та печальная история осталось в прошлом, нынешние пашни Ро с инкарнацией Эвы кажутся мне очень подозрительными. Не могу утверждать, что всё это как-то связано, но спокойно наблюдать, как трое стервятников так и вьются над моей подопечной, не собираюсь. Эти уроды явно задумали какую-то пакость и наметили себе в жертву Василису. Помогите мне выяснить, в чём заключается суть проекта, над которым они сейчас работают, — попросил сталкер. — Не сомневаюсь, что в штабе спасателей всё известно, но я не могу послать официальный запрос, я же в этой локации нелегально, а ты будешь в своём праве, стражу они не откажут.

Вран оказался прав, информации о проекте ратава-корги в штабе спасателей было предостаточно, и полученные Танэром сведения прозвучали приговором для Василисы. Сомневаться в том, что эксперимент этих самоназванных спасателей закончится гибелью доверчивой женщины, не приходилось, тем более, что она была далеко не первой их жертвой. До Василисы пятеро аэров уже распрощались со своим существованием, структура их сознания не выдержала столкновения с барьером и распалась.

— Почему Совет не вмешается? — сокрушённо посетовал Танэр. — Перестрелять этих подонков, и дело с концом. Для Ро это, конечно, будет просто непродолжительной прогулкой домой, но остальные двое ведь не сталкеры, отправятся на перевоплощение как миленькие.

— А толку? — Вран обречённо покачал головой. — Насилие только подтолкнёт ратава-корги к дальнейшим экспериментам, поскольку они решат, что находятся на верном пути. В результате, погибнет гораздо больше игроков. А если позволить им в очередной раз облажаться, то они сами свернут проект, и жертв будет меньше. Вот только для меня эта живодёрская математика не работает, Василису я им не отдам.

— Боюсь, может быть уже поздно, — в голосе Танэра прозвучало отчаяние, — эксперимент ратава-корги вошёл в завершающую стадию. Подготовка испытуемой к прыжку

закончена, и устранять этих горе-экспериментаторов уже бесполезно, дальше дело за сталкером.

— Что ж, нам с Ро не впервой меряться..., ну ты знаешь чем, — азартно заявил Вран.

— От сталкера так просто не избавиться, — Танэр невесело помотал головой, — тем более сталкера ратава-корги. Они там, знаешь ли, не разводят всю эту канитель с отчётами, так что если ты его убьёшь, воспользовавшись элементом внезапности, то твой визави вернётся практически сразу и на этот раз будет готов к нападению.

— Тогда придётся изолировать саму Василису, — решил Вран. — У тебя ведь имеется в заначке какая-нибудь конспиративная квартирка, а страж?

Танэр только осуждающе хмыкнул, но покорно достал из ящика стола ключи от квартиры и протянул их сталкеру вместе с адресом. Через час, убедившись, что в его самопальной тюрьме имеется всё необходимое для содержания капризной и прихотливой арестантки, Вран направился в логово ратава-корги.

— Звёздная пыль, говоришь? — взгляд Вениамина сделался отрешённым, словно он медитировал с открытыми глазами. — Очень романтично, не спорю, но ошибочно. В основе мироздания лежат вовсе не частицы, пусть даже самые мелкие, а движение.

— Движение не может существовать без того, что движется, — возразила Василиса.

— В том-то и загвоздка, — маг одобрительно кивнул своей ученице. — Никто не знает из чего состоит Абсолют. Мы способны обнаружить только само движение, вернее, вибрации источника, поскольку эти вибрации и являются формами, в которых он проявляется.

— То есть за формой мы не видим содержания? — в глазах Василисы зажглись озорные огоньки. — Или содержание не столь уж важно?

— Очень даже важно, — возразил Вениамин, — но, увы, недоступно нашему пониманию. Поэтому нам просто ничего другого не остаётся, как манипулировать формами, то есть вибрациями Абсолюта.

— Если я правильно понимаю, магия даже этого не может, — Василиса скосила хитрые глазки на самоуверенного мага.

— Верно, — легко согласился тот, — маги манипулируют не самими вибрациями, а лишь их интерпретациями, которые создаёт ум. Мало того, даже выйти за рамки программы, управляющей параметрами работы ума, маг не может. Если в программе прописано, что данная вибрация должна быть проинтерпретирована как тыква, то маг не сумеет переписать этот алгоритм и заставить свой ум создать на месте тыквы золочёную карету Золушки.

— А как же сказка? — обиженный голос Василисы заставил Вениамина весело расхохотаться.

— Я мог бы сказать, что в сказках нет ни капли правды, — заметил он, — но это тоже не было бы правдой. Превратить тыкву в карету всё же возможно, но не за счёт вмешательства в программу Создателя, а за счёт насыщения реальности нужными лично магу интерпретациями и убирания нежелательных. Тогда ум спокойно отработает свою программу, и всем будет счастье.

— Какие-то скудные возможности у магов, — Василиса разочарованно вздохнула, — в книжках они прям всемогущие.

— Увы, алгоритмы программы обойти невозможно, — снова согласился Вениамин, — но есть и хорошие новости: все эти ограничения действуют лишь до тех пор, пока маг находится в мире Создателя. Если он в состоянии сотворить собственные алгоритмы, то в мире, функционирующем по этим алгоритмам, он сможет делать всё, что угодно. Вот только для этого ум ему не помощник, а скорее, помеха, ведь он годится только для работы в мире Создателя. Собственно, ум и воспроизводит реальность его мира по заданной программе.

— Мы что, станки с программным управлением? — Василиса возмущённо фыркнула. — Ткём ткань реальности как подорванные и даже не понимаем, откуда на ней появляются рисунки.

— Очень образное сравнение, — похвалил её Вениамин, — и главное, верное. Мы действительно воспроизводим картинку реальности, заданную программой Создателя, не останавливаясь ни на миг, и для своей работы используем ум в качестве челнока, а вибрации наших сознаний в качестве нитей. Но повлиять на рисунок, который проявляется на ткани,

ткацкому станку не позволено.

— Тут нужно быть ткачом, а не станком, — Василиса горделиво выпрямилась, словно её только что переквалифицировали в ткачи. — Кстати, а как им стать?

— Я ведь уже сказал, — пожурил ученицу Вениамин, — нужно написать свою программу для станка. Сложность состоит в том, что эта программа не может быть иллюзорной, как все остальные объекты проявленного мира Создателя, тут языком программирования должны стать вибрации Абсолюта, которые существуют в реальности.

— Ну ничего себе, — Василиса сразу скисла. — Как же можно до этих вибраций добраться? Ум ведь не позволит нашему сознанию к ним прикоснуться, иначе мы тупо растворимся в источнике, и привет бабушке.

— Нам и не нужно никуда добираться, — рассмеялся Вениамин, — наши сознания в этом плане ничуть не хуже Абсолюта, ведь природа всего проявленного и непроявленного едина.

— То есть можно просто задействовать вибрации собственного сознания, — эта мысль привела Василису в такой буйный восторг, что она захлопала в ладоши, — вот это круто! А как? — тут же принялась допытываться неуёмная искательница.

— Для этого у нас имеется инструмент, — Вениамин не стал её мурыжить, уж больно Василиса была возбуждена открывающимися перспективами, — я называю его осознанностью.

— Осознанностью? — от разочарования глаза Василисы словно потухли. — Могли бы придумать что-то поновее, меня уже тошнит от этих духовных проповедей.

— Духовность тут ни при чём, — возразил Вениамин, — и я использовал этот термин просто за неимением лучшего. Дело в том, что, когда мы касаемся природы Абсолюта, то слова перестают работать, поскольку его природа лежит вне рамок каких бы то ни было ментальных концептов. Невозможно написать инструкцию по взаимодействию с тем, для чего не имеется описания.

— Как же быть? — в голосе Василисы снова послышалось воодушевление.

— Указатели, хоть сами и не являются конечной целью путешествия, могут помочь путнику эту цель обнаружить, — назидательно произнёс маг. — Тот факт, что мы не с состоянием описать природу нашего сознания, вовсе не означает, что мы не можем разработать техники, которые позволят нам пребывать в этой природе осознанно, то есть не как станок, а как ткач. Такие техники существуют уже очень давно, и кое-кому они действительно помогли освоить язык программирования, которым пользуются Создатели.

— Как-то Вы нечётко формулируете, — Василиса с подозрением уставилась на самопального философа. — Получается, что не все, умеющие манипулировать вибрациями сознания, становятся Создателями.

— Как и в любом другом деле, теоретических знаний недостаточно, чтобы стать мастером своего дела, — пояснил Вениамин, — нужны и другие качества.

— Например, способность к творчеству? — предположила Василиса.

— Да, а ещё желание творить и железная воля, чтобы воплощать свои задумки в реальности, — глаза Вениамина внезапно наполнились печалью, видимо, какого-то из этих качеств ему явно не доставало для полного счастья. — Магия — это не лотерея, — отрешённо произнёс он, — тут невозможно выиграть миллион, заплатив десятку за билетик. Плата за могущество очень высока, порой больше, чем стоит сама жизнь. Можешь не сомневаться, среди настоящих магов слабаков не водится.

— Вы сейчас говорите о насилии над людьми? — Василиса как-то сразу погрустнела. — Разве маг не должен обладать высокой духовностью?

— А разве Создатель нашего мира не насилует наши умы? — в тон ей ответил Вениамин. — Как ты полагаешь, у него с духовностью всё в порядке? Девочка моя, наши представления о добре и зле не имеют ничего общего с законами мироздания, — он сочувственно улыбнулся, видя расстроенную физиономию своей ученицы, — да и само наше мироздание — это всего лишь плод творческой деятельности конкретной божественной личности. А вот что действительно существует — это право выбора. Кто-то выбирает просто жить в своё удовольствие и наслаждаться самим своим существованием, а для кого-то нет счастья без возможности управлять жизнями других. Мы выбираем и платим за свой выбор. Всё справедливо. Собственно, а чего ещё ждать от мира желания?

— Но если наши желания играют такую роковую роль, то почему мы все ещё не заделались крутыми магами? — Василиса задумчиво покачала головой. — Нет, тут что-то не так.

— А тебе много попадалось людей, которые на вопрос «чего ты больше всего хочешь» ответили бы «истины»? — ехидно поинтересовался Вениамин. — Большинство предпочитают вообще ничего не знать о своём потенциальном могуществе, наверное, чтобы не расстраиваться из-за того, что ленятся напрячь мозги, а остальных вполне устраивают красочные сны о реальности, вместо самой реальности.

— Вы шутите? — Василиса недоверчиво нахмурилась. — О каких снах идёт речь?

— Представь, что ты находишься в пещере Алладина, полной сокровищ, — глаза мага азартно заблестели. — Эти сокровища принадлежат тебе по праву, и ты можешь взять, то бишь материализовать, любой объект из пещеры. Правда, есть одно условие: для того, чтобы реализовать свои права, ты должна осознавать своё могущество. Да о подобной халяве, наверное, можно только мечтать, — Вениамин весело хохотнул, — но вместо того, чтобы заняться бесплатным шопингом, ты закрываешь глазки и с комфортом укладываешься баиньки прямо на куче драгоценностей.

— Я что debilка, по-вашему? — возмутилась Василиса.

— Согласен, назвать подобное поведение слабоумием — это всё равно, что вообще ничего не сказать, — Вениамин задорно подмигнул своей ученице. — Беда состоит в том, что именно так мы и поступаем. Нам отчего-то гораздо милей сны о сокровищах, нежели сами сокровища. Кому нужна эта пресловутая реальность, когда сны такие яркие и соблазнительные, что совершенно не хочется просыпаться.

— Наверное, буддисты поэтому называют постижение своей природы пробуждением, — догадалась Василиса. — А что нас ждёт после пробуждения?

— Возможность создать свой мир, — просто ответил Вениамин. — По-моему, достойное вознаграждение за отказ от иллюзий.

— Как же мы его создадим, если наш ум умеет работать только с иллюзиями? — возразила Василиса. — Вот Вам и причина нашей сонливости, ведь там, за пределами сна мы бессильны что-то создать.

— Ты права, ум для работы с вибрациями не годится, — Вениамин поощрительно похлопал разбушевавшуюся защитницу сновидцев по коленке, — нам нужен другой инструмент. Ты слышала о троице?

— Это про отца, сына и святого духа? — Василиса насмешливо сдвинула бровки. — Да это всё сказки для верующих.

— Исходное значение троицы было иным, — спокойно пояснил Вениамин, — оно включало в себя мать, отца и дитя. И речь, разумеется, не шла про какое-то святое семейство, таким образом описывали природу человека.

— Про мужское и женское начала я слышала, — Василиса ехидно захихикала, — а вот о том, что в нас вдобавок живёт маленький сорванец — это для меня новость.

— Не сомневаюсь, — презрительно усмехнулся маг. — Те, кто управляет этим миром, приложили немало усилий, чтобы его жители утратили знание о своей третьей ипостаси. Но вопреки принятым ныне представлениям, человеческое сознание на самом деле не двойственное, а тройственное, вернее, потенциально тройственное.

— А что такого сакраментального в этом знании? — Василиса, похоже, совсем не впечатлилась свалившимися ей на голову откровениями. — Ну живёт где-то у нас внутри маленький ребёнок, и что с того?

— Всё зависит от интерпретации понятия «дитя», не так ли? — глаза Вениамина азартно заблестели. — А ты его интерпретируешь неверно, так что будем разбираться с самых азов. Любой проявленный объект априори обладает двумя качествами: формой и содержанием. Форма у всех объектов разная, именно она определяет, например, нашу индивидуальность, а вот содержание у всех одно. Это ничто иное, как Абсолют. Форму принято ассоциировать с мужским началом, а содержание — с женским.

— Пока ничего нового, — ехидно заметила Василиса.

— Ну, если ты такая умная, тогда попробуй охарактеризовать наше мужское начало, — Вениамин сделал приглашающий жест рукой, как бы уступая сцену ученице. — Какие свойства ему присущи?

— Творческое начало, наверное, — предположила та, — а ещё волевые качества, в общем, всё, что необходимо магу.

— Верно, — Вениамин ободряюще улыбнулся, — и это потому, что главным атрибутом, через который наше мужское начало себя манифестирует, является ум — эдакая волшебная палочка для создания иллюзий. А что ты можешь сказать про женское начало?

— Что тут скажешь? — Василиса немного замаялась. — Природа Абсолюта непознаваема, Вы же сами сказали. Похоже, женскому началу и не нужны свойства с атрибутами, оно и без них является источником всего.

— Ну прям ода в честь прекрасного пола, — ехидно ухмыльнулся Вениамин. — Одна беда, женское начало не умеет творить осознанно, этот источник создаёт новые формы спонтанно и так же спонтанно их растворяет. Без творческого потенциала и воли мужского начала оно является просто стихией.

— А мужское начало без источника вообще импотент, — Василиса восприняла слова мага как наезд на женщин и встала в боевую стойку. — Какой смысл чего-то придумывать, если взяться ему неоткуда?

— Bravo, я бы и сам не описал это лучше, — похвалил её Вениамин. — Думаю, ты уже легко догадаешься, что случится, если эти два начала соединятся?

— Вы говорите о совокуплении? — щёчки Василисы смущённо порозовели.

— Я говорю о синтезе, — поправил её Вениамин. — Но в целом ты права, явления эти одного порядка. Только дитя мужчины и женщины не будет ничем принципиально отличаться от породивших его существ, а дитя, порождённое союзом двух начал — это нечто совершенно новое. Это управляющий элемент. Понимаешь теперь, почему я сказал, что наша природа тройственна лишь в потенциале?

— Не каждая парочка способна и желает размножаться, — Василиса покраснела ещё сильнее.

— А в мире начал равноправное слияние — это явление вообще чрезвычайно редкое, — продолжил её мысль маг. — Но именно порождённый мужским и женским началом сознания управляющий элемент способен работать с вибрациями Абсолюта. Это и есть тот инструмент, с помощью которого Создатели создают свои миры.

— Надо же, какие забавные аналогии, — Василиса задумчиво улыбнулась, — тот, кто придумал троицу, наверное был очень романтичным человеком.

— Скорее, наблюдательным, — возразил Вениамин. — Мироздание, при всём его разнообразии, строится из одних и тех же кирпичиков. Что наверху, то и внизу. Именно поэтому мы можем судить о божественном, просто наблюдая за своей жизнью.

Беседа плавно сошла на нет, и вскоре Василиса покинула своего учителя, вдохновлённая новыми знаниями. А вот сам учитель ещё долго сидел в своём кресле, тоскливо глядя на закрывшуюся за Василисой дверь. Ему вдруг сделалось грустно от осознания того, что эта увлекательная беседа была у них последней. Всего через один день Василиса придёт в школу магии в последний раз, чтобы навсегда покинуть уже не своего учителя, а мир Игры. Вен искренне хотел верить в то, что его финальный эксперимент закончится успешно, и первый из бывших игроков сумеет наконец преодолеть барьер между мирами, открыв тем самым дорогу остальным. Но даже если это случится, и Василиса благополучно доберётся до Аэрии, обратно в Игру её уже не пустят. Ратава-корги не станут рисковать единственным одолевшим барьер аэром, а про Совет Пятёрки даже говорить не приходится.

Василиса в этот момент тоже думала о прошедшей беседе, правда, тоска предстоящего расставания с учителем её не занимала, поскольку она тупо ничего об этом не знала. Её мысли были направлены на более тонкие материи, хотя и были сугубо эгоистичными. Она думала о том, чего бы пожелала, если бы какой-нибудь волшебник предложил осуществить её самую заветную мечту. Приходилось признать, что, несмотря на весь её интерес к основам мироздания, это вовсе не была бы истина. Больше всего на свете Василисе хотелось избавиться от страха, который мучал её в последнее время. Наверное, странно было слышать подобное от женщины, которая с лёгкостью пускалась в самые неоднозначные и стрёмные приключения, даже такие, которые запросто могли закончиться её гибелью. Но на самом деле ничего странного в этом не было, Василиса действительно не боялась умереть, она боялась жить.

Это её стремление к независимости, желание доказать самой себе, что она крепко держит в руках штурвал своей жизни, и постоянные стрессовые испытания своей воли были всего лишь защитной реакцией на притаившийся в её душе страх. Да, Василиса боролась со своим внутренним врагом всеми доступными ей средствами, отгораживалась от него прочными стенами и укреплениями, но всё равно сдавала один защитный рубеж за другим. Она потратила кучу времени и сил на то, чтобы понять природу этого страха, и думала, что тогда уж точно победит. Увы, призрак победы оказался эфемерным, как и положено призракам. Теперь Василиса точно знала, что причиной её страха было всего лишь кошмарное видение, протянувшее свои холодные щупальца к сердцу несчастной женщины из далёкого прошлого. Но отчего-то, утратив загадочность, страх не потерял свою силу, напротив, он как бы обрёл плоть и сделался ещё более могущественным.

Василиса так глубоко задумалась над своей сакраментальной проблемой, что даже не заметила, как миновала холл магической школы и вышла на крыльцо. Ей и раньше казалось,

что ступеньки лестницы, ведущей на улицу, специально были сделаны такими крутыми, чтобы вправлять мозги заигравшимся в магов ученикам, но тут ей самой представилась великолепная возможность проверить эту гипотезу на вшивость. Не глядя под ноги, Василиса сделала шаг и почувствовала, что летит в пустоту. Подобная несвоевременная рассеянность запросто могла закончиться для неё вывихом, а то и переломом конечности, но судьба оказалась благосклонней к своей протее, чем та заслуживала, и коварней, чем она могла ожидать. Стоявший у подножия лестницы мужчина вдруг материализовался в непосредственной близости от летящей вниз Василисы и в последний момент подхватил неуклюжую мечтательницу.

Нацепив на своё лицо благодарную улыбку, мечтательница подняла глаза на своего спасителя и застыла в ступоре. Вопреки всякой логике, она его узнала, хотя и видела это лицо впервые. В то раннее зимнее утро, когда Василиса шла одна по безлюдной улице, ей не удалось разглядеть его лица, ведь было темно, но она отчего-то ни на миг не усомнилась, что это именно этот странный мужик вынырнул тогда из подворотни ей навстречу. Страх, до этого момента покладисто притворявшийся мирной овечкой, вдруг скинул овечью шкуру и встал во весь свой гигантский рост, обернувшись кровожадным хищником. Пару секунд Василисе ещё казалось, что она справится, как обычно, задавит своего извечного врага рациональностью и хладнокровием, но её надежды оказались несостоятельными. Паника, подобно ледяной волне, затопила её сознание, и Василиса, уже ничего не соображая, метнулась вверх по лестнице спасаться.

Возможно, если бы на месте Врана оказался обычный человек, то ей бы и удалось скрыться в спасительном убежище школы, но в соревновании по скорости со сталкером у Василисы не было шансов. Вран быстро скрутил шуструю барышню и, недолго думая, отключил её сознание одним из сталкерских приёмчиков. Уже загрузив бесчувственную тушку в припаркованную за углом машину, он вколол своей строптивой подопечной солидную дозу снотворного, чтобы обеспечить безопасную доставку арестантки в предназначенную для неё тюремную камеру.

Было темно, но темнота вовсе не была кромешной, как раз наоборот, она была мягкой и уютной, разбавленной просачивавшимся сквозь плотные шторы светом уличных фонарей. В общем, это была нормальная городская темнота. Василиса расслабленно вздохнула и опрометчиво попыталась повернуться на другой бок, чтобы продолжить путешествие по просторам морфея. Её правое запястье неожиданно пронзила острая боль, и женщина жалобно пискнула. Тут же где-то в глубине комнаты щёлкнул выключатель, и всё пространство залил неяркий медовый свет настольной лампы. Одного взгляда на сидевшего в кресле мужчину Василисе хватило, чтобы снова потерять над собой контроль. Она попыталась вскочить на ноги, но сразу поняла, что удрать не получится, потому, что её правая рука была прикована к кровати наручниками. Всё, что несчастной пленнице оставалось — это свернуться калачиком и спрятаться под одеялом, что Василиса и исполнила с детской непосредственностью.

Вран, конечно, ожидал, что похищенная им женщина, когда проснётся, примется истерить, но столь сильной панической реакции всё же не ждал. Поза эмбриона, которую инстинктивно приняла Василиса, говорила о желании не просто скрыться от опасности, а вообще не быть. Разумеется, назвать Врана психологом можно было только с очень большой натяжкой, но кое-каким психотехникам спасателей всё же обучали. Эвакуация игрока редко обходилась без эксцессов, стакеров не любили и боялись, а потому конфликты в диапазоне от истеричных рыданий до прямой агрессии были в порядке вещей. Поскольку для прохождения барьера игроку желательно было находиться в уравновешенном состоянии, сталкерам приходилось успокаивать своих нервных клиентов, применяя самые разные приёмы психического воздействия.

Увы, одного взгляда в глаза Василисы Врану хватило, чтобы понять, что в данном случае его навыки не помогут, потому что её паническая реакция была иррациональна. Женщина боялась не своего похитителя и даже не того, что он мог с ней сделать, она боялась себя. Для лечения такого экзотического вида психоза в сталкерском арсенале тупо не было нужного средства. Однако наладить контакт с арестанткой всё же было необходимо, хотя бы для того, чтобы рассказать ей о грозящей опасности. Проблема заключалась в том, что в нынешнем состоянии отрицания Василиса его просто не услышит, она даже смотреть на него не могла. Чего уж там, само его присутствие в непосредственной близости было для неё очень серьёзным испытанием. Если Вран собирался добиться доверия своей пленницы, сначала нужно было сделать так, чтобы ей самой захотелось поговорить.

— Здесь только одна комната, — он медленно, чтобы не пугать паникёршу, поднялся из кресла, — так что я посижу на кухне. Если чего понадобится, позови.

Выбранная тактика оказалась верной, не прошло и десяти минут, как Вран услышал тихий неуверенный голосок, раздававшийся словно из-под земли. О причине сего акустического феномена гадать не было нужды, видимо, Василиса так и не решилась сбросить с себя одеяло. Вернувшись в своё кресло, Вран не стал спешить с разговорами, предоставив инициативу Василисе.

— Чего тебе от меня надо? — раздался утробный голос из недр кровати, похоже женщине под одеялом уже не хватало воздуха.

— Ты же так задохнёшься, — посетовал заботливый похититель, — и мне придётся тебя

реанимировать. Нет, я не против, — он специально подпустил в свой голос чуток иронии, — техника дыхания рот в рот мне хорошо известна, только было бы неплохо, чтобы ты сначала почистила зубы.

Откровенный стёб сработал на ура, одеяло отлетело в сторону, и Василиса со всклокоченными волосами явилась на обозрение публики, чем вызвала произвольный смех в зале. Однако радость хитрого сталкера была недолгой, стоило пленнице бросить взгляд на насмешника, как в её глазах снова заметалась паника.

— Это мой вид вызывает у неё такую реакцию, что ли? — мысленно посетовал Вран. — Ладно, надеюсь, на мой голос её идиосинкразия не распространяется. Хочешь, я отверну кресло от кровати? — вслух предложил он.

— Не надо, — на это раз Василисе удалось справиться с паникой, хотя голос её всё же ощутимо дрожал, выдавая волнение. — Так что ты намерен со мной сделать?

— Вообще-то, это спасательная операция, — иронично заметил Вран. — Тебе угрожает серьёзная опасность, но я пока не знаю, как её устранить, поэтому некоторое время тебе придётся отсидеться в укрытии.

— Так это укрытие? — голос Василисы окреп. — Стильная квартирка. Твоя?

— Нет, взял напрокат, — сталкер откровенно порадовался, что сеанс истерических метаний благополучно закончился, и можно было приступить к конструктивному обсуждению. — Твоё имя мне известно, а меня зовут Вран.

— Ну и имечко, — улыбнулась пленница, — или это кличка? Ты знаешь, что раньше так называли воронов?

— Это моё настоящее имя, — Вран даже немного обиделся, — и оно не имеет ничего общего с пернатыми.

— Товарищ по несчастью, — сочувственно вздохнула Василиса, — меня тоже постоянно зовут кошачьей кличкой Васька. Ты долго собираешься держать меня прикованной к кровати наручниками? А если мне понадобится в туалет?

— Поверь, мне этот тюремный антураж тоже не по душе, — Вран постарался, чтобы его голос прозвучал убедительно, — я просто хочу гарантировать, что ты не попытаешься сбежать. Это не займёт много времени, обещаю. Вряд ли мне понадобится больше одного-двух дней, чтобы разобраться с теми уродами, которые задумали тебя угробить.

— Зачем кому-то меня убивать? — удивилась Василиса. — Да я за всю свою жизнь даже мухи не обидела.

— То, что они для тебя уготовили, хуже смерти, — сталкер невольно сжал зубы, — это называется развоплощение. Но дело вовсе не в каких-то личных счётах, для них это просто эксперимент, и ты попала под раздачу, скорей всего, случайно.

— Разве в нашем мире мало других женщин? — удивилась Василиса. — Почему выбрали именно меня? — выражение естественного недоумения на её лице вдруг сменилось яростью. — Он же обещал, что не сдаст меня своим подельникам, — прошипела возмущённая фурия. — А я и развесила уши, дура доверчивая.

— Ты сейчас о ком говоришь? — Вран изобразил на своём лице эдакую святую невинность, хотя сразу понял, что Василиса имела ввиду своего любовника. Однако для установления доверительных отношений было гораздо лучше предоставить роль обвинителя потенциальной жертве.

— Ратава-корги, — эти слова Василиса буквально выплюнула, как отраву, чем повергла не ожидавшего от неё такой осведомлённости сталкера в шок. Его реакция не прошла

незамеченной для пленницы, и на её лице сразу появилось брезгливая гримаса. — Похоже, ты тоже из этих, — сделала она логичный вывод из своих наблюдений.

— Нет, я не ратава-корги, — принялся оправдываться Вран, — а вот твой любовник как раз из них.

— Знаю, он этого и не скрывал, — Василиса обиженно надула губки, — врал, что не причинит мне вреда, даже рассказал про эти эксперименты и про то, что я не из этого мира. Ты ведь тоже пришелец из этой вашей Аэрии, правда? И тоже станешь вешать мне лапшу на уши про свои чистые намерения.

— Василиса, я и не ожидал, что тебе так много известно, — Вран немного очухался от откровений своей пленницы и переключился на конструктив, — но это даже к лучшему, не придётся преодолевать твой когнитивный диссонанс. Всё верно, я тоже не из этого мира, я из спасательной службы Аэрии, так что тебе не нужно меня бояться.

— А что эти ратава-корги собираются со мной сделать? — поинтересовалась Василиса.

— Протащить через барьер, — Вран счёл правильным рассказать всё, как есть. — Между нашими мирами существует энергетический барьер, который не позволяет жителям этого мира проникнуть в Аэрию. При столкновении с этой преградой низкочастотное сознание просто распадается.

— Но я ведь тоже из Аэрии, — возразила Василиса. — Зачем этому барьеру на меня нападать?

— Тут дело вовсе не в гражданстве, — Вран хитро улыбнулся, — а в структуре вибрационного спектра сознания. Я просканировал твой спектр, пока ты спала, и могу со стопроцентной уверенностью утверждать, что барьер тебе не преодолеть.

— Ну так я и не рвусь отсюда сбежать, — фыркнула Василиса, — мне и в этом мире всё нравится.

— К сожалению, экспериментаторы не станут тебя спрашивать, — Вран горько усмехнулся, — тебя насильно затащат к барьеру. Для этого у ратава-корги имеется сталкер, способный проходить через барьер и проводить других игроков. Мне жаль тебя расстраивать, но именно таким сталкером является твой любовник.

— Я так и знала, что Герман не случайно появился в моей жизни, — посетовала Василиса. — Это было довольно цинично влезть в постель к женщине, чтобы потом её же и угробить. Вы все такие там, в Аэрии?

— Мы разные, как и люди, — Врану сделалось отчего-то обидно от её презрительного вопроса. — Если мы уже внесли ясность в ситуацию, я бы хотел узнать, готова ли ты сотрудничать.

— Ладно, можешь меня отстегнуть, я не стану пытаться сбежать, — процедила сквозь зубы Василиса.

Вран поднялся из кресла и, вытащив из кармана ключ от наручников, шагнул к кровати. Увы, стоило ему сделать один единственный шаг, как Василиса снова съежилась и даже прикрыла голову свободной рукой, как бы защищаясь от удара.

— Нет, не подходи, — прохрипела она, — просто кинь мне ключ.

— Да что с тобой не так? — возмутился благородный спаситель, послушно бросая ключ на кровать. — Мы ведь уже выяснили, что я не ратава-корги и не собираюсь тебе вредить. — Василиса промолчала, но было видно, что она просто собирается с силами, при этом её взгляд отрешённо блуждал по комнате, но так и не сподобился остановиться на собеседнике. Похоже, только так она могла держать себя в руках. — Почему ты не можешь на меня

смотреть? — Вран решил задать вопрос в лоб, всё равно его психиатрические приёмчики не работали.

— Я знаю, кто ты такой, — едва слышно прошептала женщина. — Это же было твоё сердце в шкатулке, правда?

— В шкатулке?! — Вран едва ни подавился от подобных подробностей. — Да он совсем спятил, что ли?

— Что же такого ты ему сделал, коли Герман решил так отыграться на любимшей тебя женщине? — задумчиво произнесла Василиса, игнорируя шок, который вызвали её слова, — Два пришельца не поделили между собой одну земную бабу? — цинично предположила она. — Что ж, такое случается. Я вот только одного не понимаю, причём тут я, — губы Василисы побелели от ярости. — Одного раза вам показалось недостаточно, решили продолжить свои brutальные игры?

— Всё было иначе, — наконец сумел вклиниться в её обличительную речь Вран, — Ро вовсе не любил Эвиану.

— Да мне наплевать на подробности, — Василиса уже почти кричала, — это ваши разборки. Оставьте меня в покое! Я больше не хочу почти каждую ночь просыпаться в соплях из-за того, что когда-то давно двум дебилам вздумалось померяться, у кого что длиннее.

— Так ты видишь эту сцену во сне, — догадался Вран, — а я уж было подумал, что ты провидица.

— А ведь поначалу я решила, что весь этот кошмар мне только предстоит пережить, — Василиса остыла так же быстро, как до того вспыхнула. — Даже не знаю, как я не спятила от такой перспективки. Спасибо знающим людям, просветили.

— Тебе не о чем беспокоиться, — поспешил заверить свою подопечную Вран, — всё будет хорошо, я тебя защищу.

— Ей ты тоже обещал, что всё будет хорошо? — язвительно поинтересовалась Василиса, и на этот раз её обвинение легко пробило солидную брешь в спокойной уверенности сталкера. Лицо Врана побледнело, а в глазах колючими льдинками застыла боль. — Прости, — Василиса не ожидала такой откровенной реакции, — ты её любил, да? Это из-за неё ты взялся меня спасать?

— Какая тебе разница? — Вран горько усмехнулся. — Тебе ведь нет до меня никакого дела. Прости, у меня нет права тебя осуждать, — оборвал он сам себя, — это только моя вина, что я не смог защитить Эву. Жаль, что прошлое таки смогло дотянуться до неё в новом воплощении.

— Я вовсе не твоя Эвиана, — резко вклинилась в его покаянную речь Василиса, — я совершенно другой человек. У меня своя жизнь, и я давно научилась сама о себе заботиться. — Вран невольно усмехнулся, припоминая все те случаи, когда он вытаскивал эту самоуверенную дамочку из самых разных передрыг, но возражать не стал. — Если ты облажался в прошлый раз, то с чего вдруг решил, что сейчас будет иначе?

— А у тебя есть другое предложение? — Вран уже еле сдерживался. Безапелляционность Василисы его задевала не на шутку, хотя для профессионального спасателя раздражительность была делом почти немислимым. Раньше он легко сохранял хладнокровие в самых критичных ситуациях, а тут какая-то пигалица довела его до белого каления всего за пару минут. — Хочешь, чтобы я тебя бросил на растерзание живодёрам?

— Спрятаться я и без тебя смогла бы, — заносчиво провозгласила Василиса, — мог бы

просто всё рассказать. К чему эти страсти с похищением?

Её слова оказались для Врана холодным душем. А ведь действительно, какого чёрта он вздумал разыгрывать из себя бога? Это её мир, и здесь у Василисы имелось гораздо больше возможностей, чем у залётного сталкера. Пусть найдёт себе надёжное убежище и затаится, по крайней мере, не нужно будет о ней беспокоиться во время разборок с ратава-корги. Вран уже открыл рот, чтобы предложить новый план, когда Василиса снова заговорила.

— Хотя, наверное, ты прав, — задумчиво пробормотала она, — здесь безопасней. Они же, наверняка, уже давно вычислили все мои явки, — она ехидно ухмыльнулась, — а эта квартирка не засвечена. К тому же обстановочка тут стильная, мне нравится. Поживу, пожалуй, на всём готовом, тем более, что у меня сейчас отпуск. Скажи, а тебе обязательно всё время маячить у меня перед глазами?

На этот раз Врана не обманула демонстративная грубость Василисы, до сталкера наконец дошло, что это была всего лишь защитная реакция. Так уж случилось, что между ними существовала эта мистическая связь, протянувшаяся из далёкого прошлого. Вран ощущал её почти физически и не сомневался, что и Василиса чувствует то же самое. Но если его это совершенно не пугало, то Василисе эта связь представлялась не иначе, как дорогой в ад. Её инстинкт самосохранения вопил, как резаный, подстёгивая бедняжку бежать без оглядки от мужчины, который стал причиной того кошмара, что свалился на голову её прежней инкарнации. Этот древний инстинкт действовал на подсознательном уровне, не оставляя места для логики и интуиции, он настойчиво твердил Василисе, что ничего хорошего эта встреча ей не сулит. Даже если поначалу она и принесёт немного счастья в её унылое существование, то в конце всё равно закончится трагедией, и ещё неизвестно, справится ли её психика с ещё одним ударом.

— Я сейчас уйду, — поспешил успокоить нервную дамочку Вран, — мне пора заняться твоими недоброжелателями. Только ты уж будь любезна, не выходи из квартиры. Здесь есть всё необходимое на неделю комфортного существования, но столько времени мне не понадобится, я справлюсь гораздо раньше.

Он помахал рукой Василисе и направился к входной двери, хотя была середина ночи, и можно было бы подождать с планами нейтрализации ратава-корги до утра. Но Вран отлично понимал, что Василисе тяжело находиться рядом с ним в одном помещении, а потому решил не усугублять и без того напряжённую ситуацию. Однако стоило ему взяться за ручку двери, как пленница сама вылетела в прихожую с горящими от возбуждения глазами.

— Стой, мне нельзя тут долго прятаться, — выпалила она на одном дыхании. — Если меня начнут искать, то обязательно проверят мою рабочую мансарду и найдут там одну вещь.

— Наркотики? — Вран насмешливо подмигнул беспечной любительнице дури.

— Да ну тебя, — засмуцалась Василиса, — какие ещё наркотики. Там, на моём рабочем столе лежит цфар.

— Ну и что? — сталкера ничуть не испугала возможность обнаружения аэрского артефакта. — Да никто не поймёт, что это такое, примут за листок бумаги.

— Ты не понимаешь, — возмутилась Василиса, — я стащила его из закрытого архива. Если это обнаружится, то меня в лучшем случае выгонят с работы, а в худшем вообще заведут уголовку. Я не хочу попасть в тюрьму.

— Ладно, давай ключи и адрес, — Вран обречённо вздохнул, — я схожу за уликами.

Эх, если б он только мог предугадать, чем закончится его невинный визит в мансарду

Василисы, наверное, сто раз бы подумал, прежде чем соглашаться спасти её от тюрьмы. А ведь сталкер мог и догадаться, что потерявший из виду свою любовницу ратава-корги будет следить за её квартирой. Как минимум Врану не стоило настолько расслабляться, чтобы завалиться спать в Василисиной постели. Но ему отчего-то захотелось хоть чем-то уязвить эту нахальную барышню, которая посреди ночи выставила на улицу своего потенциального спасителя только потому, что ей, видите ли, неприятно находиться в его обществе. Надо же было защитнику прекрасной дамы где-то немного поспать, прежде чем отправлять совершать очередной подвиг?

Голова раскалывалась так, словно он специально часами долбился затылком о бетонную стенку. В первый момент после пробуждения Вран даже подумал, что надышался угарным газом, хотя точно помнил, что никакой печки в Василисиной мансарде нет, но мало ли откуда могло надуть, пожаров пока никто не отменял. Впрочем, запаха дыма не ощущалось, а потому причину головной боли следовало искать в чём-то другом. Ещё пребывая в полудрёме, Вран попытался поднять руку, чтобы помассировать затылок, но сразу понял, что не получится, потому что его конечности, оказывается, были жёстко зафиксированы. К тому же он больше не нежился в мягкой постельке, а сидел, примотанный скотчем к рабочему креслу Василисы. Вран с неохотой открыл глаза и уже совсем не удивился, когда его взгляд упёрся в насмешливую ухмылку на лице Ро.

Что ж, ситуация начала стремительно проясняться. По всей видимости, ратава-корги проник в Василисину мансарду, шарахнул мирно спящего сталкера по затылку, а потом связал его по рукам и ногам, пока неясно, с какой целью, но вряд ли для того, чтобы просто поздороваться. Момент, когда его вырубили, Вран не засёк, поскольку спал сном младенца, понадеявшись на прочные замки во входной двери. Предположить, что у Василисиного любовника может иметься свой ключ, ему почему-то даже в голову не пришло, может быть, оттого, что сам он больше не доверился бы ратава-корги ни при каких обстоятельствах. В сущности, это была типичная, но в данных обстоятельствах роковая ошибка переноса собственных представлений на другого человека.

— Дежавю, — Вран горько усмехнулся, вспомнив их последнюю беседу в подвале замка Гилмор, которая словно подвела черту под его счастливой жизнью, — только кандалов не хватает, и на этот раз я сижу, а ты стоишь.

— Дельное замечание, — весело отозвался ратава-корги, — тогда я тоже, пожалуй, присяду, — он сделал шаг назад и уселся прямо на Василисин рабочий стол, даже не потрудившись убрать из-под своей задницы разложенные там бумаги. — Где она? — взгляд Ро внезапно потемнел, словно где-то в глубине его черепа выключили свет. — Я нашёл Василисины ключи в твоей куртке, так что не трать время на байки, просто ответь, что ты с ней сделал.

— А если нет? — мрачно поинтересовался Вран. — Опять будешь меня пытаться? Давай, тебе ведь это в кайф, если я правильно запомнил.

— Да уж, должен признать, что кайф ты мне знатно обломал, — Ро одобрительно хмыкнул, как бы признавая за соперником победу в соревновании, — наверное, разбирать на части манекен и то было бы более увлекательным занятием.

— Бедолага, — глумливо посочувствовал палачу Вран, — неужели ты всерьёз надеялся впечатлить сталкера пытками? Даже не ожидал от тебя такой детской наивности. Знаешь, как-то раз, чтобы добратся до клиента, мне пришлось провести несколько дней в казематах инквизиции. Так вот, по сравнению с теми ребятами, ты просто жалкий дилетант.

— Напрасно я тебя подозревал в том, что ты заделался натуральным аватаром, — Ро полностью проигнорировал оскорбление, в его голосе не чувствовалось даже лёгкой обиды или разочарования. — Ни одному аватару такой самоконтроль даже во сне не приснится. Так что ты у нас, оказывается, истинный аэр, Вран, только зачем-то прикидываешься.

— Меня твой аэрский снобизм уже достал, — презрительно бросил пленник. — Ты

готов даже признать, что ошибся, но верить собственным глазам всё равно отказываешься. Вот с чего ты решил, что способность чувствовать как аватары не сочетается с ментальным самоконтролем?

— Это же элементарно, — ратава-корги снова ничуть не обиделся на наезд, видимо, незавидное положение оппонента подталкивало его проявлять некоторое снисхождение к его словам, — невозможно контролировать свои мысли, когда у тебя в душе бушует чувственный ураган.

— Я тоже так раньше считал, — согласился Вран, — пока на собственном опыте ни убедился, что это полнейшая чушь. Нам тупо внушили, что чувства и мысли — это такие ярые антагонисты, и заставили выбирать одно из двух. Но на самом деле они — просто две стороны одной монетки и друг без друга вообще не существуют. А что касается самоконтроля, так чувства поддаются ему ничуть не хуже, чем мысли.

— Как же мне нравится наша философская беседа, — на этот раз Ро уже не скрывал сарказма. — И главное, как своевременно ты её затеял. Впрочем, я даже рад, что мы с тобой всё-таки встретились, Вран, давно хотел извиниться за то, что тогда с тобой сделал, — на ехидной физиономии ратава-корги расцвела фальшивая сочувственная улыбочка. — Признаю, это был явный перебор. Но ты, похоже, в моих извинениях не нуждаешься, ведь для настоящего сталкера попытки не страшнее укуса комара для нормальных людей. Ты действительно больше не держишь на меня зла или опять притворяешься?

— Ты так ничего и не понял, — на лицо Врана словно опустилась грозовая туча. — Можешь не сомневаться, мне и вправду плевать на твои убогие потуги что-то мне доказать с помощью боли, но в своём палаческом угаре ты походя сломал жизнь Эвы, а этого я тебе никогда не прощу.

— Это не было преднамеренно, — из голоса Ро вдруг напрочь исчезла насмешка, он явно растерялся, — я вовсе не собирался причинить ей боль. Да мне тогда вообще не приходило в голову принимать в расчёт чувства аватаров, ты же знаешь. Всё, что случилось — это же было только между нами, — его реплика прозвучала, скорее, как вопрос, нежели утверждение, — это тебя я хотел заставить страдать, а твоя Эва просто была средством для достижения моей цели.

— Что ж, поздравляю, тебе всё удалось, — сквозь зубы процедил Вран, — мне действительно было больно осознавать, что я не смог защитить любимую женщину. Вот только не надо мне заливать про то, что Эва тупо попала под раздачу в разборке двух аэров, это неправда. К тому времени, когда ты устраивал для неё свой кровавый перформанс с моим сердцем в шкатулке, я был уже мёртв и никак не смог бы заценить мастерство режиссёра. Никакой нужды продолжать этот кошмарный спектакль уже не было, и если бы тебя действительно интересовала только моя реакция, ты бы остановился.

— А тебе никогда не случалось пнуть камень, об который ты споткнулся? — Ро заносчиво ухмыльнулся. — Вот мне случалось и не раз. Иногда так хочется выместить своё раздражение, пусть даже на неодушевлённом предмете.

— Может быть, ты и считал остальных аватаров объектами неживой природы, но только не Эву, — горько заметил Вран. — Её ты искренне ненавидел, и я даже знаю почему.

— Потому что она отняла тебя у меня? — было очевидно, что признание далось Ро с трудом.

— Потому что она из бывших игроков, — спокойно парировал Вран. — Похоже, ты это каким-то образом почувствовал и подсознательно признал Эву равной себе, а значит,

достойной твоей праведной мести, наравне со мной.

Недоумение, нарисовавшееся после его слов на физиономии ратава-корги, доставило разоблачителю прямо-таки райское наслаждение. Вран даже не ожидал, что информация о происхождении Эвы окажется для Ро столь шокирующей. Впрочем, радость его была недолгой, а уж вывод, к которому пришёл его оппонент, и вовсе показался ему абсурдным и даже оскорбительным.

— Так вот почему ты в неё влюбился, — Ро мгновенно вернул всю свою вроде бы утраченную самоуверенность, — а я-то всё гадал, чем твоя ведьмочка так тебя зацепила.

— Нет, ну ты точно дебил, — с отвращением бросил Вран, — и даже не пытаешься как-то закамouflировать свою позорную фобию. Да мне вообще наплевать, в каком мире Эва появилась на свет. Я любил бы её, даже если б она была порождением адского пекла, как ты этого не поймёшь.

— Ладно, признаю, я действительно не понимал природы этих ваших отношений, — Ро покаянно опустил голову, — и вёл себя как брошенная любовница. Доволен?

— Забавно, что ты использовал прошедшее время, — подметил Вран. — Значит, теперь ты уже понимаешь?

Замечание наблюдательного сталкера явно привело его оппонента в замешательство. Глаза ратава-корги забегали по обстановке мансарды, как бы ища подсказки, но так и не найдя ничего полезного, снова вернулись к Врану.

— У меня пока нет ответа, — честно признался он. — Я чувствую, что между Василисой и мной установилась какая-то почти мистическую связь, но не понимаю её природы. Может быть, именно это аватары зовут любовью?

— Настоящему влюблённому не требуется подсказка извне, чтобы разобраться в своих чувствах, — в голосе Врана можно было без труда уловить жалость к бесчувственному аэру, — достаточно заглянуть в своё сердце, чтобы всё понять. А твоя связь с Василисой вовсе не мистическая, у неё иная природа. Это просто карма.

— В каком смысле? — растерялся Ро.

— В прямом, — Вран и не подумал проявить к нему снисхождение. — Ты провалил кармический экзамен и был отправлен на пересдачу.

— Всё равно не понимаю, — пробормотал Ро. — О каком экзамене ты толкуешь?

— Разве ты не знал, что ревность является одним из пяти основных ядов, которыми мы травим свои души? — задумчиво произнёс самопальный моралист, игнорируя умоляющий взгляд своего собеседника. — Иногда я просто тащусь от извращённого чувства юмора владык кармы, однако не могу не признать, получилось забавно. Сначала ты ревновал меня к Эве, а теперь, наверное, станешь ревновать Василису ко мне. И кого же из нас ты убьёшь на этот раз?

— Причём тут Василиса?! — наконец не выдержал Ро. — Ты что, уже успел завести с ней роман?

— Пока нет, — Вран внутренне содрогнулся от подобной перспективы, но не подал виду, — так ведь ещё не вечер, кто знает.

— Хорошо заливать, — попытался успокоить самого себя ратава-корги, — ты не станешь похищать женщину только для того, чтобы заставить меня ревновать. Или станешь? Ты что, специально улёгся спать в её постели, чтобы меня спровоцировать?

Бредовая идея, пришедшая на ум Ро, показалась Врану весьма перспективной. Было бы недурно перевести проблему с экспериментом ратава-корги в область личных отношений.

Ведь одно дело обречь на гибель принадлежащую тебе женщину, в отношении к которой ты испытываешь нечто неопределённое, и совсем другое, когда у тебя появляется соперник, предъявляющий права на твою собственность. Если уж не чувства к Василисе, то жадность точно должна была заставить этого аэрского сноба побороться за заветный приз. А когда речь идёт о доказательстве своего превосходства над соперником, тут уж не до экспериментов.

— Была нужда тебя провоцировать, — обиженно заявил Вран, принимаясь разыгрывать случайно выхваченную из колоды карту ревности, — просто устал, вот и прилёг. А тебе бы только нападать исподтишка на беззащитную жертву. В прошлый раз ты хотя бы играл в открытую. Дegrадируешь, Ро.

— Почему ты всё время ссылаешься на ту давнюю историю? — до ревнивца наконец дошло, что в словах его оппонента содержится какой-то скрытый смысл. — Какая тут связь?

— Надо же, оказывается ты не в курсе, что мы снова образовали прежний любовный треугольник, — Вран ехидно подмигнул бестолковому участнику игры в геометрию, — только роли теперь распределены немного иначе.

— Василиса — это инкарнация Эвианы? — от удивления у Ро буквально отпала челюсть. — Так вот почему ты влез в наши отношения, опасаясь, что я опять выкину какой-нибудь финт.

— А ты не выкинешь? — Вран с надеждой посмотрел в глаза ратава-корги, явно ожидая, что тот сейчас поклянётся больше не причинять вреда женщине, и так уже пострадавшей от его жестоких игр. Увы, как же он ошибся в своих расчётах.

— Ну и кто теперь ревнует? — презрительно бросил Ро. — Очнись, чудик. Василиса — это вовсе не твоя ведьмочка, и у тебя нет на неё никаких прав. Лучше отпусти её похорошему, иначе я сам с тобой разберусь, и на этот раз дело не ограничится пыточным марафоном. Я просто избавлюсь от тебя раз и навсегда.

— Угрозы, — Вран изобразил на своей физиономии мечтательную улыбку, — всё, как я люблю.

— Дружеское предупреждение, — возразил Ро. — Даю тебе время подумать до вечера, — он слез со стола и направился к двери. — А сейчас не обессудь, у меня дела.

— Знаю я ваши дела, — проворчал ему в спину Вран, — хотите угробить ещё одного игрока.

От его слов ратава-корги застыл с поднятой ногой, как будто сталкер произнёс парализующее заклинание. Впрочем, паралич длился недолго, статуя ожила и развернулась всем телом к связанному пленнику. Пару секунд Ро с подозрением изучал его мрачную физиономию, а потом вернулся на своё место у Василисиного стола.

— Ты выбрал не лучшее время, чтобы хвастаться своей осведомлённостью, сталкер, — в голосе ратава-корги прозвучала откровенная угроза. — Что тебе об этом известно?

— Ей не пройти барьер, — уверенно заявил Вран, даже не сделав попытки отрицать, что знает о планах горе-экспериментаторов. — Я просканировал спектр вибраций её сознания и могу точно утверждать, что это не эксперимент, а убийство.

— Смахивает на оскорбление, не находишь? — брови Ро сошлись над переносицей, демонстрируя крайнюю степень раздражения. — С чего ты взял, что я не проверю спектр нашей подопытной, прежде чем вести её через барьер?

— А пятерых её предшественников ты тоже проверял? — презрительно усмехнулся Вран. — Ну и как? Помогло?

— Ладно, признаю, я облажался, — Ро покладисто кивнул, — правда, не понимаю почему. Уровень вибраций тех игроков был вполне приемлемым.

— Так ведь дело не только в общем уровне, — принялся с жаром доказывать свою правоту Вран. — В спектре бывших игроков имеются разрывы. Они очень узкие и неприметные, но именно в эти уязвимые точки бьёт энергия барьера, разрушая структуру сознания. Ты должен отказаться от этой авантюры, Ро.

Первоначальное раздражение в глазах ратава-корги внезапно сменилось задумчивостью, и в душе Врана загорелась надежда. Не то чтобы он сразу поверил в сострадательный порыв этого хладнокровного убийцы, просто даже для самого отпетого мерзавца принуждение к бессмысленной работе оскорбительно. Если ты заранее знаешь, что успеха тебе не видать как своих ушей, то к чему стараться? Увы, похоже, сегодня у Врана был не лучший день для проявления визионерских способностей.

— Что толку бунтовать? — ратава-корги горько усмехнулся. — Я же не единственный сталкер в мире, найдут другого. Со мной у неё хотя бы побольше шансов, всё-таки у меня имеется нехилый опыт.

— Какой опыт?! — возмутился Вран, осознав, что опять просчитался. — Ты же не провёл через барьер ни одного бывшего игрока, всех угробил. Это что для тебя такая игра? Ну тогда поздравляю, ты в ней ведёшь с сухим счётом.

Если бы целью сталкера было разозлить своего оппонента, то ничего лучше, чем обвинить его в некомпетентности, придумать было невозможно. Лицо оскорблённого ратава-корги побледнело и застыло гипсовой маской, зато его взгляд запылал праведным гневом, словно намеревался испепелить грубияна. Вран уже было подумал, что Ро сейчас не совладеет со своими нервишками и перейдёт от словесных аргументов к физическим, но внезапно напряжение, висевшее в воздухе грозовой тучей, куда-то улетучилось, словно его и не было. Сталкер облегчённо выдохнул, легкомысленно позабыв, что спокойствие врага порой бывает гораздо опасней его ярости. А ведь именно в тот момент Ро принял решение его убить.

— Даже не пытайся понять всю значимость нашей работы, — ратава-корги брезгливо поморщился, — твоего убогого умишки на это не хватит.

— А ты даже не надейся, что я позволю беспринципным ублюдкам продолжать их живодёрские опыты над аэрами, — в тон ему ответил Вран.

— Ну чего ты лезешь не в своё дело, сталкер? — устало посетовал Ро. — Даже Пятёрка смотрит на деятельность ратава-корги сквозь пальцы, наверное, они всё-таки надеются, что однажды мы добьёмся успеха, и только тебе всё неймётся поиграться в героя, — с этими словами он достал из сумки одноразовый пластиковый инжектор, заполненный прозрачной жидкостью. — Нам ведь ни к чему вмешивать в наши дела правоохранительные органы, правда? — насмешливо поинтересовался убийца, закатывая рукав сорочки своей жертвы. — Устроим-ка мы тебе передоз, чтобы у полиции не возникло лишних вопросов.

— Смотри, как бы у тебя не вошло в привычку убивать меня при каждой встрече, — съязвил Вран, уже понимая, что проиграл.

— Ты же сам не оставил мне выбора, сталкер, — Ро деловито сделал инъекцию и спрятал использованный инжектор. — Понимаю, что в твоих угрозах больше половины — это бахвальство, но меньшая половина мне тоже не нравится. Согласись, глупо рисковать судьбой эксперимента на его финальной стадии.

— Что ты мне вколол? — угрюмо поинтересовался Вран.

— Не беспокойся, шмурдяк очень качественный, — Ро весело рассмеялся, — на этот раз больно не будет, даже сможешь словить крутой приход перед смертью.

Вран обречённо вздохнул и закрыл глаза. Галлюциногенный бред уже начал захватывать его сознание, и захотелось просто расслабиться и отдаться течению. Наверное, именно так он бы и поступил, поскольку сопротивляться действию наркотика было глупо, только продлишь агонию, если бы одна чёткая и в то же время тоскливая мысль ни принялась сверлить его мозг, заставляя сохранять осознанность.

— Ну что у меня за карма такая? — мысленно пожаловался Вран непонятно каким высшим инстанциям. — Стоит пообещать женщине защиту, как этот мерзавец снова меня убивает. Да, Василиса права, защитник из меня как из слона балерина, я способен только на пустые обещания.

Сознание Врана всё глубже погружалось в тёмный водоворот самобичевания, однако постепенно жалобы на несправедливую судьбу сменились укорами в собственный адрес за бестолково проваленную миссию. Впрочем, скоро и этот обвиняющий голосок смолк, уступив место равнодушию. Как и предсказывал Ро, тонуть было даже приятно, особенно, если перестать думать. Внезапно лёгкое похлопывание по щекам выдернуло сознание Врана на поверхность. Он даже не сразу понял, что открыл глаза, поскольку картинка почти не изменилась, но потом на фоне глючного морока обнаружилась задумчивая физиономия ратава-корги, с интересом наблюдавшего за жертвой своих параноидальных наклонностей.

— Ну и чего ты дожидаться? — язык Врана заплетался, а перед глазами мелькали какие-то абстрактные узоры, однако ему пока ещё удавалось сохранять способность последовательно мыслить. — Хочешь полюбоваться, как я буду подыхать?

— Кто же поверит в передоз связанного торчка? — Ро презрительно фыркнул, как бы давая оценку умственным способностям сталкера. — Придётся дожидаться, пока ты отключишься. Да ты не переживай, осталось недолго, я вкатил тебе двойную дозу этой отравы на всякий случай.

Слова ратава-корги оказались пророческими, вскоре голова умирающего упала на грудь, а его дыхание сделалось едва заметным. Ро отвязал своего пленника от кресла и оттащил его на кровать.

— Счастливых снов, — пожелал он на прощанье своей жертве, прежде чем скрыться за дверью.

Пару минут Вран не двигался, просто чтобы перестраховаться на случай внезапного возвращения убийцы, а потом его правая рука потянулась к груди, нащупывая амулет в виде головы ворона. Наверное, можно было бы посмеяться над столь прямолинейным намёком на его имя, но в действительности Вран не сам выбрал себе такую форму амулета. Это был стандартный гаджет, которым спасательная служба обеспечивала всех сталкеров. Внутри головы ворона содержалась стеклянная ёмкость с антидотом, и достаточно было поднять клюв птицы вверх, чтобы вскрыть запаянную ампулу с лекарством. Предосторожность была не лишней, так как в последнее время ратава-корги частенько камуфлировали свои нападения под передоз.

Пальцы Врана наконец нащупали птичий клюв, и скрытая пружина тихо щёлкнула, открывая ему доступ к спасительной жидкости. Увы, сил на то, чтобы донести ёмкость до рта умирающему уже не хватило, его сердце остановилось, и рука безвольно упала на одеяло.

— Зря я потерял целых две минуты на перестраховку, — на этой покаянной мысли сознание Врана наконец отключилось.

Жгучая горечь обжигающим потоком прокатилась по пищеводу и ядерным зарядом взорвалась в желудке. Мощный удар в грудную клетку, едва ни сломавший Врану рёбра, снова запустил его остановившееся сердце. Сталкер судорожно втянул воздух в лёгкие и открыл глаза.

— Ну наконец-то, — недовольно проворчал Танэр, — я уж думал, что опоздал с реанимацией. — Он скосил глаза на тёмное пятно от пролившегося из головы ворона антидота и осуждающе покачал головой. — Нужно будет сообщить разработчикам, что их примочки экстренной помощи ни фига не работают, пусть поломают голову над более надёжным способом купировать отравление.

— Откуда ты взялся? — прохрипел Вран, отчаянно борясь с попытками организма снова отправить его в нокаут.

— Ты только не злись, — в глазах стража появилось странное выражение не то смущения, не то азарта. — Я на всякий случай нацепил на тебя прослушку, уж больно хотелось узнать, как пройдёт встреча с инкарнацией твоей бывшей.

— Ну ты и жук, — Вран попытался приподняться, но дурнота снова уложила его в кровать. — Про неприкосновенность личности тебе, похоже, не рассказывали.

— Зато я вовремя засёк, что тебе грозит опасность, — принялся оправдываться Танэр.

— Ничего себе вовремя, — едва ни отправившийся домой сталкер скептически хмыкнул, — мне вот показалось, что ты вообще не торопился.

— Так ведь поначалу этот гадёныш вроде бы не собирался тебя убивать, — ничуть не смутился страж, — ты сам его спровоцировал.

— Тушё,— Вран беспечно рассмеялся. — Не получается у меня спокойно с ним общаться, так и подмывает брякнуть какую-нибудь гадость.

— Ну положим, тут твои чувства взаимны, — прокомментировал свои наблюдения Танэр, — Ро тоже к тебе явно равнодушен. Должен сказать, у вас прям классическая драма в стиле средневековых романов. Я аж заслушался. Кстати, я так и не понял, зачем ты ему рассказал, что Василиса является инкарнацией твоей Эвы.

— Хотел заставить его ревновать, — Вран недовольно нахмурился. — Думал, что тогда он отнесётся к ней не как к очередной подопытной мышке, а как к дорогой ему женщине, ну или хотя бы ценной вещи.

— Да, недооценил ты цинизм ратава-корги, — посетовал страж. — Хорошо, что ты спрятал Василису, похоже, на благородство и романтические чувства её любовничка рассчитывать не приходится. Ладно, пора отсюда сматываться, давай я помогу тебе подняться.

Первая попытка принять вертикальное положение оказалась для Врана неудачной и едва ни закончилась обмороком. Подкатившая волна дурноты быстренько уложила его обратно в постель.

— Что-то мне совсем хреново, — пожаловался он, — наверное, придётся принять ещё дозу антидота.

— Нет, я дал тебе уже две, — непреклонное выражение на лице стража ясно дало понять его пациенту, что рассчитывать на снисхождение не стоит. — Ещё одна доза убьёт тебя надёжнее, чем даже та отравка, которую тебе вколол твой поклонник. Похоже, с

наркотой Ро не поспешил, тут одним антидотом не обойтись, придётся тебе полежать под капельницей пару деньков.

— Уж не собираешься ли ты отвезти меня в больницу? — ехидно поинтересовался Вран. — Вот будет веселуха, когда меня не смогут найти ни в одной базе данных.

— У меня, как ты знаешь, имеется собственная база, и там есть всё необходимое для детоксикации, — Танэр быстренько пресёк эту неумелую попытку вымогательства. — Главное, дотащить тебя до машины.

— Ладно, давай попробуем ещё раз поставить меня на ноги, — сдался Вран, — только в случае успеха нужно будет сначала проведать Василису, а уж потом можешь везти меня в свою самопальную больничку.

— Я её уже проведаль, оставил запасной комплект ключей от квартиры, — сообщил Танэр. — Не переживай, всё с ней в полном порядке. Да, настроение у нашей арестантки слегка депрессивное, но это и не удивительно после вашей захватывающей беседы. Кстати, ты мог бы и поласковой обращаться с трепетной барышней, это ж надо было быть таким бесчувственным чурбаном, чтобы довести бедняжку до истерики. От меня, например, она и не подумала шарахаться, как от прокажённого.

— Тут дело вовсе не моих манерах, а во мне самом, — Вран обречённо вздохнул и оторвал голову от подушки. — Что бы мы там ни думали про стирание личности при перевоплощении в мире Игры, но Эва и Василиса — это всё же одно и то же сознание. Глазами Василиса, конечно, не воспринимает меня как знакомого, но её душа видит во мне человека, которого она когда-то любила больше жизни, и смерть которого стала для неё буквально концом света. Не удивительно, что ей страшно, ведь если она позволит себе дать слабину, то душа может и вырваться из оков здравого смысла.

— А ты видишь в ней Эву? — глаза любителя романтики азартно заблестели.

— Я тоже чувствую связь между нами, — не стал отпираться Вран, — но мне легче бороться с этим наваждением. Это ведь только моя личность не изменилась, а Василиса теперь совсем другая, в ней совсем ничего не осталось от Эвы.

— Жаль, а я рассчитывал насладиться хэппи эндом, — Танэр недовольно поморщился. — Неужели тебе совсем не хочется всё вернуть?

— Хэппи энды бывают только в кино, — нравоучительно заметил Вран, делая первый шаг к выходу, — а в жизни всё иначе. Ну зачем, скажи на милость, мне мучить совершенно чужую женщину, пытаюсь вернуть то, что давно погибло и похоронено под спудом времени? Я вовсе не желаю, чтобы она страдала ещё больше. Нет, эта история закончится банально, — он горько усмехнулся, — я вытащу Василису из очередной передраги и исчезну из её жизни.

— Ага, до следующей передраги, — Танэр скорчил язвительную гримасу. — И долго это будет продолжаться?

— Надеюсь, что долго, — вздохнул сталкер, — потому что если ратава-корги её найдут, то из ангелов-хранителей меня погонят поганой метлой.

Танэр прекратил доставать своего пациента, поскольку тому стало резко не до разговоров. Каждый шаг давался Врану с трудом, и воздуха не хватало даже на то, чтобы просто дышать. Путь до припаркованного у дома автомобиля занял у него не менее получаса, хотя всего-то и нужно было доползти до лифта, а потом спуститься с крыльца. В машине Вран всё-таки отключился, так что душещипательную беседу продолжить не удалось. А когда Танэр наконец дотащил его до дивана на своей базе, то бедолага практически сразу заснул, утыканный иглами катетеров как ёжик. Глубокий сон, больше похожий на обморок,

продлился до вечера и длился бы, наверное, ещё дольше, если бы Врана ни разбудили, причём в весьма грубой и бесцеремонной манере.

Очнувшись, он обнаружил, что лежит на полу мордой вниз со скованными за спиной руками, а рядом в не менее экстравагантной позе располагается бесчувственная тушка стража. Догадаться, кто сподобился вломиться на базу спасательной службы, было несложно, кроме ратава-корги никому бы это даже в голову не пришло. Видимо, Ро зачем-то вернулся в Василисину мансарду и, обнаружив, что тело убитого им сталкера куда-то благополучно смылось, решил добить упрямого мертвеца, дабы не мешался под ногами во время эксперимента. Что ж, этого, наверное, следовало ожидать и принять меры по защите базы, а не полагаться на то, что ратава-корги тупо не осмелятся проверить стража на вшивость. Увы, все мы сильны задним умом.

Один из захватчиков ухватил Врана за плечи и заставил подняться на ноги. Странно, но когда у пленника появилась возможность осмотреться, то своего пока несостоявшегося убийцу он как раз и не увидел, в комнате торчали только двое вооружённых пистолетами экспериментаторов. Это несомненно можно было рассматривать как позитивный фактор, практически единственный в данных обстоятельствах. Хотя нет, ещё одной приятной неожиданностью оказалась способность накаченного наркотой сталкера сохранять вертикальное положение без опоры на няньку. Похоже, страж действительно знал толк в детоксикации.

— Зачем ты притащил этого мужика? — Госер бросил неприязненный взгляд на Врана. — Нам свидетели не нужны.

— Ты даже представить себе не можешь, как нам повезло, — заявил Вен, улыбаясь от уха до уха. — Дело в том, что Вран — один из лучших сталкеров в Аэрии, возможно, даже самый лучший.

— Вот только выглядит он как-то паршиво, — прокомментировал неуместную радость подельника Госер, вглядываясь в бледное лицо пленника, — по-моему, он болен.

— Это его игровая оболочка больна, — Вен снисходительно усмехнулся неосведомлённости ассистента, — так сталкерам для работы она и не требуется, её всё равно придётся оставить в этом мире.

— Ты собираешься меня нанять? — ехидно поинтересовался Вран.

— Нет, это разовый заказ, — ничуть не смутился руководитель проекта. — Выполнишь задание и можешь быть свободен.

— С чего бы мне это делать? — голос сталкера буквально сочился желчью. — Не припомню, чтобы я когда-то клялся ратава-корги в вечной любви.

— Знаю, что не помнишь, — ответ Вена прозвучал довольно двусмысленно, но обдумать странную формулировку Вран не успел, поскольку в этот момент Танэр пришёл в себя, и обоих сталкеров под дулами пистолетов препроводили в угол комнаты, где и приковали наручниками к стояку батареи. — Давайте, я кое-что вам объясню, — принялся излагать свой ультиматум Вен, — один из вас должен будет провести нашу подопытную через барьер. Мне без разницы, кто это будет, но если вы оба откажетесь, кто-то отправится туда вместо неё, разумеется, в бессознательном состоянии.

— И по каким критериям ты собираешься выбирать счастличика? — Вран презрительно фыркнул, поскольку выбор казался ему очевидным. Разумеется, залётный сталкер, нарушивший приказ куратора, был гораздо более предпочтительным кандидатом для расправы, чем стационарный агент. Однако на сей раз он недооценил коварства замысла

ратава-корги.

— А мы бросим жребий, — по своему обыкновению влез в разговор Госер. — Тот, кому повезёт, получит билет в один конец, а другому придётся все будущие воплощения жить с мыслью, что он стал причиной гибели товарища.

— Есть добровольцы? — Вен внимательно оглядел понурившихся пленников. — Я и не надеялся, что вы сразу согласитесь, так что дам вам минут десять на обсуждение, — с этими словами оба ратава-корги как по команде развернулись и пошли на выход, однако далеко они не ушли, поскольку в спину им прилетел язвительный смешок Врана.

— Вот умора, — прокомментировал тот свою неадекватную реакцию, — целых два сталкера и ни одного клиента. — Можете подавиться своими угрозами, придурки, Василису вам всё равно не найти.

— А чего её искать? — Госер удивлённо пожал плечами. — Она сама к нам пришла.

Увы, это была чистая правда. Оставшись одна на конспиративной квартире, Василиса очень скоро почувствовала, как непонятное беспокойство, к которому она вроде бы успела привыкнуть, из мутного, но спокойного болота вдруг начало превращаться в бурное море и обретать мощь цунами. Через пару часов хождения из угла в угол добровольная арестантка уже не могла даже налить себе чаю, потому что её била нервная дрожь. Встреча с мужчиной, который был причиной её ночных кошмаров, оказалась для Василисы не просто мучительной, она буквально вывернула её душу наизнанку. Если поначалу один его вид вызывал у бедняжки неконтролируемую панику, то теперь и воспоминаний оказалось достаточно, чтобы лишить её душевного покоя.

Вариться в этом кипящем котле из самых противоречивых чувств в одиночку вскоре сделалось совсем невыносимо. Василисе просто жизненно необходимо было с кем-то поделиться, ощутить дружескую поддержку, может быть, получить мудрый совет. Стоит ли удивляться, что она сразу подумала о своём учителе? Возможно, до их последней захватывающей беседы, Василиса ещё десять раз бы подумала, прежде чем обратиться за помощью к Вениамину, но то доверие, которое она начала испытывать к своему учителю за его откровенность, склонило чашу весов в пользу визита в магическую школу, тем более, что на вечер у неё было запланировано очередное занятие. Так что, едва дождавшись назначенного времени, Василиса ринулась за помощью и, разумеется, угодила прямо в лапы беспринципных экспериментаторов.

— Василиса у вас? — эта новость буквально оглушила Врана, однако его коллега и не подумал опустить руки.

— А меня вот интересует другой вопрос, — нахально заявил Танэр, — каким образом два ратава-корги планируют затащить двух мужиков в наручниках в своё логово? Мы вообще-то не собираемся идти на заклятие как смиренные овечки.

— Так и не придётся, — Госер самодовольно ухмыльнулся, — на твоей базе имеется замечательный подвал со звукоизоляцией, мы уже проверили. Будет даже правильно, если утилизацией трупов займётся спас служба.

— Почему мы? — голос Врана прозвучал глухо, словно шёл из-под земли. — У вас ведь есть свой сталкер.

— Ро не годится, — спокойно пояснил Вен, — его интимные отношения с подопытной могут оказать на результат эксперимента негативное воздействие.

— Это вы сами так решили, или Ро просто отказался? — Вран так и впился глазами в лицо ратава-корги. Отчего-то для него было важно, чтобы верным оказался второй вариант.

Наверное, Вран так и не смог забыть, что когда-то они с Ро были друзьями.

— А какая разница? — удивился Вен. — Окончательное решение всё равно остаётся за руководителем проекта. По-моему, вы просто тянете время, — он осуждающе покачал головой. — Хватит разговоров, пора принимать решение.

Дверь за ратава-корги захлопнулась, и пленники остались один на один с неразрешимой проблемой. Обсуждать ультиматум им не хотелось, потому что хорошего варианта всё равно не было, но время шло, и нужно было что-то решать.

— Я это сделаю, — наконец мрачно процедил Танэр, — ты сейчас не в лучшей форме. Как бы тебе самому ни застрять в барьере. Я, конечно, не сканировал профиль Василисы, но может быть, всё не так паршиво?

— Без шансов, — Вран рассеянно посмотрел в потолок, словно там содержалось решение. — Возможно, лет сто назад я бы и рискнул, но с тех пор барьер сильно уплотнился, скоро уже обычные игроки не смогут его преодолеть. Спасибо, что готов лечь на амбразуру, Тан, — он благодарно улыбнулся стражу, — но это только моё дело.

— Тебе незачем это видеть, — возразил Танэр, — Василиса для тебя очень много значит, хоть ты это и отрицаешь, а мне она совсем чужая.

— Ты не понял, — Вран обречённо вздохнул, — я вовсе не собираюсь её угробить, есть способ провести Василису через барьер, и он тебе хорошо известен. Всем сталкерам о нём рассказывают во время обучения.

— Ты же говоришь не о замещении? — ошарашенно пробормотал Танэр, уставившись на своего товарища по несчастью с таким ужасом, словно тот вдруг превратился в чёрта с рогами. — Да, именно об этом ты и говоришь, — прокомментировал он свои наблюдения. — Совсем спятил? Это же самоубийство, да к тому же голая теория.

— Согласен, никто на практике этот метод не проверял, — Вран не стал спорить с очевидным, — в основном, потому, что он, так сказать, одноразовый. Тан, правда, для меня так будет лучше, чем смотреть, как Василисино сознание мучительно распадается на части.

— Можно подумать, что у твоего сознания имеется какой-то специальный иммунитет, — саркастически заметил страж. — Думаешь, когда ты перекачаешь в неё всю свою силу, то просто растаешь как снежинка на ладошке? Чёрта с два, по сравнению с тем, что с тобой потом случится, все твои сталкерские приключения покажутся детской игрой. И этот кошмар будет тянуться очень долго.

— К счастью, в проявленной реальности ничто не длится вечно, — Вран горько улыбнулся, — в том числе и страдания.

Танэру понадобилось не более нескольких секунд, чтобы переварить его слова. Очень быстро ошарашенное выражение на лице стража сменилось непреклонной решимостью.

— Я не позволю тебе совершить самоубийство, — в его голосе явственно зазвучала сталь, — просто не оставлю им никакого выбора, кроме моей кандидатуры.

— Сам же слышал, этот Вен считает меня лучшим сталкером Аэрии, — насмешливо отозвался Вран.

— Это пока он не в курсе, что ты до сих пор под кайфом, — Танэр опустил взгляд в пол, словно ему было стыдно за своё коварство. — Достаточно внимательно присмотреться к твоим расширенным зрачкам, чтобы больше не сомневаться в выборе.

Напряжение, повисшее после этих слов над головами пленников, было таким плотным, что казалось, будто его можно потрогать руками. Танэр так и стоял с опущенной головой, как бы отказываясь от дальнейших обсуждений, зато Вран буквально впился взглядом в

несговорчивого стража.

— Если ты угробишь Василису, — наконец процедил он, — то отправишься вслед за ней, как только я смогу до тебя добраться.

— Ты блефуешь, — отрешённо пробормотал Танэр, — я никогда не поверю, что сталкер способен из мести уничтожить своего товарища.

— А ты подними голову и посмотри в мои расширенные зрачки, — в голосе Врана прозвучала такая неприкрытая угроза, что страж не выдержал и покорно выполнил его распоряжение. — Ну как, ты всё ещё уверен, что я блефую? — глумливо поинтересовался сталкер.

— Да какого чёрта, — Танэр нецензурно выругался, — Кто я такой, в конце концов, чтобы спасти безумца от него самого?

Подвальные помещения стационарной базы спас службы произвели на Врана сильное впечатление, на поверку они оказались натуральными катакомбами. Правда до подвалов замка Гилмор им всё-таки было далеко, но для городской застройки владения Танэра были просто уникальны. Спускаясь по узким крутым ступенькам под землю, Вран невольно задумался над реальным назначением этих подвалов. Неужели начальство спасателей действительно предполагало содержать в них заключённых? Вначале эта мысль показалась ему абсурдной, но потом он вспомнил, как когда-то сам угрожал Ро пожизненным заключением в каземате своего замка, и ему сделалось не по себе. Скорей всего, подобные помещения имелись и в Аэрии, только никто этого не афишировал.

Войдя в подвал, выбранный ратава-корги для эксперимента, Вран даже не сразу увидел Василису, поскольку та забилась в самый дальний угол и цветом лица ничем не отличалась от стенки, которую белили, наверное, не ранее начала века. Вид у подопытной мышки был откровенно жалкий. Грязная и местами разорванная одежда, спутанная копна волос, распухшие губы и вишенкой на торте — глубокая ссадина на лбу. Картину маслом довершали стальные браслеты наручников на её запястьях. Зато глаза Василисы оставались сухими и горели эдаким боевым задором. Похоже, агрессорам так и не удалось подавить её дух сопротивления, а вот в том, что эта бойкая барышня оставила им на память парочку синяков и ссадин, Вран даже не сомневался.

Едва он переступил порог, как в глазах пленницы заметалась уже знакомая из предыдущего опыта их общения волна паники, и сталкер приготовился к очень тяжёлому разговору. Как ни странно, на этот раз Василисе довольно быстро удалось загнать свои инстинкты под плинтус, и вместо паники, её взгляд наполнился раскаянием. Ну ещё бы ей было ни раскаиваться, когда из-за её глупости и упрямства так лихо спланированная Враном спасательная операция пошла коту под хвост. По большому счёту, своим побегом она подписала ему смертный приговор.

— Ты же мне обещала не покидать убежища, — уныло проворчал сталкер, подходя к съёжившейся в углу беглянке. — Ну чего тебя потянуло на подвиги?

— Это конец? — обречённо прошептала та, глядя на Врана умоляющими глазами, словно он был волшебником из страны Оз.

Для того, чтобы понять, что дело совсем плохо, не нужно было быть волшебником, даже просто наблюдательный человек легко заметил бы, что несчастная женщина уже потеряла надежду на спасение и, прекратив сопротивление, медленно погружалась в пучину отчаяния. Как нетрудно догадаться, то был далеко не лучший настрой для встречи с барьером, и Вран незамедлительно приступил к привычной сталкерской работе — приведению психики клиента в приемлемое состояние. Для начала он обернулся к стоящему за его спиной Госеру и принялся распоряжаться с таким уверенным видом, словно был главой ратава-корги.

— Снимите с нас наручники и отвалите подальше к двери, оба, — его слова прозвучали приказом, не подлежащим обсуждению, и Госер по инерции потянулся к карману, где у него, по всей видимости, лежали ключи от наручников.

— Чем тебе могут помешать наручники? — вовремя вмешался Вен.

— А ты не видишь, что происходит с Василисой? — Вран бросил на него укоризненный взгляд. — В таком состоянии ей даже приближаться к барьеру противопоказано. Сначала её

нужно успокоить, а для этого мне придётся взять её за руки. Да не дрейфь, у вас же есть пистолеты, — подбодрил он засомневавшегося ратава-корги, — к тому же я ведь дал слово, что выполню свою работу, и я её выполню, можешь не сомневаться. Василиса теперь является моим клиентом, а потому я сделаю всё для её безопасности.

Немного поворчав, экспериментаторы всё же решились освободить пленников, и Вран действительно взял свою свежеиспечённую клиентку за руки.

— Всё будет хорошо, — проникновенно произнёс он, глядя ей в глаза, — только доверься мне, и я сумею провести тебя через барьер.

Тембр голоса сталкера почти незаметно изменился, наполнился непривычными обертонами и, казалось, обрёл способность проникать напрямую в сознание, минуя логические центры ума. Для непосвящённого этот фокус был как бы знаком дружеского участия, но на самом деле — просто одной из сталкерских психотехник, целью которой было переключение клиента с полного отрицания на конструктивное сотрудничество. Но не тут-то было, Василиса оставалась собой даже в самой отчаянной ситуации, когда, казалось бы, кроме упования на высшие силы, уже ничего другого не оставалось.

— Ты не Вран, а вран, — уныло отозвалась она. — Сам же недавно меня убеждал, что это невозможно. Хочешь, чтобы я добровольно пошла на заклятие? Зачем тебе это нужно? Просто делай своё дело и не морочь мне голову, сталкер.

Последнее слово Василиса выплюнула как обвинение, и Вран невольно вспомнил их разговор на конспиративной квартире. А ведь он тогда действительно не признался, что является сталкером, речь шла только о Василисином любовнике. Получается, он как бы специально её обманул, чтобы втереться в доверие. Что ж, этой въедливой барышне трудно было отказать в логике. К счастью, в заглавнике у сталкеров всегда имелось достаточно аргументов, чтобы растопить лёд сомнения клиента, даже если это сомнение уже успело превратиться в настоящий айсберг.

— Если бы я просто хотел тебя угробить, мне действительно было бы безразлично твоё психическое состояние, — теперь голос Врана звучал отстранённо, как бы озвучивая общеизвестную истину. — Кстати, я не пытался скрыть, что являюсь сталкером, просто не учёл, что тебе неизвестно, чем занимается спас служба Аэрии.

— Тогда зачем нужно было запугивать меня развоплощением? — нет, так просто Василису было не заморочить, тем более что теперь она уже была настороже. — Если я способна пройти через барьер, то от чего ты пытался меня защитить?

— Я тебя не запугивал, — сталкер устало вздохнул, как бы подчёркивая чистоту своих намерений, — в штатном режиме пройти барьер ты действительно не сможешь, но мне известен один секретный способ тебя провести. Обычно мы им не пользуемся, но данный случай трудно назвать обычным.

— Веди, — обречённо кивнула Василиса, — от меня-то что тебе нужно?

— Нужно чтобы ты успокоилась и сосредоточилась на моём голосе, — принялся инструктировать клиентку Вран. Её настрой, конечно, был пока далёк от идеального, но это уже был солидный шаг к сотрудничеству. — Я буду управлять твоими действиями, а ты будешь беспрекословно подчиняться. Малейшее сомнение может оказаться фатальным, так что давай заранее выясним, готова ли ты мне довериться.

— Ладно, я тебя слушаю, — наконец сдалась Василиса, — командуй.

— Нет, не сейчас, — поправился сталкер, — а когда мы покинем свои тела. Для тебя это состояние может оказаться некомфортным и даже вызвать замешательство, но ты не

должна паниковать, просто слушай мой голос. Хорошо?

— Как это покинем тела? — Василиса благополучно пропустила все прочие увещания и выхватила из контекста лишь одну фразу. — Нас что, убьют?

— Наши тела принадлежат этому миру, — принялся терпеливо объяснять Вран, — и должны будут остаться здесь, когда мы из него уйдём. Через барьер способно пройти только чистое сознание. Но пусть тебя это не беспокоит, — он сжал руки Василисы, видя, что та снова готова запаниковать, — как только ты окажешься в Аэрии, твой ум тут же создаст тебе новое тело, которое будет соответствовать параметрам нового мира.

— Они нас просто застрелят? — Василиса с опаской покосилась на ствол в руке Госера.

— Поверь, умирать совсем не страшно, — в голосе Врана уже появились нотки раздражения, поскольку он почему-то не ожидал, что его клиентка так заикнется на технической стороне вопроса. — Пуля в голову убивает очень быстро. Возможно, ты даже не успеешь понять, что произошло.

— А я и не боюсь, — заносчиво заявила Василиса, — просто хочу всё знать заранее.

— Вот и славно, — Вран вздохнул с облегчением, — тогда пора приступать к делу. Тебе понравится в Аэрии, я в этом даже не сомневаюсь, — он отпустил руки Василисы, и путешественники между мирами повернулись лицом к экспериментаторам. — Сначала в меня, — деловито скомандовал сталкер Госеру, — а потом сразу в неё.

— Я и без твоих указаний знаю, что нужно делать, — огрызнулся тот.

— Ну ещё бы, — Вран презрительно хмыкнул, — Василиса ведь не первая твоя жертва.

Госер злобно зыркнул на нахального сталкера, но дальше пререкаться не стал. Он быстро и умело проверил своё оружие, загнал патрон в ствол и прицелился в голову Врана. В замкнутом звукоизолированном помещении грохот выстрела был подобен грому с небес. Даже удивительно, что при таком светопреставлении эффект оказался на удивление скромным, да прямо скажем, вообще никаким. Вран не рухнул на пол с простреленной головой, а продолжал стоять как ни в чём ни бывало, насмешливо разглядывая непутёвого убийцу. Впрочем, дело было вовсе не в неуязвимости сталкера, просто в последнюю секунду Вен ударил своего ассистента по руке, державшей пистолет, и пуля ушла в потолок.

— Ты чего? — в голосе Госера прозвучала прямо-таки детская обида.

— Тут что-то не так, — Вен задумчиво посмотрел на проделанную пулей дырку в потолке, — он слишком уверен, хотя совсем недавно утверждал, что у Василисы нет ни единого шанса. Что ты задумал, Вран?

— Какие ко мне претензии? — возмутился сталкер, но как-то вяло, не по-настоящему. — Ты хочешь, чтобы Василиса прошла через барьер? Ну так я тебе это гарантирую.

— Вот это меня и смущает, — Вен сокрушённо покачал головой. — При пересечении барьера что-то гарантировать может разве что Создатель, но никак не сталкер. Всегда остаётся пространство для непредвиденных обстоятельств даже для обычных игроков, а уж для бывших..., — его подозрительный взгляд упёрся Врану в переносицу. — Замещение, я угадал?

— По-другому не получится, — не стал спорить сталкер, — это единственный способ.

Пока Василиса с Госером растерянно переглядывались, не понимая, о чём идёт речь, Вен стоял с опущенной головой, эдаким воплощением раскаяния. В чём заключалась его вина, было неясно никому из присутствующих, включая Врана, но то, что Вен в чём-то себя винил, было совершенно очевидно. Подозревать наличие совести у этого беспринципного

экспериментатора было бы слишком наивно для того, чтобы такая версия могла зародиться в головах наблюдателей сего странного перформанса, но тогда чего его так переклинило?

— Нет, этой жертвы я не приму, — Вен резко вскинул голову и снова посмотрел сталкеру в глаза, — только не от тебя, Вран.

Заявление ратава-корги прозвучало откровенным диссонансом с его же угрозой расправиться со строптивыми сталкерами в случае их отказа выполнить заказ. Так когда же он был искренен: тогда или сейчас? Несколько долгих секунд Вран вглядывался в мрачную физиономию фальшивого мага, словно надеялся разглядеть там какую-то зацепку, которая помогла бы понять его странное поведение, однако игровая оболочка Вена надёжно скрывала его тайны. Ясно было только одно, причиной было что-то личное.

— Я должен тебя знать? — в лоб спросил сталкер, обломавшись разгадать эту загадку.

— Нет, ты меня не помнишь, — в голосе Вена явно прозвучало сожаление, — зато я всё о тебе знаю.

— И что же такого ты обо мне знаешь, что отказываешься от единственной возможности успешно завершить свой эксперимент? — продолжил копать Вран.

— То, что ты собирался сделать, неприемлемо, — в голосе Вена зазвучал металл. — Какой смысл в эксперименте, если подтасовывать результат? Думаю, нам придётся обратиться за помощью к стражу, тебе я больше не доверяю.

— Танэр не станет вам помогать, — уверенно заявил Вран, — его не устраивает цена.

— Это обсуждаемо, — Вен решительно повернулся к своему ассистенту. — Приведи сюда нашего уважаемого хозяина, — приказал он, — думаю, мы сумеем договоримся о компенсации за его работу.

— Нет, ты не понял, — в глазах Врана появилось странное выражение то ли сожаления, то ли отчаянной решимости, — платить придётся самому Танэру.

Похоже, сегодня все участники этого драматического спектакля взяли за правило говорить загадками. Вен нахмурился, пытаясь понять, что стоит за словами сталкера, а тем временем Госер решительно направился выполнять приказ начальства, ему все эти заморочки были до лампочки. Наверное, следовало бы по достоинству оценить такое рвение, если бы этот приказ по своей недалёковидности не граничил с дебилизмом. Ведь руки пленников были свободны от наручников, и справиться с одним престарелым дядькой, даже вооружённым, было несомненно проще, чем с двумя. В сущности, сделать пленникам подобный подарок мог либо клинический идиот, либо тот, кто обладал всей полнотой информации. В данном случае оба варианта были неверны, а имели место иные два фактора: во-первых, шок, в котором, по всей видимости, пребывал Вен после открывшейся ему правде о намерениях Врана, а во-вторых, необъяснимая злость, которую испытывал к сталкеру Госер.

Увы, даже если бы прокол ратава-корги и предоставил пленникам шанс для бунта, воспользоваться им они бы не смогли, по крайней мере, Вран так уж точно. Дело в том, что концентрация отравы в его крови до сих пор зашкаливала, и всё, на что был способен сталкер — это худо-бедно держаться на ногах, да и то с трудом, так что о дополнительных физических нагрузках можно было благополучно забыть. Поэтому, видя удаляющуюся спину Госера, Вран только покачал головой, как бы сожалея об упущенной возможности, зато Василиса сразу воспряла духом и даже приняла более устойчивую стойку. Ну откуда ей было знать, что brutальный мужик, стоявший рядом с ней, был сейчас слабее котёнка? Впрочем, даже такого призрачного шанса пленникам не предоставили, в конце концов, просчитать

дальнейшие события смог бы даже первоклассник, насмотревшийся голливудских боевиков, а уж для аэров это было вообще тривиально.

— Стой, — прилетела команда в спину Госеру, — сначала надень на них наручники.

Тот резко притормозил и, достав из кармана наручники, направился к пленникам. Вран спокойно повернулся лицом к стене и завёл руки за спину, чтобы не нарываться на никому не нужную грубость, и только в этот момент заметил, что Василиса снова забилась в свой любимый угол, полная решимости сражаться до конца. Наверное, в столь радикальной позиции имелся определённый резон, ведь терять ей было уже совершенно нечего, и всё же Врана поразила холодная ярость, вспыхнувшая в тот момент её глазах, словно пламя костра, в который плеснули бензина. Да, это была вовсе не мягкая и чувствительная Эва, готовая расплакаться из-за сломанного крылышка бабочки, Василиса, наверное, могла бы собственными руками передавить всех бабочек в округе, если бы того потребовали обстоятельства.

Следовало признать, что те самые обстоятельства сложились явно не в пользу благоразумия. Вран сразу понял, что эта отчаянная валькирия не отступит, и оставалось либо присоединиться к её бессмысленному бунту, либо сделаться в её глазах предателем. Впрочем, парочка тумачков, а то и пулевых ранений погоды уже не делали, и можно было со спокойной душой сыграть в героя. Сталкер устало вздохнул и встал рядом с Василисой, загородив её своим телом. Всё, что он мог для неё сделать — это словить первые пули, в остальном толку от него было сейчас не больше, чем от той самой бабочки. При виде сего демонстративного жеста солидарности, Вен только осуждающе покачал головой, как бы выражая своё сожаление по поводу безрассудного поведения некоторых представителей высшей расы, зато на лице его менее сострадательного ассистента сразу расцвела злорадная улыбочка.

— Не ожидал от тебя такого подарка, Вран, — язвительно бросил Госер, направляя дуло своего пистолета в живот сталкеру, — меня уже давно тошнит от твоей наглой рожи.

Щелчок взводимого затвора прозвучал приговором защитнику отчаянных барышень, но расправы над беззащитным сталкером опять не случилось. В этот момент дверь в подвал распахнулась, и внутрь помещения вальяжно прошествовал Ро.

— Затеяли вечеринку без меня? — капризно поинтересовался он, с интересом окидывая взглядом сцену так и не состоявшейся драмы. — А кто это у нас там прячется за спиной неугомонного сталкера, который уже несколько часов назад вроде как должен был каяться перед своим начальством за самоволку? Васенька, вылезай из укрытия, дай на тебя посмотреть.

— Ну вот и всё, — Вран мысленно послал проклятие так не вовремя заявившемуся штатному сталкеру ратава-корги, — теперь Василису уже ничто не спасёт.

В тот самый момент, когда он прощался с обречённой женщиной, сцена вдруг резко изменилась. Откуда ни возьмись, в обеих руках Ро появилось по пистолету, причём стволы отчего-то были направлены не на пленников, а на его коллег.

— А ну живо бросили на пол свои пукалки и подняли передние конечности, — в голосе Ро была такая мощь, что идея о сопротивлении даже не пришла в голову горе-экспериментаторам, и они поспешно побросали своё оружие. — Лицом к стене, — поступила следующая команда, и парочка ратава-корги покорно отправилась выполнять новый приказ. — Ну и кому из вас пришла в голову мысль выбрать в качестве подопытной мою женщину? — грозно произнёс Ро, нависая над задержанными.

— Так ты не знал? — от осознания того, что он, оказывается, мог буквально двумя словами остановить весь этот кошмар, Врана накрыла волна дурноты. Ну почему он так легко поверил в то, что Ро цинично завёл роман с Василисой с единственной целью держать её под присмотром, чтобы потом как свинью пустить под нож? Да, обстоятельства их двух последних встреч явно складывались не в пользу доверительных отношений, но ведь когда-то они были друзьями.

— Серьёзно? — Ро развернулся всем телом к сталкеру и уставился на него злыми глазами. — Ты знал и промолчал? А я ещё изливал тебе душу, вот ведь идиот.

— Да мне даже в голову не могло прийти..., — начал оправдываться Вран, но ратава-корги грубо его оборвал.

— Заткнись! — его голос прозвучал набатом, возвещающим о конце света. — Я с тобой ещё разберусь, — мрачно пообещал Ро и отвернулся к застывшим у противоположной стены коллегам. — Слушайте меня внимательно, ублюдки, — прорычал он, — если кто-нибудь из вас подойдёт к Василисе ближе, чем на сто метров, даже случайно, пеняйте на себя. Я не поленюсь и буду отстреливать вас до тех пор, пока мир Игры ни превратит вас в аватаров, а потом сдам на опыты вашим же коллегам. Если моя мысль понятна, то валите отсюда, пока я ни решил начать прямо сейчас.

Горе-экспериментаторы не заставили просить себя дважды, через пару секунд их удаляющиеся шаги зазвучали на лестнице, пока совсем ни стихли.

— Васенька, с тобой всё в порядке? — теперь голос Ро звучал мягко, словно колыбельная, и Вран невольно позавидовал его способности к сценическому перевоплощению. Василиса вынырнула из-за его спины и предстала пред взором благородного спасителя эдакой апологией жестокого обращения со слабым полом. Едва взглянув на свою потрёпанную в схватке с коллегами любовницу, Ро буквально рассвирепел. — Зря я их отпустил, — процедил он сквозь зубы и тут же, за неимением более подходящих объектов, обратил свой праведный гнев на Врана. — Значит, они таки нашли мне замену, — теперь его голос так и сочился ядом. — А как же твои принципы, сталкер? Спустил в унитаз, когда запахло жареным?

— Отвали, — голос Врана прозвучал безразлично, как автомат. На самом деле всё это время он держался исключительно на адреналине, а когда напряжение схлынуло, отравленного сталкера накрыло уже по полной.

— Не знаю, чем они тебя взяли, — мрачно возвестил самопальный судья и палач в одном флаконе, загоня патрон в ствол, — но ты перешёл черту, Вран. И чего ты не сдох от передоза, когда я предоставил тебе такую замечательную возможность избежать позора? — Ро поднял руку, направляя дуло пистолета в голову сталкера.

— Полагаю, ты исправишь мой недочёт, — Вран безразлично посмотрел на своего убийцу и горько усмехнулся. Если не считать того, что его сознание едва ни отправилось в небытие, за сегодняшний день это была уже четвёртая попытка лишить его жизни, и Врану эта карусель уже порядком надоела. Увы, последняя попытка тоже не увенчалась успехом, как и все предыдущие.

— Нет, это было бы слишком гуманно, — заявил Ро, опуская оружие, — не хочу лишать тебя завтрашнего аттракциона под названием ломка. Только не думай, что этим всё закончится, у меня к тебе теперь длинный счёт.

— Ну если ты передумал меня убивать, я, пожалуй, прилягу, — пробормотал Вран. То, что случилось после его реплики, можно было бы охарактеризовать словом

«прилягу» только с очень большой натяжкой. Глаза сталкера закатились, и он просто рухнул на пол. Звук падающего тела, конечно, привлёк внимание ратава-корги, но тот уделил ему не больше внимания, чем жужжанию мухи. А вот Василиса сразу переполошилась, она сорвалась с места и бросилась на помощь. Попытка привести Врана в чувство оказалась тщетной, и добровольная сестра милосердия запаниковала.

— Он умер? — она подняла испуганные глаза на своего любовника.

— Вряд ли, — Ро даже не взглянул в сторону бесчувственного тела. — Если бы Вран ни принял антидот, то его труп уже давно бы остыл, так что он его точно принял. Отлежится пару дней и снова будет как огурец. Вот только завтра его ждёт незабываемое приключение, не хотел бы я оказаться на его месте.

— Герман, а что такое замещение? — вопрос Василисы явно застал Ро врасплох, он аж подпрыгнул на месте и буквально впился в неё ошарашенным взглядом.

— Откуда ты об этом знаешь? — голос изменил циничному ратава-корги и едва ни сорвался в фальцет.

— Вениамин обвинил Врана в том, что тот хотел подтасовать результаты эксперимента с помощью какого-то замещения, — безразлично пояснила Василиса, даже не подозревая, что в этот момент снова обрушила жизненные устои своего любовника, как и в тот раз, когда отказалась переселиться в Аэрию.

После её слов Ро застыл соляным столбом, уставившись на тело сталкера с таким видом, будто увидел его хозяина впервые в жизни. Да, наверное, непросто было смириться с тем, что тот, кого ты искренне, но безуспешно пытался презирать за несвойственную аэрам чувствительность, оказался способным на такую жертву всего лишь ради памяти о своих чувствах к давно умершей женщине.

— Не может такого быть, — голос Ро дрогнул, выдавая его шок. — Почему же он ничего не сказал, когда я тут сыпал обвинениями? Ты ничего не перепутала, Васенька?

— Прости, я так устала, — проямлила Василиса. — Можно я пойду домой?

Наверное, истинный рыцарь должен был бы тут же подхватиться и броситься провожать свою даму до самой двери её квартиры, а потом ещё удостовериться, что и в квартире ей ничего не угрожает, например, темнота или одиночество. Собственно, именно таким образом коварный ратава-корги и оказался в постели Василисы, однако на этот раз что-то пошло не так.

— Иди, только больше не прячься от меня, иначе мне будет сложно тебя защищать, — отрешённо пробормотал Ро, даже не глядя в сторону Василисы. Всё его внимание сейчас было сосредоточено на бледном лице Врана.

Когда слегка обиженная его равнодушием женщина покинула подвал, Ро ещё некоторое время потупил, а потом бережно поднял с пола бесчувственного сталкера и на руках отнёс его наверх, где и уложил в постель стража. Танэр не стал возражать против аннексии своего спального места и расположился на диване, но всё же не упустил возможности снова превратить своего обидчика в утыканного иголками ежа.

Случалось ли вам, просыпаясь утром, пожалеть о том, что сон уже закончился, и нужно возвращаться в унылые будни? Не сомневаюсь, что подобные чувства когда-нибудь испытывал каждый, кто вообще видит сны. Как правило, сожаления о снах мимолётны и эфемерны, они словно утренний туман почти незаметно растворяются в заботах наступающего дня, когда воспоминание о ярком сновидении затирается более насущными делами. Совсем иного сорта было сожаление Врана, когда он наконец очнулся на следующее утро. Кошмарная ломка мгновенно вцепилась в свою добычу когтистыми лапками изматывающей боли, выворачивающей нутро дурноты и наведённых панических атак. Болтаться в глючном мареве, конечно, тоже было не подарком, но по сравнению с побочкой наркотического отравления, глюки показались Врану просто милыми детскими шалостями.

— Хорош изображать дохлятину, — донёсся до ушей страдальца знакомый насмешливый голос, от которого его едва ни стошнило. — Открывай глазки, спящая красавица.

— Сгинь, — Вран скривился как от зубной боли, — я сегодня не подаю.

— Какая жалость, — продолжил стებაься Ро, — а я как раз собирался тебе исповедаться, только пока не решил: ты святой или псих.

— Узнал, значит, — сталкер всё-таки сподобился приоткрыть глаза, — и откуда?

— Василиса случайно обмолвилась, — пояснил Ро, — а потом уже твой приятель страж поведал мне душещипательную историю о вашей последней беседе. Кстати, последней в прямом смысле. Не думаю, что после твоей угрозы Танэр когда-нибудь станет с тобой общаться.

— Так ты поэтому записался в сиделки? — Вран горько усмехнулся. — Больше некому?

— Понимаю, что ты надеялся увидеть у своего смертного одра кое-кого другого, — голос Ро вдруг сделался каким-то виноватым, да и смотрел он почему-то в сторону, избегая прямого взгляда своего пациента. — Не обижайся, Василисе и так уже досталось по самое не балуйся, ей нужно прийти в себя.

— Значит, ты ей ничего не рассказал, — проницательно заключил Вран, — она до сих пор считает, что я собирался её угробить.

— Просто не успел, — Ро сразу бросился оправдываться, но получилось у него не очень искренне. — Как только Тан меня сменит, я сразу поеду к ней и всё расскажу.

— Не нужно, — голос Врана прозвучал отрешённо, как будто речь шла о чём-то неважном, — пусть так и остаётся, ей будет проще обо всём забыть. Но тебе нет нужды дожидаться Танэра, поезжай к ней.

— Ты от меня не отделаешься, даже не мечтай, — Ро сразу оживился, — я тут не просто торчу из сострадания к ближнему, я, между прочим, на дежурстве. Тебе нельзя больше отключаться, Вран, и даже спать, иначе ты из этого глючного морока ещё долго не вылезешь.

— А на фига нужно было колоть мне такую дозу, что даже аэрский антидот не может с ней справиться, — с обидой проворчал страдалец.

— Из чистого милосердия, — Ро и не подумал извиниться, — просто хотел, чтобы всё кончилось быстро. Никто же не мог предположить, что ты выживешь. Кстати, об этом, — на лице ратава-корги появилась хитрая улыбочка, — я ведь могу запросто из сиделок

переквалифицироваться в ангела милосердия и избавить тебя от страданий, только скажи.

— Это что у тебя теперь такое хобби — меня убивать? — съязвил Вран.

— Я правда не понимаю, зачем тебе мучиться, — в голосе Ро и впрямь прозвучало недоумение, — смерть ведь не отправит тебя на перевоплощение в мире Игры.

— Ага, она отправит меня прямиком в следственную тюрьму спас службы, — губы Врана скривились в саркастической усмешке. — Сталкерам, видишь ли, позволено помирать только в тех локациях, где обитают их клиенты, любое отступление от этого правила считается нарушением приказа и влечёт за собой весьма неприятные дисциплинарные последствия. Один раз я уже попал в жернова этой карательной машинки, — сталкер невольно скрипнул зубами, — больше не хочу. Лучше уж я вытерплю эту пытку, а потом просто свалю делать свою работу. В конце концов, ответственности за клиента с меня никто не снимал, а этот прохиндей и так уже получил солидную отсрочку.

— Ну как знаешь, — Ро беспечно пожал плечами, — моё дело предложить. Меня и в сиделках неплохо кормят.

— А можно обойтись без душеспасительных бесед? — попросил Вран. — Любой звук, который я извлекаю из своей глотки, вызывает рвотный рефлекс.

— Так тебе и не нужно разговаривать, — Ро обаятельно улыбнулся, — я сам буду развлекать тебя интересными историями, чтобы ты не вздумал заснуть. Хочешь расскажу, чем закончилась наша романтическая сага в замке Гилмор?

— Я и без тебя знаю, что своего обещания отцу Эвы ты не выполнил, — презрительно хмыкнул Вран, — нашёл среди обгорелых стен замка нашу с ней общую могилу, когда вернулся в ту локацию.

— Это случилось не в результате злого умысла, — ратава-корги обиженно засопел, — просто форс-мажорные обстоятельства. А знаешь, у нашей фортуны оказался весьма ироничный склад ума, — небрежно заметил он, — если бы я немного протянул с твоей казнью, скажем, перенёс бы её на утро, то вы оба с Эвианой остались бы живы.

— И что бы тебе помешало прикончить меня утром? — Вран уже забыл про тошноту и азартно включился в беседу.

— Нападение твоих людей, — угодливо пояснил Ро.

— Каких ещё моих людей? — у Врана от такого заявления мурашки побежали по позвоночнику в предвкушении трагических подробностей развязки. — В замке было не более тридцати мужчин, способных держать оружие, включая мою личную гвардию. Как они могли напасть на сотню отборных вояк герцога?

— Если честно, я так до сих пор и не понял, как ты умудрился их так зазомбировать, — рассмеялся ратава-корги. — Подобная преданность своему лорду противоестественна, согласишься, даже учитывая, что ты всех их спас от расправы. Кстати, напавших было не меньше полусотни, и среди мужиков попадались тётки, по крайней мере, я узнал дочку садовника.

— Я так понимаю, закончилось всё печально, — Вран горько улыбнулся.

— В точку! — отчего-то случившаяся трагедия вызвала бурный восторг Ро. — Одна беда, печалиться пришлось герцогским воякам.

— Что ты хочешь этим сказать? — на лице сталкера появилось выражение полного недоумения.

— Вран, а ты знал, что у тебя под замком имелся подземный ход? — вместо ответа поинтересовался рассказчик.

— Предшественник что-то упоминал, — Вран наморщил лоб, словно пытался припомнить подробности, — но я туда ни разу не спускался.

— А вот кто-то из твоих парней, оказывается, не поленился изучить сие архитектурное излишество, — ехидно заметил ратава-корги, — а другой от души сыпанул в бочки с вином отравы для крыс. В общем, когда ночью вооружённая свора проникла по подземному ходу в замок, герцогское войско уже было небоеспособным. Большинство вообще успело окочуриться, а те, кто пил в меру, с трудом держались на ногах. Потерь среди нападавших практически не было.

— Ну ты-то не стал бы пить вино из бочки, — Вран глумливо подмигнул рассказчику, как бы намекая на его капризы в отношении качества продуктов и напитков, — значит, должен был оказать сопротивление.

— Должен, но не оказал, — тяжело вздохнул Ро. — Не поверишь, но меня эта экзекуция вымотала не меньше, чем тебя, так что в момент нападения я не слишком сильно отличался от мертвеца. И нет, меня не зарезали во сне, — он невольно скрипнул зубами, — меня повесили во дворе замка, причём за ноги, так что я имел сомнительное удовольствие лицезреть те почести, которые эти варвары оказывали твоей дохлой тушке.

— Так они устроили мне похороны? — удивился Вран.

— Мягко говоря, — Ро недовольно поморщился. — На самом деле для твоего погребального костра эти огнепоклонники вытащили во двор почти всю замковую мебель. Зрелище было просто феерическое, жаль, что я не смог досмотреть его до конца. Могли бы, между прочим, учесть ограниченную живучесть зрителя и повесить меня немного позже.

— Значит, ты не знаешь, отчего умерла Эва? — Вран быстренько переключил рассказчика с сетования о непредусмотрительности палачей на более интересный предмет.

— Отчего же, — Ро болезненно скривился, — она свою роль в этом спектакле отыграла ещё до моей бесславной кончины. Сверху мне всё было отлично видно, хоть и в перевёрнутом виде. Ладно не буду тебя мурьжить, — его голос вдруг сделался тихим и мягким, словно этот лицедей опять решил кого-то обаять. — Когда всё уже было готово к началу представления, Эва вдруг вышла во двор в какой-то белой рубашке и с распущенными волосами, а в руках она несла твоё сердце. Представляешь, что тут началось?

— Она потеряла рассудок, — обречённо прошептал Вран.

— Как бы не так, — Ро скорчил недовольную мину, — это все остальные будто свихнулись. А пока ошарашенные зрители подбирали свои упавшие челюсти, твоя малышка бодренько вскарабкалась на кучу мебели и улеглась рядом с твоим телом. Похоже, всё-таки зря ты её утащил с костра инквизиции. Если кому суждено сгореть, то этого не изменить даже океаном воды.

— Они дали ей сгореть заживо? — лицо Врана так побледнело, что его бестолковая сиделка переполошилась.

— Зря я тебе рассказал, — Ро в отчаянии всплеснул руками, — ты только не вздумай помереть, я не собираюсь носить тебе передачи в тюрьму. Всё, закончили на этом.

— Нет уж, рассказывай до конца, — возмутился Вран, — я не трепетная барышня, как-нибудь переживу.

— Да собственно, нечего больше рассказывать, — Ро отвёл взгляд, чтобы не видеть полные боли глаза сталкера. — Они, конечно, пытались оттащить Эву от костра, но твоя принцесска оказалась той ещё законницей. Что-то она такое им выдала про священный завет и на десерт заявила, что любой, кто помешает жене уйти вместе с мужем, будет проклят до

седьмого колена вместе с родственниками. В общем, никто не рискнул. Меня, понятное дело, не спрашивали.

В комнате повисла тягостная тишина, только где-то за стеной тикали часы, да ветер завывал под окном, возвещая приход осени. Врану так хотелось хоть ненадолго прикрыть глаза, чтобы не видеть сочувственную мину на физиономии циничного ратава-корги, но даже этого он не мог сделать, поскольку не сомневался, что бесцеремонная сиделка бдит на своём посту. Нет, этот рассказ не стал для него шоком, хотя представлять себе последние минуты жизни любимой женщины Врану было невыносимо больно. Но это был её собственный выбор, и он не считал себя в праве осуждать Эву за нежелание жить после его смерти. Ещё неизвестно, как бы повёл себя вроде бы хладнокровный сталкер, если бы получил в подарок кровоточащее сердце любимой женщины. Не исключено, что вообще бы свихнулся. И тут новая мысль молнией пронзила его мозг.

— А знаешь, не такие уж они разные, — задумчиво пробормотал Вран, — это всего лишь маски, не более. Эва предпочитала маску ласкового шаловливого котёнка, а Василиса прячется по маской колючего ёжика, но внутри у обеих стальной стержень, который невозможно не только сломать, но даже согнуть.

— Согласен, твоя Эва была той ещё штучкой, — покачал головой Ро. — Я прям не ожидал, как спокойно она воспримет известие о твоей смерти. А уж её комментарий по поводу моего подарочка до сих пор не выходит у меня из головы.

— Она что-то сказала? — Вран резко приподнялся на локтях, и этот порыв едва ни стоил ему очередного обморока. — Скажи, мне нужно знать.

— Сказала, что я напрасно трудился, вырезая сердце из твоей груди, поскольку оно и так всегда принадлежало ей, — выдал Ро на одном дыхании. Видимо, эти слова действительно запали ему в душу, и он их помнил почти дословно.

Глаза Врана застыли холодными льдинками, да и сам он словно заледенел. В отличие от бесчувственного аэра, ему-то было отлично известно, чего стоила Эве эта показная вежливость, превратившая задуманную этим живодёром трагедию в фарс.

— Похоже, Эва тебя обломала даже круче, чем я, — горько усмехнулся сталкер. — Не сомневаюсь, что и Василиса при случае в лёгкую сделает из тебя посмешище.

— Она ведь тебе нравится, — Ро зло уставился в глаза насмешнику, — можешь не притворяться. Так какого лешего ты хочешь, чтобы Василиса считала тебя злодеем?

— Скажи спасибо своей изобретательности, — в тон ему ответил Вран. — После твоего кровавого перформанса, Василисе тяжело даже просто рядом со мной находиться, а уж о близости даже речи не идёт.

— Она тебя боится? — Ро подозрительно покосился на обвинителя. — Странно, это ведь я убийца.

— Если бы всё было так просто, — тяжело вздохнул Вран. — Нет, Василиса боится не меня, а себя, понимаешь?

— Нет, не понимаю, — Ро зло прищурился, явно подозревая, что ему просто морочат голову. — Или ты хочешь сказать, что она боится снова в тебя влюбиться?

— Не обязательно в меня, — пояснил свою мысль Вран, — просто влюбиться. Василиса боится открыться жизни, потому что эта жизнь устроила ей такую подставу, что даже смерти было не под силу. Понимаешь, между Эвой и мной не существовало никаких преград, наши души общались открыто, не прячась за условностями или традициями. Жизнь беспрепятственно текла сквозь нас как полноводная река, и мы не возводили на её пути

мостов и плотин. В каком-то смысле мы оба были очень уязвимы, и ты умудрился нанести Эве удар в самое уязвимое место. Даже не представляю, как ей было больно.

— Так она просто закрылась, что спастись от моего удара? — тихо спросил Ро.

— Было бы странно ожидать, что Эва не попытается защититься, — Вран задумчиво кивнул. — Знаешь, дети тоже часто накрываются с головой одеялом, чтобы не видеть, что творится вокруг. Вот и она отгородилась от жизни защитной скорлупой. Только не подумай, что я её в чём-то виню. Подозреваю, что альтернативой изоляции в этом ментальном коконе было полное безумие. Вот только дальше жить Эва не собиралась, а кокон по наследству достался её инкарнации. Ты знаешь, что Василиса постоянно видит во сне ту сцену с моим сердцем в шкатулке?

— Засада, — Ро недовольно поморщился, — значит, она знает о моём участии в той трагедии?

— Возможно, догадывается, — согласился Вран, — но думаю, что образ благородного спасителя, эдакого рыцаря в сияющих доспехах должен был уже затмить образ циничного убийцы. Так что не теряйся.

— А ты спокойно отойдёшь в сторону? — Ро с любопытством покосился на потенциального соперника, уступающего поле боя без малейшего сопротивления.

— Даже не надейся, — обломал его Вран. — Василиса ведь барышня безбашенная, постоянно лезет в неприятности, так что я давно уже за ней присматриваю и вмешиваюсь, когда ей грозит опасность. В этом плане ничего не изменится, я и впредь буду рядом, но мешать вашим отношениям не стану, вдруг тебе удастся разбить её скорлупу.

— Не думаю, что нашим отношениям сильно поможет, если один навязчивый сталкер будет постоянно маячить перед глазами, — заметил Ро.

— Василиса меня даже не увидит, — Вран самоуверенно ухмыльнулся.

— Это как когда ты дефилировал перед ней в шёлковом банном халате? — с самым невинным видом поинтересовался ратава-корги.

— Так ты меня узнал, — Вран попробовал было рассмеяться, но тут же закашлялся от недостатка воздуха.

— Трудно было ошибиться, — согласился Ро, — правда, я решил, что ты явился по мою душу. Эффектное было явление, прям ангел возмездия в развивающемся плаще. Неужели так спешил, что даже не хватило времени накинуть пальто?

— Вообще-то, не хватило даже на то, чтобы спуститься по лестнице, — Вран улыбнулся, вспоминая устроенное им представление, — я сиганул со второго этажа из окна ванной, так что считай, вам с Василисой ещё повезло, что мне под руку подвернулся халат, иначе пришлось бы нашей скромнице любоваться незнакомым мужиком в negligé.

— А ты знаешь, что своим акробатическим этюдом ты сам толкнул Василису в мои объятия, — ехидно поинтересовался Ро, — в буквальном смысле, — уточнил он.

— Даже не пытайся вызвать во мне ревность, — Вран снисходительно усмехнулся, — это твоя фишка. К любви или дружбе ревность не имеет никакого отношения, это просто чувство собственника к объекту своей страсти. Скажи, ты действительно считал меня своей собственностью?

— Проехали, — проворчал Ро, — я с немощными не воюю.

— Так я и не предлагаю, — Вран беспечно пожал плечами, — просто удивляюсь твоей твердолобости. Неужели неясно, что счастье любимого человека всегда важнее твоего собственного? Это же даже дураку понятно. Ну как можно ревновать к тому, кто делает

дорогого тебе человека счастливым?

— А как же моё счастье? — возмутился Ро. — Предлагаешь им пожертвовать?

— Боюсь, ты не очень хорошо понимаешь, в какую игру собираешься ввязаться, — лицо Врана вдруг помрачнело. — Психика Василисы больна, и тебе придётся быть очень терпеливым, если ты хочешь её вылечить и сделать счастливой. Сейчас она вовсе не беззащитна, скорлупа, созданная ею в предыдущем воплощении, надёжно охраняет её душевный покой от всяческих потрясений. Если прямо сейчас ты её бросишь или отмочишь ещё какую-нибудь гадость, то это не станет для Василисы концом света, она это переживёт. Но если ты это сделаешь после того, как разобьёшь её скорлупу, то ещё одного удара она может и не выдержать.

— Вран, побойся бога, между мужчиной и женщиной всякое может случиться, — принялся оправдываться герой любовник. — Как я могу гарантировать, что буду вместе с Василисой вечно?

— Тогда вообще не лезь, — отрезал Вран, — потому что если ты умудишься разбить ей сердце, то я вспомню, что являюсь лучшим сталкером Аэрии.

— Какая ирония, — Ро весело рассмеялся, — ты угрожаешь развоплощением тому, кто всего несколько часов назад избавил тебя именно от этой участи. Да если б я вовремя ни догадался, где эти горе-экспериментаторы станут искать мне замену, одного неблагодарного сталкера уже не существовало бы в природе.

— Ошибаешься, причём дважды, — спокойно возразил Вран. — Во-первых, сознание не может распасться за несколько часов, на это уходят дни, если не недели, а во-вторых, когда ты прискакал на белом коне с шашкой наголо, мне уже развоплощение не грозило. Вен догадался, что я собрался сделать, и от моих услуг отказались. Кстати, странный он какой-то, этот Вен. Ты его давно знаешь?

— Когда двести лет назад я пришёл к ратава-корги, он уже тогда был самым старым членом нашей организации, — Ро и не подумал обидеться и с удовольствием включился в новое обсуждение. — Удивительно, что Вен никогда не пытался вылезти в руководители, предпочитал работать в поле, но это не самая большая его странность. Он буквально помешан на идее спасти всех зависших после стирания игроков и ни с чем не считается ради достижения этой своей цели. Вот он бы точно сдал свою женщину на опыты даже без малейших колебаний. А почему ты спросил про Вена?

— Похоже, он меня хорошо знает, — пояснил Вран, — а я его совсем не помню.

— Так ты вообще много чего не помнишь, — Ро хитро подмигнул своему пациенту. — Возможно, вы когда-то вместе стояли у истоков создания ратава-корги, ты же последний выживший Ставрати.

— Опять ты за своё, — в голосе Врана появились нотки раздражения. — Я больше не куплюсь на твои вербовочные трюки, особенно, посла того, что случилось.

— Напрасно ты недооцениваешь свою связь с ратава-корги, — Ро уверенно поднялся на ноги, потому что за дверью послышались приближающиеся шаги Танэра. — Рано или поздно ты к нам всё равно придёшь.

— Пока что у меня имеется лишь одно желание — держаться от вас подальше, — презрительно бросил Вран.

— Что ж, можешь начинать держаться от меня подальше прямо начиная с этой минуты, — Ро помахал рукой своему пациенту и выскользнул за дверь, и только тогда Вран ощутил, что боль, терзавшая его всего час назад, больше его не мучит. Разговор с ратава-

корги оказался целебным. А вот о том, что и его предсказание тоже оказалось пророческим, Врану только предстояло узнать.

Сосны приветливо помахивали своими мохнатыми лапами за окном, покорно принимая игру, навязанную лёгкими, почти неосязаемыми касаниями воздуха. Ветра не было и помине, и это отчего-то вызывало в душе Василисы детское чувство обиды на невовремя расслабившуюся стихию. Сейчас ей хотелось, чтобы за окном бушевала буря, чтобы эти ленивые сосны вскидывали свои лапы к небесам, моля о пощаде, а лучше бы им вообще поотрывало их мохнаты конечности. Может быть, тогда горечь, копившаяся в её душе подобно мерзкому гнойнику, смогла бы прорваться наружу, избавив страдальицу от невыносимой боли.

Самое обидное заключалось в том, что Василиса даже не понимала причины своей депрессии. Казалось бы, после всего пережитого чудом спасённая женщина должна была бы пребывать в эйфории и возносить благодарность судьбе, а также благородному рыцарю, в последний момент вырвавшему жертву из когтей злодеев. Но нет, ничего подобного Василиса не испытывала, даже пресловутой благодарности, только боль и обиду. Возможно, это и был тот самый посттравматический синдром? Но тогда он проявлялся каким-то необычным образом. По идее, Василиса должна была бы испытывать страх, но никак не обиду. Разумеется, предательство учителя, которому она только-только начала доверять, могло спровоцировать такую реакцию, вот только мыслей о Вениамине в её голове сейчас не было от слова совсем.

Собственно, ни о чём конкретном Василиса вообще не могла думать. Хоровод обрывочных образов и бессвязных воспоминаний беспрепятственно крутился перед её внутренним взором, сворачиваясь змеиным клубком и распадаясь на отдельные фрагменты. Отчего-то идеи взять это хаотичное броуновское движение под контроль даже не возникало, Василиса тупо отбивалась от нападения отдельных змеюк, заранее смирившись с поражением в этой неравной борьбе. И дело тут было вовсе не в пресловутой неспособности женщин к стратегическому мышлению, эту басню Василиса уже давно списала как совершенно несостоятельную, да и занятия псевдо-магией всё-таки имели позитивный выхлоп, научив её концентрации и самоконтролю. Причина неспособности Василисы справиться с этим мутным эмоциональным потоком заключалась в том, что ей совершенно не хотелось узнать правду.

А правда заключалась в том, что она впервые в жизни поверила мужчине, причём без каких бы то ни было рациональных оснований, просто повинувшись внутреннему порыву. Поверила даже не потому, что, кроме слепой надежды, ничего больше не оставалось, причиной её веры в спасение был сам Вран. Тут сработала не логика или интуиция, а чувства. Что ж, Василисе было не впервой сталкиваться с этой соблазнительной обманкой, но отчего-то раньше набитые на фронте отношений с мужчинами шишки вызывали у неё лишь презрительную усмешку, да ещё, пожалуй, благодарность за полученный урок. Сейчас всё было иначе, ей даже вспомнить о предательстве Врана было страшно, не говоря уж о том, чтобы извлечь урок из своей легкомысленной доверчивости. Проще было вообще об этом не думать.

Увы, очень быстро Василиса убедилась в том, что так это не работает, наспех похороненные воспоминания лезли из всех щелей, своей бесцеремонностью доводя бедняжку до иступления. Копить всю эту мерзость в себе сделалось совсем уже

невыносимо. Чтобы не отравиться собственной горечью, Василисе требовалось куда-то её выплеснуть. К сожалению, в Бафином доме с кандидатами на роль спасительной жилетки было не густо, собственно, очередь состояла из одной единственной престарелой дамы, которую Василисе было откровенно жалко. А тут ещё и солнечная тёплая погодка, как назло, добавила раздражения своим кричащим диссонансом с её душевными терзаниями. В общем, всё было плохо.

Если вы достаточно наблюдательны, то не могли ни заметить, что у насмешницы-судьбы всегда имеется в рукаве джокер, который она и бросает на игровой стол в самый критичный момент. Действительно, какой интерес в том, чтобы добивать лежачего или наблюдать, как болотная жижа с противным чавканьем смыкается над головой неудачника? Гораздо забавнее позволить глупым людишкам немного побарахтаться, например, протянуть руку помощи или спасительную соломинку, чтобы сценарий не обрывался на интересном месте. Вот такая соломинка и объявилась в доме Серафимы Яковлевны именно в тот момент, когда Василиса уже готова была взорваться.

За окном вдруг послышался рокот автомобильного движка, и гостеприимная хозяйка распахнула свои объятия неожиданной гостье. Впрочем, неожиданной она, скорее всего, была только для Василисы. Зная изобретательный склад ума Серафимы Яковлевны, можно было не сомневаться, что этот визит был частью специальной операции по спасению любимой внучки от хандры. Василиса затравленно зыркнула в сторону лестницы, откуда уже явственно доносился звук шагов, и с трудом удержалась от того, чтобы ни сбежать в мансарду. Вместо этого, она нацепила на свою недовольную физиономию насквозь фальшивую улыбочку, которая гораздо больше напоминала злобный оскал, нежели выражение радости. Всё-таки обижать бабулю ей не хотелось.

— Лисёнок, посмотри, кто к нам приехал, — возвестила появление гостьи Серафима Яковлевна, вскарабкавшись по ступенькам. — Представляешь, Варенька случайно оказалась рядом с нашим домом и согласилась попробовать мой мясной рулет.

— Бафи, я же не вчера родилась, — Василиса не купилась на это откровенное враньё и скорчила осуждающую гримасу. — Думаешь ещё одно кошмарное предсказание — это именно то, чего мне сейчас не хватает?

— Фу, как можно быть такой невежей, — нарочито возмутилась коварная манипуляторша. — Не позорь меня перед гостьей, а то Варенька может подумать, что твои дурные манеры — это результат моего воспитания.

— Простите, Варвара, я вовсе не против конкретно Вас, — Василиса покаянно опустила голову, — просто у меня тяжёлый период в жизни, и не хочется, чтобы окружающие из-за этого пострадали.

— Не беспокойся, я не стану тебе гадать, если, конечно, ты сама ни попросишь, — Варенька участливо улыбнулась и присела на край Василисиного дивана, — но мне ужасно интересно узнать, что из предсказанного раньше уже сбылось.

— Да считай всё, — горько усмехнулась Василиса. — По тому розовому пупсу, которого я считала своей жизнью, словно катком проехали, только косточки захрустели.

— Милая, что за ужасы ты рассказываешь, — Серафима Яковлевна в отчаянии всплеснула руками, — разве можно так?

— Именно это и должно было случиться, — успокоила нервную старушку Варенька. — А что конкретно произошло? — снова обратилась она к Василисе.

— Наш мир оказался совсем не тем, чем притворялся, — Василиса тяжело вздохнула и

покосилась на бабушку, типа, продолжать или не стоит. Серафима Яковлевна правильно истолковала сей язык жестов и, сославшись на ужин в духовке, поспешила оставить двух женщин наедине. — Все, кто меня окружал, тоже только притворялись людьми, да и я сама, как выяснилось, в каком-то смысле не человек. А вдобавок меня предали все, кому я верила. Достаточно для персонального апокалипсиса?

— Но ты же это пережила, — в голосе Вареньки было столько ехидства, что Василиса невольно заподозрила какую-то подставу. — Как я и обещала, облетела только шелуха, но то, что было настоящим, никуда не делось. А как насчёт твоего сакраментального выбора? — поинтересовалась тарологиня.

— Да там и выбирать не из кого, — глаза Василисы вдруг наполнились болью. — Оба мужика, которых Вы мне напророчили, оказались козлами. Нет, даже не козлами, а преступниками, — поправились она. — Вся разница только в том, что один совершил своё преступление в далёком прошлом, а другой — совсем недавно. Интересно, а там была опция — вообще не выбирать? — неуверенно промямлила она.

Варенька поднялась с дивана и решительно направилась к ломберному столику, приняв вопрос своей бывшей клиентки за желание продолжить общение с картами. Развернув ширму, она поманила Василису. Вскоре перед тарологиней веером разлеглись картинки карт, среди которых были и те голенькие человечки, которые обозначали выбор, а вот страшная башня отсутствовала.

— Видишь, со своей катастрофой ты благополучно справилась, — Варенька провела ладонью над картами, — теперь тебе открылся новый путь. Но вот сможешь ли ты по нему пойти, по-прежнему зависит от твоего выбора, — пальчик с безукоризненным маникюром постучал по карте «любовники». — Свой выбор ты пока не сделала.

— Да не могу я, — в отчаянии выкрикнула Василиса, — мне вообще никто из этих мужиков не нужен.

— А почему ты решила, что тебе нужно выбрать мужчину? — Варенька удивлённо скосила глаза на нервную клиентку. — Я только сказала, что в твоих бедах будут виновны мужики. Это так и случилось?

— А как же, — фыркнула Василиса, — будь моя воля, я бы кастрировала этих уродов. Так из чего же я должна выбирать? — она подняла глаза на гадалку и снова, как и в прошлый раз, её окатило холодом из бездонного колодца, в который превратились глаза Вареньки.

— «Быть или не быть, вот в чём вопрос», — загробным голосом процитировала тарологиня. — Жизнь порой приносит нам много боли и страданий, кто ж с этим спорит. Ну так и радости тоже не на грядках растут, они — обратная сторона той монетки, которую подбрасывает рука судьбы. Угадать, что выпадет, невозможно, нам позволено лишь отказаться от этой азартной игры вовсе.

— Вообще не жить? — Василиса ошарашено уставилась на гадалку.

— А ты сейчас живёшь? — вопросом на вопрос ответила та. — По-моему, ты словно на войне, либо бросаешься в штыковую атаку, либо сидишь в глухой обороне. Может быть, уже пора заключить мир со своим извечным врагом? Ну или хотя бы перемирие?

— Вы не понимаете, о чём говорите, — Василиса в отчаянии закусил губу и даже не заметила, как по её подбородку заструился кровавый ручеек. — Это не какие-то мои капризы, а натуральное inferнальное зло.

— Наш мир не состоит только из чёрной и белой красок, — глаза Вареньки снова сделались нормальными. Она выудила из кармана носовой платок и протянула клиентке, —

он многоцветный, яркий и очень красивый, но увидеть его настоящим может лишь тот, кто готов ему открыться. А inferнального зла вообще не существует, как нет и безусловной благодати, это наш ум навешивает ярлыки на, в сущности, нейтральные явления.

Сеанс гадания, закончившийся странной проповедью о добре и зле, был очень вовремя прерван приглашением на ужин. Трапеза и на этот раз прошла в молчании, хотя страдальческое выражение на лице Серафимы Яковлевны явственно свидетельствовало о том, что бедняжку буквально разрывает от любопытства. Однако мудрая бабуля не стала теревить свою внучку, поскольку долгая жизнь научила её грамотно расставлять приоритеты. Сейчас в приоритете было душевное спокойствие Василисы, и Серафима Яковлевна покорно прикинулась неживым объектом, типа элемента обстановки. Варенька тоже не стала задерживаться в гостях, едва покончив с мясным рулетом под грибным соусом, она вдруг заторопилась домой, даже не дождавшись чая с десертом. А Василиса даже не заметила, что вокруг неё происходят какие-то события, поток странных и непривычных мыслей стремительно уносил её в неведомое.

Наверное, это было даже к лучшему, что откровения тарологини застали Василису в тиши и уединении бабушкиного дома, где можно было без помех обдумать запавшие в душу слова. Увы, характер у судьбы весьма далёк от альтруистического, а потому её подарки никогда не бывают бесплатными. Даже самую незначительную поддержку приходится отрабатывать, а уж столь кардинальное вмешательство и подавно. Так что можно было даже не удивляться тому, что с раннего утра Василису вызвонил папочка с радостной вестью. Оказывается, Кларисса сменила гнев на милость и в качестве извинения за устроенный облажавшемуся эксперту скандал прислала на экспертизу очередной безвкусный шедевр старинной ювелирки.

Делать нечего, Василиса быстренько собралась и укатила отрабатывать свой косяк. Кто ж мог предполагать, что в рабочей мансарде её уже поджидал сюрприз, способный не только разрушить созерцательный настрой трепетной барышни, но и вообще довести её до нервного срыва. Самое забавное заключалось в том, что Василиса даже не сразу его заметила, она скинула туфли и тёплую куртку в прихожей и, не заходя в комнату, проследовала в ванную. Идея немного понежиться в тёплой водичке показалась ей весьма перспективной в плане создания подходящей обстановки для принятия сакраментального решения. Настроив температуру водного потока и бросив в ванну шарик ароматической соли, новоявленная сибаритка проследовала наконец в комнату, чтобы раздеться и смыть макияж. Вот тут-то судьба и нанесла ей свой подлый удар.

Сделав всего пару шагов, Василиса застыла в ступоре, потому что на её рабочем столе красовалась та самая шкатулка, которая постоянно являлась ей в сновидениях. Впрочем, ступор продлился недолго, его очень быстро сменила неуправляемая паника. Не отрывая глаз от своего застарелого, но так внезапно материализовавшегося страха, Василиса инстинктивно попятилась назад и наткнулась спиной на распахнутую дверь ванной. Нападение с тылу ни в чём не повинной двери окончательно добило и так уже расшатанную психику бедняжки, и Василиса, издав жалобный писк, бросилась в прихожую. Увы, и тут её поджидала засада, на этот раз вполне одушевлённая.

— Значит, это правда, — Герман поймал летящий в него живой снаряд и крепко обнял дрожащую женщину, — тебя действительно преследуют тени прошлого. Мне очень жаль, что я стал тому причиной.

— Хорошо, что ты не пытаешься отпираться, — в объятьях любовника Василиса сразу

успокоилась, и ей захотелось выместить на насмешнике пережитый ужас. — Это именно ты вырезал сердце из груди Врана и преподнёс его в подарок женщине, которая его любила. Зачем? Так сильно её ревновал, что тебе совсем мозги отшибло?

— Эта сцена вырвана из контекста, — в голосе Германа совсем не было раскаяния, — Вран первым меня предал, а я просто отомстил. Хотя глупо было бы отрицать, что причиной была ревность. Да я действительно ревновал, — но не Эву к Врану, а наоборот, Врана к ней.

— Вы голубые, что ли? — губки Василисы скривились в брезгливой ухмылке.

— Видишь ли, малышка, в дружбе аэров отсутствует сексуальная подоплёка, — Герман выпустил свою добычу и на всякий случай закрутил кран в ванной, — это, скорее, духовная близость. В Аэрии вообще отсутствует такое понятие как пол, и наши тела не имеют половых признаков. Да, и этих тоже, — подтвердил он, видя, что взгляд Василисы опустился ниже его пояса.

— Говорят, у ангелов это хозяйство тоже отсутствует, — её хитрый взгляд из-под стыдливо опущенных ресниц плавно перетёк на лицо собеседника.

— Не удивлюсь, если окажется, что источником сведений об ангелах были именно рассказы игроков, — заметил Герман.

— А крылья у вас есть? — Василиса уже забыла про страшную шкатулку и увлечённо принялась выпытывать sacramентальные тайны аэров. — Вы правда можете летать?

— Нет, мы не летаем и крыльев себе не отращиваем, — рассмеялся Герман, — но наши тела, хоть и имеют в своём спектре грубые вибрации, всё же значительно менее плотные, чем здесь, в Игре. Так что мы можем ненадолго зависать в воздухе или плавно приземляться, прыгая с большой высоты.

— А как же вы размножаетесь? — допрос открыто сместился в область интимных тем.

— Мы не размножаемся, — ничуть не смутившись, ответил аэр, — впрочем, как и вы. То, что ты называешь размножением, на самом деле просто часть алгоритма перевоплощения. Зачатие нужно лишь для того, чтобы в материальном зародыше изначально присутствовали обе ипостаси, как мужская, так и женская. Аэрам нет нужды во внутриутробном развитии, младенчестве и детстве, мы возвращаемся в мир живых сразу взрослыми, потому что сами контролируем процесс перевоплощения и создаём себе физические тела по своему вкусу.

— Тогда почему здесь, на Земле вы все принимаете мужской облик? — Василиса с подозрением уставилась на своего таинственного собеседника.

— Не обязательно, — возразил Герман, — форма игровой оболочки, как правило, определяется соображениями целесообразности. Мне не раз доводилось играть женщиной.

— А Врану? — отчего-то этот вопрос дался Василисе с трудом, и её затруднения не прошли незамеченными, правда, Герман не подал виду, что его удивило неожиданное смущение женщины, которая только что бестрепетно задавала вопросы про аэрские гениталии.

— Думаю, во время обучения ему приходилось играть в женском теле, — ответил он, внимательно глядя в лицо Василисы, — но работает он в мужском, он ведь сталкер.

— Ну и что такого? — судя по всему, любопытную барышню такое объяснение ничуть не удовлетворило. — Ты тоже вроде сталкер.

— В отличие от Врана, для меня эвакуация игроков — это не главная область моей деятельности, — пояснил Герман, — я выполняю множество различных заданий, а потому могу выбирать, в каком теле это удобнее делать. У Врана такого бонуса нет, сталкерам

постоянно приходится сталкиваться с насилием, а вдобавок терпеть всяческие неудобства, вроде того, чтобы спать на голой земле, а то и вообще долго обходиться без сна и еды. Тут требуется сильная и выносливая игровая оболочка, и женское тело в этом смысле проигрывает мужскому. Впрочем, в локации, где ты сейчас воплощена, наверное, можно было бы выполнить спасательную миссию в женской игровой оболочке, — ратава-корги задумчиво посмотрел в окно, — здесь полно всяких технических примочек, компенсирующих недостаток физической силы, но Врана постоянно засылают в какую-нибудь попу мира, а там женское кокетство и хитрость не прокатывают.

— Ты много о нём знаешь, — Василиса подозрительно нахмурилась, — похоже, ваша дружба много для тебя значила, — выдавая сие очевидное заключение, она даже не подозревала, что столь нейтральная, ничего особо не значащая фраза вдруг превратит хладнокровного аэра в сгусток боли. Лицо Германа словно свело судорогой, а глаза застыли осколками расплавленного стекла. Василиса невольно отпрянула от мужчины, внезапно ставшего чужим и даже враждебным. Кто бы мог подумать, что случайное замечание, словно выпущенный из пращи камень, угодит в самую уязвимую точку в душе этого циника. — Вран тебе до сих пор дорог, — прошептала ошарашенная Василиса.

— Всё в прошлом, — Герман с трудом протолкнул эту фразу сквозь стиснутые зубы. — Он никогда не простит мне того, что я сделал с Эвой... и с тобой, — тихо добавил он, — даже если мне удастся всё исправить.

— Как можно исправить то, что уже случилось? — в голосе Василисы прозвучали нотки отчаяния.

— С помощью молотка, — бросив эту загадочную фразу, Герман направился в прихожую и вскоре вернулся с вышеупомянутым инструментом, который и протянул Василисе. — Давай, Васенька, покончи со своими ночными кошмарами, — он хитро ухмыльнулся и кивнул на шкатулку.

Василиса бросила затравленный взгляд сначала на молоток, а потом на шкатулку и испуганно попятилась. Нет, ей вовсе не было жаль уничтожить эту изысканную вещь, которая как бы олицетворяла собой её запертый на сто засовов ужас, но эта шкатулка была хранительницей живого сердца мужчины, когда-то принадлежавшего ей по закону любви. И пусть его любовь предназначалась совсем другой женщине, Василиса всё равно не готова была таким варварским способом разорвать эту странную связь.

— А вдруг там...? — она судорожно сглотнула, но так и не смогла договорить.

— Не дрейфь, я высыпал из шкатулки все цацки, перед тем, как её стырить, — Герман, конечно, понимал, что Василиса имела ввиду вовсе не мёртвые драгоценности, а прежнее содержимое шкатулки, но решил лёгким стёбом немного снизить накал страстей. — Не стесняйся, бей со всей силы, — подбодрил её провокатор. — Если заодно разнесёшь в щепки и стол, я куплю тебе новый.

Собственными руками разбить клетку и выпустить на волю свой извечный страх — это было весьма нетривиальное лекарство от того самого страха. А что если эта тварь сразу набросится на свою жертву и разорвёт её на лоскуты? Что ж, такого исхода исключать, конечно, было нельзя, но отчего-то после разговора с тарологиней Василиса словно обрела силу взглянуть в глаза своему врагу и понять наконец, чего же она боится. Внезапно она осознала, что это и есть тот самый выбор, который ей необходимо сделать: продолжать прятаться от жизни или жить.

— Быть или не быть, говоришь? — Василиса мысленно поблагодарила Вареньку за

подсказку и решительно взяла молоток. Увесистая металлическая болванка взлетела над её головой и со всей дури обрушилась на серебряную филигрань. Осколки разноцветных камушков, украшавших шкатулку, брызнули во все стороны словно фейерверк в честь дня освобождения.

Низкий сводчатый потолок живо напомнил сталкеру о его приключениях во владениях Танэра. Это был ещё один подвал, только слегка облагороженный мягкой обивкой стен, ковровым покрытием на полу, да кое-какой мебелью. Похоже, тюремщикам хотелось придать камере арестанта некоторые черты обычной комнаты, но их выдала конструкция потолка, да ещё прочная дверь, по всей видимости, запертая снаружи. Радовало только одно — это совершенно точно была Аэрия, а не Игра, так что, теоретически, можно было рассчитывать на помощь Арокани, для которых Вран представлял немалую ценность. Следовало честно признать, что сталкер угодил в ловушку из-за собственной доверчивости, но винить его всё же было бы несправедливо, ведь, несмотря ни на что, Вран сохранил свою наивную веру в дружбу, а приманкой в этой ловушке послужил именно друг.

В последнее время перерывы между его миссиями делались всё короче, то ли сталкеров стало меньше, то ли кланы Пятёрки начали активную экспансию в мир Игры. Вообще-то, у Врана имелась ещё и третья версия бардака в спас службе, но верить в неё как-то не хотелось. Теперь ему всё чаще приходилось эвакуировать игроков, проживших в Игре менее десяти циклов и не имеющих никаких признаков амнезии, а потому в голову сталкера всё настойчивей стучалась мысль о тотальной эвакуации. Слухи о том, что барьер между мирами с каждым годом становится плотнее, уже успели вылезти за пределы спас службы и сделались привычной темой для досужих разговоров обычных аэров, которых эта тема вроде бы вообще не должна была волновать. И тем не менее, непонятная тревога распространилась в аэрском обществе подобно инфекции.

Теоретически, Вран допускал, что причиной участвовавших спасательных миссий стала забота кланов о безопасности своих игроков, но пока не видел оснований для паники. Ничто не указывало на то, что состояние барьера сделалось критичным, так что сокращение срока пребывания в Игре выглядело откровенной перестраховкой. Тем не менее все кланы, как по команде, изменили свою тактику, и сталкерам приходилось пахать сверх меры. Не удивительно, что Вран стал редким гостем в своём собственном доме, большую часть времени он теперь торчал в Игре, вылавливая очередного клиента. Впрочем, в этой истории была и хорошая сторона, доходы сталкера значительно выросли, и он даже начал подумывать о переезде в один из районов, где обитали члены кланов Пятёрки. Увы, его планам не суждено было осуществиться, и вестником их крушения стал один неожиданный гость.

— Фарас? — в голосе Врана радость смешалась с удивлением. — Я и не надеялся больше тебя увидеть. Тебя амнистировали?

— Я сам себя амнистировал, — проворчал гость, — решил искупить своё преступление не наказанием, а работой.

— Хочешь сказать, что ты в бегах? — Вран совсем растерялся. — Ты хоть знаешь, что за всеми сталкерами наблюдают?

— Я ненадолго, — успокоил его беглый преступник, — не успеют засечь. Но если ты боишься..., — он специально замолк, предоставляя собеседнику возможность проявить либо осторожность, либо свободолюбие, чем простодушный сталкер и не замедлил воспользоваться.

— Проходи, я рад тебя видеть, — он сделал гостеприимный жест рукой в сторону кресла. — Твои вкусы остались прежними? — это был откровенный намёк на то, как в

прошлую их встречу Фарас глушил своё отчаяние в напиток из зелёной бутылки.

— Я больше не употребляю наркотические вещества, — горделиво заявил гость, — но от холодного глата не откажусь, он мне чем-то напоминает аватарский чай.

— Так чем же ты сейчас занимаешься? — Вран разлил по бокалам освежающий напиток и откинулся в кресле, предвкушая интересный разговор.

— Изучаю признаки деградации аэров, — в голосе Фараса послышалась гордость, видимо, исследовательская работа приносила ему удовлетворение.

— Актуально, — Вран одобрительно кивнул, — устойчивость вибрационных спектров игроков сильно снизилась. Тут даже не нужно быть специалистом, чтобы это заметить.

— Дело не только в устойчивости, — посетовал Фарас, — общий уровень вибраций тоже стал ниже, причём ментальный диапазон страдает хуже всего.

— Хочешь сказать, что мы глупеем? — Вран невольно подался вперёд, стараясь не упустить ни одной детали.

— Аэры постепенно теряют способность управлять своей реальностью, — подтвердил его вывод исследователь. — Сталкеров и вообще всех, кто регулярно посещает Игру, это касается в меньшей степени, а вот обычных аэров деградация затронула весьма значительно.

— Вот засада, — Вран на автомате отпустил парочку нецензурных аватарских идиом, чем вызвал ехидную улыбочку Фараса. — Так Аэрией сейчас управляют пускающие слюни дебилы?

— Доступа к членам Совета у меня, как ты понимаешь, быть не может, — признался разоблачитель неприглядной аэрской действительности, — но кое-кого из кланов нам удалось обследовать. Ситуация лучше, чем с обычными аэрами, но всё же они тоже деградируют.

— Невесёлая картинка, — разговор делался всё занимательней, и глаза Врана засветились любопытством. — Так ты уже выяснил, отчего это происходит?

— Поверь, причина деградации, какой бы важной она ни была, всё же является менее значимой, чем её последствия, — как по писаному провозгласил Фарас. — Пройдёт совсем немного времени, и доступ к Игре останется только у сталкеров, что, в сущности, равносильно полной изоляции миров. Не думаю, что Совет Пятёрки сможет просто с этим смириться, они ведь берут энергию для управления Аэрией из сознаний аватаров.

— Мне кажется, что ты преувеличиваешь размер катастрофы, — засомневался Вран. — Поток энергии не прекратится, ведь он иницируется не игроками, посещающими Игру, а действиями тех, кто работает с информационным полем аватаров непосредственно в самой Аэрии.

— Вот тут ты сильно заблуждаешься, — Фарас нахмурился, и его лицо сделалось похожим на забавную мордочку суслика. — Для создания действенных ментальных концептов нужна информация, которую и обеспечивают игроки, а без достоверных данных все потуги Пятёрки что-то навязать аватарам пойдут прахом. Догадки тут не сработают.

— Будут использовать сталкеров в качестве информаторов? — предположил Вран.

— Не вариант, — Фарас помрачнел ещё больше, — вы не являетесь членами Пятёрки, да и количество сталкеров не настолько велико, чтобы обеспечить информационное сопровождение их игры. Думаю, Совет примет единственное возможное в данных обстоятельствах решение — перейти на внутренние источники энергии.

— Это как? — у Врана буквально отвисла челюсть от такого заявления. — Аэры не позволят навязывать себе какие-либо чуждые смыслы, у нас для этого слишком высокий

интеллект.

— Какая наивность, — Фарас горько рассмеялся. — А как же, по-твоему, Совет управляет Аэрией сейчас? Да, мы более осознанные, чем аватары Игры, и так просто нас не заморочить, но внедрение в наше информационное поле нужных Совету смыслов происходит постоянно. В основном, это делается не в жёсткой форме, а в виде предложения или рекомендации, но всё равно работает.

— Но в таком случае им не нужна Игра, — возразил Вран, — по крайней мере, в качестве источника энергии.

— Ошибаешься, — процедил сквозь зубы Фарас. — Потенциала ментальных концептов, действующих в Аэрии, недостаточно, чтобы обеспечить их полную подпитку, требуется внешний источник. Всё-таки аэры более самостоятельно мыслящие существа, чем аватары, и потенциально могут формировать свою реальность без опоры на общее информационное поле. Здесь просто нет возможности зазомбировать большое количество населения, а без этого энергетический выхлоп будет слабым.

— Ну и как же тогда Совет сможет перейти на внутренний источник? — Вран скептически усмехнулся, но буквально через секунду усмешку сдуло с его лица как пылесосом. — Они превратят аэров в безмозглое стадо, — ошарашенно пробормотал он.

— Скорее, в роботов, — поправил его Фарас, — и наверное, не всех, а лишь часть, но со временем доля роботов будет увеличиваться.

— Прикольное будущее ты нам напророчил, — Вран обречённо опустил голову, — самое время подумать об эмиграции в мир Игры, у них там деградации и близко нет.

— Тоже есть, — возразил Фарас. — Вот их-то как раз уже давно превращают в безмозглых скотов, чтобы увеличить отток энергии, но ввиду изменений в самой Аэрии, этот источник вскоре станет неактуальным. Так что ты прав, аватаров, скорей всего, оставят в покое.

— Но ты же явился ко мне не затем, чтобы предупредить о надвигающейся катастрофе? — Вран насмешливо хмыкнул. — Видимо, у тебя имеется план, как эту катастрофу предотвратить.

— Плана пока нет, но мы над этим работаем, — самоуверенно заявил Фарас.

— И кто же эти «мы»? — Вран не удержался от ехидной улыбочки. — Дай угадаю, — остановил он признание своего собеседника, — ратава-корги, не так ли?

— Мне известно, как ты к нам относишься, — бросился в атаку Фарас, — но твоё отношение субъективно, просто ты ничего толком о нас не знаешь.

— Так ты у нас парламентёр, что ли? — в голосе Врана прозвучала откровенная насмешка. — Ро провалил вербовку, так они послали тебя. Право, ваша настойчивость не может не впечатлять. И чего вы ко мне привязались? — теперь он уже не сдерживал своего раздражения. — Я последний аэр, который согласится с вами связываться.

— Я прошу только о встрече, ничего больше, — принялся канючить парламентёр. — От одного разговора ты не развалишься.

— Проваливай, — холод в голосе Врана, наверное, мог бы заморозить пол Аэрии, — с этой минуты мой дом для тебя закрыт. Если я ещё раз тебя увижу, то доложу о беглом преступнике своему куратору.

— Мне жаль, — Фарас устало вздохнул, — я так надеялся, что получится обойтись без насилия.

В следующую секунду Вран почувствовал укол в область шеи, но обернуться к

источнику нападения не успел. Всё его тело словно одеревенело, и сознание быстро угасло. Очнувшись в комфортабельной тюремной камере, он заранее настроился на побочные эффекты от полученной дозы отравы в виде головной боли, тошноты или ограничения подвижности, но ничего подобного не случилось, видимо, аэрская наркота была более продвинутой, чем аватарская. Дверь в камеру приоткрылась, и на пороге появился Фарас, причём в его взгляде совсем не было заметно каких-либо признаков раскаяния, самодовольная улыбка от уха до уха так и сияла на его физиономии.

— Зачем ты так со мной? — голос Врана выдавал, скорее, его недоумение, нежели раздражение. — Я ведь спас твою жизнь.

— Не строй из себя благодетеля, — презрительно бросил Фарас, — то, что ты называешь спасением, на самом деле было верхом безответственности. Ты просто рискнул, и тебе повезло. Может быть, сейчас, когда ты уже почувствовал свою силу, твои действия и можно было бы счесть оправданными, но в то время ты ничего не знал о своих возможностях, так что ты тупо поставил на кон мою жизнь.

— Так это месть? — Вран не мог поверить своим ушам, да и обличительный порыв предателя выглядел несколько наигранным. — Ну и за что ты мне мстишь? За то, что я рисковал твоей жизнью, или за то, что в результате моей успешной миссии тебе пришлось вспомнить всё то, о чём ты так старался забыть?

— Ты даже не представляешь, сколько раз за эти годы я проклинал твоё мастерство, — налившийся ненавистью взгляд Фараса ясно показал, что верной была вторая версия, — и я даже рад, что теперь ты сам узнаешь, каково мне жить с этими воспоминаниями.

— Ну надо же быть таким глупцом, — посетовал Вран, — ты бы всё равно потерял свою любимую женщину, только немного позже. Перевоплощение в мире Игры стёрло бы личность Грейс, но пощадило твою, и воспоминание об этой утрате точно так же жило бы в твоей памяти. Это не моя вина, что тебе приходится страдать, просто так устроено мироздание. Но мирозданию ведь не отмстишь, верно? — сталкер насмешливо усмехнулся. — Проще найти козла отпущения и выместить на нём свою боль. А тебе не кажется, что твой ответ несколько ассиметричен?

— Это ты просто пока не знаешь, что тебя ждёт, — прошипел мститель. — Поверь, между нашими историями просто идеальная симметрия.

Эта занимательная дискуссия внезапно была прервана появлением целой группы незнакомцев, и в камере арестанта сразу сделалось тесно. Четверо из посетителей, по всей видимости, были просто охраной, их выдавало некое подобие униформы и оружие, а вот трое других явно представляли руководство ратава-корги. При появлении этой величественной процессии Фарас сразу стушевался и незаметно улизнул из камеры, видимо, его визит был неофициальным.

— Мы не причиним тебе вреда, адонэ, — голос руководителя делегации прозвучал мягко и убедительно, а почтительное обращение, видимо, должно было настроить пленника на сотрудничество, — прошу пройти с нами, — он сделал приглашающий жест в сторону двери.

— А у меня есть выбор? — ехидно поинтересовался Вран, но всё же проследовал к выходу.

То, что на него не надели наручники, наверное, следовало бы расценивать как жест доверия, если бы четверо вооружённых охранников ни свели этот жест к чистому фарсу. Собственно, Вран и не обольщался относительно своего статуса, несмотря на вежливость

похитителей. Похоже, ратава-корги приняли решение больше не тянуть с вербовкой, и отказ от их ультимативного предложения может закончиться для отказника весьма плачевно. Поскольку у Врана даже мысли не возникало о том, чтобы присоединиться к этой мерзкой конторе, то перспектива собственного выживания представлялась ему весьма туманной.

Поднявшись по пневмотрубе на пару этажей, процессия оказалась в холле, из которого вела лишь одна, зато внушительного вида дверь. Дверное полотно мягко отъехало в сторону, и глазам Врана предстал большой зал, в котором не было ничего, кроме круглого стола со стоящими вокруг креслами. Даже стены представляли собой просто сероватую матовую поверхность, ни тебе картинок или символики ратава-корги, ни даже окон.

— Ну прям рыцари круглого стола, — мысленно усмехнулся пленник, — хотя нет, мест не двенадцать, а шестнадцать. Что ж, рост числа управленцев — это бич развитых цивилизаций.

При появлении арестанта все члены собрания повскакивали на ноги и почтительно склонили головы. Сопровождавшие Врана ратава-корги быстренько заняли свои места за столом, и только одно место оказалось свободным. Нужно сказать, что кресло, которое, по всей видимости, предназначалось для Врана, явно выделялось на остальном фоне своей монументальностью и богатым убранством, это был скорее трон, нежели просто приспособление для сидения. Декорации сего безвкусного представления были настолько нарочитыми, что не могли ни вызвать отрыжку у скептически настроенного пленника, тем не менее он решил подыграть участникам спектакля и величественно прошествовал на почётное место.

— Мы рады приветствовать того, кто стоял у истоков создания ратава-корги, — с придыханием сообщил собравшимся сидевший по правую руку от Врана аэр. — Мы всегда верили, что однажды трон Ставрати больше не будет пустовать.

— Долго репетировали? — ехидно полюбопытствовал стоявший у истоков. — Хотите подсластить мне пилюлю? Не стоит, я даже люблю блюда с горчинкой. Выкладывайте, чего вам от меня надо.

Грубое нарушение заранее разработанного сценария таки выбило из колеи исполнителя главной роли, и он замялся, не понимая, как вести себя дальше, зато сидевший напротив Врана ратава-корги не растерялся.

— Он прав, глупо оказывать почести похищенному и насильно удерживаемому пленнику, — мрачно произнёс он, — его доверия таким трюком нам всё равно не завоевать. Давайте просто расскажем всё, как есть.

— Согласен, — исполнитель главной роли прокашлялся и всем телом развернулся к Врану. — Нам действительно кое-что нужно от тебя, адонэ, и это представляет для нас большую ценность. Твои воспоминания.

— Вам показалось мало один раз стереть мою память? — возмутился Вран. — Хотите повторить?

— Вовсе нет, — сразу несколько ратава-корги тут же принялись оправдываться, — мы непричастны к этому преступлению и к тому же мы хотим не забрать, а вернуть тебе воспоминания.

Смысл последней реплики Фараса сразу стал понятен. Похоже, этот убогий мститель решил, что Вран тоже сам избавился от своих воспоминаний, потому что совершил нечто такое, с чем не смог жить дальше. Что ж, отбрасывать эту версию, конечно, не стоило, но и считать её доказанной лишь на основании страстного желания её автора тоже было бы

недальновидно. Вполне возможно, что ничего предосудительного Вран и не совершал, но то, что после возвращения памяти он уже не сможет жить прежней жизнью, было очевидно и не вызывало никакой радости.

— Чего такого важного вы надеетесь узнать? — попробовал поторговаться он.

— Видишь ли, адонэ, — в игру снова включился сидевший напротив Врана аэр, — между разгромом организации, основанной Ставрати, и образованием той, которая существует сейчас, произошёл временной и информационный разрыв примерно в пятьдесят лет.

— У нас появились сомнения в том, что цель изначальных ратава-корги состояла в возвращении потерявших память игроков, — пояснил сосед Врана слева.

— Ну слава богу, наконец-то до вас дошло, — сталкер снисходительно усмехнулся. — А я уж было решил, что в ратава-корги набирают исключительно по принципу неспособности к критическому мышлению. Как можно было надеяться, что через семьсот лет жизни в мире Игры с постоянным переписыванием личности аэры всё ещё будут гореть желанием вернуться домой? Да они давно всё забыли, и даже ностальгия их уже не мучит по ночам. Игроки переделали Игру под себя, и этот обновлённый мир им нравится.

— Всё верно, — согласился сидевший напротив Врана аэр, — и вряд ли наши нынешние цели могли бы вызвать недовольство Совета Пятёрки, ведь они и сейчас смотрят на нашу деятельность сквозь пальцы. Но тогда почему клан Ставрати был полностью уничтожен?

— Хочешь сказать, что раньше цели у ратава-корги были иными? — вопрос Врана был чисто риторическим, а потому никто не стал на него отвечать. — Ладно убедили, у вас действительно имеются причины восстановить мою память. А что если я окажусь вовсе не тем, за кого вы меня принимаете?

Видимо, подобную возможность руководство ратава-корги обсуждало и раньше и, скорей всего, результат их обсуждений не сулил Врану ничего хорошего. Если бы в случае ошибки они планировали его отпустить, то не светили бы свои личности. По тому, как смущённо кое-кто за столом опустил глазки в пол, стало ясно, что своё решение они принимали без учёта принципов справедливости и милосердия, тут работали только соображения целесообразности и безопасности.

— Вы же сможете просто откатить к исходной точке, если я окажусь бесполезным? — попробовал прощупать намерения ратава-корги Вран.

— Прости, адонэ, но так это не работает, — один из участников собрания, видимо, учёный взял слово. — Память невозможно просто стереть или переписать, потому что архив воспоминаний является частью сознания. Так что полностью удалить воспоминания можно только вместе с самим сознанием. А вот доступ к архиву памяти можно заблокировать, что с тобой и произошло. К сожалению, этот доступ не может быть частичным, он либо есть, либо его нет.

— Иначе говоря, в случае повторной блокировки я забуду всё до последней минуты, — резюмировал Вран. — Ну и какие же у меня варианты? Либо развоплощение, либо полная амнезия? Я прав?

— Зачем заранее думать о плохом? — сосед справа попытался сгладить неловкость. — Ро, например, уверен, что ты являешься последним из Ставрати, а значит, одним из создателей ратава-корги.

— Ну куда уж мне спорить с таким авторитетом, — вздохнул Вран. — Ладно, ведите меня к вашему агрегату. Похоже, моей нынешней беззаботной жизни пришёл конец.

Случалось ли вам задумываться о том, каким мог бы быть рассказ о вашей жизни? Была бы это героическая сага о борьбе и победе? А может быть, наоборот, ужасик, которому нет конца? Драма, трагикомедия, поэма? Не думаю, что хоть кто-то способен определиться с выбором, потому что в жизни бывает всякое. Даже в самом унылом и беспросветном существовании случаются моменты, когда мы словно взлетаем над суетой будней, и мир открывается нам во всём своём великолепии. Но с другой стороны, героям и счастливицам тоже порой приходится тонуть в рутине или окунаться в беспросветную тоску. И всё же как часто мы слышим замечания, типа «её жизнь — это постоянная драма» или наоборот, «он идёт по жизни легко». Что же даёт нам основание делать подобные выводы? Посмею выдвинуть предположение, что это ничто иное, как тот момент, в который мы как бы отсекаем повествование о жизни нашего персонажа и ставим точку. Иначе говоря, это концовка.

Вывод кажется абсурдным, но это лишь на первый взгляд. Вот скажите, как бы вы охарактеризовали поэму о Руслане и Людмиле, если бы автор не закончил своё повествование на свадьбе, а слегка продлил жизнеописание этой влюблённой парочки? Семейные разборки, пелёнки, оружие детки, возможно, даже измены, м-да, не очень элегично, не правда ли? А что если бы автор прервал повествование в момент бесславной гибели главного героя? Получилась бы трагедия во всей красе. Всё-таки хорошо, когда право поставить точку в повествовании остаётся за автором, а вот в жизни всё не так мармеладно. Наша жизнь, словно неизлечимая болезнь, всегда кончается смертью, и судьба частенько бывает непредсказуема со своими предпочтениями концовок.

Впрочем, эта коварная бестия вовсе не спонтанна, она пишет свой роман в точном соответствии с законами кармы и ставит точку ровно в тот момент, когда срабатывает кармический триггер. Для Врана таким триггером стало возвращение воспоминаний. Нет, само по себе восстановление памяти не отправило его на перевоплощение, процедура прошла штатно и без осложнений, просто, как оказалось, в его воспоминаниях содержался смертный приговор. Вран, конечно, ожидал, что путешествие по чертогам памяти не будет лёгкой прогулкой, не даром же кому-то взбрело в голову лишить его воспоминаний, но всё же никак не предполагал вот так закончить своё существование.

Шёл уже третий день его добровольной самоизоляции. Дверь тюремной камеры теперь всё время оставалась незапертой, как бы подчёркивая, что статус Врана изменился, и он больше не является пленником. Впрочем, сей показательный жест несколько нивелировался регулярно фланировавшими по коридору охранниками. Несмотря на потенциальную возможность побега, за прошедшие два дня Вран даже ни разу не подошёл к двери, ему было не до того. Погружение в воспоминания захватили его полностью, и ни на какие посторонние действия он не отвлекался. Возможно, он и дальше продолжил бы рефлексировать, лёжа на постели и глядя в потолок, но его медитативный транс был внезапно прерван одним бесцеремонным визитёром. Фарас просунул свою любопытную физиономию в дверь и, убедившись, что Вран в камере один, проскользнул внутрь.

— Пришёл проверить правильность своих прогнозов? — хозяин бросил на гостя насмешливый взгляд, но не сделал ни единого движения, чтобы подняться ему навстречу. — Что ж, могу тебя поздравить, ты оказался прав.

— Для этого не нужно было быть пророком, — Фарас самодовольно усмехнулся и уселся в единственное кресло, имевшееся в распоряжении обитателя тюремной камеры. — Всем известно, что это именно Ставрати ответственны за стирание. Даже странно, что ты умудрился прожить с сознанием своей вины целых триста лет.

— Стирание? — в голосе Врана прозвучало искреннее недоумение. — Так ты решил, что я из-за этого подчистил свою память? Жаль тебя огорчать, но тут ты ошибаешься, — он всё-таки оторвал голову от подушки и уселся на кровати. — Я не раскаиваюсь в том, что мой клан запустил стирание и никогда не раскаивался. Это был единственный способ остановить сползание нашего мира в хаос.

— Разве один клан имел право брать на себя ответственность за судьбу всей Аэрии? — возмутился Фарас.

— А кто имел? — Вран насмешливо хмыкнул. — Совет слился, зассали эти жлобы брать на себя ответственность, хотя отлично понимали, что другого варианта спасти наш мир от разрушения просто не существовало. То, что клан Ставрати в конце концов не стал дожидаться одобрения Совета, было им только на руку, дало возможность списать причинённый ущерб на конкретных злодеев и устроить нам показательную порку. Из Ставрати тогда сделали козлов отпущения, — в голосе творца апокалипсиса явственно прозвучало презрение к подлым трусам, — меня с позором выгнали из Совета, а клан отстранили от управления, и Пятёрка, которая прежде была Шестёркой, благополучно захватила власть над осиротевшими кланами.

— Ты был членом Совета? — у Фараса сделался такой растерянный вид, что его собеседник не удержался от издевательской усмешки. — Но ведь тогда получается, что ты был главой клана Ставрати.

— Я и сейчас его глава, — отрезал Вран, — никто не освобождал меня от моих обетов. Некому стало освобождать, — тихо добавил он.

— Но тогда я не понимаю, зачем ты стёр свою память, — голос Фараса откровенно выдавал его растерянность. — И почему ты сказал, что мои предположения оправдались? Что плохого в том, чтобы узнать, что ты являешься главой клана?

— Во-первых, я не стирал свою память, — губы Врана скривились в горькой усмешке, — это сделала Пятёрка. А что касается моего статуса, то ты, по-моему, упускаешь одну немаловажную деталь. Я ведь глава не просто клана, а погибшего клана. Не уверен, что в Аэрии существует что-нибудь более фатальное, чем такая участь.

— Ты имеешь ввиду клятву единой судьбы? — неуверенно пролепетал Фарас. — Но ведь это просто формула, которую произносят при вступлении в клан.

— Просто формула?! — от удивления брови Врана взлетели вверх. — Что ж, мне остаётся только пожалеть Арокана, если один из членов его клана считает свою клятву просто формулой. Впрочем, стоит ли удивляться, ведь ты свою клятву уже нарушил, переметнувшись к ратава-корги. Что они тебе пообещали? Защитить от правосудия?

— Я был готов принять наказание, — Фарас бросил заносчивый взгляд на обвинителя, — но меня убедили, что искупить вину можно и по-другому, работая на благо Аэрии.

— И как? Удалось? — съязвил Вран. — Что-то не похоже, коли ты решил так отыграться на сталкере, который спас твою никчёмную жизнь.

— Это не я тебя сдал ратава-корги, — Фарас сразу принял защитную стойку, — это сделал Ро.

— Да, ты всего лишь заманил меня в ловушку, — покладисто согласился Вран, — но в отличие от Ро, тебе-то было хорошо известно, что возвращение воспоминаний для меня равносильно смертному приговору. Сам же говорил, что о судьбе Ставрати известно всей Аэрии.

— Ты что, всерьёз собираешься последовать за своим кланом? — Фарас с недоверием уставился на главу Ставрати. — А как же ратава-корги? Они ведь в каком-то смысле тоже члены твоего клана и рассчитывают на его основателя, чтобы вернуться на правильный путь.

— Жаль обламывать твоих начальников, — презрительно бросил Вран, — но дело в том, что Ставрати никогда не создавали организацию ратава-корги. Более того, до уничтожения моего клана такой организации вообще не существовало, так что о её целях даже говорить смешно.

— Но я точно знаю, что вас называли ратава-корги, — на Фараса было больно смотреть, удар оказался слишком болезненным.

— Эту презрительную кличку запустила Пятёрка, — пояснил Вран, — чтобы унижить клан, который отказывался подчиняться её диктату. Но кличка не прижилась, большинство кланов называли нас уважительно игроками-аватарами, поскольку мы жили сразу в двух мирах.

— Если это правда, то живым тебя отсюда не выпустят, — голос Фараса понизился почти до шёпота. — Никто не доверит чужаку сохранение тайны нашей базы, для ратава-корги это слишком большой риск.

— Нет никакой тайны, — мрачно процедил сквозь зубы Вран, — Пятёрке о вашем логове и так всё известно, ведь вы имели наглость обосноваться в помещениях, когда-то принадлежавших клану Ставрати. Я вообще склонен думать, что организация ратава-корги появилась в результате какой-то аферы Пятёрки.

— Не может этого быть, — голос Фараса задрожал от возбуждения. — Зачем Совету, который жёстко контролирует доступ в Игру, создавать организацию нелегальных путешественников?

— Ну это элементарно, — снисходительно усмехнулся Вран. — Диктатура Пятёрки привела к постепенному распаду клановой структуры Аэрии. Теперь большинство наших соотечественников являются одиночками, не связанными обязательствами ни с каким кланом, а контролировать одиночек сложно. Какой бы щадящей и справедливой ни была абсолютная власть, но в обществе всегда найдутся недовольные. Раньше этими протестунами занимались кланы, а теперь они повисли тяжким бременем на Совете. Разве не проще собрать их всех под одной крышей, чтобы с случае необходимости раздавить одним ударом?

— Но если ты прав, то в организации ратава-корги должны состоять осведомители Совета, — Фарас тревожно оглянулся, и в его взгляде заметалась паника. — Тебе нужно отсюда выбираться и как можно скорее, эта комната оборудована прослушкой.

— Ты правда думаешь, что мне есть дело до того, кто отправит меня в небытие? — в голосе Врана послышалось искреннее удивление. — Пятёрка, ратава-корги или я сам, какая разница? Будет даже лучше, если мне не придётся опускаться до самоубийства. Пусть уж лучше об этом позаботятся те, кто уничтожил клан Ставрати, это будет даже справедливо.

— А за что Пятёрка с вами расправилась? — Фарас всё-таки не удержался от удовлетворения своего любопытства.

— Мы хотели разрушить барьер, — голос Врана теперь звучал отстранённо, словно то далёкое прошлое его уже совсем не трогало.

— Вы снова хотели ввергнуть Аэрию в хаос? — ужаснулся Фарас.

— Нет, мы считали, что таким образом остановим деградацию аэров, — Вран устало вздохнул и обречённо опустил голову, как бы признавая, что планы Ставрати пошли прахом. — Ты ведь тоже озабочен этой проблемой, не так ли? Значит, наши намерения должны быть тебе понятны.

— Вы хотели снова открыть Игру для аэров, — пробормотал Фарас. — Да, в этом есть смысл, ведь тех, кто регулярно посещает этот мир, деградация не коснулась. Но как вы собирались обрушить барьер?

— Снести программу стирания, как же ещё, — Вран с недоумением возрился на непонятливого собеседника. — Барьер ведь и образовался в результате запуска этой программы.

— Ну и что? — удивился Фарас. — Растение тоже вырастает из маленького семечка, но если ты удалишь эти исходные фрагменты из взрослого растения, оно ведь не умрёт. Барьер — это вовсе не искусственное образование, — принялся философствовать ратава-корги, — он формируется естественным образом из-за разницы в спектрах вибраций аэров, живущих по разные его стороны. Стирание резко снизило уровень ментала у игроков, оказавшихся в Игре в момент запуска программы, и это падение продолжилось по мере их ассимиляции с аватарами. Как устранение исходной причины могло бы изменить этот расклад?

— Мы полагали, что без постоянной перезагрузки при перевоплощении, когнитивные способности игроков смогли бы восстановиться, — Вран позабыл про свои фрустрации по поводу горькой участи главы погибшего клана и включился в беседу. В конце концов, завершить миссию, которую клану Ставрати так и не дали осуществить, было для главы клана даже важнее, чем разделить судьбу клана, тем более, что последнее никогда не поздно было сделать. — Наверное, прежнего уровня их ментальные вибрации и не достигли бы, но плотность барьера снизилась бы существенно.

— Спорное утверждение, — заметил Фарас, — слишком много времени игроки крутились в этом колесе перерождений, но дело даже не в этом, — он поднял испытывающий взгляд на собеседника. — Ты можешь ответить, отчего вообще началась деградация аэров? Мы ведь узнали о существовании Игры сравнительно недавно, а до этого как-то жили и даже поступательно развивались. Как минимум управлять реальностью аэры научились задолго до того, как начали играть. Так почему же закрытие доступа к Игре вдруг вызвало деградацию? По идее, Пятёрка просто вернула наш мир в исходное состояние, в котором всё шло вполне благополучно.

— Хочешь сказать, что в нашем мире сейчас действует какой-то другой фактор, не связанный с Игрой? — Вран задумчиво покачал головой.

— Я хочу сказать, что Ставрати хотели начать лечение, не поставив диагноз больному, — отрезал Фарас. — Игра никогда не была источником развития аэров, она лишь каким-то образом защищала игроков от действия того самого внутреннего фактора.

— Как по мне, так и этого уже достаточно, чтобы открыть доступ к Игре всем аэрам, — самоуверенный доктор снисходительно усмехнулся. — Значит, мы всё делали правильно.

— А не лучше ли было сначала понять, кем является твой настоящий враг? — ехидно поинтересовался Фарас.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что знаешь? — Вран с подозрением уставился на великого теоретика. — Ну и что это за внутренний фактор?

— Я тебе подскажу, — теоретик и не подумал прекратить игру в вопросы и ответы, —

но сначала ответить, зачем Пятёрке понадобилось уничтожить Ставрати.

— Ну это просто, — отмахнулся Вран. — Обрушение барьера открыло бы доступ к Игре остальным кланам, и Пятёрка потеряла бы эксклюзивный доступ к кормушке, а это стало бы концом их абсолютной власти. Этим жлобам пришлось бы снова считаться с мнением кланов и постоянно доказывать свою компетентность. Не думаю, что такая перспектива им сильно нравилась.

— Так ведь мы же уже выяснили, что блокировка программы стирания не дала бы ожидаемого эффекта, — голос Фараса так и сочился ехидством.

— Может быть, Совет этого не понимал, — предположил Вран, — Ставрати ведь тоже искренне верили, что это поможет.

— То есть Пятёрка просто решила подстраховаться и поэтому пошла на вопиющее преступление, — закончил его мысль Фарас. — А тебе не кажется, что риски, связанные с уничтожением полутора сотен аэров, несоизмеримо выше, чем риск потерять власть из-за незначительного снижения барьера? Законы Аэрии в отношении убийц очень суровы, в случае утечки информации члены Совета расстались бы не только с властью, но и со своим существованием.

— Хватит тянуть, — Вран нетерпеливо махнул рукой, — говори, что у тебя на уме.

— Думаю, Пятёрка боялась не столько вашего успеха, как вашего неизбежного провала, — подвёл итог своим рассуждениям Фарас. — Когда стало бы очевидно, что состояние зависших игроков никак не влияет на их соотечественников, живущих по другую сторону барьера, правителям пришлось бы признать, что причины деградации аэров лежат не снаружи, а внутри.

— Под термином «внутри» ты, надо думать, подразумеваешь действия самой Пятёрки, — Вран с сомнением покачал головой. — Если честно, верится с трудом. Я ведь когда-то был одним из них, не забыл? Какими бы трусами они ни были, но благо Аэрии стоит для Совета на первом месте.

— Всё зависит от того, как они представляют себе это самое благо, — возразил Фарас. — По большому счёту, управлять тупым послушным стадом гораздо проще, чем самостоятельными индивидами. Если для Пятёрки приоритетом является порядок, а не творческое развитие, то снижение когнитивных способностей аэров неплохо вписывается в этот концепт.

Надо сказать, что семя сомнения, зарождённое замечаниями самопального философа, упали в подготовленную почву. Раньше Врану ведь даже не приходило в голову, что с этим миром что-то не так, и лишь возвращённые воспоминания, которые резко контрастировали с нынешней реальностью, заставили его взглянуть на родной мир под иным углом. Современная Аэрия выглядела прилизанной, идеальной во всех отношениях картинкой и отличалась от того, каким этот мир был раньше, примерно так же, как ухоженный сад отличается от естественного леса. Рациональность и стремление к совершенству — вот те два слона, на которых теперь покоилось мироздание этого мира. Творческий порыв, оригинальность и свободное мышление больше не поощрялись в обществе и даже считались чем-то вроде дурного тона. И правда, какой смысл пытаться вырваться за пределы стандарта, если этот стандарт уже является совершенством?

Грамотному аэру вовсе не нужно было искать причину произошедших перемен в какой-то специальной программе по благоустройству территории, поскольку он отлично знал, что проявленная реальность является лишь отражением доминирующих ментальных концептов в

общем информационном поле создающих эту реальность аэров. Да и авторство этих концептов тоже не было для Врана загадкой. Пятёрка хорошо потрудились за те семьсот лет, в течение которых она безраздельно правила Аэрией. Не заметить связи между деградацией аэров и этой жёстко запрограммированной реальностью, наверное, мог бы только тот, кто и сам варился в этом сладком сиропчике. Врану просто повезло, что ратава-корги всыпали в его персональный сиропчик солидную горсть перца. Но доказывало ли это, что Пятёрка намеренно опускала аэров в деградацию?

— Я не верю в злой умысел членов Совета, — уверенно заявил Вран, — им ведь и дальше жить в нашем мире, зачем же его уничтожать? Даже у вирусов хватает сообразительности, чтобы не добивать организм, на котором они паразитируют, а у членов Совета должно быть слегка побольше мозгов. Скорей всего, они просто совершили ошибку, — предположил самопальный адвокат, — а теперь не знают, как выпутаться. Я даже допускаю, что они уничтожили клан Ставрати, чтобы прикрыть свои косяки, но вряд ли деградация аэров является следствием их целенаправленной деятельности.

— Эх, мне бы твою уверенность, — Фарас устало вздохнул. — Может быть, тогда ты ответишь, в чём заключается их так называемая ошибка? И каким образом мир Игры защищает сознания тех, кто его посещает?

— Я не знаю, — пожал плечами Вран, — но думаю, что для членов Совета это вовсе не тайна. Наверное, мне стоит с ними пообщаться на данную тему.

— Довольно экзотичный способ самоубийства, — Фарас осуждающе покачал головой.

— У меня всё равно нет будущего, — Вран опустил взгляд в пол, чтобы скрыть боль, которую вызвало у него упоминание о предстоящем испытании. При всём том, что глава погибшего клана даже на секунду не усомнился в решимости следовать своим обетам, перспектива добровольного развоплощения всё же казалась ему ужасающей, почти неприемлемой. Для Врана несомненно было бы предпочтительней, чтобы в небытие его отправили враги. — А вдруг мне удастся помочь моим бывшим коллегам разобраться с их проблемами? — он горько улыбнулся, представляя, как эти самые коллеги воспримут предложение о помощи от того, кого они обрекли на развоплощение. — А даже если и не удастся, так я хотя бы попытаюсь закончить прерванную миссию Ставрати.

Игнорируя недоумённый взгляд Фараса, Вран решительно поднялся и направился к двери. Никто не преградил ему дорогу, стражники покорно отступали в сторону при его приближении, и только на выходе из здания Врану встретились трое ратава-корги, в которых он узнал участников давешнего совещания, закончившегося его личной трагедией.

— Прости нас, Ставрат, — с придыханием произнёс старший, и все трое сокрушённо опустили головы, — мы вовсе не хотели тебя погубить.

— Но тебе вовсе не обязательно уходить за своим кланом, — встрял его коллега, — доступ к памяти легко заблокировать. Если позволишь, мы всё исправим.

— Не позволю, — Вран решительно отодвинул со своей дороги доброхотов, — для меня воспоминания имеют непреходящую ценность.

— Ценнее твоего существования? — удивился старший.

— Гораздо ценнее, — Вран криво усмехнулся и покинул здание, которое когда-то возвёл для своего клана и которое превратилось для Ставрати в смертельную ловушку.

Чего мы хотим от жизни? Ответить на это вопрос несложно, и большинство скажет, что желает, чтобы жизнь приносила побольше радостей и доставляла поменьше огорчений. Остаётся только выяснить, что же на самом деле приносит нам настоящую радость, и дело в шляпе. Давайте оставим в стороне кратковременный выброс эндорфинов, связанный с едой, выпивкой или сексом, и поговорим о тех случаях, когда ощущение удовлетворённости жизнью не обусловлено физиологией, а достигается в результате наших осознанных действий. Возможно, вы со мной не согласитесь, но мои наблюдения однозначно свидетельствуют, что жизненные ништяки только тогда по-настоящему радуют наши сердца, когда они приходят к нам в виде награды, причём награды заслуженной. Ни одна халява не может по своему эффекту на нашу психику сравниться с призом за проявленные упорство и волю.

Именно такого заветного приза и ждала Василиса от ритуального разрушения шкатулки, олицетворявшей её подсознательные страхи. И не нужно стебаться над трепетной барышней, якобы падающей в обморок при виде таракана у себя на кухне. Для Василисы встретиться со своим иррациональным страхом лицом к лицу было так же тяжело, как броситься на танк с гранатой. В обоих случаях речь шла о подавлении инстинкта самосохранения. Нужно признать, что отчаянный шаг, на который подтолкнул её Герман, таки принёс свои плоды, тот страх, что изматывал несчастную женщину в последнее время, растаял как мартовский снег. Однако заветного приза в виде душевного покоя Василиса так и не получила, напротив, когда защитная скорлупа, в которой она пряталась от жизни, дала трещину, и узница выпорхнула на свободу как бабочка из кокона, к ней пришло отчётливое понимание, что в этой самой жизни на долю бабочек, оказывается, не отпущено ни грамма счастья.

Впрочем, обманулась со своими ожиданиями не только Василиса, эффект от её освобождения оказался прямо противоположным тому, на который рассчитывал и Герман. Выбравшись из своей защитной скорлупы, затворница открыла для себя одну простую, но непреложную истину, которая поставила большой жирный крест на планах Германа в отношении своей любовницы. Все эти комфортные и ни к чему не обязывающие отношения с мужчинами, которые раньше вполне устраивали Василису, теперь показались ей просто никчёмной обузой, на которую жаль тратить время. При всём том, что Герман ей даже нравился, Василиса вдруг поняла, что он никогда не сможет удовлетворить внезапно проснувшееся в её сердце желание любить. И дело было даже не в том, что она сомневалась в способности своего любовника испытывать высокие чувства, просто оказалось, что, пока Василиса фрустрировалась на тему борьбы со страхом быть собой, её сердце исподтишка уже сделало свой выбор.

Увы, этот выбор никак не мог закончиться счастливой развязкой просто потому, что её избранник не отвечал Василисе взаимностью. Даже тот факт, что в ней жило сознание женщины, которую Вран когда-то любил больше жизни, ничего не менял в этом печальном раскладе. Хуже того, оказалось, что любимый мужчина был готов уничтожить это самое сознание. Вот такого Василиса уже совсем не могла понять, а потому в порыве самобичевания тут же решила, что Вран счёл новое воплощение своей бывшей возлюбленной недостойным того, чтобы обладать этим божественным даром. Верить в подобное не хотелось, и Василиса принялась искать иные, менее болезненные для её

самолюбия причины предательства Врана.

Что ж, в умении работать с фактологией специалисту по старинным рукописям трудно было отказать, а противоречия в поведении предателя даже не нужно было раскапывать, поскольку они лежали на поверхности. Ну правда, зачем нужно было похищать намеченную подлыми экспериментаторами жертву, если сталкер планировал сам поучаствовать в эксперименте? Значит, не планировал, но обстоятельства сложились так, что другого выхода ему не оставили. Так что же заставило Врана пожертвовать той, кого он изначально пытался спасти? Ответ на этот вопрос мог дать только маг Вениамин, который на поверку оказался руководителем проекта ратава-корги, а потому у Василисы не осталось иного выбора, кроме как вытрясти этот ответ из коварного манипулятора.

План, конечно, был хорош, вот только его осуществление требовало от неё ещё одного подвига на поле битвы с инстинктом самосохранения. Воспоминания о подвале, где Василиса прощалась со своим существованием, оставили в её душе незажившую пока рану, и если бы ни крайняя нужда, то она обходила бы магическую школу Вениамина десятой стороной. К сожалению, жизнь не оставила Василисе других вариантов получить ответы на мучившие её вопросы, но это вовсе не означало, что она готова была броситься в схватку с отчаянием берсерка. Свой визит к потенциальному информатору Василиса продумала до мелочей, подстраховавшись на случай ещё одного нападения. И речь шла вовсе не об оружии, которого у неё отродясь не водилось, в данном случае шантаж был гораздо эффективней.

Нужно сказать, что по случайному стечению обстоятельств Василиса выбрала очень удачное время для визита в школу магии. После провала своего эксперимента фальшивый маг пребывал в таком душевном раздрае, что его можно было брать голыми руками. Хрупкое здание надежды, выстроенное отчаянным экспериментатором на зыбкой почве непроверенных предположений, рухнуло и рассыпалось в пыль, похоронив под собой строителя. Хуже всего было то, что альтернативных вариантов спасения зависших в Игре игроков у Вена не имелось, и он словно бы оказался в той точке, с которой начал свой путь. Триста лет исследований и экспериментов закончились нулевым результатом.

Никто из его коллег не мог понять той одержимости, с которой Вен пахал как подорванный, покидая мир Игры только для того, чтобы восстановить свои когнитивные функции. Его считали чудиком, двинутым на почве каких-то скрытых комплексов, но никто даже представить не мог, какой была истинная причина столь бескомпромиссной самоотдачи. И не удивительно, кому же могло бы прийти в голову, что этим героем трудовых будней движет чувство вины? А между тем это чувство не раз уже вкладывало в руку Вена пистолет с одной единственной пулей, которая, словно волшебный ключик, должна была открыть бедняге путь к вечному забвению. И только надежда когда-нибудь освободить узников Игры останавливала палец, лежавший на курке.

Вен, конечно, не обладал способностями сталкера, но осознанности на то, чтобы, вместо перевоплощения, ломануться к барьеру у него бы точно хватило. На самом деле перевоплощения Вен боялся даже больше, чем ухода в небытие, поскольку оно было связано с риском утраты какой-то части воспоминаний. Разумеется, единичное перевоплощение не могло бы полностью стереть его память, но для Вена важна была каждая, даже самая мелкая крупица обрётённых знаний, а потому угрозу Ро он воспринял со всей серьёзностью. По хорошему, провалившемуся экспериментатору следовало бы вернуться на базу ратава-корги и немного отдохнуть, но для этого ему нужно было положиться на сталкера, встречаться с

которым Вену категорически не хотелось.

Когда дверь его кабинета приоткрылась, Вен подскочил как ошпаренный, поскольку решил, что Ро всё-таки решил сыграть роль посланца судьбы и отправить своего коллегу на заслуженный отдых только не в Аэрию, а на тот свет. Что ж, волновался он не напрасно, судьба оказалась той ещё чертовкой, вот только вместо своего посланца, она отправила к Вену ещё более опасного персонажа. Сказать, что он не ожидал прихода своей лабораторной мышки, было бы явным преуменьшением, Вен был настолько ошарашен, что в первый момент буквально впал в ступор. Однако инстинкт самосохранения быстренько вернул его на грешную землю. Ро мог войти через эту дверь в любую минуту, и предсказать его реакцию на присутствие Василисы в магической школе было совсем нетрудно.

— Тебе нельзя тут находиться, — с ходу выпалил Вен, едва дверь за незваной посетительницей закрылась, — Ро меня пристрелит, разве ты не слышала?

— Так его настоящее имя Ро? — Василиса состроила наивную мордочку и удивлённо захлопала ресницами. — А как Ваше?

— Вен, — представился фальшивый маг. — Уходи, Василиса, нам нельзя с тобой больше разговаривать.

— По-моему, Вы мне должны, — женщина спокойно прошла к рабочему столу своего бывшего учителя и бесцеремонно уселась в кресло для посетителей. — У меня имеются кое-какие вопросы, и Вы мне на них ответите, иначе придётся сказать Гер..., — она запнулась, — Ро, что Вы опять пытались заманить меня в Вашу школу. Кстати, даже не надейтесь со мной разделаться, я оставила ему записку с указанием, где меня искать в случае чего.

В первый момент столь наглый шантаж обескуражил Вена, который и сам был не чужд грязных методов манипуляции. Враньё и магические фокусы были его фирменной фишкой и рассчитаны они были как раз на таких доверчивых дурочек, каковой он раньше мнил свою ученицу. Что ж, следовало признать, что на счёт Василисы он явно заблуждался, по части коварства ученица заткнула за пояс своего учителя.

— А ты быстро учишься, — Вен одобрительно кивнул. — Ладно, спрашивай, только побыстрее, — разрешил он. — Надеюсь, речь не пойдёт о тайнах мироздания, на это сейчас нет времени.

— Оставьте Ваши тайны при себе, — огрызнулась Василиса. — До меня уже дошло, что эти сакраментальные откровения были просто приманкой. Можете радоваться, наивная мышка даже не заподозрила, что кусочек сыра находился в мышеловке.

— Побойся бога, Василиса, — Вен возмутился вполне искренне, ведь его сыр был натуральным продуктом самого лучшего качества, — за время обучения ты получила столько знаний, сколько не смогла бы раздобыть за всю свою жизнь, если бы общалась только с жителями мира Игры.

— А толку? — фыркнула нахальная ученица. — На что нужны знания тому, кого живодёры предназначили в жертву? Почему вы пытались меня уничтожить? — в голосе Василисы послышалась обида. — Что я вам плохого сделала?

— Ты всё не так поняла, — Вен замотал головой, что твоя мельница крыльями. — Поверь, в обоих наших мирах не нашлось бы никого, кто желал тебе выжить больше, чем я. Моё желание было так сильно, что я невольно поверил в то, что оно осуществимо, — он обречённо вздохнул и устремил жалобный взгляд на обвинительницу. — Каюсь, мне следовало поверить Врану на слово, но надежда подчас бывает сильнее доводов рассудка.

— Значит, Вран не сомневался в фатальном исходе вашего эксперимента, — уточнила Василиса, довольная тем, что информатор сам вышел на интересовавшую её тему.

— Он лучший сталкер в Аэрии, — в голосе Вена прозвучала непонятная гордость, — и если б имелся хоть один шанс провести тебя через барьер, то он бы его не упустил.

— Тогда зачем он согласился? — возмутилась Василиса. — Да ещё успокаивал меня, уверял, что всё будет хорошо. Зачем вообще нужно было применять ко мне все эти сталкерские приёмчики, если от моего состояния уже ничего не зависело?

— Разве ты не поняла? — Вен удивлённо захлопал глазами. — Он собирался осуществить замещение. Если бы я его вовремя ни остановил, то ты бы сейчас уже любовалась видами Аэрии.

— Хватит меня запутывать, — глаза Василисы загорелись праведным гневом. — То Вы утверждаете, что я не могла пройти этот ваш дурацкий барьер, а потом вещаете про аэрские виды. Так в каком случае Вы врётё?

— Ни в каком, — поспешил заверить свою разбушевавшуюся собеседницу Вен. — Вам вдвоём действительно было не пройти барьер, но на тебя одну силы сталкера хватило бы. Это и называется замещением. Да, у Врана был непростой выбор, и он его сделал.

— Он выбрал меня? — голос Василисы опустился практически до шёпота. — Значит, тогда в подвале он мне вовсе не врал и действительно просто хотел меня успокоить.

— Нельзя вступать в контакт с барьером, если ты не можешь сохранять концентрацию, — подтвердил её догадку Вен. — Игроки частенько психуют перед эвакуацией, поэтому сталкеров специально обучают психотехникам, которые помогают их утихомирить.

Вен продолжал вещать с умным видом, словно Василиса опять сделалась его ученицей, но та его практически не слушала. Её рассеянный взгляд бесцельно бродил по обстановке кабинета, не задерживаясь ни на чём конкретно, словно следовал за беспорядочным потоком мыслей и эмоций, который в тот момент захлестнул сознание женщины. Она ведь пришла к информатору всего лишь в надежде хоть как-то оправдать поступок мужчины, которому отдала своё сердце, и никак не ожидала, что и оправдывать-то было нечего. Вран вовсе не собирался уничтожить её сознание, наоборот, он хотел её спасти. И тут одна шокирующая мысль, словно золотая рыбка, умудрилась выпрыгнуть из потока.

— А что стало бы с Враном? — Василиса так и впиалась взглядом в лицо информатора. — Он смог бы вернуться без своих сталкерских сил?

— Вернуться куда? — не понял Вен. — В своё мёртвое тело? Прости, деточка, но это невозможно, ты либо проходишь через барьер, либо погибаешь.

— То есть его бы просто не стало?! — от запоздалого ужаса у Василисы перехватила дыхание.

— Просто? — лицо Вена сразу как-то осунулось. — Да в проявленном мире не существует ничего ужаснее распада сознания. Мне приходилось слушать рассказы сталкеров, которым не удалось пройти через барьер своих клиентов, так что у меня имеется некоторое представление о развоплощении. Поверь, это совсем не похоже на растворение в нирване. Мало кто решится пойти на такое добровольно.

— Добровольно? — Василиса совсем растерялась. — Но зачем же Вран согласился участвовать в вашем эксперименте?

— А зачем я согласился отвечать на твои вопросы? — ехидно поинтересовался Вен. — Шантаж — это безотказное оружие.

— Что же могло быть хуже развоплощения? — Василиса растерянно захлопала глазами. — Чем ещё его можно было шантажировать?

— Как оказалось, тобой, — нехотя признался Вен, — хотя я тогда этого даже не подозревал. Вообще-то, сталкеров было двое, и если бы Вран ни согласился, то его коллега точно не стал бы жертвовать собой ради незнакомки. Так что у нашего героя не было иного выхода, — рассказчик замолк, поскольку понял, что Василиса его больше не слушает, с ней вообще происходило что-то странное. Глаза женщины вдруг засияли как свечи, а на губах появилась отрешённая улыбка. — Васенька, что с тобой? — озабоченно поинтересовался Вен.

— Всё просто замечательно, — Василиса рассеянно кивнула и как сомнамбула направилась к двери, даже не попрощавшись со своим информатором.

Вен облегчённо вздохнул и откинулся в кресле. Это была просто фантастическая удача, что удалось спровадить Василису, и она не столкнулась в его кабинете со своим любовником. Хотя радоваться было, пожалуй, рановато, ведь ничего не помешает ей поделиться с Ро своими похождениями. Оставалось надеяться только на то, что Василиса будет объективна и не свалит вину за их встречу на жертву шантажа. На самом деле, мандражировал Вен напрасно, Ро сейчас меньше всего заботило поведение этого беспринципного экспериментатора, ему не терпелось узнать о результатах своего собственного эксперимента, который по всем расчётам должен был коренным образом изменить их неоднозначные отношения с Василисой.

Теоретически, освободившаяся от своих страхов женщина уже должна была ощутить изменения в своей психике и проникнуться благодарностью к избавителю, а потому Ро предполагал провести весьма приятный вечер, плавно переходящий в бурную ночь. Первые признаки позитивных изменений он заметил буквально сразу, как только Василиса переступила порог мансарды. От её сияющего взгляда Ро словно окатило волной тепла. Как ни странно, вместо радости, это вызвало у экспериментатора лишь подозрения. Он попытался припомнить те моменты их недолгого романа, когда Василиса так на него смотрела, и не смог. Впрочем, особо заморачиваться Ро не стал и лихо списал произошедшие с его любовницей изменения на результат своего гениального психологического эксперимента. Ничего странного в этом не было, ведь, как и все аэры, Ро смотрел на мир Игры с точки зрения игрока. В его представлении произошло следующее: он сделал правильный ход и получил ожидаемый результат.

Естественно, экспериментатору сразу пришла на ум гениальная идея пожертвовать первой частью запланированного приятного вечера в пользу второй. К его искреннему удивлению, реакция Василисы на более чем смелые ласки триумфатора оказалась, мягко говоря, нелогичной. Женщина сначала как будто сжалась, а потом и вовсе отстранилась от своего любовника, при этом выражение радости странным образом сменилось на её лице гримасой брезгливости. Внезапная смена настроения любовницы оказалась для Ро полной неожиданностью, и на пару секунд он слегка завис, но рациональное мышление аэра быстро пришло ему на помощь. Объяснение увиденному могло быть только одно: этот лучезарный взгляд предназначался вовсе не для него.

— Что случилось? — в голосе Ро прозвучали не столько требовательные, сколько тревожные нотки. — Ты мне не рада?

— Только не злись, — принялась оправдываться Василиса, — но я сегодня говорила с Веном. Ты не подумай, что он опять пытался меня захомутать, я сама к нему пришла, чтобы

кое-что прояснить. — От внимания Ро не ускользнуло, что Василиса назвала его коллегу настоящим именем, и в его душе сразу зародилось нехорошее предчувствие. — Оказывается, Вран вовсе не пытался меня погубить, — в глазах Василисы снова затеплился прежний лучистый огонёк, — ты зря его обвинял.

— Некоторых психов только могила исправит, — проворчал Ро.

— Так ты всё знал?! — из глаз Василисы напрочь исчез даже намёк на дружелюбие, теперь он сделался холодным и колючим, как утренний иней. — Почему же ты ничего не сказал?

— Вран сам меня попросил, — Ро принялся оправдываться, хотя вроде бы было не за что, — он хотел, чтобы ты о нём забыла.

— Ты всё врёшь, — не раздумывая бросила обвинение Василиса, — он не мог..., — её глаза вдруг наполнились слезами, что, по идее, должно было вызвать жалость у её любовника, но вызвало лишь злость и желание добить бедняжку своими откровениями.

— Вран отдал тебя мне, — безапелляционно заявил он.

— Как это отдал? — голос Василисы сорвался, но тут же в её глазах вспыхнул яростный протест. — Я вам что, неодушевлённый предмет? Эстафетная палочка? А меня кто-нибудь удосуужился спросить? — она отпрянула от любовника, словно ей было неприятно находиться рядом. — Проваливай из моего дома, — выпалила Василиса, указывая на дверь. — Я больше не желаю тебя видеть.

Да, не так планировал насквозь прагматичный ратава-корги провести этот вечер, и уж точно не предполагал, что облагодетельствованная им любовница посмеет выгнать его из своего дома. И всё же по сравнению с Василисой его душевное состояние легко можно было бы назвать блаженным покоем. Глупая фраза, брошенная в запале любовником, в один момент разрушила её иллюзии в отношении Врана. Наверное, здравомыслящий человек тут же заметил бы, что делать фатальные выводы на основе нескольких слов нелогично, но Василиса жила не умом, а сердцем, и ей не нужно было опираться на здравомыслие, чтобы разобраться в вопросах, касающихся чувств.

Узнав о том, что ради неё Вран готов был пожертвовать самим своим существованием, Василиса естественно поверила, что в его сердце живёт любовь. Что ж, в каком-то смысле вывод был верным, вот только это была любовь не к Василисе, а к давно умершей женщине, которую Вран продолжал любить, несмотря на прошедшие годы. И спасал он не поповшую в передрыгу подопечную, а сознание своей любимой, носителем которого она была. Вывод, конечно, был шокирующим, а потому после ухода Ро Василиса быстро скатилась в чёрную меланхолию. В итоге, эмоциональные качели, которые устроила себе искательница правды, вконец раздолбали её и без того неустойчивую психику. Уж лучше бы она тихо сидела в своей скорлупе и не пыталась отрастить себе крылья, чтобы подняться в бесконечные небеса и ощутить счастье свободного полёта.

Невозможно отрицать, что в тот краткий миг, когда Василиса верила, что любима, она и вправду была счастлива, наверное, впервые в своей жизни. Но этого времени было слишком мало, чтобы она смогла насладиться своим счастьем хоть в малой мере, и всё же достаточно, чтобы Василиса успела ощутить разницу со своим прежним бессмысленным существованием. Похоже, инстинкт самосохранения не зря предупреждал её об опасности, которую нёс в себе этот странный мужчина, один вид которого вызывал у Василисы приступ неконтролируемой паники. Ей и впрямь следовало держаться от него подальше, потому что Вран был той сладкой отравой, против которой у неё не имелось противоядия.

Школа магии Вениамина выглядела непривычно заброшенной, ни тебе запахов таинственных благовоний, ни тихого шелеста мантр, обычно звучавших ненавязчивым фоном в холле и коридорах. На ресепшене правда сидела облачённая в чёрную мантию девица, но и у неё вид был какой-то неприкаянный. Судя по всему, великий маг пребывал в депрессии после фатального провала своего эксперимента, в чём Ро и не преминул убедиться, едва вошёл в личный кабинета хозяина школы. Взгляд Вена был рассеянным и каким-то отсутствующим, как будто этот обычно азартный экспериментатор внезапно потерял вкус к жизни. Визит своего коллеги он воспринял с равнодушием обречённого, давно смирившегося со своей участью смертника.

Собственно, Ро вовсе не собирался наводить шороху в логове ратава-корги, просто хотел слегка отыграться на болтуне за то унижение, которое по его милости ему пришлось пережить. Отставному любовнику требовался козёл отпущения, чтобы снова обрести уверенность в себе, и выбор кандидатов на роль боксёрской груши был невелик.

— Какого чёрта ты рассказал Василисе об этом безбашенном психе? — выпалил Ро, едва переступив порог кабинета.

— А что я должен был сказать? — как ни странно Вен вовсе не испугался наезда, и сам пошёл в атаку. — Это же правда, и она Василисе была очень нужна. Разве ты не понял? — он бросил сочувственный взгляд на обвинителя. — Она же любит Врана.

— И когда же она успела влюбиться? — запальчиво бросил Ро. — Они и виделись-то всего пару раз.

— Похоже, ты ревнуешь, — Вен удивлённо покачал головой, — вот чудеса. Это ж надо такому случиться, чтобы в душе хладнокровного аэра бушевали такие страсти. Ну и куда на это раз заведёт тебя твоя ревность? — ехидно полубопытствовал разоблачитель. — Кого из них ты убьёшь: его, её или обоих?

Ро уже вскинулся, чтобы ответить оборзевшему коллеге, который, по всей видимости, возомнил себя бессмертным, но тут в его памяти всплыл разговор с Враном, который задал ему точно такой же вопрос. Да, мерзкое чувство, затопившее разум отвергнутого любовника, было ничем иным, как ревностью. Именно ревность когда-то разожгла в его душе жажду мести и заставила совершать поступки, о которых Ро до сих пор не мог вспоминать без содрогания. А ведь он искренне верил, что извлёк урок из прошлого и больше никогда не повторит своих ошибок. Ан нет, кармическое колесо провернулось, и грешник оказался в прежней позиции, причём даже не осознал, что его снова тупо проверяют на вшивость.

— Переэкзаменовка, говоришь, — Ро мысленно послал проклятие владыкам кармы, — чёрта с два вы меня поймаете на этот крючок ещё раз, я своё домашнее задание выучил. Не знаю, что это значит — любить, но со мной совершенно точно происходит что-то другое. Если верить Врану, то истинный влюблённый попросту не может ревновать, ведь для него счастье любимой женщины важнее всего. А мне тупо хочется обладать Василисой, как когда-то хотелось обладать Враном.

— Ро, ты чего зависишь? — прервал его сеанс саморазоблачения Вен, начавший подозревать, что явно переборщил с обвинениями. — Я ж не хотел тебя обидеть.

— Я не кисейная барышня, чтобы обижаться на правду, — пробурчал ревнивец. — Допускаю, что насчёт Василисы ты не ошибся, я такого взгляда у неё раньше никогда не

видел. Жаль, что Врану сейчас не до неё, а то смог бы хоть немного отвлечься от оплакивания своей погибшей возлюбленной. В конце концов, сколько можно жить воспоминаниями?

— А чем он сейчас занят? — задавая этот невинный вопрос, Вен даже близко не представлял, какой трагедией обернётся для него ответ. — Его всё-таки поймали на самоволке и сослали в стражи?

— Да нет, — Ро беспечно махнул рукой, — просто ратава-корги восстановили его память, и наш герой сейчас рефлексирует. Представляешь, оказывается Вран был главой клана Ставрати. Кто бы мог подумать, что этот скромник когда-то заправлял Аэрией? Не удивительно, что он так легко заставил себе служить обитателей своего замка. А я-то всё удивлялся, откуда взялась их патологическая преданность какому-то пришлому лорду. — В этот момент беспечно разглагольствующий ратава-корги заметил, что с его собеседником происходит нечто странное, лицо Вена побледнело до синевы, а в глазах застыло отчаяние, того и гляди грохнется в обморок. — Эй, мужик, ты чего? — Ро подскочил своему нервному коллеге, схватил стоявший на столе стакан с водой и буквально насильно заставил того сделать глоток.

— Зачем? — простонал Вен, как бы обращаясь к самому себе. — Как они могли узнать, что он из Ставрати?

— Вообще-то от меня, — теперь голос Ро звучал уже не столь самоуверенно, у него появилось чёткое ощущение, что он совершил непростительную ошибку, а в добавок очень кстати пришло воспоминание о последнем разговоре с Враном и его подозрениях по поводу Вена. — Что ты о нём знаешь? — неуверенность в его голосе сразу сменилась угрозой. — Чем возвращение воспоминаний может ему навредить? Или это может навредить тебе? — подозрительно прищурился гений дедукции. — Ты сделал ему в прошлом какую-то пакость, а потом заставил всё забыть. Так?

— Ты не понимаешь, — Вен обречённо опустил голову, — для Врана возвращение памяти — это смертный приговор.

— Так, хорош истерить, — прикрикнул на паникёра Ро, — рассказывай толком.

— Теперь эти выродки имеют полное право с ним расправиться, — глаза Вена подозрительно заблестели, словно на них навернулись слёзы, — наш договор больше не работает.

От столь шокирующей инфы Ро слегка завис. Какой договор? Почему он перестал работать, и кто такие эти выродки? Мысли неслись кувырком и никак не желали выстраиваться в логическую цепочку. А тем временем Вен уткнулся лицом в ладони и зарыдал, уже не скрывая своего отчаяния. Эта драматическая сцена вконец выбесила Ро, и он навис над плаксой, как подъёмный кран над кучей кирпичей.

— С кем и когда ты заключил договор? — приступил к допросу дознаватель.

— С Пятёркой, — Вен устало вздохнул, покорно становясь в позицию обвиняемого. — Понимаешь, мы ведь были лучшими друзьями, я просто не мог позволить ему сгинуть вместе с кланом. Но Вран не должен был вспомнить, кем в действительности является. Теперь всё кончено, они его уничтожат.

— И какова же была цена за его жизнь? — собственно этот вопрос Ро мог бы и не задавать, потому что уже знал ответ, но ему хотелось услышать признание предателя.

— Ты всё верно понял, — сокрушённо вздохнул Вен, — это я сдал клан Ставрати, раскрыл Пятёрке время и место их общего сбора. Без меня хрен бы они смогли накрыть клан

одним ударом, а потому согласились на моё условие.

— Ты предал своего лучшего друга? — в голосе Ро было столько презрения, что его собеседник невольно сжался, однако очень быстро оправился и пошёл в атаку.

— А как ты сам с ним поступил? — огрызнулся Вен. — И ведь тоже, наверное, считал Врана своим другом. Да, ему не позавидуешь, один друг погубил его клан, а другой — его возлюбленную. Так что мы оба хороши.

— Ты приревновал его к членам клана Ставрати? — его поспешное умозаключение вызвало у собеседника глумливую усмешку.

— По себе судишь? — съязвил Вен. — Нет, у меня была более веская причина для предательства. То, что задумали Ставрати, могло разрушить Аэрию.

— Это что, к примеру? — в голосе Ро прозвучало недоверие. — Я-то всегда был уверен, что со Ставрати расправились за создание организации ратава-корги. Причём тут разрушение Аэрии?

— Ставрати не имеют к ратава-корги никакого отношения, — в сердцах воскликнул Вен, — это всё Пятёрка. Через полсотни лет после разгрома клана мне предложили создать эдакую подпольную ячейку нелегальных путешественников, ну я и согласился.

— Зачем? — на этот раз голос Ро прозвучал зловеще, поскольку он не ожидал услышать ничего хорошего.

— Хотел хоть как-то искупить свою вину за гибель клана, — Вен покаянно опустил голову, — но что-то пока хреново получается с искуплением. Ни одного из зависших игроков так и не удалось вернуть домой.

— Прелестно, — процедил сквозь зубы Ро, — оказывается, организация ратава-корги обязана своим рождением одному придурку с комплексом неполноценности. Видимо, и эта дебильная цель по спасению зависших игроков тоже родилась в твоём больном мозгу. Это ж надо было веками морочить головы сотням аэров только для того, чтобы тупо заглушить своё чувство вины. Не боишься, что тебя порвут на лоскуты, когда узнают о твоей роли в этой истории?

— Боюсь, — Вен обречённо кивнул. — Ты им расскажешь?

— Подумаю, — злорадно усмехнулся Ро. — Так что ты там скулил про разрушение Аэрии?

— Ставрати собирались обрушить барьер, и в Аэрии опять наступила бы полная анархия, — в голосе Вена внезапно зазвучала уверенность фанатика. — Нравилось это кому-то или нет, но Пятёрка управляла нашим миром очень грамотно. Аэрия наконец избавилась от смутьянов, и в нашем мире наступили покой и порядок. Нельзя было допустить, чтобы кланы опять начали драться за ресурсы мира Игры.

— Так ты у нас навроде святого мученика? — глумливая усмешка превратила лицо Ро в уродливую маску. — А что ж ты тогда просто не поделился своими мыслями с другом? Может быть, Вран тебя бы послушал.

— Я пытался, — Вен обречённо опустил голову, — но Ставрати заиклились на идее, что барьер мешает развитию аэров и ведёт их к деградации. Никто не захотел меня слушать.

— И оказались правы на все сто, — отрезал Ро. — Деградацию теперь можно заметить невооружённым глазом, даже ратава-корги принялись изучать её причины. Выходит, ты пустил под нож единственных аэров, которые знали, как спасти наш мир.

— Никто не доказал, что деградация хоть как-то связана с барьером, — Вен буквально вспыхнул, видимо, он уже не раз использовал этот аргумент, чтобы оправдать своё

предательство. Впрочем, на этот раз его задала хватило не надолго, буквально через секунду он снова сник. — Понимаешь, последствия разрушения барьера для аэров были непредсказуемы, а вот Пятёрка точно потеряла бы власть. К тому времени большинство кланов уже беспрекословно подчинялись Совету, потому что не имели доступа к Игре. Ставрати оставался практически единственным кланом, который полностью игнорировал запреты Пятёрки, эти ребята буквально жили в мире Игры.

— А почему остальные сдались? — недоумение, написанное на лице Ро было настолько откровенным, что Вен невольно улыбнулся.

— Прирождённому сталкеру трудно понять простых аэров, — назидательно провозгласил он. — Когда барьера не было, игроки могли свободно перемещаться между мирами, а после того, как стирание привело к его возникновению, начались несчастные случаи. Так что Пятёрке пришлось сначала ограничить доступ в Игру, а потом и вовсе его закрыть.

— Ну прям бескорыстные спасители, — презрительно хмыкнул Ро. — Для своих кланов они однако не поскупились на создание спас службы, а остальные пусть идут лесом, так что ли? — глаза обвинителя загорелись праведным гневом. — Я вот только одного не понимаю, почему кланы покорно это проглотили, почему просто не создали альтернативные сталкерские службы?

— А откуда, как ты думаешь, взялось столько сталкеров в спас службе? — ехидно поинтересовался Вен. — У самой Пятёрки и близко не имелось такого количества аэров с устойчивым вибрационным спектром.

— Совет переманил к себе всех сталкеров из кланов, — заключение было довольно тривиальным, но всё же далось Ро с трудом, поскольку подобного коварства он всё же не ожидал.

— Не переманил, а мобилизовал, — вставил свои пять копеек Вен, — как бы для общего блага.

— Но Ставрати не подчинились, — Ро задумчиво посмотрел на своего собеседника. — Они оставили всех своих сталкеров при себе.

— Опять не угадал, — съязвил Вен, — поголовно все Ставрати как раз и были сталкерами, причём первоклассными. У клана имелся свой собственный проект в мире Игры, и делиться своими ресурсами с Пятёркой они не собирались.

— Тоже качали энергию из аватаров? — Ро презрительно скривил губы.

— Нет, Ставрати не нужна была энергия, — возразил Вен, — после отстранения от управления Аэрией они даже не пытались создать что-то вроде правительства в изгнании. Судьба нашего мира полностью осталась в руках Пятёрки, а Ставрати занялись Игрой и превратили её из примитивного практически игрушечного мирка в то, что мы имеем сейчас.

— Ух ты, — Ро восхищённо покачал головой, — я и не знал, что они были такими крутыми. Тогда почему ты принял сторону Пятёрки?

Ответить на этот вопрос было непросто. Нет, Вен, а вернее, Литар, как его звали раньше, вовсе не кривил душой, когда сказал, что у него не было иного выхода, кроме предательства. Он сумел убедить себя и до сих пор пребывал в уверенности, что только его решительные действия спасли Аэрию от повторной волны разрушения, причем, как и от первой. Ведь это именно Литар был тем самым программистом, который смог взломать алгоритм перевоплощения в мире Игры и запустить насильственное стирание памяти находившихся там игроков. Этой своей работой он не просто гордился, его отношение к

созданному его талантом шедевр было сродни отношению матери к своему единственному ребёнку. И тут уж было неважно, что принципиальное решение о запуске стирания принял вовсе не он, а клан Ставрати, Литар всё равно считал себя спасителем аэров.

Возможно, если бы план Ставрати по обрушению барьера между мирами не был связан с его программой, то гениальному программисту даже в голову бы не пришло как-то ему противодействовать. На самом деле его доверие к другу было настолько велико, что он без колебаний пошёл бы за Враном даже в пекло, а уж ввязаться в очередную авантюру Ставрати — это за милую душу. Беда состояла в том, что для обрушения барьера требовалось снести программу Литара, а вот это уже было за гранью того, на что гений от программирования готов был пойти ради дружбы. Не удивительно, что требование Врана Литар воспринял как покушение на самое дорогое, что у него было.

Что ж, никто из нас не идеален, у каждого имеется уязвимая точка, ткнув в которую можно вскрыть такие неприглядные тайны, что черти в аду обзавидуются подлости и коварству двуногих обитателей высших миров. Мог ли Вран предвидеть последствия своего непродуманного решения? Возможно, что и мог, если бы сподобился примерить на себя чувства своего друга. Что бы сделал создатель и глава клана Ставрати, если бы кто-то предложил ему собственными руками уничтожить своё детище? Без всякого сомнения он бы тоже дрался за него до последнего вздоха. Так что у Литара действительно имелось оправдание его предательству, вот только признаться себе в своих истинных мотивах у него не хватало духу, а потому он придумал для себя достоверную отмазку в виде спасения Аэрии.

— Давай не будем обсуждать мои мотивы, — жалобно попросил предатель, — того, что сделано, всё равно уже не отменить. Сейчас нужно попытаться спасти Врана.

— Брось, он же не идиот, — Ро небрежно отмахнулся от непутёвого доброхота, — небось, понимает, что из Аэрии нужно лить. Поверь, такого опытного сталкера в Игре хрен отыщешь.

— Дело не только в Пятёрке, — с губ Вена сорвался обречённый вздох, — глава погибшего клана не имеет права на жизнь, и Вран не станет уклоняться от выполнения своих обетов.

— Бред какой-то, — прокомментировал заявление коллеги Ро, — это просто предрассудки.

— Нам с тобой этого не понять, — в голосе Вена прозвучала не то обида, не то зависть, — мы же оба одиночки.

— Ничего, я быстро вправлю мозги этому самоубийце, — самоуверенно заявил Ро. — Это Вран просто пока не в курсе, что у него появилась новая причина, чтобы жить, а как узнает, сразу передумает играть в клановые клятвы.

— Василиса? — в глазах Вена сразу загорелась надежда. — Ты правда это сделаешь, Ро?

— Приятно делать друзьям подарки, — задумчиво пробормотал отставной любовник, — особенно, когда сам не можешь ими воспользоваться.

— Если не будет другого выхода, расскажи ему правду обо мне, — Вен процедил эту фразу сквозь зубы, потому что в этот момент в его душе шла смертельная битва между двумя страхами, одним из которых был страх разоблачения, а другим — страх за жизнь друга. С каким уж счётом победил второй страх, так и осталось неизвестным, удивительно, что он вообще смог одолеть своего противника.

Когда ветер стихал, поверхность озера застывала блестящим чёрным опалом и в обрамлении золота осеннего леса смахивала на гигантскую брошку, оброненную великаншей-растеряхой. Стены домика, расположенного у самой воды, были покрашены охрой, а потому на фоне буйства красок ранней осени он как бы терялся, сливаясь с окружавшими его берёзками и кустами калины. Вран оказался единственным обитателем сего непритязательного, но очень уютного приюта для одиноких сердец по чистой случайности и не переставал удивляться, отчего это восхитительное местечко не кишит любителями рыбалки и тихой охоты. Это было тем более странно, что тут уже третий день стояла тёплая солнечная погода. На самом деле ничего странного в этом не было, просто и озеро, и прилежащий к нему лес находились в частном владении одной богатенькой дамочки, которая по роковому стечению обстоятельств оказалась клиенткой сталкера.

Как ни странно, после возвращения памяти образ жизни Врана совсем не изменился. Оказавшись на свободе, он и не подумал скрываться от Пятёрки, напротив, он демонстративно явился в штаб спас службы за новым заданием. На самом деле глава клана Ставроти надеялся, что слухи о его истинной личности уже успели достичь заинтересованных ушей, и в здании Совета его будет ждать засада. Каково же было его удивление, когда куратор равнодушно взглянул в его сторону и выдал описание очередной миссии. Изучив это описание, Вран заранее настроился на долгие и нудные уговоры, отвратительные истерики и хитрые, но бессмысленные попытки избежать эвакуации. Дело в том, что его клиенткой на этот раз оказалась привлекательная женщина средних лет, недавно потерявшая богатенького мужа.

Казалось бы, можно было дать ей немного времени, чтобы оторваться по полной, покутить напоследок так, чтоб вся локация вздрогнула, но нет, Арокани приняли решение вернуть своего игрока именно сейчас. Так стоило ли удивляться тому, что появление сталкера эта дамочка должна была воспринять как подлую подставу? К счастью, опасения Врана не оправдались, клиентка оказалась вполне разумной особой и почти сразу согласилась на эвакуацию, только попросила о недельной отсрочке, чтобы проститься с уже взрослой дочерью. Ещё одной её просьбой была маскировка убийства под несчастный случай, потому что ей не хотелось, чтобы дочь потратила свою жизнь на поиск и наказание убийцы.

Эта просьба по-настоящему тронула сердце сталкера, обычно игрокам было глубоко фиолетово, что станет с их окружением после выхода из Игры. В общем, он согласился и предложил клиентке на выбор несколько вариантов имитации несчастного случая, из которых та выбрала взрыв газового баллона в каком-нибудь уединённом месте, где огонь не сможет причинить вреда окружающим. Очень кстати такое место быстро нашлось, им оказался как раз тот самый домик цвета осенней листвы, куда Вран и направился дожидаться приезда клиентки.

На создание нужных декораций у него ушло не больше часа, и никаких других дел не предвиделось, так что оставалось только предаваться безделью. Наверное, можно было бы ожидать, что Вран начнёт сетовать на скуку, и в иных обстоятельствах именно так бы и случилось, но сейчас он был даже рад этой вынужденной передышке. После восстановления памяти его жизнь, словно поезд, сошедший с рельс, полетела под откос, и несколько лишних

дней дали Врану возможность поставить этот фильм-катастрофу на паузу, чтобы осмыслить произошедшее.

Глава клана, только без клана — это было даже несуразнее, чем цирк с конями, только без коней. Наверное, в Аэрии не могло бы существовать чего-то более трагичного, чем судьба главы погибшего клана, ведь взятые обеты обрекали выжившего на добровольное самоуничтожение, да и закон не оставлял ему права выбора, глава погибшего клана был обязан разделить судьбу своего клана. Впрочем, этот закон пока ни разу не применялся, а в исторических анналах даже упоминание о подобных казусах отсутствовало, видимо, по причине того, что столь маловероятное событие ни разу не случалось. Собственно, Вран и не собирался оспаривать справедливость и правомерность заочно вынесенного ему приговора, просто он предпочёл бы избежать участи самоубийцы, а предоставить право отправить себя в небытие тем, кто уничтожил его клан, а именно Пятёрке.

Шансов на то, чтобы встретиться лицом к лицу с кем-то из членов Совета, у него не имелось от слова совсем, прямого доступа к их драгоценным тушкам не было даже у членов правящих кланов. Общение с подчинёнными обычно осуществлялось через терминалы удалённого доступа, и для этого требовалось знать специальный код, которого у Врана, естественно, не имелось. Проникнуть в Офир, как называли главный игровой зал, вообще было нереально, так как это помещение постоянно перемещалось внутри здания Совета, используя алгоритм случайных чисел. Определить его местоположение было возможно только с помощью синхронизатора, который даже не был физическим гаджетом, это была программа, зашитая непосредственно в мозг членов Совета. В общем, о силовых методах можно было сразу забыть, оставалось только ждать, когда же у палачей дойдут руки до их добровольной жертвы.

Оказавшись в роли червяка, насаженного на крючок, в ожидании быть сожранным хищной рыбой, Вран получил сомнительное удовольствие убедиться на собственной шкуре в справедливости максимы о том, что ожидание смерти хуже самой смерти. Не удивительно, что он очень быстро начал скатываться в депрессию, но тут случилось нечто непредвиденное. Ласковое бабье лето, как разбойник, подло напало на хмурого мизантропа из-за угла, оглушив его тишиной и заморочив каким-то неестественным, прямо-таки тотальным покоем, растворившим депрессию как кипяток кусочек сахара. В результате, тоскливое ожидание смерти как-то незаметно превратилось в блаженное созерцание танца солнечных или лунных бликов на озёрной глади. Вран выкинул из головы все мысли о своей горькой участи и целыми днями просиживал на краю самодельного деревянного пирса в компании раскладного кресла, тёплого пледа и термоса с чаем.

Он больше не думал о будущем, которого у него и не было, жизненная суета перестала его волновать, и только воспоминания время от времени посещали мысли отшельника, но и они не задерживались надолго. Основную часть времени Вран просто наслаждался теплом уходящего лета и ненавязчивой красотой этого безлюдного уголка мира Игры. Его даже не огорчало то, что всё это было в последний раз, скорее, наоборот, конечность наслаждения только обостряла чувства. Как ни странно, а может быть, и закономерно, в отсутствии мыслей сознание Врана словно распахнулось, растворяя барьеры ума и открывая доступ к знанию, до которого он не смог бы докопаться и за год усиленных размышлений. Вроде бы всего секунду назад Вран даже не думал о судьбе Аэрии, и вдруг осознал, что точно знает, отчего началась деградация жителей его мира и главное — как её остановить.

Откровение, свалившееся на его голову, было столь неожиданным и шокирующим, что

от созерцательного настроения Врана не осталось и следа. Внезапно он ощутил, что больше не в силах тупо сидеть и ждать смерти, ему нужно было что-то делать, причём немедленно. И дело было даже не в том, что ему стало невтерпёж покончить с неопределённостью своего положения, просто у главы клана Ставрати появился шанс завершит миссию своего клана. Конечно, тот факт, что от доброй или злой воли членов Совета зависела дальнейшая судьба целого мира, вряд ли мог добавить ему спокойной уверенности в успехе, но теперь миссия хотя бы утратила статус безнадёжной, и это несомненно вселяло оптимизм.

В принципе, лучшего места для ухода из мира Игры, чем глубокое озеро, трудно было себе вообразить, но Врану отчего-то вдруг стало не по себе, когда он представил, как его раздувшийся от воды труп прибьёт волной к домику, и клиентка его обнаружит. Гораздо проще и чище было воспользоваться идеей с газовым баллоном, благо в домике всё было готово к представлению. Вран скинул плед на доски пирса и решительно поднялся. Однако стоило ему сделать шаг в направлении берега, как дверь домика отворилась и на пороге появился неожиданный гость, чьё навязчивое преследование в последнее время уже начало вызывать у Врана изжогу.

— Какого чёрта, Ро, — проворчал он, когда улыбающийся ратава-корги приблизился к его убежищу. — Как ты вообще меня нашёл?

— А мне твоя клиентка подсказала, — Ро даже не потрудился сделать вид, что ему неловко нарушать уединение главы клана. — Вот, решил лично тебя поздравить с возвращением своей настоящей личности. Могу я узнать имя главного Ставрати?

— Не тупи, Ро, — губы Врана сами собой сложились в брезгливую гримасу, которая как бы должна была выразить презрение к невежде, — клан всегда называют по имени его главы.

— Так ты у нас, выходит, на самом деле Ставрат, — ничуть не обидевшись, уточнил невежда, — а Вран — это что-то вроде прозвища. Интересно, а твоё прозвище имеет какое-то отношение к местной птице с чёрными перьями и большим клювом?

— Как оказалось, прямое, — Вран горько улыбнулся. — Забавно, что Василиса это угадала.

— А что, зачётно, — Ро бросил оценивающий взгляд на носителя птичьего имени, — что-то в тебе действительно есть от ворона.

— Не морочь мне голову, — раздражённо бросил Вран, — чего тебе на самом деле нужно? Вроде бы я уже рассказал твоим коллегам всё, что знал. Мне больше нечего им сказать.

— Я с неофициальным визитом, — обезоруживающая улыбка на лице Ро мгновенно растворила возникшее напряжение. — Давай присядем, что ли, — предложил он и, не дожидаясь согласия хозяина, опустился в позу лотоса прямо на доски пирса. Врану ничего не оставалось, как снова занять своё кресло, что он и исполнил со смирением истинного отшельника.

— Излагай, только быстро, — проворчал отшельник, — у меня тут наметилось одно срочное дело.

— Да знаю я, что ты собираешься делать, — брови Ро сошлись над переносицей, изображая крайнюю степень озабоченности. — Сдаться Пятёрке, не так ли? Ты же понимаешь, что тебя, скорей всего, ждёт развоплощение?

— Тебе-то какая разница? — при упоминании о маячившей перед ним кошмарной перспективе Вран невольно поёжился. — Мы ведь уже выяснили, что вербовать меня

бессмысленно.

— То есть ты даже не допускаешь мысли о том, что твоя судьба мне не безразлична? — в голосе Ро явственно прозвучала обида, причём не наигранная, а вполне искренняя, но Врана его признание отчего-то не впечатлило.

— Вот только не надо изображать из себя эдакого заботливого родственника, — фыркнул он. — Если б тебя действительно заботила моя судьба, ты бы не сдал меня своим коллегам.

— Выходит, это я подписал тебе смертный приговор? — мысль о своём роковом вмешательстве в жизнь Врана и раньше приходила на ум Ро, но он гнал её от себя поганой метлой, предпочитая сохранять иллюзию случайного стечения обстоятельств.

— По крайней мере, о трагической участи Ставрати тебе точно было всё известно, — обвинитель безжалостно забил последний гвоздь в крышку гроба похороненных иллюзий.

— Ладно, я виноват, — покаялся Ро, — но почему ты должен себя так наказывать? Ведь твоей вины в гибели клана нет.

— А чья это вина? — из голоса Врана внезапно исчез обвинительный пафос, да и сам он как-то сразу сник. — Разве не глава клана должен был обеспечить безопасность общего собрания? А я облажался.

Несколько долгих секунд Ро молчал, как бы раздумывая, стоит ли раскрывать глаза своему бывшему другу на предательство ещё одного его бывшего друга, но к концу концов решил. Всё-таки это было меньше из зол.

— Причиной гибели твоего клана была не твоя беспечность, а предательство, — сквозь зубы процедил ратава-корги. — Тебя предал твой друг, он сам мне признался.

— Это полный бред, мой друг погиб вместе с кланом, — Вран с возмущением возрился на разоблачителя. — Думаю, Литар вообще был главной целью нападения. Это ведь именно он создал программу стирания, и только ему было под силу её снести, а именно этого Пятёрка и боялась больше всего.

— Странно, на месте Пятёрки я бы в первую очередь избавился от главы мятежного клана, а уже потом зачищал бы остальных, — ехидно заметил Ро, — но именно ты каким-то образом выжил. Не скажешь, почему тебя пощадили?

— Колись, что тебе известно, — пробурчал себе под нос Вран, которому этот вопрос не давал покоя с той самой минуты, когда он понял, кем является на самом деле.

— А что если этот гениальный программист не погиб, а заключил сделку с Пятёркой? — разоблачитель специально сделал паузу, чтобы дать жертве подлого предательства немного времени переварить его откровения. — Информация о времени и месте сбора Ставрати в обмен...

— На мою жизнь, — закончил за него Вран.

— Согласись, только друг мог поставить такое условие, — Ро бросил сочувственный взгляд на ошарашенного собеседника, — лишь для него твоя жизнь была ценна сама по себе, а не как жизнь главы клана. Думаю, в этом плане за прошедшие века ничего не изменилось, — заметил он. — Не так давно он снова тебя спас. Помнишь подвал, откуда ты собирался отправиться с свой последний путь? А я-то всё гадал, какие причины могли иметься у циничного экспериментатора, чтобы беспокоиться о незнакомом сталкере.

— Вен..., — голос Врана сделался совершенно безжизненным, — так вот откуда он меня знает. Но зачем? — он вскинул голову и с тоской уставился в глаза собеседнику.

— Если честно, объяснение было довольно мутным, — признался Ро, — что-то насчёт

спасения Аэрии и сохранения управления Пятёрки. Он якобы не хотел, чтобы кланы опять передрались за ресурсы Игры.

— Бред какой-то, — Вран не удержался от нецензурного ругательства. — Мы же сто раз это с ним обсуждали. Нет, это ложь.

— Или самообман, — подсказал Ро. — Кстати, а как ты умудрился вернуть себе сталкерские способности после того, как тебе стёрли память? По идее, ты вообще не должен был выжить. Сам знаешь, в Аэрии полно всяких примочек, которыми нужно уметь пользоваться, если не хочешь, чтобы тебя раскатало в блинчик. Любая случайность могла отправить тебя на перевоплощение, а без знания техник управления реальностью ты завис бы в фазе посмертия на века, если вообще когда-то сумел бы вернуться. Аэру без памяти находиться на свободе в нашем мире тупо опасно.

— А я и не был свободен, — Вран задумчиво посмотрел на порозовевшие в преддверии заката небеса, — только тогда я этого не понимал. Кто-то держал меня взаперти, кормил, ухаживал и обучал. Я-то думал, что именно так и воплощаются все аэры, а мой наставник заботливо поддерживал моё заблуждение. Это был Литар, как я теперь понимаю.

— Получается, что способность контролировать реальность — это вовсе не рефлекторная функция аэрского ума, — заключил Ро, — этому нужно учиться. И долго тебя держали под замком?

— Лет десять, наверное, — Вран горько улыбнулся, — а потом мой наставник меня убил.

— То есть как? — от неожиданности Ро аж поперхнулся.

— Зашёл в мою комнату и без объяснений спустил курок, — пояснил Вран. — Я ж не ожидал такой подставы, а потому даже не успел удивиться.

— И что, ты так просто спустил ему убийство? — Ро возмущённо запыхтел. — Вообще-то, в Аэрии за это развоплощают.

— Разумеется, я наведаясь в тот дом, когда вернулся в мир живых, — заверил своего мстительного собеседника Вран, — но моего наставника там уже не было. Зато я нашёл на столе сертификат на право собственности, оформленный на моё имя каким-то незнакомцем, а ещё рекомендацию от члена клана Арокани на поступление в школу спас службы. Вот так и появился сталкер Вран.

— Похоже, твой хитрый дружок не слишком доверял своим поделщикам, — на лице Ро появилась ехидная улыбочка, — а потому подстраховался на тот случай, если Пятёрке вздумается устроить тебе тот самый несчастный случай, чтобы отправить твоё сознание в нирвану на веки вечные. Думаю, и убийство имело целью исключить возможность идентификации тебя как Ставрата даже по внешнему виду. Оказывается, Вен не так прост, заранее всё продумал.

— Да, приходится признать, что его предательство не было спонтанным порывом, — взгляд Врана налился болью, словно свинцом. — Что я сделал не так, Ро? Почему друзья меня предают?

От его собеседника не укрылось, что Вран причислил его к друзьям, а заодно и к предателям. Первое несомненно было лестно и грело душу, а вот от второго у обвиняемого аж свело все внутренности и захотелось как-то оправдаться. До сих пор Ро считал, что это именно Вран предал их дружбу, когда обрёк его на унижительную и весьма болезненную операцию, чтобы отомстить за поруганную честь своей женщины. В то время он считал Эву аватаром, а потому аэрскому снобу даже в голову не пришло принимать во внимание её

чувства. И тут ему в голову пришла шальная мысль, а что если бы на месте Эвы была Василиса, и кто-нибудь изнасиловал бы его любовницу? Ярость, затопившая в это миг сознание Ро, удивила даже его самого. Так можно ли было винить Врана за то, что он отмстил за оскорбление? И кто же кого тогда предал?

— Признаю, ты имел право на месть, — процедил он сквозь зубы.

— Это ты о чём? — похоже, мысли Врана сейчас были так далеко от тех трагических событий, что он даже сначала не понял, о чём толкует его собеседник. — А, это насчёт кастрации, — догадался он. — Неужели ты так до сих пор и не понял, что я не пытался тебе отомстить, просто защищал Эву от агрессора наименее болезненным способом. В качестве альтернативы можно было запереть тебя в подвале на всю жизнь. Разве это было бы для тебя менее болезненным?

— Знаешь, я всё чаще начинаю подозревать, что ты святой, — проворчал Ро, — только прикидываешься хладнокровным мерзавцем.

— Я не святой, а глава клана, — Вран горько усмехнулся, — причём облажавшийся по полной. Как можно было не почувствовать, что мой друг готовит предательство? Но самое поганое — это то, что я до сих пор не понимаю, что его толкнуло на столь роковой поступок. Наверное, мой конец даже можно назвать закономерным. Если уж взял на себя ответственность за жизни близких, так отвечай.

— А тебе не кажется, что в этом мире кое-кто станет по тебе скучать? — раздражённо бросил Ро. — И я говорю не только о себе, если ты не понял.

— О Василисе? — голос Врана невольно дрогнул. — Ты ведь о ней позаботишься?

— Уже позаботился, — самодовольно заявил Ро. — Благодаря моему психологическому эксперименту Василиса избавилась от своей защитной скорлупы, но в том-то и засада, — самопальный психолог скрипнул зубами. — Когда наша бабочка вылетела из своего кокона, вдруг выяснилось, что некоторые барышни могут любить только одного определённого мужика, причём во всех своих воплощениях. Не догадываешься, о ком я говорю?

— Это уже неважно, — на лице Врана появилась болезненная гримаса, — у меня всё равно нет будущего. Глава клана не может отделять свою судьбу от судьбы его членов.

— Не зря я подозревал, что ты псих, — Ро нецензурно выругался и отвернулся, чтобы не видеть страдальческого выражения в глазах самоубийцы. — Как можно променять живую женщину на мёртвый клан?

— Ты никогда не состоял в клане, правда? — теперь в голосе Врана больше не было боли, скорее, он звучал мягко, мечтательно. — У аэров ведь нет всего того, что связывает аватаров: семьи, родственных уз, и даже близость между мужчиной и женщиной мы способны ощутить лишь в Игре. Но это вовсе не значит, что нам всего этого не требуется, напротив, нам так хотелось иметь семью, что мы создали её симулякр — кланы, которые заменили нам все формы родственных отношений.

— Так ты, выходит, был папочкой для остальных Ставрати, — съязвил Ро.

— И папочкой, и мамочкой, и сыном, и братом, и даже возлюбленной, — Вран не принял шутки, его тон был подчёркнуто серьёзен. — Жаль, что ты этого не знал, когда сдавал меня своим подельникам из ратава-корги.

— Но ты же не можешь просто отправиться в небытие, — теперь и в голосе Ро больше не было стёба, он разволновался не на шутку. — Василиса ведь тебя действительно любит, только пока не решается себе в этом признаться, я просто не смогу ей тебя заменить. Знаешь, что случится, если лампочку, рассчитанную на сто десять вольт, подключить к сети

на двести двадцать? Она просто перегорит. Я и есть такая лампочка.

— Не думаю, что со мной дела обстоят лучше, — признался Вран. — Наверное, я никогда не смогу забыть Эву, да и не хочу забывать.

— Но это ведь просто воспоминания, — Ро откровенно растерялся от таких заявлений. — Очнись, мужик, нельзя же прятаться от жизни в прошлом.

— Что поделаешь, если только в том прошлом я был счастлив, — на губах Врана появилась смущённая улыбка, словно он извинялся, — и пока я помню Эву, она для меня остаётся живой. Конечно, воспоминания о счастье не заменят самого счастья, но они всё, что у меня есть.

— Выходит, ты мне врал, про связь двух душ, — Ро возмущённо засопел, — тебе просто нравилась её милая мордашка и ладная фигурка, а ещё то, что она смотрела на тебя снизу вверх, как на своего господина.

— С чего ты это взял? — растерянно пробормотал Вран.

— Тогда какого чёрта ты не можешь разглядеть душу своей Эвы под новой оболочкой?! — Ро буквально взорвался. — Или совсем ослеп?

— Прости, у меня нет ответа, — на губах Врана появилась горькая улыбка. — Не спорю, в твоих словах есть рациональное зерно, но разве можно полюбить кого-то из рациональных соображений? Будь у меня время, я, наверное, попробовал бы увидеть в Василисе Эвину душу, но теперь уже поздно, очень скоро я просто исчезну.

— А как же Василиса? — жалобно простонал Ро. — А вдруг она также, как Эва, не захочет жить в мире, где нет тебя?

— Тогда не отнимай у неё надежду, — посоветовал Вран. — Надежда — это, конечно слабая замена любви, но лучше, чем вообще ничего.

— У меня даже этого нет, — Ро уныло кивнул и пошатываясь пошёл по скрипучему настилу пирса в сторону дома.

Червяку на крючке не позавидуешь, ведь он точно знает, чем всё закончится, но пока он ещё жив, кошмарная перспектива как бы пребывает в виртуальной реальности. Можно сколько угодно уверять себя, что конец ожидания станет избавлением от пытки, но мало кто из червяков действительно способен обрадоваться при виде разверстой зубастой пасти хищной рыбы. Не удивительно, что Врану пришлось задействовать все свои способности к самоконтролю, когда на выходе из симулятора его встретил работодатель в сопровождении нехилого отряда стражи. Отправляясь домой, Вран рассчитывал, что у него ещё будет время на то, чтобы подготовиться к неизбежному, но оказалось, что этого времени уже нет.

— Ясного неба, Арокан, — поприветствовал палача смертник, тщетно пытаясь изобразить на своей физиономии приветливую улыбку.

— Думаю, пожелать тебе лёгкого пути, Ставрат, было бы с моей стороны слишком цинично, — губы члена Совета скривились в язвительной усмешке.

— А у вас неплохо поставлено дело с информаторами, — Вран одобрительно хмыкнул. — Должен заметить, что ты явился очень кстати, а то я уже голову сломал, придумывая, как бы попасть в Офир.

— Извини, но этого я обещать не могу, — отбрил его Арокан. — По условиям договора ты не должен был вспомнить своё прошлое. Ну а коли договор нарушен, то Совет имеет полное право распорядиться судьбой мятежника по своему усмотрению.

— Что ж, вы дали мне неплохую отсрочку, — Вран насмешливо усмехнулся, — мне давно уже пора присоединиться к моему клану.

— Не выйдет, — глумливая усмешка превратила лицо Арокана в уродливую маску, — мы больше не станем рисковать. Стирание памяти оказалось не слишком ненадёжной мерой, в Аэрии полно твоих фанатов, которым захочется снова вернуть главу клана Ставрати. Так что не обессудь, но нам придётся сделать для тебя исключение.

Пару секунд Вран переваривал слова Арокана, которые с его точки зрения были лишены всякого смысла, а потом правда начала доходить до главы якобы погибшего клана.

— Они живы, — ошарашенно прошептал он.

— А ты решил, что мы развоплотили полторы сотни аэров? Без суда и следствия? — Арокан издевательски захихикал. — Вообще-то, по закону убийство в Аэрии является самым тяжким преступлением. Разве ты этого не знал?

— Плевать вам на законы, — фыркнул Вран, — вы же сами их пишете.

— Кто же будет соблюдать закон, если его нарушают даже те, кто его создал? — Арокан иронично прищурился, как бы давая оппоненту возможность заценить красоту игры. — Аэрия — это не тот мир, где можно безнаказанно убивать.

И снова Вран ненадолго завис, пытаясь вычленить подтекст из вроде бы невинного замечания своего бывшего коллеги. В том, что в его словах имеется двойной смысл, он даже не сомневался, уж больно ехидной была в этот момент улыбочка Арокана, но Вран пока не отошёл от шока, а потому его мозги работали не слишком эффективно. И всё же мыслительный процесс закончился предсказуемым результатом.

— Но в Игре убийство ненаказуемо, — догадка буквально ошеломила Врана, поскольку только в этот момент он осознал, где сейчас находятся все Ставрати. — Что вы с ними сделали? Превратили в аватаров?

— Нет ничего проще, правда? — Арокан покровительственно кивнул. — Нам даже не пришлось покидать базу Ставрати, там ведь имелось всё необходимое оборудование. Стереть память, переправить на стационарную базу в мире Игры, а потом пристрелить, вот и вся недолга.

— Вот я идиот, мог хотя бы включить логику, — голос Врана слегка дрожал, поскольку он всё ещё не мог справиться с волнением из-за ошеломившей его новости. — Да вам даже негде было взять столько сталкеров, чтобы казнить полторы сотни аэров. Мало кто из нас согласится стать палачом для своих же соотечественников. Но даже если б нашли, всё равно такое преступление не удалось бы скрыть. То ли дело отправить на перевоплощение целый клан в Игре, ведь такое убийство ещё нужно доказать. А кому взбрѣдет в голову раскапывать правду о судьбе чужого клана? В конце концов, Ставрати и так полжизни проводили в Игре, могли и переехать туда насовсем.

— Верно, — легко согласился Арокан, — они и переехали с нашей помощью. Но ты напрасно радуешься, — прокомментировал он блаженную улыбку на губах Врана, — тебе такая участь не светит.

— Разве глава клана не должен разделить судьбу его членов? — Вран озадаченно нахмурился, уже подозревая, что не услышит ничего ободряющего.

— Один раз мы уже сделали для тебя исключение, — посетовал Арокан, — и посмотри, что из этого вышло.

— Собираетесь развоплотить моѐ сознание, — это был вовсе не вопрос, а потому палач даже не потрудился на него ответить. — А как же твои песни насчѣт убийства в Аэрии?

— Так ведь ты отправишься в свой последний путь не отсюда, а из мира Игры, — Арокан состроил невинную гримасу, — так что беспокоиться не о чем.

Вран уже давно был готов к такой развязке, но известие о том, что члены его клана на самом деле живы, меняло всё. Теперь он просто обязан был бороться за свою жизнь, и у него имелось для этого одно средство, правда, довольно сомнительное, учитывая решительный настрой палачей. Но терять главе клана всё равно было уже нечего.

— А что если я выкуплю свою жизнь? — нахально предложил он. Вообще-то, изначально Вран не планировал использовать полученные в результате откровения знания в качестве платѣжного средства, они должны были стать его прощальным подарком этому миру, но тут уж выбирать не приходилось. — Думаю, у меня есть то, что нужно Совету.

— А я думаю, что тебе слабо заинтересовать нас настолько, чтобы мы позволили этой заряженной бомбе разгуливать на свободе, — Арокан скептически ухмыльнулся, — но если хочешь попытаться счастья, излагай.

— Я знаю, почему происходит деградация аэров, и как это остановить, — на одном дыхании выпалил Вран.

Несколько долгих секунд член Пятѣрки раздумывал над полученной информацией, а потом на его лице появилось выражение удивления.

— Всѣ-таки заинтересовал, — он утвердительно кивнул, — ладно, устрой тебе свидание с бывшими коллегами. Если твои сведения окажутся для нас полезными, мы позволим тебе присоединиться к клану. Не обижайся, но в Офир ты отправишься в бесчувственном состоянии, — повинувшись жесту Арокана, один из телохранителей подошел к Врану и вколол ему быстродействующее снотворное.

Очнувшись пленник уже в кресле у знакомого до боли игрового стола, за которым проводил большую часть своей жизни в те времена, когда Пятѣрка ещё была Шестѣркой. Все

пятеро членов Совета тоже сидели каждый в своём кресле, но в отличие от Врана, их руки не были прикованы к подлокотникам. Что ж, их трудно было винить в трусости, поскольку репутация главы клана Ставрати не располагала к беспечности. Вран обвёл тоскливым взглядом этих всесильных судей, которые через несколько минут запросто могли поменять своё амплуа на палачей, и горько усмехнулся. Арокан, Транзар, Низабия, Ильбраз и Белитар, когда-то они были его друзьями, с которыми Вран делился буквально всем, а теперь в их взглядах легко читалась неприкрытая даже фальшивой вежливостью ненависть.

— Мы слушаем, — без лишних предисловий обратился к пленнику Низабия.

— Вам не нужно меня бояться, — Вран кивнул на металлические обручи на своих запястьях, — бояться следует вас самих, причём не только мне, но и всем аэрам.

— Давай без патетики, — фыркнул Арокан, — я обещал Совету конструктивный разговор.

— Ладно, не будем терять времени, — усилием воли Вран задавил вполне объяснимое волнение и приступил к изложению идей, пришедших ему в откровении. — Для начала хочу признать, что у вас были основания для расправы над Ставрати. Если бы нам действительно удалось обрушить барьер, то вашей власти очень быстро пришёл бы конец. Вот только мы выбрали ошибочный путь, — он сокрушённо покачал головой, — решили, что для уничтожения барьера достаточно будет снести программу стирания памяти.

— Неужели Ставрат в кои веки признал свою ошибку? — язвительно поинтересовался Ильбраз.

— Глупо было бы это отрицать, — Вран покладисто кивнул, — но наши заблуждения имели под собой солидную теоретическую базу. В конце концов, барьер образовался именно в результате стирания, так что наши предположения были оправданы. Вот только мы не учли вклад Пятёрки.

— Что ты хочешь этим сказать? — возмутился Арокан.

— Спустя триста лет стирание уже перестало быть существенным фактором, влияющим на плотность барьера, — Вран обвёл аудиторию испытывающим взглядом, словно ожидал от членов Совета чистосердечного признания. — Возможно, снос программы и оказал бы какое-то незначительное действие, но результата, на который рассчитывали Ставрати, он бы не дал.

— Хочешь сказать, что мы напрасно пошли на крайние меры? — снова подал голос Ильбраз, и на этот раз в нём явственно слышалась настороженность.

— Думаю, причиной расправы с моим кланом было не опасение за судьбу Аэрии или даже прочность вашей власти, — Вран презрительно хмыкнул, — а желание сохранить в тайне действия Пятёрки. Ведь причиной уплотнения барьера были вы сами.

— Вот как? — Арокан злобно ухмыльнулся, и на лицах остальных членов Совета появилась схожая гримаса. — Выходит, мы все злодеи?

— Вот только не нужно заливать, что это для вас новость, — брови Врана сошлись над переносицей, демонстрируя презрение к наглým лгунам, — вы целенаправленно увеличивали плотность барьера, чтобы отсечь остальные кланы от бесплатной кормушки и тем самым — от управления инфополем Аэрии.

— Ну и как же мы это делали, такие бяки? — съязвил Белитар. Вероятно, он хотел, чтобы это прозвучало как шутка, но тремор в голосе его выдал.

— Ну тут мне догадки не нужны, — Вран и не подумал купиться на его игру, — я ведь и сам стал жертвой ваших манипуляций, и если бы ни оказия поработать стражем, то до сих

пор бы верил в ваши басни по поводу превосходства интеллекта над чувствами. Вы упорно накачивали ментал аэров, чтобы увеличить разрыв с уровнем ментальных вибраций игроков, зависших в Игре.

— Ты сам не оставил нам выбора, — огрызнулся Белитар. — Зачем ты затеял эту дурацкую операцию по ассимиляции попавших под удар игроков? В результате, всего через сотню лет после стирания барьер снова сделался почти прозрачным, потому что вклад аватаров в ментальное поле Иры стал значимой величиной.

— И что в этом плохого? — Вран с недоумением обвёл глазами лица членов Совета. — Благодаря нашему проекту кланы Пятёрки только выиграли. Да, аватары превратились из примитивных созданий, которых и живыми-то можно было назвать с большой натяжкой, в настоящих людей, способных независимо мыслить, тонко чувствовать и создавать новые формы сообщества, но это ведь открыло для Пятёрки новые перспективы. Конечно, качать энергию из полу животных проще, — снисходительно усмехнулся обличитель, — зато простимулированные нами изменения дали хорошего пинка обленившимся игрокам Пятёрки. Вы сделали грамотными управленцами, способными решать сложные задачи. Не думаю, что сейчас какой-либо другой клан решится оспаривать ваши права на управление Аэрией.

— Это лишь до тех пор, пока этот самый гипотетический клан не имеет доступа к энергии, идущей из Игры, — жёстко отрезал Транзар. — А твои манипуляции именно эту возможность кланам и предоставили.

— Постой, брат, — прервал его Ильбраз, — дело ведь было не только в доступе к энергии. После вакханалии, устроенной игроками в двух мирах, нам требовалось вернуть жителей Аэрии на путь рациональности и умиротворения. Эмоции тут совсем не помогали, и идея перераспределить энергию вибрационного спектра от астрального диапазона в пользу ментального показалась нам здоровой.

— Да, мы накачивали ментал аэров за счёт астральной энергии, — Низабия склонил голову в знак признания ответственности Совета за последствия, — но это не должно было привести к их деградации. Согласись, снижение когнитивных способностей жителей Аэрии — это же парадокс.

— Вы правда верили в то, что сможете безнаказанно издеваться над творением Создателя? — обвинительные нотки в голосе Врана сразу вызвали бурю протеста у слушателей, но он не стал потакать их амбициям. — Да у вас кишка тонка с ним тягаться.

— Поясни, что ты имеешь в виду, — Арокан поднял руку, останавливая разбушевавшихся коллег, — пустых обвинений недостаточно.

— До вашего вмешательства сознания аэров представляли из себя сбалансированную систему, — покладисто принялся растолковывать свою идею Вран, — а когда вы этот баланс нарушили, система принялась сама себя лечить. Вот только ваши установки не позволили ей выйти в исходное состояние, потому что переток энергии сверху вниз был заблокирован. Но ведь система не может долго находиться в неустойчивом состоянии, согласны?

— И что же эта система предприняла, чтобы достичь баланса? — поинтересовался Низабия.

— Разве не ясно? — Вран презрительно хмыкнул. — Раз нельзя повисить уровень астрала, то ничего другого не остаётся, как снижать ментал. Вот поэтому и началась деградация, — он обвёл испытывающим взглядом притихшую аудиторию. — Самое поганое в данной ситуации заключается в том, что деградация не остановится до тех пор, пока

уровень ментала не сравняется с астральным, который сейчас находится на минимуме.

— Хочешь сказать, что аэры станут дебилами? — теперь в голосе Арокана уже не было насмешки.

— Ещё немного, и уже аватарами станем мы, — подтвердил его вывод Вран, — а жители Земли будут нами играть, как сейчас мы играем ими.

— Нет, это всё чушь, — Транзар буквально взорвался. — Если бы всё так и было, то с деградацией аэров барьер начал бы снижаться, а он только уплотняется.

— Плотность барьера зависит не только от разницы потенциалов в ментальной области спектра, — пояснил Вран, — на неё влияет весь диапазон вибраций наших сознаний. Вы повысили ментальный потенциал аэров, но при этом вам пришлось понизить их астральный потенциал. Оба эти фактора повлияли на разницу в спектрах жителей двух миров, а следовательно, и на плотность барьера. Сейчас разница в ментальной области снижается, но в астральной она лишь растёт, потому что вы продолжаете зомбировать жителей Аэрии. Такими темпами в нашем мире скоро не останется аэров, способных преодолеть барьер даже с помощью сталкера.

— А как же сами сталкеры? — Низабия задумчиво обвёл глазами притихший зал. — Почему на них наши установки не действуют?

— Действуют, по себе знаю, — возразил Вран, — просто сталкеры и игроки постоянно подкачивают свой астрал в Игре, да и ваше зомбирование их там не достаёт.

— Ну и какая нам польза от этого знания? — в голосе Транзара прозвучала ярость истинно верующего фанатика, совершенно не свойственная для нынешних аэров. Похоже, сами члены Совета отнюдь не стали жертвами собственных манипуляций, коли были способны на такой взрыв эмоций. — Мы же не можем одновременно изменить содержание установки на прямо противоположное, это не сработает. Даже если мы просто прекратим подпитывать прежний концепт, то он сохранит свою живучесть ещё очень долго. Ты хоть знаешь, сколько времени требуется на внедрение концепта?

— Первые признаки деградации стали заметны на исходе третьей сотни лет, — Вран легко принял пас своего бывшего коллеги. — Думаю, на внедрение концепта превосходства интеллекта над чувствами у вас ушло чуть больше сотни.

— Верно, — Ильбраз удовлетворённо кивнул. — Ты полагаешь у нас в запасе имеется столько времени?

— Ты обещал не только поставить диагноз, Ставрат, но и предложить лечение, — напомнил Арокан.

— Вам придётся открыть Игру для всех аэров, — голос Врана прозвучал мрачно, поскольку он заранее предвидел массу возражений. — Только так вы сможете быстро выровнять баланс их ментальных и астральных энергий.

— Очень смешно, — насмешливо фыркнул Белитар. — А кто будет отвечать за неизбежные жертвы?

— Да во всей Аэрии не найдётся столько сталкеров, чтобы вытаскивать из Игры всех желающих, — Низабия обречённо вздохнул, — а виновными в гибели игроков будем мы. Похоже, ты просто хочешь, чтобы нас снесли, Ставрат.

— У вас имеется полторы сотни самых крутых сталкеров Аэрии, — подсказал Вран. — Всего-то и нужно их отыскать, вернуть им память и восстановить уровень вибраций. Понимаю, Ставрати не за что вас любить, но я сумею их убедить, в конце концов, это единственное средство спасти наш мир. Вся операция можно будет повернуть очень

быстро. Я снова стал сталкером за десять лет, и это при условии, что моя память была заблокирована, и моим наставником был абсолютный дилетант. А в спас службе имеются настоящие наставники, которые вернут моих ребят в строй лет за пять, а то и меньше.

— Bravo, — Арокан пару раз хлопнул в ладоши, изображая аплодисменты. — Да ты настоящий кудесник, Ставрат, раз-два, взмахнул волшебной палочкой, и настало всеобщее процветание.

— Он никогда не переставал меня удивлять своей изобретательностью, — внёс свою лепту Белитар.

— Согласен, это было очень забавно, — Низабия положил правую ладонь на грудь и поклонился Арокану, — я даже не рассчитывал на такое великолепное представление, коллега, — признался он.

Пару секунд Вран переводил взгляд с одного насмешника на другого, а потом на его лицо словно упала тень, а в глазах загорелась ненависть.

— Вы и не собирались сдержать своё обещание, — в голосе Врана было столько презрения к лжецам, что тем в пору было сгореть от стыда, но нет, никто из членов Совета даже не смутился.

— Отчего же, мы как раз собираемся точно выполнить наш договор, — возразил Транзар с ехидной улыбочкой. — Мы ведь обещали тебя пощадить в том случае, если твоя информация окажется нам полезна. Извини, но это не так. Если мы последуем твоему плану, то просто лишимся власти.

— И даже лавры спасителей Аэрии нам не достанутся, — Ильбраз скривился, как будто глотнул уксуса, — потому что спасителями, как всегда, станут Ставрати.

— То есть на Аэрию вам плевать, — в отчаянии бросил Вран.

— Ты не понимаешь, — Белитар сочувственно улыбнулся, — мы и есть Аэрия, а остальные, включая членов наших кланов — это просто статисты.

— Нет, вы не Аэрия, — процедил Вран сквозь зубы, — вы раковая опухоль на теле Аэрии, которая будет распространяться до тех пор, пока ни погубит своего носителя, а потом просто сохнет вместе с ним. Неужели у вас не хватает мозгов, чтобы вовремя остановиться?

— Всё это очень мило, но пора заканчивать представление, — Транзар поднялся с места и, подойдя к Врану со спины, защёлкнул металлический ошейник на его горле. — Только дёрнись, Ставрат, и получишь разряд тока, который тебя вырубит мгновенно, — пояснил он свои манипуляции. — Ошейник управляется телепатически и настроен на нас пятерых, так что на счастливую случайность можешь даже не рассчитывать.

— Зачем так сложно? — презрительно фыркнул Вран. — Можете просто вколоть мне ту дрянь, под которой притащили в Офир.

— Извини, — вид у Белитара вдруг сделался непривычно смущённым, — но мы приняли решение, что глава клана Ставрати должен встретить свой конец в полном сознании. Так что мы просто сотрём твои воспоминания, чтобы ты не смог воспользоваться своими сталкерскими навыками при встрече с барьером.

— Понятно, — Вран обречённо покачал головой, — видимо, сочувствие к ближним вам не близко. Извините за тавтологию, но в Аэрии ведь даже преступников казнят в бессознательном состоянии.

— Ну какой же ты нам ближний, Ставрат? — язвительно заметил Низабия. — Тебя даже дальним не назовёшь, ты враг, сильный и опасный. Так что не обессудь, но твоё

уничтожение — это для нас праздник, и мы не пропустим такого развлечения.

— Довольно лирики, нам пора, — провозгласил Транзар, и металлические обручи упали на пол, освобождая руки Врана.

Не сказать, чтобы у смертника совсем не возникло инстинктивного желания придушить хотя бы одного из палачей, но, понимая всю бессмысленность сопротивления, он задавил свой порыв и спокойно пошёл следом за Транзаром. Остальная четвёрка пристроилась сзади.

— Вы что, собираетесь сами привести свой приговор в исполнение? — полюбопытствовал Вран.

— А зачем нам лишние свидетели? — голос Арокана так и сочился желчью, похоже, ему было даже в кайф разделаться собственными руками с бывшим работником, которого он так и не сумел вовремя разоблачить. — Я лично провожу тебя к барьеру, Ставрат.

— Даже не знаю, чем я заслужил такую честь, — съязвил Вран.

О чём должен был думать смертник, идя на казнь? Наверное, было бы логично обратиться мыслями к близким, которых он вынужден покинуть, попросить у них прощения, поблагодарить их за участие в своей жизни и за полученные уроки. Некоторые, правда, предпочитают проклинать палачей и свою горькую долю, но аэры были слишком рациональны и осознанны для подобного времяпрепровождения, так что Врану даже в голову не пришло отравлять ненавистью свои последние минуты в этом мире. Впрочем, мысленно прощаться с близкими он тоже не стал, вместо этого, он погрузился в воспоминания о той женщине, которая когда-то научила его жить и открыла ему секрет счастья.

Вран вовсе не лукавил, когда заявил ратава-корги, что воспоминания имеют для него непреходящую ценность. Это была чистая правда. Каждый раз, вспоминая краткий период своей жизни, проведённый вместе с Эвианой, он словно снова прикасался к сакральной тайне бытия. Эти драгоценные бриллианты воспоминаний Вран оберегал с фанатизмом помешанного на богатстве скупца и за прошедшие годы не потерял ни единого, даже самого маленького осколка. Когда ему было плохо, Врану достаточно было открыть шкатулку своей памяти и вытащить оттуда один из драгоценных камушков, чтобы жизнь снова заиграла яркими красками. Так что вовсе не удивительно, что перед тем, как уйти в небытие, смертник запустил руки в свою шкатулку по самые локти и принялся лихорадочно перебирать хранящиеся там драгоценности. Понимание того, что всё его богатство скоро сгинет безвозвратно, сжимало сердце Врана железными тисками и доставляло почти физические страдания, но он всё равно не мог остановиться.

Пока процессия шла по коридору к пневмотрубе, пока они спускались вниз и петляли по запутанному лабиринту узких каменных переходов, в голове Врана постоянно крутился один странный и неуместный в данных обстоятельствах вопрос. Какое воспоминание он бы выбрал, если бы ему позволили оставить лишь одно? Никто, разумеется, не собирался делать ему такой подарок, но вопрос о выборе засел в его голове, как заноза. Перед внутренним взором Врана тут же замелькали образы прошлого, и он с удовольствием погрузился в них как в горячую ванну, позволяя мыслям течь, куда им вздумается.

Вспоминая о том, как вытащил приговорённую к сожжению ведьмочку прямо с инквизиторского костра, Вран невольно улыбнулся, чем вызвал недоумение у сопровождавших его палачей. Это было забавное приключение, и всё же гораздо больший след в его душе оставило воспоминание о том, как он вёз свой трофей в замок Гилмор, замороженный новыми и такими будоражащими кровь ощущениями. А ещё круче был танец Эвы под грохот грома и разрывы молний первой летней грозы. Тоненькая фигурка, облепленная мокрой ночной сорочкой, кружащаяся словно в трансе на балконе — это было просто фееричное зрелище. Или может быть, стоило запомнить, как глаза Эвы засветились изнутри волшебным светом, когда он надел на её пальчик то самое сапфировое кольцо в честь помолвки?

Внезапно в голове Врана всплыло ещё одно воспоминание, и он сразу признал за ним право первенства. Та ночь, когда Эва сама пришла к любимому мужчине, точно была самым незабываемым моментом в его жизни. Голенькая девчонка, ошарашенная собственной смелостью, была так трогательно беззащитна, что даже сейчас, спустя многие годы, у Врана

сердце сжималось от нежности и жалости. А она стояла перед ним с немим вопросом в глазах, облачённая в лунный свет, как в королевскую мантию, и дым от сожжённых мостов, связывающих Эву с её прошлым, словно стелился за ней зыбким шлейфом. Именно тогда Вран впервые осознал, что никого дороже этой упрямой девчонки у него нет и никогда не будет. Зацепившись за этот образ, он с какой-то мазохистской упёртостью принялся вспомнить каждую мелочь той ночи, словно ему действительно будет позволено забрать его с собой. А потом всё кончилось, потому что они пришли.

За внушительного вида металлической дверью глазам Врана открылось довольно обширное помещение, разительно отличавшееся своим антуражем от подвальных переходов. Здесь всё было стерильно и несло отпечаток тщательного ухода. Палачи быстренько освободили стоявшее там оборудование от защитных чехлов, и Вран с безразличием утопающего окинул взглядом свой эшафот. Три стандартных симулятора для входа в Игру были ему хорошо знакомы, а вот агрегат для стирания памяти, похоже, был новой модели. Такую навороченную машинку Вран видел впервые. Повинуясь жесту Арокана, который, по видимому, взял на себя роль главного распорядителя, приговорённый сделал шаг к креслу стирателя, но внезапно нестерпимая боль в горле буквально вырвала его из реальности, погрузив в темноту беспомощности.

Сознание возвращалось к Врану медленно и как бы нехотя. Горло горело огнём, а голова раскалывалась, словно её сдавили тисками, при этом в той самой голове напрочь отсутствовали какие-либо мысли. Впрочем, это было как раз не удивительно, ведь перед тем, как отправить свою жертву в небытие, палачи должны были стереть её память. Вран открыл глаза, но сфокусировать взгляд пока не мог, только понял, что над ним маячит чьё-то лицо.

— Ну ты и соня, — посетовал владелец лица, — давай, спящая красавица, приходи в себя, нам нужно отсюда убираться.

Этот голос показался Врану знакомым, даже слишком знакомым, и эйфория от сознания, что он узнал этого беспардонного типа, накрыла его словно цунами. Оказывается, память никуда не делась, он по-прежнему оставался собой. Впрочем, это скорее всего была просто галлюцинация, поскольку Ро тут никак не могло быть. Может быть, удар током был слишком сильным и отправил сознание пострадавшего в кому? Врану наконец удалось сфокусировать взгляд, и возникшая перед его глазами картинка окончательно убедила его, что увиденное никак не могло быть реальностью. Над ним действительно маячила радостная физиономия Ро, а из-за плеча ратава-корги выглядывал никто иной, как Литар, вроде бы погибший много лет назад.

— Привет, Лит, — прохрипел Вран, как бы поддерживая сюжет своего посттравматического бреда, — снова меня спасаешь?

При этих словах торчащая из-за плеча Ро физиономия сразу приобрела оттенок пыльного бетона и скрылась из поля зрения. Ро перевёл взгляд с лица Врана на посеревшее лицо своего поделника и весело расхохотался.

— Вот это я понимаю, высокие отношения, — он оценивающе цокнул языком. — Ладно, потом подерётесь, сейчас для разборок время неподходящее. Добровольный уход в небытие главы погибшего клана отменяется, — торжественно объявил Ро, — потому что все твои разлюбленные Ставрати живы и невредимы, только ни хрена не помнят. Нужно было раньше вытрясти эти новости из твоего дружка, тогда бы не пришлось вытаскивать тебя прямо с эшафота.

— Я уже знаю, что Пятёрка превратила моих ребят в аватаров, — Вран сделал слабую

попытку улыбнуться, — но со мной они решили разобраться по-другому, типа, избавиться раз и навсегда. Кстати, а куда они делись?

— Поднимайся, и сам всё увидишь, — предложил Ро, ехидно улыбаясь.

Вран поднялся с пола и едва снова ни хлопнулся в обморок от представшей его взору картинке. Пятеро членов Совета валялись на полу в самых живописных позах, перемазанные собственной кровью. Нет, это точно не могло быть галлюцинацией, и искажённые от удивления и боли лица мертвецов были тому веским доказательством. Выходит, двое ратава-корги перестреляли беспечных палачей как куропаток.

— Вы совсем спятили? — едва слышно пробормотал Вран, уставившись безумным взглядом на трупы. — Они же вернутся и устроят на вас охоту.

— В Игре наши шансы равны, — Ро беспечно махнул рукой, — ещё неясно, кто на кого будет охотиться.

— Вы же теперь стали вечными изгнанниками, — посетовал Вран. — Разве нельзя было их как-то оглушить?

— Видишь ли, телепатическому управлению барьер не помеха, — Литар наконец решился раскрыть рот, — так что пока мы ни найдём способ снять с тебя ошейник, им лучше оставаться мёртвыми.

— А прикольно, что эти уроды подготовили именно три симулятора, — заметил Ро, указывая на открытые капсулы, — как знали, что мы с Веном нагрянем в гости.

— Нет, ты точно спятил, — Вран схватил за рукав своего спасителя, — если мы уйдём в Игру отсюда, то точно никогда не сможем вернуться. Эти симуляторы теперь будут охранять днём и ночью.

— Использовать симуляторы ратава-корги тоже нельзя, — посетовал Литар, — скорей всего, нашу базу теперь сравняют с землёй.

— Выходит, мы зря старались? — Ро обвёл растерянным взглядом сцену побоища. — Нам всё равно не скрыться.

— Ну это мы ещё посмотрим, — голос Врана окреп, словно растерянность спасителей придала ему сил, — всё-таки у главы клана имеются кое-какие преимущества перед остальными аэрами. Думаю, не все мои коллеги избавились от своих симуляторов ввиду их полной бесполезности, кто-то мог и припрятать парочку на чёрный день, и я, кажется, знаю, кто мог это сделать.

— Нужно предупредить ратава-корги о предстоящих репрессиях, — Литар неуверенно обвёл взглядом своих подельников. — Я это сделаю, а вы уходите в Игру.

— Серьёзно, Лит? — в голосе Врана зазвучал металл. — Ты действительно веришь, что сможешь укрыться от меня в Аэрии?

— Я не собираюсь бежать от возмездия, — Литар не посмел взглянуть в глаза бывшему другу, но его голос прозвучал твёрдо, — ты в любое время найдёшь меня в школе магии. С симулятором проблем не будет, я воспользуюсь одним из тех, что имеются у ратава-корги, мне ведь всё равно уже никогда не вернуться в родной мир, — он не стал дожидаться разрешения Врана и просто тихо выскользнул из комнаты.

Всю дорогу до базы клана Глантари, на предусмотрительность главы которого Вран возлагал наибольшие надежды, Ро упорно молчал, только уточнил, на какую локацию настраивать симулятор, когда разрешение на использование техники было получено.

— Что-то не так? — Вран с тревогой заглянул в глаза своему спасителю, когда они остались одни.

— Ты правда его убьёшь? — в голосе Ро явственно послышалось осуждение. — Вен ведь столько раз спасал твою жизнь. Да без него я бы дальше порога здания Совета не прошёл, не говоря уж о том, чтобы отыскать в тамошних катакомбах помещение с аппаратурой. Знаешь, он ведь даже не колебался, сразу согласился участвовать в твоём спасении.

— Не надо судить о моих решениях с точки зрения обывателя, — мягко попросил Вран. — Одиночка, не связанный обязательствами с кланом, легко мог бы позволить себе проявить великодушие и просто забыть о прошлом, но глава клана не имеет права на снисхождение к предателю, он просто обязан его покарать. Поверь, Литару этот расклад хорошо известен, он ведь жил при клане Ставрати несколько веков и видел собственными глазами, что случалось с теми, кто отступал от своих обетов.

— Но он ведь не клялся в верности твоему клану, — Ро вскинул голову и с мольбой уставился в глаза самопального ангела возмездия.

— Даже если я его пощажу, это ничего не изменит, — покачал головой Вран. — Когда Ставрати вернут свои воспоминания, расправа с предателем станет просто вопросом времени, а я никогда не пойду против клана.

— Вернут воспоминания? — Ро сразу забыл про невезучего коллегу и переключился на более интересную тему.

— А зачем, ты думаешь, я хочу отправиться в замок Гилмор? — в глазах Врана загорелся азартный огонёк.

— Я думал, ты хочешь положить цветочки на могилку, — голос Ро прозвучал неуверенно, словно он сам сомневался в своих словах. — Хотя, какого чёрта, ты ведь сто раз мог это сделать и раньше. Так в чём прикол?

— Знаешь, а ведь я уже давно начал подозревать, что стационарные базы спас службы неспроста оборудованы солидными подвалами, — Вран не удержался от соблазна помурьжить любопытного ратава-корги, — но не понимал, зачем они нужны. Только когда мне поневоле пришлось поплутать по катакомбам в здании Совета, чтобы в конце пути прийти в хранилище техники, картинка наконец сложилась.

— Думаешь, в подвалах стационарных баз хранится аэрское оборудование? — Ро недоверчиво помотал головой. — Тогда почему стражам ничего о нём не известно?

— Может быть, потому, что оно не для обычных аэров, — предположил Вран, — а лишь для игроков из управляющих кланов. Фарас, к примеру, о таком оборудовании знал, он же как-то смог стереть свои воспоминания, не выходя из Игры. К сожалению, получить доступ в подвалы стражей не получится, я ведь теперь вне закона, а вот под развалинами замка Гилмор стоит поискать. Возможно, у спас службы не дошли руки до того, чтобы откопать своё оборудование.

Спустя три часа вымазанные с головы до ног кирпичной пылью, усталые, но довольные диггеры вылезли из подземелья и разлеглись на травке, чтобы слегка перевести дух. Нет, до оборудования они пока не добрались, зато обнаружили две запертые металлические двери, очень похожих на такую же дверь в подвалах здания Совета. Без взрывчатки их было не открыть, так что операцию по извлечению аппаратуры пришлось ненадолго отложить. Солнышко ласково припекало, лёгкий ветерок охлаждал разгорячённые лица копателей, и Ро сразу потянуло в сон. Незаметно его сознание соскользнуло в сладкую дрему, и на какое-то время он выпал из реальности. Разбудил соню яростный крик петуха. Похоже, пернатый не ожидал встретить в своих законных владениях незваных гостей и закатил истерику.

Врана рядом не оказалось, и Ро отправился его искать. Поиски были недолгими, как он

и предполагал, Вран нашёлся рядом с тем местом, где когда-то полыхал погребальный костёр, превращая в пепел тела двух влюблённых. Именно на этом месте бывшие обитатели замка Гилмор установили могильный камень в память о своём лорде и его жене. Как ни странно, камень сохранился, хотя уже ничем не напоминал памятник, надпись на нём давно стёрлась, и только правильная форма отличала его от природных образований.

— Это твоя единственная могила? — лениво поинтересовался Ро.

— Понятия не имею, — Вран безразлично пожал плечами, — как-то никогда не заморачивался вопросом утилизации своей игровой оболочки.

— Так чего же торчишь тут воплощением скорби? — в голосе Ро презрительный скепсис смешался с любопытством. — Ах да, у твоей дохлой тушки в этой локации имелась компания. А что, игровая оболочка Эвы имеет какое-то сакральное значение?

— Ну ты и циник, — посетовал Вран, — нельзя было придержать эту пошлятину, пока мы ни отойдём от могилы?

— Это я-то циник? — Ро буквально взорвался от возмущения. — Да по сравнению со Ставри, я — просто образец трепетного романтика.

— Ты говоришь про стирание? — уточнил Вран. — Сам же знаешь, без этого Аэрии пришёл бы конец.

— Ну да, а то, что под раздачу попали и жители чужого мира — это так, сопутствующие потери, — Ро нахохлился как индюк и процедил сквозь зубы что-то нелицеприятное и не совсем цензурное в адрес циничных кланов. — Между прочим, из-за вашей живодёрской операции смерть для аватаров сделалась такой же фатальной, как для нас развоплощение, теперь со смертью они теряют буквально всё: память, личность, самоидентификацию и даже взрослыми больше не могут воплотиться. То, что их сознания при этом сохраняются — это утешение на любителя.

— Эй, хорош причитать, — оборвал обвинительную речь Вран. — Причём тут аватары? Их стирание не затронуло, поскольку они и до него не могли сохранять свою память при перевоплощении. Аватары как не умели осознанно управлять реальностью, так до сих пор и не умеют.

— А какая связь между управлением реальностью и стиранием личности? — Ро сразу позабыл про свои претензии к организатору катастрофы и с жаром включился в дискуссию.

— Самая прямая, — безапелляционно заявил Вран. — Ты хоть приблизительно представляешь, что происходит, когда одно из наших тел получает повреждение, например, физическое?

— Самолечение? — в голосе Ро прозвучало сомнение.

— Верно, — подтвердил Вран, — но за счёт чего? Ладно, не буду тебя мурыжить, — самопальный философ покровительственно кивнул безграмотному дилетанту. — При повреждении физического тела автоматически включается переток энергии от остальных тел, чтобы его восстановить. Это и неудивительно, ведь разделение на плотные и тонкие тела весьма условно, на самом деле наши тела представляют единую систему. А что случится, если повреждение окажется фатальным?

— Энергия будет уходить как в бездонную бочку, — Ро недоумённо нахмурился, как бы подыскивая аргументы, опровергающие нарисованную Враном картинку. — Стой, но ведь этот переток довольно легко остановить, — наконец нашёлся он, — именно это аэры и делают, когда умирают, а потом запускают достройку повреждённой системы до состояния целостности. Ты хочешь сказать, что у аватаров не хватает для этого осознанности и

самоконтроля?

— Вот именно, — спокойно подтвердил Вран, — поэтому начавшийся переток не останавливается до тех пор, пока все тела, включая самые тонкие, ни распадутся. Только после этого сознание даёт команду уму начать строить новое тело.

— Ну и что? — Ро с недоумением воззрился на самодовольного философа. — А почему ум не может восстановить тело в прежнем виде? Мы ведь именно так и поступаем.

— Проблема состоит в том, что строительство нового тела начинается на пустом месте при практически нулевом уровне энергии и информации, — пояснил Вран. — Вся энергия уже ушла на бессмысленную попытку спасти физическую оболочку, а доступ к архиву памяти потерян вместе с тонкими телами. Стоит ли удивляться, что в таких условиях физической оболочкой нового тела становится маленькая клеточка, осознанности которой хватает только на то, чтобы быть? — философ снисходительно улыбнулся своему менее осведомлённому оппоненту. — Изначально эта клеточка совершенно нежизнеспособна без поддержки извне, отсюда такие сложные механизмы перевоплощения, как внутриутробное развитие и медленное взросление от состояния младенца до самостоятельного существа.

— Да уж, в этом плане алгоритм перевоплощения в Аэрии — это просто эталон простоты и рациональности, — Ро задумчиво покачал головой. — Получается, что стирание ослабило ум игроков настолько, что они стали неспособны контролировать своё перевоплощение.

— Слабость ума — это понятие весьма неопределённое, — усмехнулся Вран, — на самом деле стирание сделало кое-что другое. Оно лишило игроков знаний о том, как управлять реальностью, и главное, памяти об опыте такого управления. Не исключено, что именно с потерей этих знаний и связаны разрывы в спектрах вибраций зависших в Игре аэров. Согласись, не просто осознать своё могущество, когда считаешь себя беспомощной букашкой.

— Так вот зачем тебе нужно аэрское оборудование, — Ро понимающе кивнул.

— Да, мы вернём Ставрати их память о путешествиях между мирами, — подтвердил Вран, а уж после этого восстановить их сталкерские навыки — дело техники. Вот только как их отыскать в этом огромном мире?

В пустом помещении звук шагов гулко отдавался от стен и метался по коридорам суматошным эхом. Можно было бы предположить, что этот дом давно уже покинули все его обитатели, но Вран точно знал, что его тут ждут, ведь вход в магическую школу Вениамина оказался незапертым. Поиски хозяина были несложными, поскольку дверь в кабинет, где великий маг проводил занятия с избранными учениками, была гостеприимно распахнута настежь.

— Я тебя ждал, — отрешённо произнёс Литар, когда фигура ангела возмездия возникла на пороге.

— Вижу, — Вран покрутил в пальцах баночку с какими-то пилюлями, стоявшую на столике рядом с креслом хозяина школы и уселся в соседнее кресло. — Транквилизатор? — уточнил он.

— Не каждый может хладнокровно принять перспективу развоплощения, как ты, — пожаловался предатель. — Прости, но я никогда не отличался храбростью.

— Если тебе так будет легче, то я тогда тоже был под кайфом, — Вран горько усмехнулся и зашвырнул баночку в дальний угол. — Много принял? — деловито поинтересовался он. — Это я не в качестве осуждения, просто хочу понять, насколько ты адекватен.

— Адекватен даже больше, чем хотелось бы, — тяжело вздохнул Литар. — Давай, спрашивай, у меня больше нет секретов. Впрочем, я и так знаю, что ты хочешь знать, — он обречённо опустил голову, — зачем я это сделал.

— Сразу можешь оставить этот бред насчёт блага Аэрии для более наивных слушателей, — Вран решил с самого начала обозначить свою позицию, чтобы не терять зря время на выслушивание вранья. — Какова была настоящая причина?

— Знаешь, а ведь я сумел довольно долго убеждать себя, что это правда, — возразил Литар, — даже сам в это поверил. Но ты прав, на самом деле я просто не мог признаться себе, что предал всех вас потому, что не мог уничтожить программу стирания.

— Звучит, как ещё больший бред, чем благо Аэрии, — Вран внимательно присмотрелся к кающемуся грешнику и недоверчиво покачал головой. — Неужели какая-то программа была для тебя важнее твоей семьи?

— Ты просто не понимаешь, — в голосе Литара было столько боли, что ангел возмездия слегка растерял свою самоуверенность, — я бросил вызов Создателю Игры и победил. Никто из жителей двух миров о таком даже мечтать не может. Программа стирания — это самое дорогое, что у меня есть, мой след в истории. Нас с тобой не станет, а моё детище будет продолжать работать.

— Ну это вряд ли, — прервал излишняя программиста Вран. — Программа является частью твоего сознания, и с твоим исчезновением она тоже канет в небытие.

— Ты всё-таки хочешь её снести, — Литар обречённо опустил голову. — Что ж, твой вариант меня устраивает, у меня просто рука не поднимется уничтожить своё творение, лучше уж так. Можешь не тратить время на зачитывание обвинительного приговора, — в его глазах разгорелся фанатичный огонь, — я заранее признаю все пункты обвинения, а заодно и справедливость возмездия. Так что смело переходи непосредственно к казни.

— Полагаешь, признание вины может что-то изменить? — в голосе Врана явственно

слышалось презрение к жалким попыткам обвиняемого сыграть на его чувствах.

— Ты мог бы лучше знать своего бывшего друга, — обиделся Литар. — То, что мне страшно уходить в небытие, вовсе не значит, что я к этому не готов. Могу даже облегчить твою совесть и сделать всё сам, — с этими словами он выудил из складок своего одеяния пистолет, решительно взвёл курок и приставил дуло к виску. — Прощения просить не буду, знаю, что это бесполезно. Прощай, Вран.

— А ты неплохо подготовился, — прокомментировал сцену прощания ангел возмездия, легко и непринуждённо перехватив оружие, когда палец самоубийцы уже лёг на курок. — Долго репетировал?

— Я не смогу её стереть, — голос самоубийцы дрожал от напряжения, впрочем, как и всё его тело, но тон не предполагал компромисса. — У тебя нет другого варианта избавиться от программы стирания, кроме развоплощения её создателя.

Несколько долгих секунд Вран с недоумением рассматривал трясущегося от страха, но так и не сдавшегося программиста, и в его глазах презрение к предателю начало сменяться чем-то вроде сочувствия.

— Знаешь, а ведь это я должен просить у тебя прощения, Лит, — теперь в его голосе явственно послышалось раскаяние. — У меня не было права требовать, чтобы ты собственными руками уничтожил своё творение. Я должен был понять, что для истинного творца нет ничего хуже этого, но не понял. А ведь ты даже не состоял в клане Ставрати и не был обязан подчиняться приказам главы клана. Выходит, я сам подтолкнул тебя к предательству.

— Ты правда меня понимаешь? — от нервного перевозбуждения Литар едва ворочал языком.

— Я ведь тоже в каком-то смысле творец, — Вран смущённо улыбнулся, — я создал клан Ставрати. Можешь не сомневаться, во всём мироздании не существует таких причин, которые заставили бы меня его уничтожить. Но от программы стирания всё-таки придётся избавиться, она не позволит мне быстро возродить мой клан. Не обязательно стирать, — он поднял руку, останавливая поток возражений со стороны программиста, — можно просто заблокировать на время.

— Хочешь, чтобы я создал ещё один шедевр? — в голосе Литара совсем не слышалось энтузиазма. — Вряд ли я на это способен. После того, как из Ставрати сделали аватаров, я не написал ни одной строчки программного кода.

— Ладно, отложим пока этот вопрос, — Вран покладисто кивнул, — у меня имеется другая, гораздо более насущная задача. Нужно отыскать моих ребят. Ты задолжал моему клану как минимум три сотни лет, — с нажимом произнёс он, — так что придётся тебе поработать, программист.

— Это как раз не так уж сложно, — на унылой физиономии Литара появилась несмелая улыбка, — у сталкеров, даже бывших, очень специфический спектр вибраций сознания. Я бы и раньше начал их искать, если бы у меня было средство вернуть их в Аэрию. Думаешь, я просто из чисто научного интереса проторчал в этом мире столько лет? — надрыв в его голосе откровенно свидетельствовал об искренности. — Как бы не так, я искал возможность всё исправить. Мне это было необходимо, понимаешь? Я ведь только поэтому и согласился создать ратава-корги.

— Не суетись, — на лицо Врана словно легла мрачная тень. — Прежде, чем ты дашь своё согласие на поиск членов моего клана, я хочу быть уверен, что ты понимаешь, какие

последствия это будет иметь лично для тебя. Когда Ставрати всё вспомнят, у тебя не будет шансов избежать развоплощения.

— Как это вспомнят? — Литар ошарашенно посмотрел на ангела возмездия. — Разве в Игре есть нужное оборудование?

— Представь себе, есть, — подтвердил Вран, — и мы с Ро его нашли.

— Боже, ну почему я не знал об этом раньше? — Литар едва ни сорвался в истерику, и только суровый взгляд ангела возмездия остудил его порыв. — Все мои эксперименты с сознанием зависших игроков разбивались именно о невозможность восстановить их память. Без этого все тренировки и накачки спектра были неэффективны. Я словно попал в замкнутый круг, понимаешь? Чтобы восстановить память, нужно было пройти барьер в Аэрию, а чтобы пройти барьер, нужно было восстановить память.

— Хорош ныть, — оборвал поток жалоб Вран, — я жду ответа.

— Пусть программа поиска будет моим искуплением, — голос Литара прозвучал твёрдо, хотя его всё ещё била нервная дрожь. — Можешь не сомневаться, последствия мне понятны. Если честно, я так устал ждать расплаты. Пусть всё это закончится, и я наконец забуду о том, что сделал.

— Вот и славно, — ангел возмездия сложил свои крылья и убрал огненный меч в ножны, — начинай работать, а у меня ещё есть дела, — Вран поднялся из кресла и направился к выходу. Он уже взялся за ручку двери, но в последний момент застыл в нерешительности. Было видно, что ему хочется задать Литару ещё один вопрос, и этот вопрос был очень личным. — Скажи, Лит, а почему ты не дал мне присоединиться к клану? — он медленно повернулся и пристально уставился в глаза предателю. — Ты же знал, что для главы клана это было невольным нарушением его обетов.

— Прости, я не смог расстаться со своим другом, — пролепетал Литар. — После стирания памяти ты, конечно, меня не помнил, но это всё равно был ты. Знаешь, те десять лет, наверное, были самыми счастливыми в моей жизни, ведь мне не нужно было делить тебя с остальными Ставрати.

— Тогда почему ты меня потом бросил? — в глазах Врана промелькнуло недоумение.

— Я же не мог вечно держать тебя под замком, — Литар болезненно скривился, — а находиться рядом со мной тебе было опасно, Пятёрка сразу бы тебя вычислила. И всё же я прокололся, нужно было изменить твоё имя, чтобы тебя невозможно было связать со Ставрати.

— Кто ж мог подумать, что Ро окажется таким сообразительным, — усмехнулся Вран, снова берясь за ручку двери, но и на это раз уйти ему не удалось.

— Ты когда-нибудь сможешь меня простить? — донёсся до него тихий голос из-за спины.

— А ты сам себя простил? — вопрос заставил Литара смущённо потупить, а когда он снова поднял глаза, его гостя уже не было в комнате.

Разговор с предателем оставил в душе Врана горький осадок. Понимание того, что в трагедии клана Ставрати была и его вина, легло на плечи главы клана тяжким грузом. Если б у него тогда хватило ума спуститься с пьедестала и поговорить с другом по душам, может быть, никакой трагедии и не случилось бы. Увы, за сотни лет управления кланом Вран так привык воспринимать Литара как одного из Ставрати, что ему даже в голову не пришло, что тот может не согласиться с решением, одобренным всеми членами клана. Конечно, он никак не мог ожидать, что друг даже не попытается объяснить свои мотивы, а сразу замутит аферу с

предательством, но теперь и этот его странный поступок стал понятен. Литар даже себе не мог признаться, что им движет желание защитить своё детище от уничтожения.

То, как легко и даже с облегчением предатель принял приговор, говорило о многом, например, о том, что жить с осознанием своей вины было для него тяжелее, чем вообще не жить. И всё-таки он продолжал влачить своё жалкое существование и при этом пахать как подорванный, потому что надеялся исправить зло, причинённое аэрам, которые считали его членом своей семьи. Что ж, при таком раскладе помилование, скорей всего, станет для Литара проклятием. Когда Ставрати вернут свои сталкерские способности, у него больше не будет цели, которая заставляла его тащить на своих плечах тяжкое бремя жизни. Не удивительно, что Литар с таким энтузиазмом взялся за задание, выполнение которого гарантированно отправит его в небытие.

А как облажавшийся глава клана сможет загладить свою вину? Есть ли у него право продолжать управлять доверившими ему свою жизнь братьями после такого провала? Может быть, правильнее будет снять с себя полномочия и стать одним из рядовых членов клана? Все эти вопросы крутились в голове Врана, словно карнавальная карусель, пока он возвращался в квартиру, подаренную ему ратава-корги в качестве компенсации за моральный ущерб. Обдумывая перспективу отставки, он невольно вернулся мыслями к тому времени, когда был простым сталкером и мог распоряжаться своей жизнью без оглядки на клан. А ведь именно в тот короткий промежуток своей жизни Вран сподобился узнать, что такое счастье, и не факт, что жизнь открыла бы ему все свои секреты, если бы над его головой дамокловым мечом висело бремя ответственности.

Разве смог бы глава клана забыть о своих обязанностях и с головой занырнуть в тот любовный водоворот? Да он, скорей всего, вообще проигнорировал бы инквизиторские забавы с поджариванием аватаров, потому что они не имели никакого отношения к делам клана Ставрати. Что же толкнуло вполне довольного своей жизнью одиночку на то, чтобы добровольно повесить на свою шею это ярмо ответственности за жизни полутора сотен аэров? Захотелось иметь семью? Несомненно, это было одной из причин создания клана Ставрати, но разве не проще было присоединиться к другому клану?

В те далёкие времена Вран даже не задавался таким вопросом, он действовал по наитию, не пытаясь вмешивать в свои решения логику и рациональные соображения. Отчего-то создание клана было для него жизненно необходимо и не нуждалось в каких-то дополнительных мотивировках, кроме страстного желания. И только теперь, распробовав на вкус свободную, не обременённую ответственностью жизнь, он задал себе этот сакраментальный вопрос «зачем» и не нашёл ответа. Но именно от ответа на этот вопрос зависела его дальнейшая судьба. Да, главе клана следовало хорошенько поразмыслить над собственными резонами и жизненными приоритетами, прежде чем начать снова распоряжаться чужими жизнями. Понятное дело, что для этого ему требовалось время и спокойная обстановка, поэтому совсем не удивительно, что Вран буквально пришёл в бешенство, когда, войдя в квартиру, обнаружил на своём диване вездесущего ратава-корги.

— Чем обязан? — процедил сквозь зубы хозяин жилплощади вместо приветствия.

— Так ведь главе клана по штату полагается телохранитель, — ничуть не смущаясь, пояснил причину своего визита Ро. — Можешь не обращать на меня внимания, считай, что я просто сторожевая собака.

— А спать ты собираешься на коврике в прихожей? — Вран слегка остыл и не удержался от лёгкого стёба.

— Вообще-то, я рассчитывал на диван, — безапелляционно заявил телохранитель, однако, глядя на ошарашенную физиономию своего якобы подопечного, не смог выдержать серьёзную мину и расхохотался. — Расслабься, это шутка, — небрежно бросил Ро, — ратава-корги купили для нас с тобой соседние квартиры, так что я сейчас свалю.

— А чем ты вообще тут занимался? — возмутился Вран.

— Ставил прослушку, — в голосе Ро не было ни капли смущения, наоборот, он вроде как удивился непонятливости клиента. — Кстати, чувствительность микрофонов на уровне, так что не ори в случае чего, просто шепни.

— Ладно, проваливай, — Вран понял, что спорить бесполезно, проще согласиться на шпионские забавы ратава-корги и выпроводить нежелательного гостя за дверь. — Я сегодня вымотался как раб на плантации, — пожаловался он, — хочу принять ванну и отоспаться. Это не помешает твоим обязанностям телохранителя?

— Ничуть, — Ро нахально ослабилась, но тут же на его лице расцвела подобострастная улыбочка. — А можно вопрос перед тем, как я покину главу клана? — поинтересовался он.

— Он жив, — сквозь зубы процедил Вран, отправляясь в ванную комнату в надежде, что его собеседник удовлетворится кратким сообщением о статусе провалившейся операции возмездия.

— Простил предателя? — Ро и не подумал отстать, он резво вскочил с дивана и нахально пошёл в ванную вслед за хозяином квартиры. — Или просто отложил казнь до лучших времён?

— Литар не заслуживает развоплощения, — слова как бы сами слетали с языка Врана без согласования с его намерением, — в конце концов, никто из Ставрати не ушёл в небытие. Беда в том, что он сам не сможет себя простить, и его жизнь станет не просто бессмысленной, она делается для Литара обузой.

— И что ты намерен делать? — в голосе Ро послышалась растерянность.

— Осуществить высшую справедливость, — идея, пришедшая на ум Врану, заставила его самодовольно ухмыльнуться. — Око за око, как говорят аватары.

— Превратишь предателя в аватара, — догадался Ро. — По-моему, это даже не справедливость, а самое настоящее милосердие. За что ж этому подонку такая удача, и чем я хуже? Почему ты простил его, а меня до сих пор ненавидишь?

— С чего ты это взял? — удивился Вран. — Разве я стал бы терпеть рядом с собой такого бесцеремонного соседа, если бы до сих пор хранил в своём сердце ненависть?

— Правда? — Ро недоверчиво уставился на бывшего друга. — Выходит, раньше ты мне просто врал, когда сказал, что никогда не простишь мне Эву?

— Но ты же снял с её инкарнации родовое проклятье, — в глазах Врана загорелись задорные огоньки, — считай, искупил вину.

Несмотря на явно позитивное содержание его реплики, Ро отчего-то смутился и даже опустил глаза в пол, что для циничного ратава-корги было равносильно чистосердечному признанию в кровавом преступлении.

— Ты ведь на самом деле не любишь Василису, — вкрадчиво произнёс он, — иначе не променял бы влюблённую в тебя женщину на свой разлюбленный клан.

— Так, что ты ещё натворил? — Вран сразу напрягся, поскольку покаянная речь Ро явно не сулила Василисе ничего хорошего.

— Ты сильно расстроишься из-за того, что она считает тебя бездушным мерзавцем? — заискивающе поинтересовался мелкий пакостник. — Дело в том, что я кое-что про тебя

ляпнул, не подумав, а она прям рассвирепела и даже турнула меня из своего дома. Если честно, я тогда не придавал особого значения её истерике, думал, отойдёт, но ошибся. Помнишь, ты сказал, что будь у тебя время, ты бы попробовал увидеть в Василисе душу Эвы?

— Ты, что ли, решил заделаться сводней? — Вран представил Ро в этом неаппетитном амплуа и против воли захихикал.

— А что такого? — обиделся ратава-корги. — Просто хотел сделать тебе подарок. Кто знает, что случится с нами завтра, не стоит зря терять время. Только всё оказалось напрасно, Василиса даже на порог меня не пустила.

— Да что же такого ты ей про меня сказал? — Вран резко оборвал и так уже затянувшуюся прелюдию.

— Сказал, что ты её отдал мне, — повинился Ро. — Но это ведь правда, — попытался он оправдаться, — ты сам хотел, чтобы она про тебя забыла.

Вран завернул кран и отошёл к окну. Отчего-то на душе у него сделалось паршиво, словно он действительно предал любовь этой, по сути, незнакомой женщины. А ведь до сегодняшнего разговора он даже не задумывался о том, чтобы с ней снова встретиться. И всё-таки когда у него отняли эту возможность, ощущение утраты затопило его сознание как приливная волна. Наверное, что-то подобное мы ощущаем, когда нам случается сломать какую-нибудь красивую, но нелюбимую вещь. Всё равно жалко.

— Не бери в голову, — отрешённо произнёс Вран, глядя на сгущающиеся за окном сумерки, — так даже лучше.

— Потому, что теперь у тебя есть отмазка, чтобы снова жить воспоминаниями? — Ро осуждающе покачал головой. — Не надоело?

— А что плохого в воспоминаниях? — усмехнулся Вран. — Они тебя никогда не предадут, в отличие от живых людей, их нельзя захватить в плен, ими невозможно шантажировать, да и беспокоиться за их безопасность нет необходимости.

— Говоришь так, словно собрался на войну, — Ро ехидно ухмыльнулся.

— Война уже началась, — вздохнул Вран, — и мне никак не удастся дезертировать с фронта. Если я не успею вовремя вернуть свой клан, то жертвами этой войны можем стать не только мы с тобой, но и весь мир Игры.

— Всё так серьёзно? — Ро невольно напрягся. — В таком случае почему бы тебе ни привлечь к боевым действиям ратава-корги? Среди них нет поклонников Пятёрки, можешь мне поверить.

— Не могу, — тоскливо вздохнул Вран, — твоя контора была создана Пятёркой, а потому в ней по определению должны состоять осведомители. Ещё одного предательства я не допущу. Жизнь показала, что по-настоящему я могу доверять только членам клана Ставрати.

— Но на одного-то ратава-корги ты точно можешь рассчитывать, — Ро смущённо потупился. — Что там нужно делать, чтобы стать Ставрати?

— Серьёзно? — не ожидавший такого хода Вран даже растерялся. — Прости, но это невозможно, ты просто не готов связать свою судьбу с кланом. Клановая клятва не имеет срока давности, это навсегда.

— Откуда тебе знать, к чему я готов? — в голосе Ро прозвучала обида. — Может быть, я и в ратава-корги подался из желания обрести семью? Не отвергай мою помощь Вран, я предлагаю её от чистого сердца.

Пару секунд глава клана обдумывал внезапно поступившее предложение, а потом молча

подошёл и обнял добровольного помощника. Ро совершенно не ожидал от него такого откровенно дружеского жеста, а потому застыл словно парализованный, боясь даже вздохнуть, чтобы ненароком ни разрушить это колдовство.

— Давай пока обойдёмся без клятв, — Вран покровительственно похлопал нового кандидата по плечу, — дай себе время подумать. Но твоя помощь будет очень кстати, спасибо за это.

— Всё так просто? — Ро едва ворочал языком от растерянности. — Стоило мне только заикнуться о вступлении в твой клан, и ты тут же заделался заботливым папочкой?

— А кем ты хочешь, чтобы для тебя стал глава клана? — глаза Врана озорно заблестели. — Мамочкой, братиком, а может быть, возлюбленной?

— А можно просто другом? — в глазах Ро загорелся слабенький огонёк надежды. Если честно, после всего, что между ними случилось, он больше не рисковал называть Врана своим другом, но тут почему-то не удержался и сразу пожалел о своих словах. Недосказанность, которая в явной форме присутствовала в их отношениях, была всё же лучше прямого отлупа, который, скорей всего, его ждал.

— Что ж, можно и другом, — легко согласился Вран, чем поверг кандидата в когнитивный шок.

— Тогда повторим? — едва очухавшись, Ро раскрыл свои объятья другу. — Друзья ведь могут время от времени обняться?

— Только не часті́,— рассмеялся Вран, снова заключая друга в свои объятья.

Ро даже не подозревал, что своим спонтанным порывом нечаянно ответил на вопрос главы клана Ставрати о его предназначении. Это ведь был далеко не первый случай, когда аэры и даже люди видели в нём вождя и готовы были идти за ним хоть на край света и даже жертвовать жизнью ради целей, которые были им вроде бы не близки. Вот только до сих пор Вран принимал этот феномен как должное и откровенно недооценивал преданность тех, кто доверил ему свою жизнь. Возможно, это объяснялось тем, что и свою преданность им он расценивал как нечто обыденное и само собой разумеющееся. Однако признание Ро открыло ему глаза на истинную причину создания клана Ставрати. Нет, Враном двигали вовсе не амбиции и даже не желание иметь семью, просто таково было его предназначение. Кому-то суждено стать исследователем или создателем произведений искусства, кто-то может найти себя лишь в служении другим, а Врану было предназначено стать вождём.

У каждого своя судьба, и не стоит завидовать соседу, если его жизнь кажется вам более привлекательной, возможно, он тоже сейчас скрипит зубами, поглядывая в вашу сторону. Только тот, кто осознал, для чего он явился в этот мир, и сознательно вступил на путь следования своему предназначению, избавляется от уколов зависти и сожаления. Врану пришлось многим пожертвовать ради своего клана: свободой, беззаботным образом жизни, эгоистичными желаниями, но в награду за свои жертвы он получил нечто, гораздо более ценное — ощущение полноты жизни. И как бы ни сложилась его дальнейшая судьба, но свою дорогу он выбрал уже давно и теперь понял почему.

Домик, спрятавшийся за живой изгородью из аккуратно подстриженных кустов боярышника, выглядел как ёлочная игрушка. Красная черепичная крыша, зелёные наличники и дверь, а в фундаменте — серый дикий камень. Ну прям классика мечты о родимом очаге. Кстати, очаг внутри действительно имелся и при том вполне соответствовал прочему антуражу сказочного домика. Его облицовка из красного кирпича в сочетании с зелёной керамической плиткой смотрелась одновременно уютно и изысканно. Дополняло эту лубочную картинку кресло-качалка с красно-зелёным клетчатым пледом. Электрического освещения предусмотрено не было, гостиная освещалась лишь пламенем очага и десятком свечей, расставленных по полкам в лирическом беспорядке. В общем, декорации для предстоящего спектакля были выполнены в едином стиле, даже красно-зелёный наряд молодой черноволосой женщины, хлопотавшей у праздничного стола, составлял с убранством дома как бы единую композицию.

Вран застыл у входа, очарованный открывшейся его взору картинкой. В последнее время ему не часто приходилось окунаться в столь подчёркнутый и до мельчайших деталей продуманный домашний уют. В собственном доме он уже давно стал редким гостем, а потому в те часы, когда ему всё же выпадал шанс прикоснуться к домашней атмосфере, Врану даже в голову не приходило тратить время на такие мелочи, как интерьерные изыски. Впрочем, собственные косяки на бытовом фронте никак не помешали ему по достоинству оценить старания клиентки. Черноволосая женщина оторвалась от своего захватывающего занятия по сервировке стола, и в её взгляде, обращённом на нежданного гостя, мгновенно заметалась паника.

— Уже?! — она даже не попыталась скрыть своего отчаяния. — Но так нечестно, ведь прошло всего полгода.

— Прости, Глан, но это с самого начала задумывалось как рекламная акция, — возразил Вран. — Согласись, за полгода уже можно было определиться, нужна ли Игра твоему клану.

— Ты и сам знаешь ответ, — женщина устало опустилась на стул и указала гостю на соседний. — По доброй воле от такого никто не откажется, но...

— Всё дело в цене, не так ли? — продолжил её мысль Вран. — Да, идти против Пятёрки — это риск, на который можно решиться, только если он окупится. Так ты готова рискнуть?

— Но почему ты так торопишься? — глава клана Глантари капризно надула губки, и это получилось у неё так естественно, словно она и впрямь ощущала себя женщиной. Впрочем, по собственному опыту Вран знал, что именно так это и работало — тело влияло на самоидентификацию.

— Пятёрка не собирается давать нам фору, — он тяжело вздохнул, — они постараются полностью перекрыть доступ в Игру, а если получится, то вообще уничтожить этот мир. За ними не заржавеет внедрить в инфополе Земли какие-нибудь самоубийственные концепты, чтобы аватары сами себя извели. Единственное, что их пока останавливает — это отсутствие альтернативного источника энергии, но Пятёрка над этим работает, даже не сомневайся, зомбируют аэров по полной.

— Выходит, клан Ставрати затеял гонку на выживание с правителями Аэрии, — на губах Глантар появилась скептическая улыбочка. — И большая у тебя армия?

— Первые трое будут готовы приступить к своим обязанностям через год, максимум полтора, — горделиво заявил Вран, но тут же смутился, наткнувшись на удивлённый взгляд своей собеседницы.

— Ты отыскал только троих Ставрати? — неясно, чего в её голосе было больше: возмущения или сочувствия.

— Нет, я нашёл всех, — принялся оправдываться Вран, — но у меня нет ресурсов, чтобы вернуть в строй полторы сотни обозлённых сталкеров. Даже эта троица уже довела меня до судорог своими наездами, а все вместе они бы уже давно меня затоптали.

— Рвутся в бой? — предположила Глантар.

— Им кажется, что они уже готовы, — Вран недовольно поморщился, — но они понятия не имеют, каким плотным за эти триста лет сделался барьер. Знаю, мы можем не успеть, — посетовал он, — но рисковать своими ребятами я не стану, так что пока я единственный сталкер, который готов работать на кланы.

— А как же твой приятель ратава-корги? — глаза Глантар засветились любопытством.

— Он не может вернуться в Аэрию, — пояснил Вран, — ведь на нём висит убийство членов Совета. По закону ему светит развоплощение, и тут уж без вариантов. Любой аэр будет обязан его выдать, даже члены твоего клана. Ро, конечно, ворчит, что ему приходится возиться с нашей тройкой, тоже рвётся погеройствовать, но других наставников у меня просто нет.

— Если тебе нужен наставник для сталкеров, то я, возможно, смогу помочь, — черноволосая женщина хитро улыбнулась. — В моём клане есть один из бывших, я с ним поговорю, когда вернусь. Разумеется, это не бесплатно, — добавила она, — ещё две недели в Игре.

— Ну ты и шантажистка, — Вран весело рассмеялся. — Поверь, Глан, тебе и года не хватит, чтобы наиграться.

— Мне нужно кое с кем попрощаться, — смущённо потупилась женщина, оглядываясь на сервированный для двоих стол.

— Ушам своим не верю, — Вран недоверчиво покачал головой, — неужели всего за полгода в Игре ты сподобилась завести роман?

— Тебе одному, что ли, можно влюбляться в аватаров? — съязвила Глантар.

— Ладно, ты меня впечатлила, — Вран всё никак не мог прийти в себя от изумления, — две недели, — он поднялся и направился к выходу, но женщина его окликнула.

— Я не знаю, что решит мой клан, — она смущённо улыбнулась, — но надёжное место для симуляторов у тебя имеется в любом случае. Только ты уж постарайся не сгинуть из-за какой-нибудь нелепой случайности.

— Даже если меня поймают, то предъявить мне будет нечего, — отмахнулся Вран. — Меньше всего Пятёрке нужно, чтобы в Аэрии узнали о возвращении Ставрата, так что они в лепёшку разобьются, чтобы сохранить моё инкогнито.

— Сильно тебе это помогло в прошлый раз? — в голосе Глантар прозвучала неприкрытая насмешка. — Вран, тебе грозит опасность не только в Аэрии, но и здесь, в Игре. Пятёрке ничего не стоит подслать к тебе убийцу, чтобы отправить тебя прямиком к симулятору, через который ты вошёл в Игру. Понимаешь, чем рискует клан, укрывая у себя такой симулятор?

— Ты знаешь, что на кону, Глантар, — на этот раз Вран использовал полное имя при обращении к своей клиентке, как бы подчёркивая её официальный статус, — тебе и решать.

Я на тебя давить не стану, но за заботу спасибо.

Он помахал рукой на прощанье и покинул уютный, но не слишком гостеприимный дом своей клиентки. На сегодня у главы клана Ставрати было запланировано ещё два визита к потенциальным союзникам в борьбе с Пятёркой. Домой он приполз уже еле живой и с единственным желанием — залезть в горячую ванну, чтобы растворить весь негатив тяжёлого дня. Увы, надежды Врана на тихий вечерок и безмятежный сон не оправдались, потому что, как выяснилось, в квартире его уже поджидал настырный сосед. Одного взгляда на хмурую физиономию Ро, было достаточно, чтобы понять, что рабочий день главы клана Ставрати пока не закончился.

— Хорошо повеселился? — язвительный вопрос подневольного наставника курсов повышения квалификации сталкеров сопровождался скептической ухмылкой. — Не хочешь поменяться со мной местами?

— У меня отличные новости, — Вран сразу попытался настроить обозлённого приятеля на позитивный лад, — Глантар пообещала прислать настоящего наставника, так что сможем вернуть память ещё трём-четырёх Ставрати.

— Он будет их дрессировать, а я стану твоим напарником? — тут же насел на него Ро.

— Прости, но нет, — Вран не стал тратить время на ненужные увещевания, — как твой командир, я не позволю тебе рисковать, посещая Аэрию.

— А нельзя хотя бы на время выключить командира? — надулся Ро.

— Не получится, — Вран злорадно ухмыльнулся, — выполнение приказов главы клана идёт в нагрузку к остальным плюшкам, которые ты получил, став Ставрати. Уже жалеешь о своём опрометчивом решении?

— Проехали, — пробурчал Ро, — поработаю нянькой, раз уж тебе приспичило строить из себя царя горы. Кстати, я вообще не понимаю, на фига ты устроил из Игры эдакий парк аттракционов для глав кланов. Думаешь, они так впечатлятся, что устроят в Арии переворот?

— Разве я похож на революционера? — Вран ехидно подмигнул расстроенному другу. — Зачем нам насилие, когда реальность формируется не оружием, а ментальными концептами?

— Ба, да у тебя грандиозные планы, как я посмотрю, — восхитился Ро, — хочешь создать Офир версии 2.0?

— Нашим двум мирам не повредит немного конкуренции между управляющими игроками, — во взгляде великого стратега загорелся азартный огонёк. — Достаточно завербовать хотя бы четыре клана, и мы устроим Пятёрке такой бег по граблям, что у них сразу отпадёт желание делать из аэров тупых роботов.

— А с чего ты решил, что у вас получится? — засомневался Ро. — Всё-таки у них такой опыт, а вы всё голимые дилетанты.

— Дилетанты? — Вран удивлённо уставился на своего приятеля. — А кто, по-твоему, создал мир, в котором мы с тобой сейчас процветаем? Ну ладно, не создал, а преобразил, — поправился он. — Мы по-прежнему называем этот мир Игрой, но на самом деле он давно уже перерос этот статус. Теперь наши миры — просто соседи, каждый со своими особенностями, а ведь раньше это была всего лишь примитивная игровая площадка.

— Да, я слышал о том, что Ставрати приложили руку к трансформации Игры, — признался Ро, — вот только так и не понял, зачем вы это сделали. Вы уже тогда решили обрушить барьер, чтобы выпустить зависших игроков?

— Ничего подобного, — Вран насмешливо хмыкнул. — Мы сознательно заперли диких

зверей в клетке и не собирались их оттуда выпускать, но это вовсе не значит, что мы готовы были спокойно наблюдать, как взбесившиеся отставные божки будут разносить содержимое клетки на ошмётки.

— Да что они могли сделать? — на губах Ро появилась скептическая ухмылка. — Устроить битву титанов?

— Даже загнанная в угол крыса может превратиться в опасного зверя, — возразил Вран, — а нам совсем не улыбалось выяснять, на что способны сотни тысяч озлобленных и отчаявшихся аэров. Извини, но Игра была нам нужна, и не только в энергетическом плане, для Ставрати она стала вторым домом.

— И вы решили превратить их тюрьму в райский сад, чтоб не дёргались, — Ро одобрительно кивнул. — Зачётно.

— Скорее, в некое подобие их родного мира, — уточнил самодовольный архитектор.

— Да, заморочились вы конкретно, — Ро нахмурился, пытаясь представить себе объём работ по переустройству целого мира. — Неужели никому не пришло в голову тупо зачистить игровую площадку от чуждых элементов?

— А как же, — лицо Врана исказилось от ярости. — Пятёрка даже не постеснялась обратиться за помощью к Ставрати, обещали вернуть меня в Совет, если мы поучаствуем в их живодёрской операции.

— Не злись, это уже в прошлом, — посоветовал Ро, — а то не выспишься и завтра совсем не будешь похож на рекламного агента.

— Тогда проваливай, раз уж ты такой заботливый, — Вран устало улыбнулся, — мне и вправду нужен отдых. И спасибо за сочувствие, — бросил он в спину уходящего друга.

Ро самодовольно ухмыльнулся и захлопнул за собой дверь, а оставшийся в одиночестве хозяин квартиры быстренько скинул одежду и наконец залез в ванну с горячей водой. Отмокал он долго и с наслаждением пока ни почувствовал, что засыпает. Обмотавшись полотенцем, распаренный глава клана наконец соизволил покончить с водными процедурами и направить свои босые стопы на кухню в надежде отыскать в холодильнике какую-нибудь еду. Но не тут-то было, из прихожей послышалась невнятная возня, и Вран едва ни выругался вслух, заранее предвкушая ещё один выматывающий диалог с вездесущим соседом.

— Ну чего ещё тебе от меня надо? — крикнул он сквозь закрытую дверь, тщетно надеясь отпугнуть Ро. — Я уже собираюсь спать, давай поговорим завтра.

Дверь приоткрылась, пропуская в комнату полуночного посетителя. Вот только это был вовсе не Ро, на пороге застыла в нерешительности Василиса. Женщина выглядела как-то очень необычно, по-другому, на её губах блуждала отрешённая улыбка, а глаза сияли словно маленькие звёздочки. Но главное, что поразило ошарашенного сим чудным явлением Врана — это то, что Василиса смотрела на него в упор и не пыталась, как прежде, отвести взгляд в сторону. Наверное, вид полуголого мужика, в квартиру которого она ввалилась без спросу, должен был смутить целомудренную барышню, но Василиса, похоже, даже не заметила отсутствие на Вране одежды. На какой-то миг ему даже показалось, что она смотрит вовсе не на него, а куда-то внутрь себя.

— Я больше не боюсь, — решительно заявила нарушительница спокойствия.

Вран уже хотел было разразиться поздравлениями по поводу удачно закончившейся эпопеи с подарочком из прошлой жизни, но в этот момент что-то случилось в его глазах. Изображение как будто мигнуло, и вместо самоуверенной и неугомонной барышни, Вран

вдруг увидел совсем другую женщину. Перед его внутренним взором словно воскресла та ночь, которую, идя на казнь, он пытался запомнить до мельчайших деталей. На фоне весёленьких обоев вдруг проступили контуры тяжёлых бархатных портьер, свет электрического светильника как будто померк, уступая место льющемуся из окон лунному сиянию. Фигуры Василисы и Эвы словно слились, и уже было непонятно, кто сейчас стоял перед ним в ожидании какого-нибудь знака.

Как и в прошлый раз, этой удивительной женщине вовсе не требовалось его одобрения или, наоборот, осуждения, она не ставила никаких условий и не ведала сомнений. Её приход не был предложением или сделкой, это был подарок, и в дар любимому человеку она принесла не своё тело, а свою душу. Василисе было до лампочки, что Вран подумает о её поведении или моральном облике, единственное, что было сейчас важно, готов ли он принять подарок. Слова тут были бесполезны, да Василиса, наверное, их бы даже не услышала. Языком, на котором Вран мог ответить, был стук сердца, сияние глаз, да тихий шёпот, идущий откуда-то из глубины его существа. Именно так общается с миром наша душа.

На самом деле этот тихий шёпот постоянно звучит где-то внутри нашего сердца, но для окружающих голос души становится доступным лишь в тот момент, когда она, словно бутон зачарованного цветка, раскрывается навстречу миру, согретая теплом истинного чувства. И тут уж бесполезно притворяться безразличным или, наоборот, разыгрывать африканские страсти, голос души всё равно будет звучать набатом, заглушая наши жалкие попытки удержаться за привычные стереотипы. Проще остановить прорвавшую плотину реку, чем заставить смолкнуть этот тихий шёпот. Случается, что голос души звучит соло, например, когда его пробуждает любовь к истине, но чаще всего это диалог открывающихся навстречу друг другу сердец.

Что может быть прекрасней диалога двух душ? Он подобен танцу ангелов на кончике иглы, такой же захватывающий как полёт над пропастью и непредсказуемый как настроение капризного ребёнка. Стоит одному из собеседников испугаться или просто задуматься о последствиях, как тихий шёпот, совсем недавно с лёгкостью перекрывавший самые громкие звуки, вдруг стихает, оставляя после себя сожаление, горечь утраты и страстное, безумное желание реанимировать оступившегося и рухнувшего с небес ангела. Увы, оживить разлагающийся труп невозможно, как невозможно заставить расцвести засохший цветок, сколько его ни поливай. Придётся смириться и ждать следующего утра в надежде, что жаркие солнечные лучи согреют в своих ладонях новый бутон. Или не согреют, это уж как повезёт.

Не удивительно, что так немного людей готовы принять свою уязвимость и раскрыться жизни, когда даже полному дебилу понятно, что вечно танцевать на кончике иглы невозможно. Гораздо безопасней укрыться в своей маленькой уютной норке и даже не думать про все эти шёпоты и ангельский кордебалет. Но тот, кого хоть однажды обдало ветром от взмаха ангельских крыл, уже никогда не сможет просто забыть и раствориться в суматохе будней, он обречён искать вечно, до конца времён. Не знаю, можно ли назвать счастливыми таких искателей, но одно про них можно сказать с полной определённостью. В отличие от обитателей уютных норок, они точно знают, что такое счастье. Вран несомненно принадлежал к числу искателей, а потому ему не было нужды что-то говорить, ведь за него уже всё сказала его душа, он просто подошёл к Василисе и обнял свою партнёршу по танцу на кончике иглы.

Где-то за стенкой Ро тихо вздохнул и отключил микрофоны, всё равно они были

бесполезны. Когда беседуют души, техника бессильна.

Тихая спокойная речка, разрезавшая посёлок на две равные половинки, несла свои воды точно на запад, а потому на закате озарённая алыми лучами заходящего светила она словно превращалась в лавовый поток. Поднимавшиеся на крышах домов дымные столбы очень достоверно дополняли иллюзию шалостей невидимого вулкана. Зрелище было завораживающее, особенно, если любоваться заходом солнца с высоты лысого холма, который отгораживал посёлок от засеянного маком поля. В настоящий момент сей естественный наблюдательный пункт был бесцеремонно оккупирован двумя чужаками, однако зрители, занявшие лучшие места в партере, совершенно не обращали внимания на закатную фантазмагорию, их внимание было сосредоточено на дворике ветхого покосившегося домика, притулившегося прямо к холму.

В отличие от красивых и прочных домов, расположенных непосредственно в посёлке, это невзрачное строение больше напоминало сарай для скота, нежели людское жилище. Любоваться там было совершенно не на что, и тем не менее двое наблюдателей не отрывали глаз от этого убожества. Впрочем, их интересовала вовсе не архитектура, объектом наблюдения был годовалый малыш, возившийся в куче песка у крыльца развалюхи. То, что такого маленького ребёнка оставили без присмотра, свидетельствовало о вопиющей беспечности его мамы, но ни у малыша, ни у наблюдателей её недопустимое поведение не вызывало возмущения, поскольку они уже давно к нему привыкли. Бедная одинокая женщина, пытавшаяся из последних сил обеспечить существование своему сыну, вызывала вовсе не осуждение, а сочувствие.

— Присматривать за Василисой было, небось, легче, — Ро бросил на своего напарника хитрый взгляд и улыбнулся, — у неё хотя бы были нормальные родители.

— Не скажи, — возразил Вран, — Литар воплотился удивительно тихим и послушным ребёнком. Это в отличие от Василисы, если ты ещё не понял.

— Зря ты отправил его на перевоплощение в этой дикой локации, — в голосе Ро слышалось осуждение, — гениальному программисту просто нечего будет делать в мире, где даже электричества нету, не говоря уж о компьютерах.

— Не факт, что Литар снова станет программистом, — Вран расслабленно улыбнулся. — В том-то и прелесть этого мира, что его жители могут постоянно менять свои роли.

— А может быть, тебе просто было в лом заморачиваться с перемещением в другую локацию лишённого памяти аэра? — выдвинул альтернативную версию Ро. — К тому же тут никто не станет расследовать убийство какого-то чужака, а в более цивилизованных локациях избавиться от трупа было бы проблематично.

— А что плохого в этом месте? — Вран и не подумал опровергать логичную версию своего оппонента. — Свежий воздух, натуральные продукты и никаких наведённых излучений. То, что нужно для здоровья ребёнка.

— Это ты из-за излучений не заводил собственных детей? — ехидно поинтересовался Ро. Вообще-то, он вовсе не хотел обидеть главу своего клана или обвинить его в эгоизме, это была просто дружеская подколка, но отчего-то у Врана его невинный вопрос вызвал острое желание провалиться сквозь землю. — Эй, ты чего скуксился? — Ро мгновенно почувствовал его растерянность. — Что-то не так с Василисой?

— Это со мной всё не так, — вздохнул Вран. — Даже не знаю, как она воспримет новость о том, что у меня уже есть полторы сотни не то детей, не то братьев, не то возлюбленных.

— Ты что, до сих пор не рассказал ей о том, кто ты такой на самом деле? — от удивления Ро едва ни подавился. — Боишься, что она этого не поймёт?

— А ты бы понял, если бы сам ни стал Ставрати? — в голосе Врана явственно прозвучало отчаяние. — Мне даже подумать страшно о том, что я могу её потерять.

— Так Василиса до сих пор считает тебя обыкновенным сталкером, — заключил Ро. — Но рано или поздно тебе всё равно придётся ей всё рассказать.

— Придётся, — Вран сокрушённо покачал головой, — и не рано или поздно, а сегодня.

— Почему именно сегодня? — удивился Ро.

— Потому что завтра альтернативный Офир начнёт свою работу, — глаза Врана тут же вспыхнули яростным пламенем, — а это уже открытые боевые действия. Мы больше не сможем вести привычный образ жизни, придётся скрываться.

— Боишься, что Пятёрка может использовать Василису в качестве орудия шантажа? — это было скорее утверждение, нежели вопрос, поскольку в беспринципности членов Совета оба собеседника не сомневались ни капли.

— Я не дам им в руки такой козырь, — подтвердил Вран, — так что сегодня Василисе придётся сделать очень непростой выбор.

Эмоциональное состояние главы клана было явно ниже плинтуса, а страх перед предстоящим выяснением отношений совсем затуманил его разум, поэтому он далеко не сразу среагировал на внезапно изменившуюся обстановку в излучине реки. Зато реакция Ро была мгновенной, он вскочил на ноги и принялся изучать едва видимую отсюда цепочку всадников, быстро приближавшихся к посёлку со стороны леса.

— Что-то не нравятся мне эти парни, — на его лицо легла мрачная тень, — больно резво скачут.

— Вниз, — скомандовал Вран и как горный козёл понёсся по склону холма к домику, около которого возился в песке ничего не подозревавший малыш.

Когда двое пришельцев и по совместительству ангелов-хранителей добежали до своего подопечного, над дальним краем посёлка уже потянулся к небу первый дымный хвост разгоравшегося пожара. Выстрелов не было слышно, но вовсе не потому, что напавшие на посёлок бандиты соблюдали секретность операции, просто в этой локации с огнестрельным оружием имелись некоторые проблемы. Первые образцы только-только начинали входить в обиход, и были они довольно дорогими игрушками, доступными лишь знати. Зато вопли ужаса и стоны умирающих слышались отчётливо и явно приближались к домику, в котором имел несчастье родиться Литар. Вран первым добежал до ребёнка и, подхватив его на руки, метнулся ко входу в дом. Откуда ни возьмись, навстречу ему выскочила беспечная мамашка и тут же принялась голосить, словно её резали. Ро быстренько заткнул рот не вовремя решившей проявить свои родительские чувства тётке и затащил её обратно в дом.

— Спрячьтесь и постарайся сидеть тихо, — Вран вручил ей малыша и указал на вход в подпол, — а мы попробуем их отвлечь.

— Кто вы? — едва слышно пролепетала женщина.

— Твоя самая большая удача, — Ро открыл дверь в погреб и буквально силой затолкал туда мамашу с ребёнком. — Будем драться, или есть шанс отсидеться, как думаешь? — захлопнув крышку погреба, он повернулся к главе клана, и в предвкушении забавного

развлечения его губы раздвинулись в плотоядной ухмылке.

— Кто его знает, — Вран деловито проверил свой пистолет и подошёл к окну, чтобы оценить обстановку. — Видок у домишки непрезентабельный, могут и не позариться. А тебе уже не терпится пострелять?

— Сам знаешь, наставник из меня никакой, — посетовал Ро с эдаким показным самоуничижением, — а вот немного размяться — это я всегда с удовольствием.

— Немного не получится, — Вран задумчиво покачал головой, — их там не меньше двух десятков.

— Всего-то, — разочарованно вздохнул Ро, — а я уже губу раскатал. Ладно, пойдём во двор, стрелять из окон как-то неспортивно.

— Лучше бы нам вообще перенести батальную сцену подальше от этого дома, — Вран толкнул дверь и вышел наружу.

Довольно скоро выяснилось, что он неверно оценил численность бандитского отряда, первая двадцатка уже отправилась в преисподнюю, а меньше бандюков не становилось. Патроны у нечаянных защитников посёлка быстро закончились, и они вынужденно переключились на холодное оружие. Впрочем, на смертоносности их маленького отряда это никак не сказалось, против неизвестных в этой локации приёмов фехтования и многовековой практики у местных аватаров практически не было шансов. Последние оставшиеся в живых трое бандитов решили не искушать судьбу и позорно покинули поле битвы.

— Классные были каникулы, — Ро самодовольно ухмыльнулся и отбросил окровавленный клинок, — надо бы почаще выбираться на природу.

— Маньяк, — беззлобно фыркнул Вран, — идём, проведем наших подвальных сидельцев.

Первое, что увидели ангелы-хранители, завернув к домику, где они оставили своего подопечного, была неподвижная фигура его мамашки, застывшая на крыльце, словно мишень.

— И чего ей не сиделось в погребе? — с губ Ро сорвалось нецензурное ругательство в адрес глупой бабы. — Кто его знает, сколько ещё недобитых упырей тут шныряет, ведь прикончат просто от злости.

К сожалению, его слова оказались пророческими, бедняжка явно не вовремя решила проявить любознательность и за это расплатилась своей жизнью. Издалека пробивший тело женщины и застрявший в двери дротик не был замечен, и только подойдя поближе, друзья поняли, отчего она не двигается. Не обращая внимание на труп, Вран рванул ручку двери и метнулся к открытому люку погреба. Тишина, навалившаяся на него, словно мешок с ватой, показалась ему зловещим предзнаменованием трагедии. Но нет, малыш просто мирно спал на ящике для картошки, не подозревая, что только что стал сиротой. Вран аккуратно вытащил его из погреба и повернулся к Ро.

— Ну вот, а ты горевал, что у нас с Василисой нет детей, — неясно, чего было больше в его голосе: горечи или облегчения. — Так будет даже проще за ним приглядывать.

— Ещё один сюрприз для любимой жёнушки? — Ро скептически хмыкнул. — Смотри, не переборщи, а то вечер сюрпризов может закончиться ночью одиночества.

— Типун тебе на язык, — раздражённо бросил Вран, — Василиса не откажется приютить малыша.

Несмотря на уверенность, прозвучавшую в его голосе, всю дорогу до дома

свежеиспечённый папашка мандражировал как подросток перед первым свиданием. Он и так-то был далеко не лучшим мужем, война с Пятёркой и возрождение клана отнимали у Врана почти всё его время, и в собственной квартире он появлялся урывками, да и то частенько лишь для того, чтобы хоть немного поспать. Впрочем, до сих пор Василиса не жаловалась и терпеливо дожидалась, когда же у вечно занятого мужа найдётся минутка и для неё, а потом радовалась его приходу как самому дорогому подарку. Но сколько нормальная женщина будет терпеть эти постоянные разлуки, короткие встречи и это вечное ожидание беды? Нет, Василиса, конечно, не знала, чем занимается Вран, но ведь любящее сердце не обманешь. И хуже всего было то, что будущее тоже не сулило двум влюблённым спокойной жизни. Надежды на то, что всё наладится, не было от слова совсем.

Каждый раз, возвращаясь домой, Вран подсознательно готовился к самому худшему: опустевшему любовному гнёздышку и прощальному «прости», написанному аккуратным, почти каллиграфическим почерком профессионального реставратора. Прежде чем переступить порог своей квартиры, он по привычке задержал дыхание как будто собирался прыгнуть в ледяную воду.

— Ещё одно маленькое чудо, пожалуйста, — мысленно взмолился непутёвый муж непонятно каким высшим силам и толкнул дверь.

Василиса оторвалась от изучения очередной безвкусной поделки давно почившего ювелира и оглянулась на шум. И чудо случилось, такое будничное и одновременно невероятное. Глаза женщины засияли навстречу любимому, она выпорхнула из-за рабочего стола и уже через секунду повисла на шее Врана. Всё её существо в этот миг было настолько поглощено радостью встречи, что она даже не сразу разглядела малыша на его руках.

— Ой, откуда он взялся? — Василиса отступила на шаг и присмотрелась к спящему ребёнку. — Это твой сын?

— Пока нет, — Вран смущённо улыбнулся, — но если ты не против, то будет нашим. Его мама погибла сегодня, и малыш остался один.

— Бедняжечка, — Василиса жалобно вздохнула, но тут же в её глазах заплясали задорные искорки. — А нам точно можно его оставить? А сколько ему лет? А как его зовут? — вопросы так и посыпались на Врана как горох из прохудившегося мешка.

— Литар, — имя вырвалось у Врана непроизвольно, просто настоящего имени малыша он не знал, а потому про себя называл его как прежде.

— Красиво, — Василиса осторожно взяла ребёнка на руки и поцеловала в лобик. — Он ведь тоже из аэров, как и мы, — она даже не спрашивала, просто констатировала факт. — Ты его знал в прошлом воплощении?

— Как же хорошо иметь такую умную жену, — Вран расслабленно улыбнулся и обнял своё пополнившееся новым членом семейство.

— Ты прими ванну, а я пока уложу Тарика и разогрею ужин, — принялась распорядиться Василиса, — окровавленную одежду брось в мусор, мне до неё даже дотрагиваться не хочется. Ты ведь сам не ранен?

— Нет, это чужая кровь, — только тут Вран обратил внимание на свой внешний вид и ужаснулся. Заявиться домой сразу после кровавого побоища было очень непредусмотрительно с его стороны. Василиса, конечно, знала, что его работа связана с насилием, но столь откровенная демонстрация была явно лишней. Более чувствительная женщина вообще могла бы хлопнуться в обморок. — Прости, я не должен был..., — он замялся, пытаясь подобрать наименее шокирующую формулировку, но Василиса его

перебила.

— У тебя же ребёнок на руках, — она осуждающе покачала головой, — плевать на одежду.

Облегчение от того, как легко и даже с восторгом Василиса приняла малыша, напрочь сдуло все опасения Врана, и пока он отмокал в горячей воде, мысли о предстоящих разборках совсем не посещали его голову. Однако как только он вышел из ванной и увидел свою жену рядом с кроватью, на которой мирно посапывал маленький Литарчик, все его опасения вспыхнули с новой силой. Вран несмело приблизился к Василисе, опустил на колени и прижался щекой к её животу.

— Колись, что ты от меня скрываешь, — строго приказала та, мгновенно почувствовав его тревогу.

— Скрывал, — Вран жалобно вздохнул и наконец решился встретиться взглядом с любимой женщиной, которую до последнего оберегал от пугающей и неприглядной правды. — Пришла пора тебе узнать, кто я такой.

Как же всё-таки прикольно, что, в отличие от судьбы, автор повествования может поставить точку там, где ему заблагорассудится. Кто смог бы предсказать будущее главы мятежного клана, посмевшего бросить вызов правителям двух миров? Возможно и даже очень вероятно, что это будущее трагично, но читатель уже об этом не узнает, потому что автору нравятся счастливые концовки.

— Не смей во мне сомневаться, — попеняла Василиса своему смущённому мужу, когда его исповедь подошла к концу, — я-то знаю, как удержаться на кончике иглы. Смотри, сам не оступись.

— Ни за что, — Вран с облегчением выдохнул и ещё крепче сжал в объятьях свою партнёршу по ангельским танцам.

Литарчик заворочался во сне и, почувяв близость новоиспечённого папочки, метко лягнул его упругой пяточкой прямо в ухо. А чтоб не расслаблялся, сталкер.

Больше книг на сайте - Knigoed.net